84(2=411.2)6
К 186

Сергей Лукий

ИЗБРАННАЯ ПРОЗА
В ТРЁХ ТОМАХ

Том II

Сергей Луцкий

ИЗБРАННАЯ ПРОЗА

В ТРЁХ ТОМАХ

ВТОРОЙ ТОМ

-0193786-

Государственная библиотека Югры

КО

ООО «ТД «Азия-Принт»

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6
Л 87

Книга издана при поддержке
Департамента общественных и внешних связей
Ханты-Мансийского автономного округа – Югры

Луцкий С.А.
Л 87 **Избранная проза в трёх томах**. Кемерово: ООО «ТД «Азия-принт» 2015. Т.2. 496 с.

ISBN 978-5-85905-458-9
ISBN 978-5-85905-461-9 (т.2)

Во второй том избранной прозы автор включил повести, действие которых разворачивается как в Югре, так и в некоторых других регионах: в Москве и Подмосковье, на юге России и юге Тюменской области.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6

© С. А. Луцкий, 2015
© Депарамент общественных и внешних связей Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, 2015

ISBN 978-5-85905-458-9
ISBN 978-5-85905-461-9 (т. 2)

ПОСЕЛКОВЫЙ СУМАСШЕДШИЙ АЙТЫШЕВ

Повесть

«Здесь, – думает он, останавливаясь в тёмном тамбуре. – Пикнуть не успеешь. И не услышит никто».

Место в самом деле удобное. Свет с лестничной площадки сюда не достаёт, его отсекает внутренняя дверь тамбура. Темнота полная. Входящего с улицы видно, а того, кто может здесь поджидать, нет.

Один удар по голове – и кранты. Или из пистолета с глушителем, сейчас это запросто. По телевизору чуть ли не каждый день рассказывают.

Айтышев привычным движением толкает наружную дверь. В глаза бьёт яркий весенний день. В ноздри врываются оттаявшие запахи смолистых стен их двухэтажной «деревяшки», легковушек под окнами, воньца недалёкого контейнера с крупными буквами ТБО. Но всё перекрывает мощный дух кедрачей и ельников, подступающих к посёлку. Пока.

Айтышев вдыхает живой апрельский воздух. Этот месяц, первый по-настоящему весенний в их местах, он любит. Впереди распутица, из посёлка можно будет выбраться только на вертолёте, зато весна. Досадно лишь, что из-под снега вылезает накопившаяся за долгую зиму дрянь. Порванные целлофановые пакеты, банки из-под пива, обёртки от сникерсов и чипсов. Бардака Айтышев не переносит. Хоть иди сам убирай. Но снега во дворе ещё полно, утонешь.

Он оглядывается на входную дверь. Надо носить с собой фонарик. В случае чего светить в глаза, ослепить. Ему самому понятно, насколько это смешно, по-детски, но на какое-то время становится всё же спокойней.

Их «деревяшка», как отражающий экран – что про-

исходит с той стороны дома, не видно и не слышно. «А вдруг?..» – думает Айтышев. Он и оделся, чтобы пойти посмотреть, как там, за домом. Всё-таки сегодня общепоселковое собрание, приедет начальство из райцентра, должны прекратить. На носу выборы, конфликтовать с людьми власти ни к чему.

Ещё у глухого, без окон, торца «деревяшки» Айтышев понимает, что кедрач продолжают валить. Слышен звук работающей техники, а когда Айтышев оказывается с обратной стороны «деревяшки», становится видно, как за узкой полосой леса вдруг подпрыгнет верхушка кедра и тут же клонится, исчезает за другими деревьями.

У Айтышева каменеют желваки.

Скоты, ничего не боятся!..

Крупным решительным шагом он направляется к гриве. Он здесь, и всё должно перемениться. Откуда такая уверенность – неизвестно, но она переполняет Айтышева, заставляет раздуваться ноздри.

– Стой! – кричит он и поднимает кверху руки, скрещивает над головой. – Стой, сказал!..

В лесу по-зимнему полно снега, весны почти не чувствуется. Разве что мороз не давит и запахи сильнее. Чадящий и громыхающий монстр доделывает операцию, дисковые пилы с визгом срезают на стволе сучья. Потом голый и прямой, как карандаш, ствол укладывается на лесовоз. Лишь после этого валочная машина замолкает, из кабины выглядывает оператор в оранжевом комбинезоне, бросает:

– Подожди, я сейчас!

Айтышев тяжело смотрит на приближающегося оператора. Молодой, совести у таких мало.

– Тебе сколько надо? – опережает парень. Голос приглушённый, оператор воровато оглядывается на не до конца загруженный лесовоз.

– В смысле? – не понимает Айтышев, на секунду-другую его запал сбит.

– Сколько хлыстов надо, говорю? Кедр, ель, сосна?..

До Айтышева доходит. Кровь ударяет в голову.

– Заткнуть рот хотите?!. Взятку предлагаете?!. – звереет он. – Не купите! Так и скажи тому, кто послал!..

Оператор пожимает плечами:

– Ваши мужики подходят, договариваемся. А чего, нормально. Думал, ты тоже.

Он поворачивается и уходит. Оранжевый комбинезон ярким пятном выделяется на фоне срезанных, в лохматой хвое сучьев и свежих, похожих на открытые раны, пней. Земля и снег перемешаны, перемолоты гусеницами и колёсами техники.

Айтышева трясёт от обиды и злости. Давно его так не унижали.

2

Первым про кедрач узнал Кузьмич. Он и позвонил дней десять назад:

– Валерка, ты? Слушай, здесь кедрач валят… Какой, какой – ближний! Надо чего-нито делать, а то поздно будет… Ты слышишь меня? Чего молчишь?

Позвонил Кузьмич не вовремя. Олежка, младший сын, только что ушёл в школу, они с женой остались одни, и Айтышев решил использовать момент.

Вчера он вернулся с вахты, но пообщаться с Людмилой сразу не удалось. Несговорчивой она какой-то стала последнее время, каждый раз находила причину. Понятно, возраст, но ведь и ему столько же, а интерес остался. Тем более, если две недели не видел женщины.

– Валерка, заснул? Кедрач, говорю, убирают! Куда за шишкой ходить будем? Мотор не у кажного, чтоб за увалы мотаться.

То, что Кузьмич панибратски называл его Валеркой – ладно, он старше. Плохо было другое. Жена, воспользовавшись тем, что его отвлекли, закинула руки за спину и стала торопливо застёгивать бюстгальтер. При этом озабоченно посматривала на часы и вполголоса приговаривала, дескать, совсем забыла, сегодня ей на первый урок поставили замену, надо идти.

– А чего ты мне звонишь? – раздражённо сказал в

трубку Айтышев. Не силой же Людмилу удерживать. – Есть глава администрации, ему звони!

– Звонил. Нету его, в район вызвали. А ты всё ж профсоюзный босс, человек авторитетный. Тебя должны послушаться.

Слова Кузьмича были приятны – помнят, что несколько лет подряд вышкомонтажники избирали его профоргом. Но и лукавство в этих словах было. Любят мужики на чужом хребте в рай въехать. Айтышев не раз замечал: выдвигая его куда-нибудь, за спиной перемигивались.

– Ага, босс… Накрылся профсоюз медным тазом. Кто кедрач валит?

– А хрен знат! Какая-то фирма.

Некоторое время Айтышев молчал, прислушиваясь, как Людмила возилась в прихожей с одеждой, как щёлкнул входной замок. Подумал, что предки были умные, несколько раз женились. Молодая жена так бы себя вести не стала. Во всех смыслах.

– Ну так что?

– Сейчас подойду.

– В случае чего, я в стайке.

Толковый он всё-таки был мужик, Николай Васильевич. Айтышев его не застал – когда приехал в посёлок, Свиридова уже забрали в Тюмень. Но только и слышно было: Николай Васильевич, Николай Васильевич. В семидесятые директор в геологоразведочной экспедиции бог и царь. Всё на нём – и производство, и посёлок.

Свиридов, говорят, сам это место выбрал. То, что на берегу реки, – понятно, иначе ни вышки на ремонт не доставить, ни технику, всё в их краях по воде. Зимой, правда, зимники по болотам среди чахлых сосёнок прокладывают, но это временно. А летом и в межсезонье – река. Свиридов ещё выбрал место так, чтобы материк полого сходил к воде – посёлок в разливы не затопит и не подмоет. Со строительным лесом тоже предусмотрел, урманы вокруг, к тому же охотиться можно.

Айтышев шёл по прямой, словно профиль у геофизиков, улице и одобрительно поглядывал по сторонам. Досада на жену как-то понемногу сгладилась. Если честно, и он уже не тот. Ещё год-два назад Людмила ни за что не отвертелась бы. Теперь начинаешь думать о том, на что раньше не обращал внимания, считал, так и должно быть.

Всё у них в посёлке по уму. Ровные улицы, два бывших орсовских магазина, продовольственный и промтоварный, баня, детский сад «Солнышко», средняя школа… Понятно, не всё Свиридов сделал, были и другие хорошие директора, но основу заложил он. Потому до сих пор вспоминают.

Этого козла не будут!..

Навстречу ехал лоснящийся полировкой «лексус». Кто за тонированными стёклами – не разобрать, но Айтышев до хруста отвернул голову. Машина нынешнего директора экспедиции. Точнее, того, что от экспедиции осталось. Заказов на разведочное бурение почти нет, половина посёлка без работы, а у этого зарплата триста тысяч. И ничего не сделаешь.

Айтышев не поверил, когда узнал о такой зарплате. Задал вопрос на профсоюзном собрании. Ответа не услышал, зато через пару недель его сократили. А некоторое время спустя разогнали и профсоюз. За это проголосовали сами рабочие. Конечно, тяжело голосовать по-другому, если из президиума смотрит директор и делает пометки в блокноте. Но Айтышев всё равно этого не понимал. Он тогда уже устроился охранником на месторождение, казалось бы, не его дело. Получается, мужики сами себя кастрировали. Профсоюз в экспедиции был не особо смелый, но раньше они всё-таки могли рассчитывать, что заступится. А сейчас у этого полностью развязаны руки!..

Ещё один плюс Свиридову, выбрал обжитое место. Когда-то здесь стояла небольшая деревушка Никишкина. Наверно, первым поселился какой-то Никишкин, отсюда название деревни – Никишкина, а не Никишкино, как обычно бывает. Теперь от неё ничего не осталось, разве что дом Кузьмича у самого леса. Этот ещё сто лет простоит – из лиственницы.

От Кузьмичёва дома уже было хорошо слышно: за деревьями что-то происходит. Но что именно, неясно. Айтышев открыл калитку, прошёл к приземистой, будто присевшей в снегу, стайке, заглянул внутрь. После слепящего на апрельском солнце снега здесь казалось темно. Пахло коровой и почему-то укропом.

– Кузьмич, ты где?

– Сейчас, – раздался из темноты голос. Вскоре появился и Кузьмич с ведром в руке. Укропом пахло из ведра. – Корова того гляди отелится. Пою, а то пучит, телёнка газы задавят… Ну чего, пошли?

– Точно кедрач валят? – на всякий случай спросил Айтышев.

– Нет, шучу. – Кузьмич, высокий, худой, с морщинистым небритым лицом, посмотрел в сторону леса. – Погоди, я сейчас.

Бывая у Кузьмича, Айтышев всегда с интересом смотрел на крепкий бревенчатый дом, на стайку, на поленницу жарких берёзовых дров, на «Буран» под навесом. Настоящее деревенское хозяйство. Не скажешь, что это в посёлке геологоразведчиков.

Через минуту Кузьмич вышел из дома с ружьём. На удивлённый взгляд Айтышева сказал без улыбки:

– Чтоб уважали.

Оказалось, выяснять отношения они явились не первые. На поляне с бросающимися в глаза свежими пнями кроме лесовалочной машины стоял джип, а перед ним размахивала топором многодетная Валентина Галушко. Молодой упитанный мужчина с серьгой в ухе показывал ей какие-то бумаги в прозрачном файле, хлопал по ним ладонью, но Валентина не унималась:

– Ты, что ли, мне орех дашь?!. А брусничник подавили, он здесь хороший! А грибы!.. Чего я в город повезу, на что детей в школу собирать? Обнаглели, сволочи, до нас уже добрались! – Платок на женщине сбился, волосы растрепались, глаза злобно горели. Такая в самом деле зарубит. – Бумаги он показывает! Подотрись своими бумагами! Порублю колёса на

хрен!.. Всё мало им, никак не нахапаются. Чтоб вы подавились!..

Айтышев помедлил. Было неудобно за Галушко перед посторонним человеком. А с другой стороны, после Валентины проще разговаривать. Действительно, кто разрешил? Десятка три деревьев уже были свалены, а этот кедрач даже свои не трогали. Орех многим в посёлке помогал сводить концы с концами, особенно сейчас, когда экспедиция сидит без заказов. Прав Кузьмич, не у всех лодки, чтобы ездить за увалы, для многих только ближний кедрач доступен.

– Здравствуйте, – сказал он, подходя к джипу. – Вы кто и по какому праву валите лес?

Галушко сбоку закричала, перебивая:

– Какие у них права! Мы здесь живём, наш кедрач! Нету у них никаких прав, нехай уматывают!..

– Валентина, успокойся, разберёмся. – Укоризненно взглянув на женщину, Айтышев опять повернулся к молодому мужчине с серьгой в ухе. – Вопрос задан, мы ждём ответа.

– А вы кто?

– Представители общественности. Знать о происходящем наша обязанность. Очень не хотелось бы доводить дело до конфликта. Люди настроены решительно. – И как бы невзначай Айтышев оглянулся на Кузьмича с ружьём.

Он чувствовал, всё у него выходит как надо, веско и достойно. Опыт большое дело. Раньше он в подобных случаях горячился, начинал кричать и ругаться, а надо по-другому, спокойно, с умом.

То, что он теперь знает, как разговаривать, добавляло уверенности. Смешно, но после облома с женой уверенность была особенно нужна.

Молодой мужчина обрадовался:

– Слава богу, вменяемый человек!.. Я исполнительный директор акционерного общества. Мы выиграли тендер на заготовку деловой древесины на этой площади. Вот документы. – И он протянул прозрачный файл, который только что показывал Галушко. – Можете убедиться.

Айтышев заметил, кроме серьги у молодого исполнительного директора полированные ногти, они мягко отсвечивали бесцветным лаком. Видеть это на мужских руках было так же неприятно, как и серьгу в ухе. Но Айтышев не подал вида.

– А почему нас, жителей посёлка, никто не спросил?

– А почему вас должны спрашивать? Лесные фонды принадлежат государству, оно само решает, как ими распоряжаться.

– Порублю! – опять заблажила Валентина Галушко и пошла на джип с топором.

Айтышев перехватил её. Держа за руки, повернул лицо к исполнительному директору:

– Советую немедленно прекратить. Пока глава администрации не подтвердит, что вы нам здесь наговорили, валить кедрач не позволим. Иначе я ни за что не ручаюсь.

– Вот именно, – вставил Кузьмич, снимая с плеча ружьё. – Сейчас ещё мужики подойдут. А я в историю посёлка этот факт запишу. На века останется!..

Исполнительный директор возмутился:

– Какая ещё история посёлка, бросьте меня пугать! Всё законно, вот документы. А за самоуправство можно ответить.

– Самоуправством занимаетесь вы. Повторяю, пока глава администрации не подтвердит, мы вам ничего делать не дадим.

Кузьмич с чувством плюнул под ноги:

– Ну, уроды! Даже во время войны кедрач не трогали, в урман за клёпками для бочек под рыбу ездили. Всё для фронта, всё для победы – а не трогали!.. Ну вот, мужики идут.

От посёлка действительно двигалось несколько человек. Некоторые, как Кузьмич, были с охотничьими ружьями.

– Это мы ещё посмотрим, – сбавил тон исполнительный директор. – Вы ещё пожалеете.

Утопая чуть ли не по пояс в снегу, он направился к лесовалочному агрегату. Тот выжидательно молчал с тех пор, как возле джипа появились Айтышев с Кузь-

мичом. Исполнительный директор что-то коротко сказал в приоткрывшуюся дверцу. Оператор в броском оранжевом комбинезоне выбрался из кабины и пересел в стоящий поблизости лесовоз. Обе машины, лесовоз и джип, двинулись к дороге из посёлка.

– В туфельках он приехал, фраер дешёвый! – мстительно закричала вслед многодетная Галушко. – Начерпал снега по самые помидоры! Отморозишь!..

Подошедшие мужики засмеялись, стали здороваться за руку. Похоже, они жалели, что обошлось без них. Кузьмич, противным голоском передразнивая приезжего, принялся рассказывать, как было дело. Опять смеялись. Настроение у всех было приподнятое.

– Агрегат оставили, – заметил кто-то. – Вернутся.

– А хрен им на воротник! Неужели свой кедрач не отстоим? Да костьми ляжем!..

Все согласились, что так оно и будет.

3

Лёня Соколкин был не то чтобы дурак, но с крепкой придурью. Заносило его довольно часто. Сейчас Лёня ходил перед зданием поселковой администрации и строго поглядывал по сторонам. На плечах у него лежало увесистое бревно.

– Я живу в свободной стране. Имею право, – сказал Лёня Кузьмичу, неудобно вывернув шею.

– А то! – легко согласился Кузьмич. – Не видал, Юрий Семёнович приехал?

Лёнино лицо расцвело, он был рад, что с ним заговорили. Лёня притопнул ногой, как делают солдаты в американских фильмах.

– Так точно, сэр! Мы должны быть в форме, свободу надо уметь защищать!.. – Продолжая дураковато улыбаться, Соколкин принялся приседать с бревном на плечах.

Айтышев вспомнил, такое же лицо у Лёни было, когда умерла мать. Его в посёлке жалели, говорили хорошие слова, утешали – и от общего внимания Лёня лыбился, чувствовал себя именинником.

По дороге от кедровой гривы мужики рассосались по домам, так что к администрации Айтышев и Кузьмич подошли вдвоём. Следовало толком всё узнать у Петлёваного. В здании было по-особому тихо, даже телефоны не звонили – похоже, глава ещё не вернулся. Что и подтвердила секретарь Наташа, отставив чашку с чаем.

– А когда будет?

– Точно сказать не могу. Юрий Семёнович, возможно, задержится в городе.

– Ну, вы даёте! Сидите здесь и ничего не знаете?.. Кедрач у них под носом рубят, а они сидят! Кончайте чаи гонять, спасать кедрач надо, пока не поздно!.. – Кузьмич говорил с весёлой напористостью, присвистывая прогалами между оставшимися зубами, небритое лицо было оживлено. Настроение у него всё ещё оставалось боевым.

Грудастая Наташа смотрела непонимающе.

– Где? Какой кедрач?..

Айтышев отвёл взгляд. Всю жизнь, начиная с детдома, он среди русских, а кровь всё равно другая. Нужно было усилие, чтобы не смотреть на Наташину грудь. Айтышев заставил себя думать о том, что в администрации к нему относятся с уважением. Хотя он уже не вышкарь шестого разряда и не профорг, а всего лишь охранник на нефтяном месторождении. Это отвлекало от Наташиной груди и само по себе было приятно.

– Ну что, Валерка, и мы по чайковскому вдарим? – сменил тему Кузьмич. – Наташ, мы подойдём после обеда. В случае чего, к Петлёваному первые.

– Хорошо, Михаил Кузьмич, обязательно.

Кузьмича здесь тоже уважали, а он давно пенсионер. Не каждый историю посёлка пишет, к нему даже из краеведческого музея в городе приезжали. Но за «Валерку» при посторонних Айтышев на Кузьмича всё же покосился.

Об истории посёлка они и заговорили за чаем. Чаёвничали вдвоём, Кузьмич уже несколько лет как похоронил жену. Сначала, конечно, ещё раз обсудили то, что произошло в лесу. Прохиндей, сейчас таких до хрена, не на тех нарвался!.. Обычно Кузьмич избегал говорить

об истории, отделывался намёками, но то, что оба были на гриве, сделало его откровенней.

Айтышев собирался услышать о метрах скважин, о лучших вышкарях и бурильщиках, о переходящем знамени министерства, которым экспедицию наградили в восемьдесят шестом. Так было бы понятно. За цифрами и именами труд, нервы, несчастные случаи – показатели давались тяжело, потом, а порой и кровью.

Но история Кузьмича была странная. Какая-то женщина отдала два пуда картошки, когда по реке возили эвакуированных из Ленинграда, – это ещё до посёлка, в деревне Никишкиной. К одному мужику пришли заказывать пимы, а он направил к соседу – у того пимы получались лучше, хотя деньги мужику были нужны. В охотничьей избушке на том берегу жил монах, лечил травами и молитвами. Говорил, где мои ноги пройдут, там плохого не будет…

– А чего это эвакуированных возили по реке? – Айтышев смотрел недоверчиво.

– Как – чего? У государства на всех не хватало – война, карточная система. На людей надеялись, от себя, дескать, оторвут, пожалеют доходяг.

– А монах откуда в здешних краях?

– Может, не монах – так рассказывали, я ещё пацаном был. Может, дезертир, дело во время войны было. С передовой, думаешь, не бегали? Эге, до самой Сибири добирались!..

Не зря Кузьмич темнил. Айтышев был озадачен.

– А ближе к нашему времени ты не писал? О Николае Васильевиче Свиридове, например.

Кузьмич принялся листать общую тетрадь в коричневой коленкоровой обложке.

– Есть. Его ешшо Зверидовым называли. Крутой был мужик. Улицы нарезал – не считался, усадьба не усадьба, огород не огород. А сколько навоза в наш суглинок надо вбухать, чтоб рожал!.. Многие в Никишкиной хозяйством жили, огородами… Ну, лесом, конечно.

Айтышев пошевелил бровями. При почти седых волосах на голове брови у него всё ещё оставались чёрными.

– На всех не угодишь. Стране была нужна нефть. Почему об этом не пишешь?

Кузьмич засмеялся, будто знал что-то, Айтышеву неизвестное. Его небритое лицо в сивой щетине сделалось хитрым.

– Ты в библиотеку пойди, газеты возьми – там о нефти… Хотя, думаю, подшивки за те годы навряд сохранились, сожгли. А это… – Он закрыл тетрадь и с довольным, почти счастливым видом прихлопнул сверху ладонью. – Это останется! Это надолго. Может, навсегда.

Странный дед. Замызганная тетрадь с загнутыми кончиками листов – и навсегда!..

Встретиться в тот день с Петлёваным у них не получилось. Ещё не закончили чаёвничать, как заиграл мобильник. Звонила Людмила.

С полминуты выждав, Айтышев нажал кнопку приёма, хмуро спросил:

– Чего надо? – Пусть знает, муж недоволен.

Голос у Людмилы был заискивающий. Но, как оказалось, по другому поводу.

– Валер, зайди к Рустаму. Он болеет, температура, а в амбулаторию идти не хочет. Альфия беспокоится.

– Какой Рустам?.. Ты про Генку, что ли?

– Валер, перестань. Пусть будет Рустам, он взрослый мужчина, сам решает… Альфие он стесняется сказать. Что-то по мужской части. Зайди, прошу.

Татарин, блин!.. Имя, которое дали родители, ему не нравится, паспорт поменял, жену поменял. Ещё на него, отца, сваливал – типа, выжил Светку, придирался. А кто будет молчать, если невестка кастрюлями суп в унитаз выливала! Вчерашний, дескать. Он цену еде с детства знает, с детдома. Потом тоже ничего с неба само не падало. Это свой труд не уважать, заработанное на ветру, на морозе. Кожа на металле остаётся, если схватишься без рукавицы.

– Ладно, – буркнул Айтышев.

Надо было идти. Всё-таки сын.

Генка жил не в «деревяшке», а в двухэтажном коттедже на одну семью по улице Таёжной. В таких

при Свиридове селили итээровецев и передовых бурильщиков. Первый этаж коттеджа теперь занимал магазин, принадлежавший Генкиному тестю. В магазин Айтышев и зашёл.

– Здравствуй, – сказал он Альфие. – Где больной?

Невестка поднялась со стула с той стороны прилавка. Она была месяце на восьмом. Беременность, похоже, давалась ей тяжело, хотя Альфия старалась не показывать вида.

– Проходите, пожалуйста. – Старательно улыбаясь, она открыла боковую дверь. Во взгляде была выжидательная осторожность. Невестка знала, Айтышев не одобрял новой женитьбы сына. Даже на свадьбу не пришёл. – Извините, не могу проводить вас… отец. Покупатели идут.

Неспешно ступая, Айтышев стал подниматься на второй этаж. Магазин с пёстрыми от разноцветных упаковок полками, вереницы бутылок, скрипучие ступеньки лестницы, какие-то татарские половики на полу – всё здесь было чужое. Даже воздух особо пахнул.

– Ты где? – сказал он громко, не называя сына по имени.

Дверь в одну из комнат открылась. Генка с синевато отсвечивающей бритой головой стоял, подавшись плечами вперёд и отставив зад. Понятно. Вид у него в самом деле был больной. Вообще-то всё к тому шло. Татарин – так настоящий, стопроцентный. Сын тоже упёртый, гнёт свою линию.

– В город к врачу поедешь?

Генка не сразу, но кивнул. Видимо, действительно прижало. В поселковую амбулаторию не хочет обращаться – о причине сразу станет всем известно.

С Александром Михайловичем, хирургом, Айтышев познакомился, когда сломал лодыжку. Ладно бы на работе, а то в бане на скользком полу. Александр Михайлович снимал ему пластину. Оказалось, увлекается рыбалкой, Айтышев пригласил приезжать. Естественно, на рыбалке выпивали, говорили о жизни. В итоге врач стал друг не друг, но добрый знакомый, к

которому можно обратиться в случае чего. Сейчас был такой случай.

Созвонившись с Александром Михайловичем, Айтышев заехал за Генкой. Сын осторожно, чтобы не потревожить ширинкой хозяйство, спустился со второго этажа, медленно забрался в «тойоту» на заднее сиденье, где попросторней. Когда выехали за посёлком на зимник, Айтышев спросил:

– Зачем это делаешь?

– Что ты имеешь в виду? – после паузы отозвался сын.

– Другое имя взял, со Светкой развёлся, на Альфие женился. Теперь вот…

– Межсезонье скоро, распутица, – неизвестно к чему сказал Генка. – Поползёт ваш зимник. Пока река не вскроется, невыездными будете.

Айтышев оглянулся с переднего сиденья.

– Не понял. Чего вдруг о межсезонье? – Про себя отметил: «ваш», «станете»… Будто сам здесь не родился и не живёт. Отделил себя от посёлка, отрезал.

Голос сына был бесцветным:

– За исламом будущее.

– Крысы бегут с корабля?.. От русской матери ещё не отказался?

Генка-Рустам не ответил. Неглупый парень, заочно учится в нефтяном университете в Тюмени. Что они себе напридумывали, эти молодые? Будто какой ты веры самое главное. Главное в жизни – какой ты сам, что из себя представляешь. Или потому Генка так поступает, что неглупый?.. Размышлять о подобном было непривычно и тревожно.

Александр Михайлович всё быстро устроил. Поехали в больницу, там он больше часа продержал Генку в операционной и оставил в стационаре на несколько дней. Требовалось наблюдение, случай запущенный, не было бы сепсиса.

– Кто его так? Стопроцентная самодеятельность. – Глаза врача за стёклами в тонкой оправой смотрели непонимающе, но спокойно.

– У него спроси. Настоящим мусульманином решил заделаться.

– Да уж, мусульмане… Как насчёт этилового ректификованного? А, ты за рулем… Ладно, подкинь домой, моя машина в ремонте.

По дороге заговорили о рыбалке. Сейчас на озёрах хорошо брал окунь, как ни странно, на клюкву. Александр Михайлович не поверил:

– Да ладно!

– Мужики таскают только так. А чего, давай проверим, у меня две недели свободных. Но не затягивай, а то зимник скоро поплывёт. Сейчас ехал, кое-где начал проседать.

Стали строить планы. Уже возле многоэтажки, в которой жил хирург, Айтышев рассказал о кедраче. Александр Михайлович заинтересовался:

– Тендер выиграли?.. Странно, тендеры ещё не проводились. Подожди, сделаю звонок одному человеку, он должен знать точно.

Оказалось, действительно, тендеров в районной администрации пока не было. Айтышев, не сдержавшись, хлопнул обеими ладонями по рулю «тойоты»:

– Так и знал – прохиндей! Лапшу вешал! Кто разрешит кедр возле посёлка валить? В районной администрации толковые мужики сидят, они понимают!..

Александр Михайлович ничего не говорил, а лишь внимательно смотрел на приятеля.

4

У Айтышева свои тараканы в голове. Лет с четырнадцати он считал, что может влиять на происходящее. И не обязательно ему самому что-то делать, достаточно присутствовать.

Впервые он это понял в детдоме. У него был дружок Лёшка Асабин, который занимался лёгкой атлетикой, хорошо прыгал в высоту, но неуверенный в себе пацан. Может, потому, что слишком жалостливый. Когда детдомовские ходили в лес искать бурундучьи заначки, Лёшка не ходил со всеми. Говорил, бурундуки с горя вешаются, если не обнаружат своих зимних припасов.

Государственная библиотека Югры
КО
- 0193786 -

Находят на кедре подходящую рогульку и засовывают туда голову.

Перед соревнованиями Лёшка мандражировал, ходил бледный, перепуганный. Старшие пацаны над ним издевались, не по делу давали пендаля, а Айтышев однажды пошёл с Лёшкой на соревнования. Когда дружок стал в секторе разбегаться, он, набычившись, смотрел на него не отрываясь. И почувствовал, как упруго ходят под дешёвым детдомовским трико тугие Лёшкины мышцы, тесноту полукед на ногах, запах пота из подмышек, проскальзывающую чёрную крошку гаревого сектора – будто сам стал Лёшкой.

Он ощутил, как дружок твёрдо ставит на землю толчковую ногу, тормозит перед планкой всей пяткой, как скорость тела меняет направление, готовая нести вверх. Но одной её мало – и короткий судорожный то ли вдох, то ли всхлип, толчок что есть силы, взмах маховой ноги, рука следом, всё уходит в движение вверх, тянет, мощно несёт за собой… Чудесно и странно, вроде как летишь.

Есть! Лёшка уже на песке. Алюминиевая планка вверху между стоек даже не шелохнулась. Айтышев выдыхает, будто разбегался и прыгал сам. Облегчение и слабость во всём теле.

Сначала Валерка решил, что он гипнотизёр, просто не знал об этом раньше. На тоскливых уроках алгебры пытался внушить учительнице, чтобы та запела матерную частушку и пошла вприсядку, но не получалось. «Чего уставился? На доску смотри, отличник!..» Однако какая-то сила от него всё-таки исходила. Собаки в городке, где находился детдом, его боялись, старшие пацаны тоже не особо задирали. А когда он ходил с Лёшкой на соревнования, тот показывал хорошие результаты. В восьмом классе перед выпуском из детдома даже выполнил второй взрослый разряд.

Иногда Айтышев думал, окажись он в Москве на стадионе, когда играла сборная СССР, наши обязательно выигрывали бы. Какой бы противник ни попался!.. Об этом он никому не говорил – скажут, крыша поехала, – но мысли такие были. До сих пор иногда появлялись.

С уверенностью, что с кедрачом всё нормально, он на следующее утро направился к гриве. Следовало всё-таки проверить. Но, оказалось, там во всю идёт работа. Лесовалочный агрегат, смахивающий на угловатый трансформер из мультяшного сериала (Олежка любит смотреть), судорожно двигался, чадил, оставлял за собой свежие, издали броские пни. Здесь же был и вчерашний лесовоз.

Айтышев засунул пальцы в рот, свистнул и погрозил лесовалочному агрегату кулаком. Его заметили.

– Чего надо, мужик? – сказал человек в камуфляже, судя по всему, из частного охранного предприятия. По глубокому снегу, который в лесу и не думал таять, двигался ещё один чоповец.

– Вы что творите?! Сейчас мужиков позову! Кто разрешил?!.

– Не твоё дело. Вали отсюда.

Айтышев задохнулся:

– С кем разговариваешь, урод! Я здесь живу!..

– За урода ответишь.

– Да мы тебя сейчас!..

– Неужели? – Чоповец прищурился, стал похлопывать по ладони чёрным «демократизатором». – Приключение на жопу ищешь? Вали по-хорошему, пока я добрый.

Через несколько минут Айтышев уже был в администрации.

– Хорошо, что пришёл! – словно обрадовался Петлёваный, когда он порывисто распахнул дверь в его кабинет. – Присаживайся. Ты что один? Я думал, вы всем посёлком заявитесь.

Айтышев шагнул к столу главы.

– Выходит, знаешь насчёт кедрача? – Тон Петлёваного ему не понравился, но впечатление от встречи с чоповцами было сильнее. – Мы их вчера шуганули, так они сегодня с мордоворотами приехали, сволочи!..

– Погоди-погоди, кто – они?

– Кто ближний кедрач валит!.. Хотел поговорить – слушать не хотят! Есть в конце концов у нас власть в посёлке или нет?!.

– Ты не горячись, Валерий Ильясович. Успокойся. – Петлёваный поднялся с вишневого, богатого на вид кресла, протянул Айтышеву руку. – Присаживайся. Я вот что давно хочу спросить. Почему тебя всё время вперёд выставляют?.. Другие спокойно себе живут, в ус не дуют, а ты поперёд батьки в пекло, все шишки на тебя. Интересное кино получается, не задумывался?..

У Айтышева по жизни было так: человек ему сразу нравился или нет. Лицо, взгляд, как двигается, говорит – в чём дело, непонятно, но отношение определялось сразу. И редко когда он ошибался. Что в детдоме, что в армии, что позже в экспедиции. Рано или поздно первое впечатление подтверждал сам человек. Айтышев где-то читал, так узнают друг друга животные. Даже в темноте. С одними они свои, с другими ничего хорошего быть не может.

Петлёваный ему не нравился. В девяностые был в экспедиции инженером по технике безопасности, а это слуга двух господ. Если по-настоящему следить, чтобы вышкари или бурильщики работали по правилам, получится итальянская забастовка, план никогда не сделать. Начальство (да и работяги тоже) будут недовольны – скажется на зарплате и премиальных. Инженер по технике безопасности оказывался между двух огней, при несчастных случаях в первую очередь спрашивали с него. Надо уметь продержаться в такой должности больше шести лет. И вот уже почти столько же Петлёваный был главой поселковой администрации.

Не дожидаясь от Айтышева ответа, Петлёваный подошёл к стене, где висела большая разноцветная карта посёлка. Судя по всему, собирался что-то на ней показывать. Он уже и отточенный карандаш в руки взял, и лицо к карте повернул, как вдруг быстро оглянулся на Айтышева:

– Ты Ивана Даниловича Батюшкова знал?.. Хороший был человек.

Айтышев молча кивнул. Хитрит Петлёваный, запутывает разговор, но Иван Данилович действительно был хороший мужик. Умер недавно. Пришёл с работы из ремонтных мастерских, опустился на лавочку возле

своей «деревяшки» и вроде как задремал. Оказалось, сердце остановилось.

– То, что он сидел, знаешь? А за что, тоже знаешь?.. Так вот, раньше Иван Данилович был старшим мастером в леспромхозе, а о минерализованной полосе вокруг базы не позаботился. Хотя по должности полагалось. А тут жаркое лето, лес загорелся, сильный ветер – базы в пять минут не стало. Были жертвы, о технике не говорю… – Петлёваный пристально, с усмешкой смотрел на Айтышева. – Как думаешь, мне охота на зону? Вот так вот честно скажи, похож я на идиота? Я тебе верю, Валерий Ильясович, ты мне прямо говори, в глаза!..

У Айтышева дрогнули ноздри. Разговаривает, будто перед ним недоделанный Лёня Соколкин. Или издевается. Раньше он взорвался бы, обложил по матушке и хлопнул дверью, но так ничего не добьёшься.

– Давай ближе к делу, Юрий Семёнович. Убирают ближний кедрач, а ты здесь…

– А разве я не о деле? – искренне удивился Петлёваный и даже слегка откинулся назад. – Посмотри на карту. Это наш посёлок к двадцатому году, перспективный план. Видишь, где границы проходят? Да ты ближе подойди, оттуда плохо видно!.. Границы, обрати внимание, отодвинутся метров на сто. В посёлке появится спортивный комплекс, культурно-досуговый центр, новая улица… Между прочим, планирую объявить конкурс на её название, так будет демократично. – Петлёваный доверительно подался к Айтышеву, понизил голос: – Ещё, конечно, КОСы нужны, канализационно-очистные сооружения то есть. Сам посуди, посёлок растёт, а жидкие бытовые отходы до сих пор сливаем в лесу. Разве это нормально? Экологию губим, о детях и внуках своих не думаем. Это ж потом в наши организмы с водой попадает, сами себя травим… Площадь под КОСы потребуется? Однозначно! Остальная инфраструктура? Без вопросов! Короче, посёлок должен расширяться. Хочешь не хочешь, лес придётся отодвинуть, а как это сделать, если не вырубать?

– Кедрач валят, чтобы защитная полоса от огня была в случае чего? Так, что ли?

Петлёваный хлопнул ладонью об ладонь:

– В самую точку, Валерий Ильясович! Вот именно!.. Я не раз поднимал этот вопрос в районе. Очень рад, что наконец услышали. Зону мне топтать как-то неохота, сам понимаешь.

Сирена, заслушаешься!.. Олежка недавно готовился к истории, вслух читал про путешествие Одиссея. Айтышев усмехнулся:

– Когда он ещё будет, этот двадцатый год. Экспедиция на ладан дышит, люди из посёлка уезжают – какое расширение, какой перспективный план! Ты что мне лапшу вешаешь!..

Про лапшу он напрасно, Айтышев это понял, ещё не договорив. Но Петлёваный, похоже, не обратил внимания. Опустил глаза, сокрушённо покачал головой:

– От кого от кого, а от тебя, Ильясович, не ожидал. Не патриот ты, нет!.. Посёлок есть и будет. Здесь наши дети родились и выросли. Здесь наши лучшие годы прошли. В экспедиции дела поправятся, я в этом абсолютно уверен. Сейчас разрабатывается план поддержки геологоразведочной отрасли, обрати внимание, в масштабах страны! Первые лица государства понимают, без разведанных запасов перспективы у нефтяников и газовиков под вопросом. А это половина бюджетных поступлений. Да что я тебе говорю, сам телевизор смотришь!..

Айтышев поднялся, вполголоса, будто сам себе, сказал:

– Говорить они умеют. И обещать тоже. Что сейчас, что при советской власти…

Петлёваный отреагировал по-своему:

– Правильно, о перспективе нужно всегда думать. А то какая это власть? Население не поймёт.

– Ты мне, Юрий Семёнович, прямо скажи, будут продолжать валить кедрач или не будут?

– Так я же тебе всё обрисовал! – Петлёваный укоризненно склонил голову к плечу и раскинул в стороны руки, поражаясь непонятливости Айтышева. – Рисковать посёлком никак нельзя. Минерализованная поло-

са прокладывается с учётом перспективы. Или ты против, чтобы посёлок развивался?..

– Мы кедрач не дадим вырубать.

Петлёваный посмотрел себе под ноги, выдержал паузу.

– Кто это – мы? Что за альтернативная власть в посёлке появилась? Вас кто-то выбирал?.. Я тебя, конечно, уважаю, Валерий Ильясович, ты в экспедиции много лет проработал. Но не лишнее ли берёшь на себя? Так и надорваться можно. Решение принято, и оно будет выполняться.

– Кто принял? Чтобы вырубать, полагается тендер провести, а его не было.

– Об этом уж позволь тебе не докладывать. Вверху приняли. – И Петлёваный посмотрел на потолок.

Разговаривать дальше не имело смысла. Айтышев вышел из кабинета, изо всех сил стараясь не хлопнуть дверью.

Людмила и сын уже были дома, сидели у компьютера. Олежка повернул навстречу счастливое лицо:

– Пап, мы пятый уровень прошли! Четыре тысячи двести семьдесят три балла! Иди посмотри!..

Людмила была так увлечена, что даже не взглянула в его сторону. На дисплее какой-то уродец прыгал по конструкциям, похожим на недостроенный многоэтажный дом, взлетал и проваливался. Голубоватый свет компьютера лежал на Людмилином сосредоточенном лице.

Айтышев, не ответив сыну, принялся молча раздеваться. Ладно, пацан. А с какой стати пятидесятилетняя баба фигнёй занимается? Делать нечего, всё перестирано? Обед готов, полы пропылесосены, окна к весне вымыты?..

Нормальную жизнь игрой заменяют! Лишь бы не думать ни о чём, не видеть ничего! Не только Людмила с Олежкой – многие сейчас так, молодёжь особенно. Сплошная суходрочка!..

– Давай обедать.

Жена вздохнула и неохотно поднялась от компьютера. Олежка тотчас занял её место.

– Ты ел? Пошли тоже пообедаешь.

– Сейчас, сейчас… – Сын впился глазами в дисплей, рука сжала мышь.

Странно всё-таки. В молодости Людмила ловила каждое его слово, старалась угодить, хотя была с высшим образованием, а он простой работяга. Как она бросилась его защищать, когда отец пообещал перебить ноги, если он её тронет. Айтышев после армии учился в городе в школе буровых кадров, провожал Людмилу домой в частный сектор, остановились под её окнами. Тут хлопнула форточка вверху, высунулась лысая голова и понесла Айтышева по кочкам. Мужик разве что матом не ругался. Людмила не посмотрела, что отец, ответила так, что голова скрылась. Позже выяснилось, отец у неё фронтовик, контуженный.

Сейчас всё переменилось. Теперь уже он больше от неё зависит, а не наоборот. В собственной семье отодвинут в сторону. И незаметно как-то всё произошло, постепенно. Хотя и теперь он обеспечивает жену и сына, не говоря уж о времени, когда был вышкомонтажником.

– Опять суп? Я этих супов вот так наелся на вахте! Ты нормальный борщ свари, с капустой, со свёклой!..

Жена удивлённо взглянула:

– Сварю я тебе завтра борщ, успокойся.

– И слов таких чтоб я не слышал! Я спокоен!..

Из комнаты с компьютером прибежал Олежка, непонимающе уставился на родителей:

– Вы чего?

Айтышев рявкнул:

– Быстро за стол! Обнаглел! Чтоб не видел я больше этих дебильных игр!.. Поешь – дневник покажи!

Он понимал, причина его гнева в другом. Но и домашних время от времени надо строить – не помешает, а то распустились! Сейчас это было особенно ясно.

После обеда Айтышев взял ручку, лист бумаги из поддона принтера, на котором Людмила распечатывала материалы к урокам, и сел за кухонный стол. Наморщил лоб. Петлёваный делать ничего не хочет, надо обращаться в районную администрацию. Насчёт минерализованной полосы к двадцатому году – туфта. Кому-

то понадобилась кедровая древесина, она ценная. Все, кто был вчера на гриве, письмо подпишут. Да и многие другие в посёлке тоже.

Казалось, всё понятно, яснее не бывает, но когда Айтышев принялся писать, выходило не то – неубедительно как-то. Он порвал листок и выбросил в мусорное ведро, взял новый. Но и на этом получилось хреново. Обращаться к Людмиле не хотелось, и он взял ещё листок. В конце концов всё-таки пошёл в комнату с телевизором, хмуро сказал сидевшей на диване жене:

– Пошли поможешь.

Людмила посмотрела сдержанно, но всё же поднялась и пошла следом на кухню.

– Садись, письмо в район написать надо… Ближний кедрач валят, слышала, наверно? А зачем новая полоса, если старая есть? – заговорил он, понемногу заводясь опять. – Ты распорядись подрост вырубать регулярно – и все дела! Проблем-то! Когда ещё посёлок будут расширять, за десять лет планы сто раз переиграют!.. Зону он топтать не хочет! До двадцатого года собрался в своём красивом кресле сидеть!.. О кресле не пиши.

Жена остановила:

– Давай по порядку. Какая полоса, какой двадцатый год, какое кресло? И при чём здесь зона?..

Выслушав, неоднократно уточнив детали, Людмила полчаса сосредоточенно писала. Наконец прочла вслух, что получилось. Айтышев прищёлкнул пальцами – что надо! Как не крути, а высшее образование много значит. Жаль, у него возможности не было. Одной школой буровых кадров пришлось ограничиться.

– Молодец!

– Ну тебя, – отмахнулась жена.

Она ещё обижалась за недавнюю вспышку, хотя могла бы привыкнуть к его характеру. К тому же обижаться у него больше оснований…

– Давай текст на компьютере наберу. Солидней смотреться будет. – Похвала всё-таки подействовала на Людмилу.

– Точно!..

Минут пятнадцать спустя она протянула листок с красивыми печатными строчками.

– У меня вопрос, Валера. – Людмила подняла к мужу лицо, прямо, требовательно посмотрела в глаза. – Оно тебе надо?

Айтышев не понял:

– То есть?

– Оно тебе надо, всё это? – повторила жена, не отводя серьёзного взгляда и тряхнув листком в руке. – Зацикленный правдолюбец, ей-богу! Мало тебе гадостей из-за твоего характера делали? Квартиру не давали, с разрядом тянули, сейчас вообще сократили…

– Ты ещё вспомни, что до революции было.

Людмила шутки не приняла:

– Когда были молодые, я думала, ну, горячий, пройдёт. Потом думала, кризис среднего возраста. Сейчас-то чего? Пенсия на носу, успокойся! Что ты каждой бочке затычка!..

Айтышев, злобно взглянув на жену, выхватил листок. «Затычка»!..

Однако сдержал себя, не стал говорить то, что готово было сорваться с языка.

Овцы! Их стригут, ни в грош не ставят, а они ещё спасибо говорить готовы!..

5

Телёнок стоял, широко растопырив ноги и опустив голову. Вид у него был глупый. Корова телёнка вылизала, волнистые следы от языка всё ещё виднелись на коричневой шёрстке.

– Тёлочка, – сообщил довольный Кузьмич. – Я по-старому, в избу взял, по ночам ниже десяти опускатся. О, пруденит!..

Из телёнка в самом деле полилась струйка на сено в углу, где он стоял.

– Пошло пишшеварение!..

Айтышев был весь в другом, но вспомнилось, как в детдоме пацаны подсматривали, когда в подсобном

хозяйстве рожали коровы. Взрослые гнали их в шею, ругались, но пацанам было любопытно видеть, как из коровы лезет телёнок. Всё, связанное с э т и м, детдомовских жгуче интересовало. Ещё в школу не ходили, а уже заставляли девчонок снимать трусы и показывали пальцем: «Пирожок!»…

Айтышев усмехнулся. Барбосы! Но почему до сих пор ему нет покоя?..

– Ну-ка, что ты там намайстрячил? – Кузьмич вытер руки чистой тряпкой и взял обращение к главе районной администрации. Вспомнив, что нужны очки, опустил листок на стол, пошарил на подоконнике с геранью. – Ну-ка, ну-ка… А чего, толково, всё по делу. Мнение населения, с ним начальство должно считаться. Опять же выборы… Где подписать?

С обращением Айтышев обошёл всех, кто был вчера на гриве. Услышав, что Петлёваный в курсе и останавливать вырубку кедрача не собирается, подписывали. «К прокурору надо! Шахер-махер здесь! – заявила Валентина Галушко. – Столько лет ни о какой полосе не думали – и нате вам! Не верю я, другое что-то здесь, чувствую!..»

В квартире у Валентины было влажно, как в бане – вся кухня завешана сохнущим детским бельём. Недавно в семье родилась двойня. «Как с моим Галушкой помиримся, так трах – и новый короед!» – объясняла Валентина в посёлке. С двойней в семье стало шестеро детей. Мужа Валентины Айтышев хорошо знал, раньше работали в одной бригаде. Его, тщедушного и молчаливого, подначивали: не только умудряется уживаться с боевитой крупной Валентиной, но и столько детей настрогал. Хорошо, пока не сократили. Вот уж кому туго придётся, если кедрач вырубят. В конце августа у Галушко обычно начинались горячие дни. Орех, ягоду, грибы добывали всем кагалом, потом отвозили в город продавать.

Озадачил Иван Волобуев. Он тоже был на гриве, но подписывать не стал. Крутя в пальцах шариковую ручку, несколько раз прочёл обращение и дальше коридора пройти не пригласил. Отведя глаза, вернул листок и

ручку. «Ты чего? Пусть вырубают, по-твоему?» – «Нет, я, конечно, за…» – «Тогда в чём дело? Почему не хочешь подписывать?» – уязвлённо стал наседать Айтышев. «Я в эти игры не играю». – «Тогда зачем приходил на гриву? Сидел бы себе дома!..». Иван усмехнулся: «За компанию и еврей повесился». Еврей нашёлся…

Волобуев был из тех поселковых мужиков, которые уволились, не дожидаясь сокращения. Районная администрация давала ссуды, можно было открыть собственное дело, и Волобуев года два назад купил мини-пекарню. Бизнес однако не пошёл, он пробовал заниматься извозом на «газели», потом открыл парикмахерскую, где стригла и делала маникюр жена, сам ходил по посёлку, ремонтировал бытовую технику – всё без особого успеха. Возможно, потому, что в полутора часах езды находился город, где всё было дешевле. Айтышев краем уха слышал, сейчас Иван затевает какой-то новый бизнес.

– А чего здесь не понимать, – сказал Кузьмич, когда Айтышев рассказал о Волобуеве. – Очень даже понятно себя ведёт. Светиться человек не хочет, вдруг в администрации не понравится, что подписал. Денег не дадут… Хитрожопые, скажу тебе, люди, эти наши бизнесмены – и рыбку съесть, и на хер сесть! А может, наоборот, несчастные, кто знат… – Кузьмич почёсывал телёнку лоб, и сам жмурился от удовольствия. – Здесь, Валерка, вот какая штука. Лёня Соколкин приходил. Знаешь, чего предлагат? Давайте, говорит, подожгу агрегат – ну, лесовалочный. Бензина просил.

– Серьёзно, что ли?

– Ну. Вроде как народный мститель.

Говорил это Кузьмич как бы с усмешкой, но что-то в его лице было, заставившее задержать взгляд.

– А ты?

– Что – я?.. Помнишь, читал тебе про одну никишкинскую тётку, она картошку отдала эвакуированным. Может, за счёт своей семьи других пожалела. Как ни крути, хорошее дело – вроде как жертва, когда всем одинаково хреново. Не кажный сможет, потому и за-

писываю в историю. – Кузьмич остановил на Айтышеве далекие мечтательные глаза. – А хорошо было бы, а? Пострадал, чтобы другим была польза. По мне, такое должны помнить. У нас ведь как, умер человек – и забыли. Правильный был или так себе, неважно. Это нехорошо. О правильных должны помнить.

Айтышев нашёлся не сразу:

– Так Лёня с приветом. Зачем втягивать?

– Ты чего, Валерка! Кто говорит, что надо втягивать?.. А с другой стороны, через двадцать лет никто знать не будет, какой он был. Останется только, жил такой Лёня Соколкин, сел в тюрьму, когда хотели наехать на малоимущих. Это будут помнить, кто с совестью, конечно. Вроде как маяк для других.

Шутит Кузьмич или говорит серьёзно, понять было трудно. Айтышев представил, как Соколкина с канистрой бензина скрутят мордовороты из ЧОПа, с которыми он столкнулся утром. Ведь наверняка попадётся.

Кузьмич посмотрел на часы. Не ходики с гирей, как можно было бы ожидать в деревенском доме, а современные кварцевые, с надписью не по-русски.

– Ладно, тёлке исть пора. Пойду молозива нацежу… А насчёт Волобуевых подумаю, продавать им молоко или нет, Иван просил… Кажному по делам его.

В посёлке только у Кузьмича была корова. Претендентов же на настоящее молоко – не магазинное, в пакетах – было много. «Правильно!» – согласился про себя Айтышев.

– Ты как спишь? Нормально? – Кузьмич остановился в дверях. – Я полночи кручусь, заснуть не могу. Погода меняется, что ли? Беспокойно мне чего-то.

– Межсезонье скоро, потому. А может, полнолуние наступило. На небо не смотрел?

Кузьмич махнул рукой:

– Э, ты молодой, не понимаешь!.. Межсезонье у нас всю дорогу, что будет завтра, никогда не знаешь. Я не про посёлок – вообшше про страну. Так что, не спать из-за этого?

«На философию деда потянуло, – подумал Айтышев. – Вон как повернул. Обобщает!».

Он тоже спал последнее время неважно, но объяснял это тем, что за две недели вахты ломался график. Дома только войдёшь в колею, спать начнёшь ночью, как опять надо на прежнее переходить. Дежурство на вахте четыре часа через четыре, спишь урывками.

Хотя было что-то ещё – смутное, сразу не объяснишь словами. Дело не только в кедраче. Прав Кузьмич – беспокойно как-то стало в последние годы, ненадёжно. Что-то должно случиться, так долго тянуться не может.

Встреча с Геннадием Николаевичем Ваулиным остановить его не могла, но душу царапнула. И сильно. Бывший технолог сидел у подъезда своей типовой двухэтажной «деревяшки» в инвалидном кресле на колёсиках и призывно взмахивал здоровой рукой. Был он бледный, правая половина лица съехала вниз, на голове зимняя шапка с опущенными ушами, хотя во всю светило солнце и на припёке у подъезда было тепло.

Подходить не хотелось. Тягостно было видеть в таком состоянии недавно ещё вполне здорового мужика, не дурака выпить и насчёт женщин. Но Айтышев Ваулина уважал и потому подошёл. Геннадий Николаевич протянул действующую руку, радостно замычал.

– О, сила есть! – сказал Айтышев, не сразу сообразив, что надо тоже здороваться левой рукой. – Дело, смотрю, на поправку, я правильно понимаю?

Геннадий Николаевич хотел что-то ответить, но у него не получалось. Он пробовал это сделать несколько раз, мучительно искажалась здоровая половина лица. Вторая была неподвижной, мёртвой, с красной изнанкой отставшего века и опустившейся половиной рта. Нужно было что-то говорить, и Айтышев сказал:

– Не всё сразу, Николаич. Придёшь в норму, мы с тобой ещё попаримся в моей баньке. И на грудь примем. Если в меру, это даже полезно, любой врач подтвердит.

Бывший технолог прекратил попытки что-то сказать, действующей рукой показал: не могу. Получилось безнадёжно.

– У него сейчас только мат хорошо выходит, – послышалось за спиной. С полной сумкой к подъезду шла жена Ваулина, наверно, из магазина. – Теперь мат у него на все случаи жизни. Доволен, не доволен, хорошо, плохо – пуляет только так… Ну что, погулял? Давай домой, хватит. Простынешь, мало мне с тобой мороки!..

Подобным тоном взрослые обычно разговаривают с надоевшим ребёнком. Айтышев давно подметил, отношение у здоровых к тем, кто долго болеет, пренебрежительно насмешливое. Ими тяготятся и не скрывают этого. Будто ещё недавно уважаемый человек стал недоумком и не достоин, чтобы относиться к нему нормально. Горько было думать, что такое может в любой момент случиться с любым мужиком, пока ещё благополучным и вполне здоровым. С ним, Айтышевым, тоже.

Зачем тогда всё? Чего стоит? Все его, Валерия Айтышева, радости, недовольства, желания и заботы – сама жизнь?.. К чему?..

Отталкиваясь от настила перед подъездом действующей ногой, Ваулин стал медленно двигаться к двери. На инвалидном кресле у него только так и получалось ехать, спиной вперед.

– Ладно выделываться! – одернула жена. – Самостоятельность он свою показывает!.. Валера, поможете на лестничную площадку поднять? Хорошо ещё, не на втором этаже живём, а то сидел бы всё время в четырёх стенах. Господи, когда это кончится!..

Айтышев завёл кресло в тамбур, ухватившись за дно и спинку, остро чувствуя запах чужого человека, поднял кресло на площадку. Геннадий Николаевич не смотрел на него, в позе было покорное безразличие, из скособоченного рта текла слюна.

– Твою мать!.. – только и сказал Айтышев, выходя на улицу в яркий апрельский день, освобождённо вдыхая живой весенний воздух. Других слов у него сейчас не было. – Твою мать!..

6

Ночью мысли бывают странные, это он ещё на вахтах заметил. Особенно под утро. Айтышев закуривает на застеклённом балконе , прислушивается.

Люди в доме спят, это понятно, но и «деревяшка» их спит, как живая. Старое дерево потрескивает, словно дом ворочается во сне. В комнатах и коридорах застывший густой воздух. Чёрные окна похожи на глаза – закрыты, свет ни в одном не горит, на снег внизу не падает. Вещи в квартирах тоже спят, замерли на своих местах, притихли. А может, они думают – никто не знает, что вещи такое и как всё на самом деле. На стульях сидят, в шкафах одежда, в холодильнике еда, но есть что-то ещё, о чём в обычное время не думаешь. Под утро об этом начинаешь догадываться, если ночь не спал.

Айтышев не удивляется таким мыслям. Начало четвёртого, самое непонятное, мутное время в сутках.

Два прошлых дня мело, не скажешь, что середина апреля. На большой земле стали бы смеяться – вот так весна. Сейчас тихо, небо чистое, звёзды горят. Айтышеву представляется, как морозный воздух устремился мощным потоком с Ямала, накрыл лесотундру, клюквенные болота, урманы, весь их округ. Хлынул дальше на юг, в казахские степи. Всё представляется Айтышеву явственно, в красках, будто на цветной карте в конце «Новостей» по телевизору. Ещё явственнее – он всё это чувствует.

Пространство от Ледовитого океана до гор бывших советских республик сплошная низина, остановить холодный воздух нечему. Согревшийся в южных пустынях, он ринется, как по трубе, обратно, принесёт тепло. Снег растает в два-три дня. Потом всё повторится снова, опять ледяной воздух с Ямала, метели и мороз. Не зря звёзды мигают, ровно не светят – вверху что-то происходит, жди изменений. Метеозависимый стал, думает Айтышев, пятый десяток добиваю.

Не спится не только ему. Слышно, как открывается наружная дверь «деревяшки», Айтышев открывает

створку застеклённого балкона, смотрит вниз. Серёга Базанов, увалень под два метра. На плечах куртка, однако ноги в домашних тапочках. Вспыхивает зажигалка, Серёга закуривает.

– Ты куда? – сонно спрашивает Людмила, когда Айтышев проходит через комнату с белеющей постелью.

– На блядки.

– Ну-ну, – безразлично говорит Людмила, но голос у неё уже не такой сонный.

На крыльце Айтышев здоровается с Базановым за руку. Нормальный мужик, тоже устроился на месторождение охранником, раньше работал бурильщиком. На крыльце заметно прохладней, чем на застеклённом балконе. Какое-то время молча курят.

– Давно тебя не было видно. Вахта?

– Мать ездил хоронить.

– Долго болела? – спрашивает Айтышев, выдержав паузу.

Огромный Серёга сутулится – от роста и оттого, что куртка то и дело норовит соскочить с плеч. Спокойным голосом отвечает:

– Все боятся рака, а она за неделю от пневмонии. Прохватило где-то.

Полагается ещё что-нибудь сказать, вслух посочувствовать, и Айтышев говорит:

– Сколько ей было?

– Семьдесят один в феврале исполнилось. – Базанов, видимо, повторял то, что уже десятки раз говорил. – Для женщины не много, это мужики редко доживают… Любила меня. Радовалась, когда звонил. Дома бегемотом звала. – И Серёга усмехается.

Своих родителей Айтышев не помнит – так, отдельные картинки. Худая женщина в линялом длинном платье отводит тыльной стороной руки волосы со лба, наклонилась над корытом со стиркой, на табуретке рядом большой кусок чёрного мыла. Наверно, мать, Айтышев не уверен. Ничего, связанного с отцом, в памяти вообще не осталось. Ещё помнится прокуренный общий вагон, люди ругаются из-за мест, Валерка напуган, плачет,

какой-то мужчина протягивает ему красного петушка на палочке, говорит по-русски. И ещё: барак с толевой крышей в длинных рейках, яркая зелень двора, ребята подбрасывают вверх мяч, играют в «штандер», его не берут – маленький. Во всём бараке комары и постоянный рыбный запах.

– Помянем? – предлагает Базанов.

– Сейчас?..

– А что, мы на кухне, тихо.

Тот редкий случай, когда Айтышев не знает, что сказать. Пить не хочется, но отказываться неудобно, можешь соседа обидеть. Вроде как полагается.

На тесной кухне своей квартиры Серёга кажется ещё больше, двигается осторожно, боясь ненароком что-нибудь зацепить. «Бегемот», – вспоминает Айтышев. Серёга прикрывает кухонную дверь и достаёт из холодильника бутылку.

– Земля пухом… Да ты садись, Ильясович, не стоя же.

Выпить и сразу уйти нельзя, рюмок должно быть чётное число.

– Так-то я понимал, мать не вечная, головой готов был. А всё равно… Лежит, молчит, на себя уже не похожа… – Серёга старается говорить тихо, повторяет сказанное на крыльце: – Очень любила меня, радовалась, когда звонил. А уж когда приезжал в отпуск… – Он пристально смотрит на Айтышева, медленно произносит: – По-настоящему нас любят только матери. Жена, дети, остальные – так, ерунда. Матери – да!

От Айтышева это далеко. Любила его мать или нет, он не знает. Звонить было некому, в отпуск приезжать некуда. В детдоме, когда подрос, узнал, отец и мать были вербованные, работали в рыболовецком колхозе на Иртыше. Оба утонули, запутавшись в сетях, во время путины. Родственников, желающих забрать его, не нашлось.

«Один по жизни! – думает Айтышев, когда выпивают ещё. И не знает, чего в нём сейчас больше, жалости к себе или гордости, что не сломался, стал нормальным человеком, хотя никто его не любил и не помогал. У детдомовских судьба по-разному складывалась. Дру-

жок Лёшка Асабин, например, спился, хотя окончил техникум и преподавал в школе физкультуру. Сейчас, рассказывают, бомжует, зимой живёт в теплотрассе. – Один я по жизни!.. Сам!..»

– Слышал, у нас здесь с кедрачом заваруха.Типа, половину уже вырубили, – перевёл разговор на другое Базанов. Его грубое лицо с толстыми губами становится внимательным.

– Правильно слышал. Главное, за жабры никак их не возьмёшь – скользкие, суки!..

Айтышев пододвигает бутылку и сам себе наливает. Он понимает, что ведёт себя не так, как полагается, но остановиться не может. Базанов коротко смотрит на него. До выпивки Айтышев никогда жадным не был.

– Все вроде соглашаются, мы кругом правы, а ничего не меняется. Продолжают кедрач валить, скоты!.. Будто ты в лесу заблудился, глотку дерёшь, надрываешься, а результат... Порядки, блин!

Не дело показывать своё состояние – если он дрогнул, чего от других ждать. Наоборот, надо подчеркивать, типа, всё будет хорошо, внушать людям оптимизм. Но эти мысли проходят краем, не они сейчас главное в Айтышеве. Требуется выговориться. И Айтышев продолжает говорить и пить, пить и говорить. Сколько это продолжается, он не знает. Время исчезает.

Как они оказываются на крыльце снова, он тоже не знает. Происходящее остаётся в голове кусками. Курят, на улице уже вовсю светло, раннее розовое солнце лежит на голенастых соснах. Айтышев говорит, для убедительности берёт Серёгу Базанова за куртку и трясёт, тот, здоровенный, неловко ухмыляется. В конце концов уговаривает Айтышева идти домой, сам отводит.

– Господи! Где ты в такую рань успел?.. – говорит Людмила. Она уже поднялась, готовит Олежке завтрак.

– Всё путем, мать!.. Серёга, заходи, у меня тоже есть!..

Но Базанов порог не переступает, смотрит на Людмилу извиняющимися глазами, быстро уходит.

– Валера, ну нельзя же до такой степени, честное

слово!.. Ложись спать давай, – упрекающим голосом говорит жена.

Айтышев отводит её рукой, опускается на табуретку и молчит. Кладёт на столешницу сжатые кулаки, катает желваки. Людмила знает, лучше его сейчас не трогать и уходит с кухни. Слава богу, такое с мужем случается нечасто.

В субботу приехал Александр Михайлович, с ним была рыжая девочка лет десяти, дочь Аня. Раздеваясь в прихожей, Аня стреляла по сторонам глазами и совсем не смущалась незнакомых людей. На её сметанно-белом лице, как часто бывает у рыжих детей, карие глаза казались особенно броскими, чёрными.

– Уговорила показать деревню, – Александр Михайлович с любящей снисходительностью смотрел на дочь. – Мы на озеро, а Олег тем временем… Олег, ты где? Сможешь поводить Аню по деревне?

– У нас посёлок, а не деревня, – послышался мрачный голос из-за двери в комнату с компьютером.

Аня бойко сказала:

– Он спрятался, потому что стесняется меня. Выходи, я не кусаюсь, честное слово! И не обижайся, пожалуйста, за деревню.

Все засмеялись. Да уж, такая не пропадёт!..

Людмила постаралась, стол получился богатый – выражала таким образом свою признательность за Генку-Рустама. У того после операции всё было нормально, уже вернулся домой. Пить однако перед рыбалкой не стали, это лучше делать после.

Наст был крепкий, искать снегоход, чтобы доставил к озеру, не понадобилось. Пошли пешком. Александр Михайлович сменил очки, надел тёмные – день, как и всё последнее время, был солнечный, наст горел холодным белым огнём.

– После института я работал в Якутии. Там ваш посёлок был бы центром мировой цивилизации. – Врач перехватил поудобней лямку своего рыбацкого ящика. – Кстати, клюкву не забыл? Проверим твою наживку. Я на всякий случай мотыля купил… Так вот, самое плохое

время для охотников-якутов это когда наст и солнце. Светофильтры достать тогда было трудно, якуты сами себе очки мастерили. Технология элементарная. Берётся кожаная лента, подгоняется по голове, делаются прорези для глаз – и вперёд! Иначе ослепнуть можно, не до охоты.

– У здешних хантов тоже так было, мне рассказывали. Слушай, может, потому у всех у них глаза узкие, что щуриться всё время приходилось?

– А китайцы? У тех снега почти не бывает.

– Ну, может, от песчаных бурь щурились. У них есть большая пустыня, по телевизору показывали.

– Почему тогда у арабов нормальные глаза? У них одна Аравийская пустыня чего стоит… – Александр Михайлович вдруг повернулся к Айтышеву. – Как думаешь, наши по посёлку пошли или у компьютера сидят? Я специально Аню взял с собой, чтобы побыла на воздухе, подышала фитонцидами.

– Не говори. Подсела молодёжь на компьютерные игры, они им жизнь заменяют. Ладно бы, молодёжь, моя Людмила тоже. Поверишь, до ругани иногда доходит…

Такие разговоры велись до самого озера. Айтышеву хотелось говорить о последних событиях, но врач сам не спрашивал, а с какой стати грузить человека.

Рассказать было что. Кроме письма в районную администрацию написали ещё в прокуратуру. Из администрации ответа пока не было, а от районного прокурора приезжал неприметный человек с серым, будто присыпанным пеплом лицом. Он походил между пнями расширяющейся с каждым днём вырубки, покивал на слова Айтышева, Кузьмича и ещё нескольких оказавшихся дома мужиков. «Нам что, пикеты проводить, как шахтёры на Горбатом мосту? Под агрегат лечь?.. » – «Это экстремизм. Есть статья», – сдержанно заметил человек из прокуратуры. «А что тогда делать? Они даже при вас продолжают! Незаконное ведь дело, самовольное!» – «Ждите решения» – «Сколько нам ждать?! Скоро от кедрача ничего не останется!» – «Давайте без эмоций».

Походив по гриве, понаблюдав за работой лесова-

лочного агрегата, человек из прокуратуры уехал. После его визита ничто не изменилось, кедрач продолжали валить.

Айтышев был недоволен собой. Мало того, что на выходе из посёлка не хотел, а всё же скосил глаза – на месте ли банька?.. Ведь запросто могут сжечь. Тот же упитанный директор с серьгой в ухе и полированными ногтями своих настропалит. Чтобы Айтышев не гнал волну и чтобы другим было неповадно. Может, он ещё кому-то на хвост наступил – погреть руки на денежном деле желающие всегда найдутся. Так что исполнители не проблема.

Но дело не только в этом. Раньше Айтышев и пикет организовал бы, и первый под траки лёг. Или поджёг бы ночью валочный агрегат, как Лёня Соколкин собирался. Он помнил волну победительной ярости, которая охватывала в молодости. Теперь осторожный слишком стал.

Ему, салаге, в первом карауле хотели устроить «присягу» – бляхой врезать несколько раз по заднице, чтобы синие звёзды остались. Практически все через это проходили. Кто добровольно не соглашался, наваливались всей караулкой, заламывали руки, унизительно ставили раком. Айтышев тогда бросился к оружейной пирамиде, выхватил АКМ, загнал рожок и сбил вниз предохранитель. «Оборзел, салага! Поставил автомат! Мухой!..» Чувствуя, как ощерились зубы, как ударила в голову кровь, он передёрнул затвор. Осталось нажать на спусковой крючок. Он готов был это сделать – и сделал бы, в караулке это поняли. «Оставьте его, – сказал сержант. – Он бешеный». Айтышева оба армейских года так и называли бешеным, старались не связываться.

Озеро угадывалось по ровной, без намётов поверхности. Кое-где чернели согнутые фигуры рыбаков. Александр Михайлович первым выбрал себе место, принялся разгребать снег, сам Айтышев пошёл дальше. Как всегда перед рыбалкой, приятно познабливало. Он просверлил лунку, насадил на жало мормышки отошедшую в кармане клюкву. Посмотрим!.. На клюкву ему самому ловить ещё не доводилось, только слышал от мужиков, что хорошо берёт окунь.

Не клевало. Айтышев играл удочкой, время от времени переставал, однако резиновый «кивок» оставался неподвижным. Он просверлил лунку на новом месте, но и там окуня не оказалось. Айтышев оглянулся на Александра Михайловича. Тот сосредоточенно склонился над своей лункой, ловится у него или нет, издали было не разобрать. Апрельское солнце понемногу двигалось по чистому небу, ощутимо пригревало спину даже сквозь тёплый комбинезон – память от работы вышкомонтажником.

Когда он перебрался на четвёртое или пятое место, глухо, под одеждой, заиграл телефон. Чертыхаясь, Айтышев долго доставал его.

– Валерий, нас приглашают на уху, – сказал Александр Михайлович. – Как думаешь?

Айтышев оглянулся. Рядом с врачом виднелась ещё одна далёкая фигурка. Появляться с несколькими рыбёшками было стыдно, но по голосу Александра Михайловича ясно, тот не прочь принять приглашение.

– Ты на что ловишь? – стремительно подался к нему Федосов, когда Айтышев подошёл. Федосов, представитель энергетической компании, которой платили за электричество, был сравнительно новым человеком в посёлке. Но коммуникабельный, со всеми уже знаком и на «ты».

– На клюкву.

– И я на клюкву! Полным-полна коробочка, могу поделиться опытом!.. – также стремительно, не договаривая слов, бросил Федосов.

К этому человеку нужно было привыкнуть. Быстро Федосов не только говорил, но и двигался, глаза ни на секунду не оставались спокойными, всё время сметливо прыгали. Казалось, там, где обычный человек проживает минуту, Федосов проживал несколько. Чем-то он напоминал хищно беспокойного соболя. Про Федосова говорили, что толковый, много знает, но по пьянке дурной.

– Секрет прост, я на вегетарианцев попал, а вы на плотоядных! Скажите спасибо, не обиделись, в лунку не утащили, клюква - оскорбление для плотоядных!.. –

Федосов не засмеялся, а лишь бегло, вскользь ухмыльнулся, будто думал в это время о чём-то ещё.

По тому, как весомо и прочно стоял на насте его рыбацкий ящик, было ясно, Федосову действительно повезло больше. В ловле на клюкву, похоже, существовала какая-то тонкость, Айтышеву неизвестная.

– Ну что, ко мне на дачу, господа офицеры? Уху сварим, водочки выпьем – мужская компания, святое дело, в субботу сам бог велел! Михалыч, велел тебе твой бог в шабат или как?..

Оказалось, Федосов не так давно тоже был пациентом Александра Михайловича. Аппендикс, отсюда и знакомство.

– Ну, что, мужики, по коням? Здесь у меня на тройную уху хватит, слово джентльмена!..

Без особого желания Айтышев двинулся за Федосовым и врачом. Минули слепящую поверхность занесённого озера, свернули на дорогу к дачным участкам. Она была основательно перемолота. Вместо наста – весенний крупчатый снег, а сверху по отпечатавшимся, прессованным следам крупных протекторов, похоже, прошли волоком брёвна.

– Строится кто-то? – поинтересовался Айтышев, всматриваясь вглубь участков, где находилась его банька. Отсюда уже было всё хорошо видно. Зимой он банькой почти не пользовался – участки заносило снегом, не пройти и воды не подвезти.

Цела, слава богу!..

Вместе с облегчением Айтышев почувствовал и досаду. Что-то было не так, слишком гладко всё шло. В телевизионных сериалах такому, как он, давно бы устроили подлянку. По телефону бы, например, угрожали, подстерегли бы в подъезде, машину сожгли или ту же баньку.

По телефону – ладно, от стационарного они с Людмилой давно отказались, а на мобильник звонить - значит засветиться, оставить свой номер. Но почему с остальным тихо, не достают? Хорошо, конечно, что не достают, однако Айтышев чувствовал себя уязвлён-

ным. Его не принимают всерьёз? Считают безобидным треплом?..

На вопрос о строительстве Федосов ухмыльнулся:

– Ванятки Волобуева дела. Он каждый день лес возит, бизнесмен наш неугомонный.

– Откуда? – Айтышев задержал на Федосове взгляд. Не потому, что тот по неизвестной причине всё время ерничал. С недавних пор в посёлке можно было видеть свежие, пахнущие корой и скипидаром брёвна. Мужики тоже откуда-то возили.

– А кто его знает, Ванятка конспиратор известный. Говорит, бани на продажу буду строить, в городе на них, говорит, огромный спрос, настоящий бум, можно сказать!..

Дача Федосова напоминала скворечник, однако внутри оказалась довольно просторной. А главное, к ней было подведено электричество. «Ещё бы, – хмыкнул про себя Айтышев. – Своя рука владыка!». В его баньке приходилось пользоваться аккумуляторным фонарём.

Уху решили варить по-хантыйски. Окуней не чистили и не потрошили, лишь выдавили содержимое кишечника. На даче у Федосова оказалось всё необходимое, вплоть до рюмок. Когда выпили по первой, Александр Михайлович сдержанно удивился:

– Если ближе к городу, бомжи давно всё вынесли бы. В том числе вилки и ложки. Почему нет – цветной лом.

– Здесь не балуют, здесь отношения патриархальные, – отозвался Федосов, проворно снимая с окуня кожу вместе с чешуей. Тут же с удовольствием облизал пальцы. – Другой вопрос, надолго ли. Прогресс штука такая, не все ещё на этот счёт въехали. Ждать манны небесной сейчас не приходится. Это коммунисты обещаниями избаловали, светлое будущее и всё такое, вперёд и выше!.. Ладно, как там народная мудрость гласит, между первой и второй промежуток небольшой. Разлили и погнали!..

Раньше среди окончивших институты людей Айтышев чувствовал себя не в своей тарелке. Не то чтобы

тушевался, но неуверенность была. Однако со временем понял, основа у всех одна, мужику с мужиком всегда найдётся о чём поговорить. А то, что один умнее, а другой глупее – от образования или должности не так уж и зависит. Особенно это было заметно по женщинам, соберутся, по разговорам не различишь, где директор школы, а где техничка.

И всё же к людям с высшим образованием Айтышев относился с уважением. Потому промолчал, когда Федосов заговорил о нём так, будто его рядом не было.

– Взять хотя бы этот персонаж. Наверняка не знает о Канте, даже имени не слышал, а пожалуйста!.. – Федосов, не глядя на Айтышева, ткнул в его сторону пальцем. – Звёздное небо над головой и нравственный закон внутри нас. Хорошо? Это как сказать! Когда у нас герр Иммануил жил? Во-о-т, восемнадцатый век! А сейчас какой, где поправочка на время, спрашиваю я вас, господа офицеры? Или всё остановилось, до основы дошли, постигли и познали, дальше яйца не пускают?

Айтышев весело посмотрел на Александра Михайловича. Ну и разговоры! И выпил-то Федосов немного. Но врач, не отозвавшись на взгляд, с невинным видом спросил:

– Что, и звёздного неба уже нет?

– Ладно тебе, Михалыч, ты всё прекрасно понимаешь, не придуривайся!.. Вот он бьётся за кедрач, посёлок на уши поставил, а что можно сделать, если страна объявлена зоной свободной охоты? Власть сказала, ребята, дерзайте, кто может – проблем не будет! Какой на хрен нравственный закон, с чем его едят! Самому подставляться? Персонаж ссыт против ветра, а это накладно – брызги летят, вонять будешь!..

Александру Михайловичу, похоже, стало неловко. Словно извиняясь за Федосова, он взглянул на Айтышева и хотел что-то сказать, но Федосов не дал:

– Стой, Михалыч, стой! Знаешь, что американцы говорят? Их философы, имею в виду. Универсальной истины нет, в смысле, одной на все времена. То, что оправдывается на деле, – и есть истина! Здесь и сейчас.

Сегодня такая, завтра другая, послезавтра третья, главное, чтобы результат был, остальное – бла-бла! Сотрясание воздуха!..

Прыгая глазами, беспрестанно меняясь в лице, выплёвывая на стол кости, Федосов принялся рассказывать о городке, где раньше жил. У них было градообразующее предприятие, выпускавшее химудобрения. Во время перестройки удалось добиться его закрытия – в городке росла детская смертность и число выкидышей. Возглавлял движение учитель биологии, хороший знакомый Федосова. При Ельцине учителя избрали председателем горисполкома, потом мэром. Когда началась приватизация, предприятие открыли опять, у мэра оказался контрольный пакет акций. Детская смертность и число выкидышей снова подскочили, но речи о закрытии больше не шло.

Айтышев спросил:

– Это ты к чему? – Сидеть и молча слушать, как разглагольствует Федосов, было неприятно.

Тот на него не взглянул. Продолжал с таким напором, будто убеждал не его с Александром Михайловичем, а кого-то ещё:

– Философия времени следующая: урви, возьми, стань богатым! Как – неважно! Россия зона свободной охоты. И не надо на Путина всё сваливать, не надо! Он развал страны остановил, уже за одно это ему памятник из золота надо поставить. При коммунистах кто-нибудь вякнул бы насчёт кедрача? Да никогда! Валят – значит, так надо. Не наше дело, государству виднее. Сейчас хотя бы можно возникать, мнение своё…

– А васька слушает да ест, – вставил Александр Михайлович и осторожно улыбнулся. После водки лицо у него всегда краснело, но как-то необычно, пятнами.

– И хрен с васькой, пусть ест! Россия по-другому существовать не может. Коррупция, чиновники, суды – да хрен с ними! На нашей почве другие овощи не произрастают. Убери – рассыплется всё к чертовой матери! Для другого содержания другая форма понадобится. Понимаешь ты это, пролетарий? – Федосов неожиданно повернулся к Айтышеву, упёрся в него злым взглядом.

Сейчас он особенно был похож на беспокойно - хищного соболя. – Героем себя чувствуешь? Все вокруг в говне, а ты в белом? Включи мозги, если они у тебя есть. Хочешь, чтобы страна развалилась на двадцать или там тридцать огрызков? Что тебе дороже, Россия или Кант сраный?..

Федосов явно нарывался, но Айтышев отвечать не стал. Выпрямившись, застыл с неподвижным лицом. Он насторожился ещё тогда, когда пол под ногами стал мелко дрожать. А когда в дощатые стены дачи принялся туго бить звук мощного двигателя, быстро поднялся и вышел за дверь.

Федосов сказал правду. Могучий К-701 тянул связку строевого леса. В кабине, неотрывно глядя перед собой, сидел Иван Волобуев. Айтышева он не увидел, хотя дверь дачи выходила прямо на улицу.

Насчёт тягача Иван мог с поселковым цехом ЖКХ договориться. А откуда брёвна? Неужели?..

– Какое на хрен гражданское общество! Развалится всё к чёртовой матери! – горячился Федосов, когда Айтышев вернулся в помещение. Александр Михайлович слушал, уклончиво отведя глаза. – Повторяю для тупых, новому содержанию понадобится новая форма! Знаешь китайское проклятие: чтоб ты жил в эпоху перемен? Хватит, ребята, сыты! Приспосабливайся, а не залупайся, слышишь, пролетарий? Что, самый честный? Рухнет страна – всем песец! Сориентируйся, поимей для себя! Думаешь, я от радости это говорю, кайф ловлю? Хрен вам!.. – Федосов на секунду умолк, потом с обидой сказал: – Ладно, он пролетарий, но ты-то, Михалыч!.. Странно, приходится объяснять элементарные вещи аиду. Честно говоря, я о вашем племени был лучшего мнения.

Терпеливая снисходительность на лице врача перешла в смущение. Что такое «аид», Айтышев не знал, но тон Федосова ему давно не нравился. Хамски себя ведёт, неуважительно. И матерится не по делу. Небольшой, но начальник, так следи за собой, держи в руках.

– Ты своих детей тоже этому учишь? – спросил он, чувствуя, как внутри начинает полузабыто подрагивать.

Федосов вскинулся:

– А что, пусть неудачниками станут, лузерами?.. Спасибо, батяня, за подготовку к жизни! Новое поколение должно быть другими, а то не выживут. Это вам всё равно, недолго осталось, скоро ласты склеите. Будет тогда вам и нравственный закон, и звёздное небо, и кофий с какао в постель по утрам!..

Очень хотелось ему врезать. Айтышев даже знал, куда ударит. Но ни лежачего, ни сидячего нельзя, это он ещё в детдоме усвоил. Западло.

– Ну-ка, встань.

– Валерий, Валерий! – быстро всё поняв, Александр Михайлович поднялся, раскинул руки. – Да вы что, взрослые люди! Брось, Валера, мы в гостях!..

– В гробу я такого хозяина видел. – Айтышев с трудом оторвал взгляд от подбородка Федосова. Действительно, дурак дураком, когда выпьет. Зря они пошли к нему. – Ладно, Саш, ты как хочешь, а я домой.

Врач догнал его уже в посёлке. Сказал сквозь одышку:

– Вот такая судьба. А на вид вполне благополучный человек.

– Обычный болтун и демагог, – бросил на ходу Айтышев. – Член правящей партии. Сейчас всё начальство там, как раньше в КПСС.

Александр Михайлович мягко возразил:

– Не всё так просто, Валера. Он мне рассказывал о себе. С этим мэром они были друзья, это потом ему пришлось уехать в нашу тмутаракань. По сути, бежал. Попробовал, как в перестройку, поднять волну, чтобы завод закрыть. А поезд ушёл… Дело на него завели, экстремизм, подстрекательство и всё такое. Сам понимаешь, как это сейчас делается… В общем, разное в его биографии было.

Айтышев помолчал. Потом сказал:

– А я думаю, кается. Испугался, что не так себя вёл.

Александр Михайлович, о чём-то, видимо, подумав, пристально посмотрел на Айтышева. Но говорить ничего не стал.

7

В день собрания он выходит из дома за час до начала. Усидеть в четырёх стенах невозможно, внутри у Айтышева работает бешеный моторчик – с самого утра, когда оператор валочной машины предложил брёвна. Если не двигаться, не идти куда-то, не перекинуться с кем-нибудь словом, моторчик внутри пойдёт вразнос.

– Не забыла? – говорит он и строго смотрит на Людмилу.

– Что я должна не забыть? – не сразу отвечает жена и отводит глаза. Она прекрасно понимает, о чём речь, и только делает вид, что не догадывается.

– Ты это брось! – Лицо у Айтышева темнеет. Он знает, откуда это недоумение, и ему в очередной раз становится досадно. Как всё-таки жена переменилась в последнее время! До неё никак не дойдёт, что дело серьёзное. – В случае чего оденешь, в чём в лес хожу. Никаких костюмов. На ноги – унты. Поняла?

– Весной – унты?..

– Не твоё дело.

Жена смотрит на него и разве что не качает головой.

– Опять собрался людям глаза открывать? Ещё не надоело?.. Что ты меня позоришь? – Не будь она учительницей, начала бы кричать. Но в Людмилином голосе только усталость.

Айтышев не считает нужным отвечать. Баба, хоть и с высшим образованием. Для них главное, чтобы в гнезде было хорошо, остальное – по барабану. И супружеский долг не выполняет.

На дворе опять солнце, голубой апрельский воздух, вытаявшая бетонка улицы. Но Айтышев почти не замечает этого – всё мимо. Мимо и первая невестка Светка, которая гуляет с Аришкой по уже подсохшим кое-где плитам. На внучке пуховый комбинезон, их с Людмилой подарок ко дню рождения. Айтышев наклоняется к внучке, заговаривает, фигуристая Светка смотрит косо – считает, что развёл их с Генкой он. Дура, из-за одной Аришки не стал бы! Он всю жизнь хотел дочку, а родились ребята.

Но и об Аришке он думает сейчас мельком, невнимательно. А когда видит машущего от своего подъезда здоровой рукой бывшего технолога Ваулина, отворачивает лицо. Не нужна ему сейчас эта встреча, размагнитит, собьёт настрой. Жизнь в любой момент может превратить тебя в слюнявого идиота, это так, хотя неправильно и горько. Но пока здоров – живи, не прогибайся, держись! А что будет потом – то будет, здесь уж от тебя не зависит.

О чём-то подобном он уже догадывался. Иван Волобуев со своим банным бизнесом, свежие хлысты по посёлку, ещё этот оператор в оранжевом комбинезоне сегодня утром… Поэтому не особенно удивляется, увидев возле Кузьмичёвых ворот десяток брёвен с медового цвета свежими спилами.

– Хороши? Первый сорт, прогонисты! – довольно говорит Кузьмич, появляясь из-за высокой глухой калитки. Смущения ни в голосе, ни в лице его не заметно.

Выступать на собрании Кузьмич теперь не станет – купили! – хотя Айтышев на него рассчитывал. И оттого, что Кузьмич неловкости не чувствует, Айтышев играет желваками.

– Нам что, от кедрача вообшше ничего?.. – Кузьмич вроде бы оправдывается, но не очень. – Мне в стайке нижни венцы менять надо, а тут бесплатно предлагают. Отказываться, что ли?

Айтышев не отвечает. Сколько раз его в жизни подставляли, а всё тяжело, будто впервые.

Возле крыльца дома культуры несколько чёрных иномарок – районное начальство уже прибыло. Здесь же милицейские «газели». Как водится, сначала пошли по посёлку. Цех ЖКХ, врачебная амбулатория, школа, детский сад «Солнышко»… Пообщаться с бюджетниками перед скорыми муниципальными выборами начальству не помешает. Не обойдут и экспедицию, но только офис – там уже чужая епархия, районному начальству не подвластная… Айтышеву всё это давно знакомо.

Он поднимается по крыльцу дома культуры, сда-

ет в гардероб куртку, хотя раздеваться здесь не принято – ДК холодный, строился давно, чуть ли ещё не при Свиридове, с печным отоплением. Но Айтышеву важно, чтобы была видна его медаль за освоение недр Западной Сибири. Он здоровается со знакомыми, отвечает на шутки, но опять всё вскользь, невнимательно, моторчик внутри продолжает бешено крутиться.

– Здравствуйте, – подходит к нему девушка с микрофоном. – Я корреспондент районного телевидения. Вы не смогли бы рассказать для нашей аудитории о нынешнем дне посёлка? Людям важно мнение заслуженного человека.

Вслед за девушкой проталкивается парень с камерой на плече, бросает на корреспондента взгляд – готов работать.

Айтышев хмыкает. На такое внимание к своей медали он не рассчитывал, она для своих. Лестно, конечно, но вряд ли станут эти ребята кусать кормящую руку. Хотя всё может быть, не один же он такой.

– Предлагаю после собрания, – дипломатично говорит Айтышев. – Отвечу на любые ваши вопросы. Только уж не забудьте, ладно?

На лице девушки лёгкое разочарование.

– Хорошо. – И она ищет глазами, к кому из поселковых можно ещё подойти.

Рядом с Айтышевым появляется и как ни в чём не бывало протягивает руку Федосов. Айтышев удивляется, такому плюй в глаза – ему божья роса!.. Людей в вестибюле прибывает, обычно на собрание идут не очень охотно, но сейчас всех интересует будущее экспедиции. Может, районное начальство сообщит что-нибудь обнадёживающее.

Петлёваный постарался, дал ценное указание. Вдоль стен выездная торговля, как бывает только в дни выборов. За лотком с выпечкой, соками и шоколадками Айтышев видит Генку. Торгует, не стесняется, хотя это не мужское дело. И совсем ни к чему расшитая серебром бархатная национальная шапочка на голове.

– А где Альфия?

– На сохранение положили, вчера отвёз… Что будешь, ата? Рекомендую тёмный шоколад, московская фабрика, отменное качество.

– Ата… – Айтышев хмыкает. – Сейчас видел Аришку, красивая девка растёт.

– У нас парень будет.

– Батыр.

– Да, батыр, – серьёзно соглашается Генка.

Выездная торговля не единственная новость. Айтышев подходит к зеркалу, чтобы посмотреть, не скособочилась ли медаль, и видит в нём Валентину Галушко. Оборачивается. Валентина вышла из кабинета заведующей домом культуры, на руках у неё двойняшки. Лицо раскраснелось, глаза далёкие, рассеянные – Валентина вся ещё там, в кабинете.

Оказывается, туда целая очередь. Приём по личным вопросам?.. Раньше его проводили отдельно, специально приезжали работники администрации. Решили на этот раз провести перед собранием. Чтобы меньше крика и претензий на собрании?.. Грамотно. Но для Айтышева плохо.

– Ой, не знаю! Ничего не знаю!.. – громко, на весь вестибюль делится Галушко. – Обещать-то обещают, сочувствуют, а как на деле будет? Восемь человек в трёхкомнатной, на головах друг у друга! Разве нет пустых квартир в посёлке? Да полно, сколько народу уехало!.. Ипотеку я не потяну, пусть помогают, будущих налогоплательщиков воспитываю!..

Валентина почти кричит, но больше по привычке. Похоже, в кабинете она добилась своего. Не сбавляя голоса, с детьми под мышками (так нести удобней) она уходит из дома культуры.

Ещё один человек минус, отмечает Айтышев.

Зато есть люди, которых лучше бы здесь не было. Нарядно одетые сотрудницы ДК начинают приглашать всех в зал, и тут из задвигавшейся толпы появляется Лёня Соколкин. Он хватает Айтышева за руку, принимается с жаром трясти.

– Молодец! Молодец!..

Лицо у Лёни сияет, глаза безумные, руку он трясёт так, что того гляди оторвёт. Айтышев выдёргивает её, косится по сторонам, заметил ли кто. Хорош единомышленник!.. В зале он говорит пытающемуся сесть рядом Лёне:

– Здесь занято. Здесь тоже. Иди на задние ряды.

Первому, естественно, дают слово главе районной администрации. Тот начинает рассказывать, сколько за последние четыре года построено и отремонтировано в районе жилья, в каких населённых пунктах введены водоочистные комплексы и КОСы, сколько проложено километров подъездных дорог и каких успехов добились спортсмены. Конечно, о патриотическом воспитании молодёжи тоже.

Глава районной администрации моложав, раньше возглавлял газоперерабатывающий завод. Это его первый срок в должности, но, похоже, не последний. Говорит глава и об их посёлке. Один из самых живописных населённых пунктов района – вековая тайга, река, озёра, отличная экология. Нет проблем с жильём, а это в районе редкость, в хорошем состоянии школа и детский сад. Но дом культуры до сих пор без централизованного отопления, это плохо. В ближайшее время вопрос будет решен, средства выделены, есть фирма, которая готова их освоить. Выделаны средства и на проектирование участковой больницы, врачебная амбулатория для такого посёлка вчерашний день. Тоже есть фирма, которая освоит выделенные средства. Администрация знает о ситуации, в которой находится экспедиция, и готова помочь тем, кто хочет открыть собственное дело. Малый бизнес – резерв, который необходимо задействовать, это рабочие места и поступления в бюджет.

– Если есть вопросы, я готов ответить, – заключает выступление глава и внимательным взглядом обводит зал. – Пожалуйста.

Какое-то время тихо. Это потом люди разойдутся, а пока начинать первым никто не решается. «Давай!» – командует себе Айтышев и поднимается.

– Вы так хорошо рассказали о посёлке, будто мы не живём здесь, а прилетели с Марса. Большое вам спасибо!..

Айтышев чувствует, как замер зал, не зная, как реагировать, - шутка это или издёвка. Видит подавшегося к главе района и что-то тихо говорящего ему Петлёваного. Петлёваный тоже в президиуме – сидит, как полагается на таком собрании, по правую руку от главы.

Айтышев ощущает в себе такие уверенность и силу, что пальцы, сжавшие спинку кресла впереди, продавливают дерматин, проваливаются сквозь него и поролон до металлической основы. «Спокойно! – радостно сдерживает он себя. – Спокойно!..»

– Давайте по существу, – говорит глава.

– Хорошо, по существу. Меня интересует, почему районная администрация не считается с мнением людей? Две недели назад мы написали коллективное письмо, реакция – ноль! Мы обращались в прокуратуру, реакция – ноль! Почему так, хочу знать?.. Вы красиво говорите про экологию, а у нас рубят кедрач, больше половины уже вырубили. Как людям жить? Как жить малоимущим? Вы знаете положение с заказами в экспедиции, скоро мы все малоимущими станем. Почему не можете остановить жуликов? У вас власть!..

Айтышев поворачивается к залу. Он обойдётся без купленных и хитрожопых, но интересно знать, как остальные относятся к его словам. У большинства лица внимательные, сочувствующие, но есть и насмешливые. Некоторые смотрят безразлично – этим всё равно, справедливость им до фени. Кузьмича не видно, может, вообще не пришёл на собрание. Иван Волобуев сидит с постным выражением, смотрит прямо перед собой. Федосов прикипел глазами, подался вперёд, его хищноватое быстрое лицо заострилось ещё больше. Всплывают слова Александра Михайловича, когда они возвращались с дачи. О бывшем перестройщике, дорвавшемся до власти. «Точно! – озаряет Айтышева – Точно!..»

– Или вы не хотите ничего делать и специально не

останавливаете? У самих рыло в пушку, акционеры этого самого ЗАО, которое валит кедрач?.. А что, дело выгодное, кедровая древесина дорогая!.. Или откат отрабатываете, что разрешили? Чего молчите? Люди должны знать, кому спасибо сказать, в ножки кланяться!..

Теперь уже оглядываются на него. Весь первый ряд в зале занимает милиция, в основном это немолодые, с животами майоры и подполковники. Всё, что происходит вокруг, Айтышеву врезается в память сейчас отчётливо и остро. В президиуме директор экспедиции тоже. Приблизив к главе района лицо в очках, что-то говорит, как недавно Петлёваный. И этот характеризует. Как – понятно.

– Вы говорите общие слова. Вы кого конкретно обвиняете?

– Вас! Вы руководитель, вы должны отвечать за то, что происходит в районе. Развели коррупцию, сволочи продажные!..

Зал и раньше тихий, замирает. Такие слова начальству… В этой тишине слова главы района звучат особенно веско:

– Ваши обвинения в мой адрес безосновательны. Я подам на вас в суд за клевету и оскорбление.

Ответить Айтышев не успевает.

– На меня подайте в суд! На меня!.. – громко заявляет в дверях Валентина Галушко. И проходит в зал, останавливается перед сценой.

Она отнесла детей домой и вернулась. Для Айтышева это приятная неожиданность.

– Из комиссии уже приезжали, типа, мало у меня на одного ребёнка приходится. Заберём, говорят, в приют. Я при всех предупреждаю, ещё раз приедут – убью! Где это видано, у матери детей забирать! Сажайте!.. Раньше ореха наколотим, грибов наберём, ягоду, а сейчас чего? Куда идти, где брать? Валерка Айтышев правильно говорит – как нам жить? Это ещё муж работает, а сократят?..

Айтышев подхватывает:

– Почему нельзя ничего добиться? Почему? Вон сидит с вами рядом, глазки опустил. Имущество экс-

педиции втихаря распродаёт, назначил себе зарплату, столько целая бригада не получает. Почему? Где справедливость?

– Правильно! – опять вступает Валентина. – Поносите советскую власть, а сами? Зажрались! По карманам всё рассовываете, вы ещё хуже!

– Что им наше мнение? С них как с гуся вода. – И Айтышев опять поворачивается к залу, повторяет недавно слышанное. Оно ему кажется сейчас таким горьким и точным: – А Васька слушает да ест!

– Верно, слушает и ест. Никак не нажрётся, – замечает кто-то на задних рядах.

– Порву!.. – вдруг раздаётся в зале. Это кричит Лёня Соколкин. – Медведев сказал, Путин сказал!.. Бороться!.. Коррупция!.. Калёным железом! Покажите мне!.. Медведев, Путин!.. Порву!..

С первого ряда на Лёню поначалу оглядываются с ухмылкой. Вот дурачок, всерьёз принимает кремлёвские речи… Но ухмылки скоро исчезают. Вид у Лёни дикий. Те, кто сидит рядом с ним, отшатываются в стороны. Лёня продолжает несвязно выкрикивать, его пытаются успокоить. Наконец два милиционера помоложе направляются к Соколкину, выводят из зала.

– Вызовите медика, – распоряжается глава районной администрации, поднявшись и зачем-то одергивая пиджак. Он неодобрительно смотрит на Валентину и Айтышева. – Критиковать все имеют право. Но надо иметь в виду, в зале могут находиться нездоровые люди… Какие ещё будут вопросы? Задавайте, я потом отвечу на все по очереди.

Айтышев не согласен. Приём известный, хочет заболтать, спустить на тормозах.

– А зачем откладывать? Отвечайте сейчас, мы хотим знать, почему администрация не реагирует на коллективное письмо! – Полузабытое победительное чувство несёт Айтышева, он знает, от его напора и воли многое теперь зависит. Практически, всё.

– Вот именно! – подхватывает Валентина. Но женщина есть женщина, сбивается на своё: – Пособие на

детей слёзы, материнский капитал трогать нельзя, а как как ростить детей? Вы в магазинах давно были? Зайдите, поинтересуйтесь! Или у жены спросите. Сейчас что на взрослого купить, что на ребёнка – цена одна! Демографию они поднимают, рождаемость увеличивают!..

Одни в зале поддерживают её, другие хотят знать, что будет с экспедицией. Айтышеву и Валентине это тоже интересно, и они на время замолкают.

Ничего нового. Глава поднимал вопрос перед губернатором, но нефтедобывающие компании давно уже коммерческие структуры, заставлять их делать заказы на разведочное бурение значит идти против принципов рыночной экономики. В Совете Федерации есть депутат от региона, он лоббирует государственное финансирование геологии. Наметились кое-какие сдвиги в этом вопросе.

Зал молчит. Хорошего мало.

– Надо рвать когти, – раздумчиво говорит кто-то. То ли шутит, то ли всерьёз. Наверно, молодой. А куда уедешь, если семейный, здесь квартира и другой профессии нет?..

Глава администрации старается не упускать инициативы. Обещает сделать всё, что от него зависит. Снова предлагает желающим заняться малым бизнесом, открыть собственное дело. Поворачивает голову к директору экспедиции, может, тот хочет что-то сказать. Но директор опускает очкастое лицо, смотрит в стол и молчит. Его должность от выборов не зависит.

Поступают вопросы о тарифах ЖКХ, вопросы помельче. Генкин тесть, бывший заведующий орсовским магазином, а теперь его владелец, предлагает построить в посёлке мечеть. Он круглолиц, курнос, со светлыми волосами – не скажешь, что татарин. Наверно, казанский. Как обычно, жалуются на качество воды. Когда начнётся строительство КОСов? Жидкие бытовые отходы сливают за посёлком, загадили лес. Правда ли, что после выборов вырастут цены на автобусные билеты до города?..

Всё, как всегда. Кое-где люди уже поднимаются и,

стараясь не обращать на себя внимания, потихоньку выходят из зала.

Когда глава администрации начинает отвечать на поступившие вопросы, Айтышев следит за каждым словом. Его непримиримость и сила должны передаться другим. Как только в словах главы появляется пауза, он тотчас вклинивается. В голосе такой накал, что собравшиеся было уходить останавливаются в дверях.

– Прежде всего, я хочу поблагодарить вас… – неожиданно заявляет глава района и смотрит в листок перед собой. – Валерий Ильясович. Поблагодарить за то, что вы неравнодушный, болеющий человек. Что близко к сердцу принимаете всё происходящее в посёлке. – Лицо главы администрации озабоченно-серьёзное. – Я взял на заметку ваши вопросы. То, что с кедрачом происходит, безобразие, если соответствует действительности на самом деле. Я сейчас не готов ответить по существу, мне понадобится день-два, чтобы разобраться и наказать виновных, если такие окажутся.

Айтышев не знает, как отнестись к этим словам. Хитрит? Хочет сбить градус?.. На всякий случай заявляет:

– Я сказал правду. Можем пойти прямо сейчас на гриву, сами убедитесь. Предупреждаю, если валить кедрач не перестанут, я подам в суд. Конкретно на вас! Вы покрываете коррупцию. Пилите бюджет и за откаты подкармливаете нужные фирмы!..

Последние слова говорятся почти наугад, хотя некоторые детали доклада главы администрации дают основания так думать. Но и теперь глава остаётся невозмутимым. Лишь первый ряд опять оборачивается к Айтышеву. Лица у милиционеров недобрые.

В вестибюле после собрания Айтышев чувствует, что он здесь особый, чужой. Люди, негромко переговариваясь, выходят из зала, их много, большинство досидели до конца. Но вокруг Айтышева пустота. Никто от него не шарахается, но и не заговаривает, не шутит. Все стараются не встречаться с ним глазами. В том числе мелькнувшая рядом телевизионный корреспондент. Не подошла всё-таки.

Айтышев усмехается. К такому отношению ему не привыкать.

– Я о тебе в историю запишу. Достоин! – говорит Кузьмич.

Взгляд его не юлит, как у других, лицо в сивой щетине не выглядит довольным. Кузьмич всё-таки был в зале, сидел, наверно, где-нибудь на задних рядах.

Айтышев смотрит на него высокомерно.

– Когда убьют, тогда запишешь. Тебе надо, чтоб человек пострадал. Так это скоро.

Домой он возвращается в одиночестве, попутчиков ему не находится. Неторопливо шагает, с удовольствием дышит апрельским воздухом, особенно вкусным после спёртого воздуха зала.

Перед подъездом своей «деревяшки» он вспоминает, что не взял фонарик. Но на улице ещё не стемнело, вряд ли кто в тамбуре его поджидает, светить в глаза не придётся. Просто на будущее надо иметь в виду, всё может быть.

8

Кедрач вырубили и успели вывезти до распутицы.

Глава районной администрации на Айтышева в суд не подал.

Заявление на главу от Айтышева суд не принял.

Айтышева никто не тронул.

2013 – 2014

СНОХАЧ БУСЫГИН
Повесть

1

– Во! – радостно выдыхает Марго от порога. – Трифоныч на вышке Наташку... Ей-богу!

Голос у Марго с пропоистой хрипотцой, передних зубов наполовину нет, но это Марго не смущает. Она во весь рот улыбается, её круглое лицо исходит жизнерадостностью. Марго с размаха хлопает себя по ляжкам.

– Ну, старый хрен! Завалил Наташку на стол и – вперёд!.. Зыркнул на меня, думала, убьёт. Олежка узнает – чего будет!..

Женщины переодевались в пропахшие рыбой телогрейки (предстояло кормить лисиц) и на слова Марго прореагировали не сразу.

– Да ты чего? Он же свёкр ей!.. Поддала уже? Или со вчерашнего не отошла?

Но Марго сбить с толку невозможно.

– Вот этими глазами видела! Чтоб я сдохла, если вру! – Марго заводится, зрачки её загораются дурным огнём. – Если свёкр, так не мужик, что ли? Прибор работает!.. Наташка молодая, а Олежка неделями дома не бывает, коммерсант хренов. Ей что, не хочется? Особая какая?..

– Откуда знаешь, что прибор работает? Проверяла? – подначивают женщины. Отношение к Марго на звероферме особое.

– Предложит – проверю, ломаться не буду! – Переходы настроения у Марго стремительные, она уже сипло хохочет. Что-что, а недотрогой Марго назвать трудно. О её любвеобильном нраве ходят легенды не только в Рябинках, но и среди матросов местной линии

речфлота. – О, о, смотрите, Трифоныч на кормокухню подался. А чего, сделал дело – гуляй смело!..

Глядя в окно на пожилого мужика – сторожко оглядываясь, тот спешит от смотровой вышки, – Марго опять смеётся. В её смехе расположение и товарищеское сочувствие. Мол, нормально, чего тушеваться? Так от природы положено.

Переодевшись в лоснящиеся, остро пахнущие лисьим кормом телогрейки, женщины тоже подступают к окну. И по тому, как торопится и на ходу озирается звероферм овский повар Трифоныч, понимают: Марго не наврала. Что-то и в самом деле на вышке произошло.

Ну, Наташка, кто бы подумал!..

– Она не вырывалась, не кричала? Может, он силой?..

– Ага, нашли дуру! Кто вырывается, если под хорошего мужика попадёт? Одни импотенты кругом!..

– Ты, Маргарита, не трепись нигде, – внушительно говорит самая старшая из женщин. – Мало ли чего в жизни бывает. У Наташки семья, зачем проблемы? Олежка дурной, ещё застрелит отца.

Марго с готовностью поддакивает:

– Конечно, конечно! Зачем я буду им жизнь портить? Я чего, тупая, не понимаю?

И лицо у неё при этом становится весёлым и мстительным.

2

Олег скучно смотрел на вишневого цвета дверь с богатой бронзовой ручкой. Двойная. Ничего из-за такой не услышишь. Чего совещаются? Больше часа уже…

– Командир, веди в туалет. Мочевой пузырь у меня не резиновый.

Испуг прошёл, и привычное состояние нагловатой уверенности возвращалось к Олегу. Что они ему могут сделать? Ну, слегка помяли для профилактики. А если разобраться, он для них ценный кадр. Неизвестно ещё, для чего охранник больше приставлен: чтобы он, Олег,

не слинял или чтобы ни одного волоса с его головы не упало. Случись что, кто ссуду возвращать будет?

Охранник, мясистый молодой мужик в камуфляже, взглянул на Олега исподлобья. Его поведение охраннику не нравилось.

– Руку! – Он щёлкнул наручниками на своём запястье, потом на Олеговом. Приковывать к себе было совсем ни к чему, но охранник хотел, видимо, показать, кто здесь главный. – Гуляй за мной.

Олег усмехнулся. Гнилой мужик!.. Но через минуту уже об этом не думал. Он шёл по светлым, с дорогими картинами на стенах коридорам банка, с удовольствием смотрел на двери с роскошными табличками, вдыхал пахнущий деньгами и успехом воздух, – и душа подрагивала от счастья.

Молодцы ребята! Умеют!.. И его место в их мире. А все эти прилизанные клерки и увешанные золотом бабёнки (как от заразного к стенке шарахаются!) ещё будут, будут целовать ему задницу!..

Собственно, в туалет Олегу не нужно было. Просто он давно подметил: лучше всего о фирме говорят туалеты. И если случалось бывать в солидной, не мог отказать себе в удовольствии заглянуть туда. Сверкающие роскошью итальянских смесителей и белоснежных писсуаров помещения! Запахи дорогих освежителей и жидкого мыла в элегантных флаконах!..

– Здесь-то отпусти, – сказал он охраннику. – Не боись, через окно не выпрыгну.

Тот пожал накачанными плечами, разъял стальную скобу на Олеговом запястье.

– Куда ты от нас денешься – четвёртый этаж… На задвижку не закрываться, понял?

– Как скажешь, начальник!

Олег прикрыл за собой дверь. В ноздри остро вошла свежесть моря. В ясных, с едва уловимым свинцовым оттенком зеркалах до малейших подробностей отражался крутой евростандарт.

Ей-богу, в таких апартаментах жить можно!

Он причесался, поиграл со смесителем (такого Олег

ещё не видел: вместо привычных кранов – массивная никелированная рукоятка, которой всё сразу и регулируется, температура воды и напор). Уважительно прищёлкнул языком.

Подумаешь, нет денег ссуду вернуть! Фигня, всё будет путём!.. Роскошь туалета непонятным образом убеждала его в этом.

– Шустрее! – послышалось из-за двери. – Вызывают!

Олег ещё раз провёл ладонью по коротко стриженым волосам, с сожалением окинул взглядом сверкающее и лоснящееся великолепие.

– Подождут. В штаны мне, что ли?.. – Но задерживаться всё же не стал. С этими мужиками перебарщивать нельзя, отобьют почки.

Охранник спрятал мобильник, по которому, видимо, только что получил цэу, торопливо щёлкнул наручниками. В его движениях сквозила непривычная суетливость.

– Строго тут у вас, – насмешливо прищурился Олег. – Платят хоть нормально?

Охранник шёл рядом, сопел и ничего не говорил.

Через полчаса они уже были в аэропорту. Предстояло лететь в Рябинки. Как Олег понял, через день-два приедут описывать его имущество. А пока, значит, он будет под домашним арестом. Под присмотром этого терминатора.

– Пошли покурим, – дружелюбно предложил Олег. Мужик гнилой, но мосты наводить надо. – У меня уже уши в трубочку сворачиваются. Прикинь – с утра не курил!..

Скучно в этот час было в аэропорту. Посадку на вертолёт объявлять не торопились. Через весь зал ожидания вытянулась на регистрацию очередь смирных вахтовиков из Самары. Эти улетали самолётом. Где-то нудно капризничал ребёнок.

Охранник молча вывел Олега на просторное крыльцо. От предложения закурить дорогой «Парламент» отказался, достал свою «Яву». Держит дистанцию, хмыкнул Олег.

– Слушай анекдот. Как тебя зовут?

Охранник помолчал, потом буркнул:

– Илья.

– Так вот, Илюха. Приезжает, значит, один мужик из наших мест в Париж. Ну, всякие там достопримечательности смотрит, Лувр и всё такое. Повезли его к Эйфелевой башне. А там целая толпа. Все не на башню смотрят, а на какого-то мужика. Тот стоит и пускает по-русски матюги. Наш к нему подходит, мол, ты чего? А тот: земляк, я четвёртый раз в Париже и каждый раз сюда прихожу. Ну когда эта долбаная вышка нефть наконец даст?!.

Олег первым засмеялся, откидываясь всем телом назад. Но тут же замолчал и стремительно потянул охранника за собой. От рейсового автобуса к крыльцу аэропорта шёл средних лет мужчина в собольей шапке. Олег принялся кланяться ему в пояс, куражливо зачастил:

– Спасибо, отец родной, спасибо! Век помнить буду! Дай тебе бог здоровья, Валентин Степанович!.. – Насколько позволял упирающийся и ничего не понимающий охранник, Олег поднял вверх перехваченное наручниками запястье. – Из-за тебя, кормилец, повязали, чтоб ты сто лет жил и двести раком ползал! Спасибо, Валентин Степанович, спасибо, благодетель!..

Обойдя стороной, мужчина в собольей шапке скрылся за дверью зала ожидания. Вышедшие вместе с ним из автобуса люди с усмешкой поглядывали на Олега.

– Ты это кончай, – тихо, сквозь зубы сказал охранник. – У меня лицензия, я школу Виннера кончил. Удар правой сто пять килограммов, понял?!

Олег не спускал глаз с прозрачной, из толстого стекла двери.

– Я его ещё в вертолёте позорить буду! Я его достану, отвечаю!..

Охранник помедлил.

– Кто это?

– Глава нашей администрации. Пожалел дать подряд на содержание зимника. Сейчас бы проблем у меня не было! – Олег поиграл желваками и с чувством добавил: – Мудила!.

3

Мартовский день с январским не сравнишь, пусть даже будет мороз. Зимой всё мёртвое стоит. А в марте кора осинника на другом берегу Ваха уже зелёная. Значит, пошла работа. Началось.

Трифоныч, раздувая ноздри, остановился посреди двора. Весной пахнет. Такие дни бывают зимой в оттепель, но то обман. Работа начинается сейчас. Солнце оплавило снег, он стал крупчатый, сверху превратился в блескучий наст. Две-три недели – и начнёт собираться под ним вода, хлынет ручьями в реку… Вон и кончики веток на берёзе уже красные.

Пошло дело!

Кажется, столько ещё времени до лета, а жизнь начинается теперь. Жизнь торопится сделать, что ей полагается. Это если говорить про деревья. Лошади, коровы и овцы живут по-своему. Но жизнь им даёт то, что растёт из земли. Через них – человеку. Что человек сам по себе? Зверем бы стал, в норе бы жил…

В узкое, похожее на бойницу окошко стайки вываливались шматки навоза пополам с сеном. Показывались и прятались обратно вилы работника. Заходить в стайку было ни к чему – пропахнешь навозом, а это сейчас некстати, – но Трифоныч не удержался. Мысли о работе, которой с каждым днём всё больше наполняется окружающая жизнь, требовали зайти.

Под низким потолком бревенчатой стайки было тепло, привычно и хорошо пахло коровами. Бусыгин прошёл мимо вяло помахивающих хвостов, заглянул в отделение к Червонке, любимице. Корова повернула к нему голову, узнающе мыкнула. Своим большим животом она напоминала дирижабль и едва помещалась между дощатыми стенками. Крупные влажные глаза смотрели мученически и удовлетворённо. Червонка вот-вот должна была отелиться.

Бусыгин почесал кучерявый лоб тупо уставившемуся на него быку. Прошёл к огороженному закуту, где под низко опущенными сильными лампами гре-

лись недавно родившиеся поросята. На секунду задержался у яловой Комолой.

Надо убирать.

И Червонка, и поросята, и глупый бык работали, делали своё дело. Червонка, как и другие коровы, носила телёнка, потом начнёт давать молоко. Поросята росли, укреплялись в жизни, набирали вес. Бык копил силу, чтобы летом отдать её стаду. Трифоныч чувствовал, они заодно с ним, делают одно и то же дело, неизвестно кем и когда человеку и скоту назначенное. А Комолая не хотела быть, как они, как Бусыгин. Не хотела работать, делать назначенное. Пустоцвет. Сорная трава.

– Ясли поплотней сделай. Набей пару реек, – сказал Трифоныч работнику. – Много сена затаптывают.

Работник продолжал размашисто бросать в окошко навоз, не обращая на его слова внимания.

– Андрюха, тебе говорю!

Работник остановился, вынул из уха фитюльку на тонком, уходящем за пазуху проводке.

– Чего?

– Ясли, говорю, плотнее сделай. Вон сколько сена в навозе… Что это у тебя?

– Плеер. Музыку слушаю.

Бусыгин пошевелил бровями, задержал на работнике взгляд. Под сорок мужику, а забавляется, как пацан. Им бы оглушить себя – музыкой или водкой, неважно. Главное, чтобы не думать. Что за народ такой?..

За калиткой было просторно. Взлетающее с каждым днём всё выше солнце било в глаза, ощутимо грело лицо. Длинная сельская улица по бокам была отороче-на слепящими сугробами. Редкие прохожие здоровались с Трифонычем первыми.

Встретиться с директором школы он договорился ещё утром. И сейчас шёл к двухэтажному типовому зданию с приятным чувством. Не только потому, что надеялся продать в школьную столовую мясо Комолой. Директора Бусыгин уважал. Это был понятный ему человек.

На полпути Трифоныч обнаружил, что забыл сига-

реты. Надо зайти в магазин. Из-за печки «Прима», конечно, лучше – сухая, но не возвращаться же домой. На воздухе его всегда тянуло закурить.

В холодном кирпичном магазине пахло апельсинами, турецкими кожаными куртками и селёдкой. Народа не было, лишь у прилавка, облокотясь, стояла Валентина Нефёдова и разговаривала с новой продавщицей. А что ей ещё делать, подумал Бусыгин. Мужа похоронила, сыновья с семьями живут отдельно. Вот и ходит в магазин, как в клуб, – язык чесать. Обычно народа здесь хватало.

– Трифоныч, а я Татьяну твою видела! На рынке обувью торгует! – громко, как о великой радости, сообщила Нефёдова. – Говорит, от хозяина. Холодно на морозе целый день, зато выходит у неё неплохо! Тысяч, говорит, по пять каждый месяц хозяин платит. Это сколько ж тебе, Трифоныч, за эти пять тысяч надо корячиться?!

Дурная, подумал Бусыгин. Что на уме, то на языке. Видеть Валентину ему было досадно. Не потому, что слишком простая и всё что угодно может ляпнуть. Стыдно было думать, что спасла его в послевоенную голодуху вот такая вот женщина.

– Как ты один живёшь-то? – не отставала Нефёдова. То, что Трифоныч хмуро зашевелил бровями, её не остановило. Склеротические щёчки Валентины ярко рдели, глаза смотрели ясно, наивно. – Вы с Татьяной развелись или как? Её целый год в деревне нет – где, думаю. Говорит, дочери помогаю, потому живу в городе, на рынке, дескать, торгую. А ты как? Тебе кто помогать будет? Хозяйство вон какое!..

– Разберёмся как-нибудь, – скупо сказал Бусыгин. На Нефёдову он не смотрел. Глаза обегали полки, тесно уставленные импортными товарами в красивых цветных упаковках. – «Прима»есть? Или всё уже заграничное? – спросил он продавщицу, недавно приехавшую с большой земли, по-городскому сухопарую, в щеголеватом голубом переднике.

– А то смотри, невесту тебе найдём! – вела своё Нефёдова. И вдруг хихикнула: – Я хотя бы. С детства к тебе симпатия, а то не знаешь!..

Бусыгин чуть не выругался. На похороны копить надо, а не замуж собираться!.. Валентина всё не могла остановиться:

– Паша, подумай, какая жизнь хорошая настала! Вспомни, как на рыбоучастке работали!.. – Она теперь испуганно переводила взгляд с Бусыгина на вежливо молчащую продавщицу и обратно. – Из сил выбьешься, пока из протоки рыбу привезёшь. Кровавые мозоли от вёсел! И всё быстрей, быстрей, чтоб рыба не завоняла, первым сортом сдать, а то бригадир отчехвостит!.. Сейчас работай на себя, фермером становись или так, ещё спасибо скажут! Силы только нет. Молодым хорошо, которые позже родились, рыбоучасток их не тиранит. И ты, Паша, ещё ничего, крепкий мужчина, ещё при капитализме богатый станешь!..

– Ага, миллионером, – хмыкнул Бусыгин.

– Это ты правильно, что на пенсию не идёшь. – Нефёдова завелась, теперь её не остановить. – Какая от пенсии польза? Так с работы корму принесёшь, скотине задашь – чего хозяйство не держать, когда на звероферме работаешь? Всё под рукой, не ленись, носи!..

Трифоныч налился кровью.

–Дура ты, Валентина, – сказал он. – Как с молодости ума не было, так и пошло!.. Чужого человека постеснялась бы.

Нефёдова удивилась, взглянула на продавщицу.

–А чего я сказала? Кто не знает, что со звероферм таскают? Не ты один. Марго, так та комбикорм на водку меняет, вчера мешок загнала!.. Не правда, что ли?

Видеть ясные Валентинины глаза не было сил. Трифоныч безнадёжно покачал головой и, быстро расплатившись, вышел из магазина. От греха подальше.

Кусок хлеба с комбижиром

– На! На!.. – Не вынимая из кармана руку (пусть думает, что у него в кармане хлеб или варёная картофелина), Пашка сделал шаг к Рябому. Топорик он спрятал за спину.

Пёс недоверчиво отскочил. Он сторожко следил за

каждым движением хозяина, по пегой морде было видно, что в нём борются голод и страх.

– Чего ты! На! – Пашка сделал вид, что достаёт из кармана съестное.

Рябой остановился, готовый податься к нему. Он жадно смотрел на Пашкину руку. Пашка бросил под ноги скомканную тряпку. И, когда Рябой стремительно кинулся к ней, взмахнул топориком.

Пёс с визгом отскочил, перемахнул через тёмные хлысты ограды и, скуля, понёсся вдоль улицы. Пашка чуть не заплакал. Не попал! В животе давно перестало бурчать. Он был сейчас сплошной ноющей раной.

Пашка не заметил, как с другого конца улицы подошла Танька Земскова и две девчонки - калмычки из сосланных в войну. В руках Танька с достоинством держала портфель, единственный на всю деревню, – все остальные ребята в Рябинках ходили в школу с матерчатыми сумками. Танька из зажиточной семьи, её отца, передового охотника, даже на фронт не взяли.

Пашка заторопился в дом, но Танька всё же успела крикнуть:

– Не переживай! Приходи к нам, у нас кошка сдохла!..

Окаменев от стыда, Пашка смотрел вслед девчонкам через давно не мытое окно. Танька ему нравилась. Нужно же было случиться, чтобы она всё видела!..

Когда Танька и калмычки скрылись за краем окна, Пашка внимательно осмотрел избу. Он знал, что нести менять больше нечего, но всё же порыскал глазами по углам. Оставалась икона на стене под потолком, да кто её возьмёт?..

Если найти несколько горошин, можно было бы их распарить, насадить на крючок и попробовать поймать сороку. Рыба в речке сейчас не ловится – потемневший, в трупных пятнах лёд отошёл от берегов, вот-вот тронется. Но где возьмёшь горох? Последнюю заначку Пашка съел два дня назад. Топорик тоже менять нельзя, пригодится. И дрова порубить, и так… Пашка сглотнул голодную слюну.

Он залез на печку, закопался в оставшееся от матери

тряпьё, пробуя заснуть. Во сне голод не так донимает. Но заснуть не получалось. Пашка уже начинал жалеть, что сбежал из интерната. Конечно, там старшие пацаны бьют и порции отнимают, но иногда что-то достаётся.

Голод делался нестерпимым. Пашка слез с печки, пожевал приготовленную для растопки бересту. Выплюнул. Пойти на болото, поискать перезимовавшую под снегом клюкву?.. Но там сейчас полно талой воды, промокнешь и ничего не найдёшь. Да и дойдёт ли он до болота?..

Оставалось одно – на конюшню, к Вальке. За недостатком мужиков её недавно поставили конюхом. Идти не хотелось, но голод был сильнее.

Пашка вышел на улицу, глянул в обе стороны, не видно ли собак. С тех пор, как он стал их есть, собаки чуяли в нём врага и, завидев, остервенело набрасывались. Следовало остерегаться и служащих комендатуры – заметят, отправят обратно в интернат.

Из-за пригорка, трудно мотая головой, поднималась запряжённая в сани лошадь. Снег на дороге почти стаял, полозья шли по раскисшему суглинку. На передке саней, выставив в бок деревянный, формой смахивающий на бутылку протез, сидел фронтовик Алябьев и с удовольствием смотрел по сторонам. Вслед за его санями поднимались ещё двое, на каждых – тяжёлый ларь с рыбой.

С дальних озер возвращаются, понял Пашка. Он с надеждой смотрел на приближающиеся лари – а вдруг выпадет рыбина?..

– Чего зыришь? – радостно закричал Алябьев. И оттого, что наконец-то прибыл домой, что впереди баня, стакан самогона и мягкая тёплая жена, вытянул от полноты чувств Пашку кнутом. – С дороги, кулацкое отродье!..

Пашка затравленно сиганул в сторону. Стоя по щиколотку в грязи, подождал, когда пройдёт обоз. Надеялся он напрасно, ни одной рыбины не выпало из ларей. Даже паршивого чебака.

Вскоре он уже был в полутёмном помещении, низком и широком, смотрел на спешащую к нему грудастую девушку в телогрейке и кирзовых сапогах.

– Помогать пришёл! – уверенно сказала Валентина,

глядя ему прямо в глаза. – Дак наши лошадки заслужили, чтобы за ними ухаживать! Невода разве таскать легко? Всю зиму наши лошадки на сорах и озёрах работали, план давали. А ты сын погибшего трудармейца, обязан помочь. Это твой вклад в восстановление разрушенного фашистскими оккупантами народного хозяйства!..

Пашке казалось, он чувствует пыльный, сытный запах овса из чулана, ключ от которого хранился в кармане Валентининой телогрейки. Ему было стыдно, что Валька его любит, что она такая взрослая и что пригнал его сюда голод.

– Завтра пасха, дак ты смотри, на кладбище не ходи! – неизвестно к чему заговорила девушка. – Это только несознательные старухи ходят, а ты будущий комсомолец, я тебе рекомендацию в организацию дам… У тебя кто в Рябинках похоронен?

Пашка, соображая, как попросить овса, замешкался.

– Ты чего, язык проглотил?

– Дед, сестра маленькая… Мама недавно.

– А Колька где?

– Убежал. Ещё в прошлый год.

– Несознательный! Не понимает заботы советской власти твой брат! – рассердилась Валентина. Но тут же и отошла: – Дак ты, Паша, смотри, на кладбище не ходи. Насчёт души попы придумали, чтобы дурить людей. Я в комендатуре на лекции была, там рассказывали… Бери скребок, пойдём лошадей чистить.

Пашка собрался с духом:

– Валь, овса дашь?

Девушка в ужасе округлила глаза.

– Да ты чего!.. Это ж народное имущество!.. Ты, Паша, избавляйся от кулацкого духа. Твой-то отец своей жизнью искупил. – Она остановила на нём взгляд ясных выпуклых глаз, наконец сообразила: – Есть хочется? Голодный?

Пашка молчал. Валентина достала из кармана газетный свёрток, подала Пашке.

– Ешь!

Пашка деревянными руками принял свёрток, стал неловко разворачивать.

– Думала сегодня на обед домой не идти, теперь-то уж пойду. Так даже лучше, горячих щей поем!.. А хлеб, знаешь, с чем? – Валентина смотрела на бутерброд в Пашкиных руках. – С комбижиром! О таком, небось, и не слыхал? Из братова пайка, им в комендатуре полагается. Ешь, ешь! Я тебе завтра ещё принесу.

Пашка отвернулся и впился зубами в хлеб. Валентина захохотала.

– Паш, ты аж дрожишь! Собака, ей-богу, собака!..

4

Выступать в вертолёте Олег не стал. Тем более, что Валентин Степанович, торопливо мелькнув собольей шапкой, уселся в другом конце салона, подальше от него.

Олега заинтересовали трое мужчин в добротных, по всему видно, заграничных пуховиках. Лица у них тоже были какие-то нерусские – слишком довольные и доброжелательные. Иностранцы, понял Олег.

Вертолёт на этот раз дали почему-то не пассажирский, с мягкими, как в автобусах, сиденьями, а грузовой, с двумя длинными лавками вдоль бортов. Жителям дальних деревень это было на руку. Всё пространство между лавками они заполнили битком набитыми клетчатыми сумками.

– Бизнес! – с покровительственной усмешкой кивнул на сумки Олег, когда поймал взгляд одного из иностранцев.

За грохотом двигателя иностранец сказанного, конечно, не расслышал, но с готовностью закивал. Судя по всему, он и два его товарища работали в российско-канадской компании, находившейся километрах в пятидесяти за Рябинками. О существовании такой Олег слышал, но ни с кем там знаком не был.

Когда вертолёт сел на дозаправку, Олег подошёл к канадцу. Тот, отступив от выложенной бетонными плитами площадки, говорил по мобильному телефону и улыбался.

– Удобная штука, – Олег показал на трубку. – Всегда под рукой. Аппарат не нужен, провод не нужен… – И соврал: – У меня тоже такой есть. Дома оставил.

Канадец предостерегающе поднял вверх указательный палец. По-прежнему улыбаясь, сказал в мобильник ещё несколько фраз и лишь потом отключил его.

– Хорошая вещь, говорю, – Олег приложил к уху воображаемую трубку. Сейчас он жалел, что толком не выучил в школе английский. Приходится, как дикарю, объясняться знаками. Чем чёрт не шутит, может, это знакомство когда-нибудь пригодится. – Вери велл. Как у нас в рекламе говорят, весь мир на тарелке!.. – И Олег изобразил ладонями спутниковую антенну, парящую где-то высоко над ними в космосе. – Глобализейшн!..

– Так-так, добра рич, – неожиданно сказал канадец.

Олег опешил.

– Ты что, хохол?.. Вы, то есть.

Канадец засмеялся.

– Так, хохол. Мий дид у Канаду прымандрував з Західнои Украины. Е такый таун… э-э, мисто Черновицы.

– А, бывший бандеровец, понятно!

– Дид нэ е бандэровэць, – упрямо замотал головой канадец. – Пан Бандэра воював з нимцями та советамы пизниш. Мий дид з Австро-Угорськои импэрии прымандрував, щэ до пана Бандэры…

Нужно было срочно менять тему разговора. Скользкое это дело, национальный вопрос.

– Мой сикьюрити, – сказал Олег, небрежно кивнув на охранника Илью, который ни на шаг не отходил от него. В вертолёте он снял с Олега наручники и теперь внимательно следил за каждым его движением. – Я деловой человек, бизнесмен, но ещё немного занимаюсь охотой. Так что если нужен хороший мех, могу помочь. Ну, соболь там, лисица, белка… Жена мех любит?

– Айм диворсд…э-э, у шлюби нэ жыву. До того ж люды з Грынпису у нас хутрови рэчи фарбою облывають. Кажуть, цэ е бэд, тварын вбываты.

– А с кем тогда по мобильнику ворковал?

– Та з сыном. Вин у коллэджи навчаеться. Зараз в Монрэали ранок, я йому затэлэфонував, розбудыв.

Охранник Илья засопел и сказал вполголоса:

– Ни фига себе. От нас в Канаду звонит, сына будит!..

– Нормально, – веско заметил Олег. Он понимал канадского хохла с пятого на десятое, но на этот раз всё разобрал. – Глобализация, слышал такое слово? Чем вы только в своём банке занимаетесь… Глобализейшн, правильно говорю? – обратился он к канадцу. – Мир на тарелке, новые информационные технологии!..

Заправка вертолёта шла неторопливо. Внушительный гофрированный шланг торчал ещё в первом баке. Оба пилота и штурман, накинув короткие лётные куртки, вальяжно стояли у спущенной на землю дюралевой лесенки и щурились на солнце. Пассажиры бродили вокруг устало опустившего лопасти вертолёта. От площадки тянулась набитая снегоходами дорога к домику авиакассы, на котором виднелось выбеленное морозами приветствие прибывающим в село.

– Эх, мужики! – воскликнул вдруг Олег и крепко ударил кулаком в ладонь. – А ведь у меня был шанс! Вот такой шанс!.. Сейчас бы тоже приезжал в Россию в командировку, а жил за бугром, как ты, хохол. Чуть-чуть везения не хватило!.. – От переполнявших его эмоций Олег плюнул под ноги.

– Не вешай лапшу, – хмыкнул охранник.

Канадец, поглядывая на них, непонятно улыбался.

– Здоровьем клянусь! – Олег на кавказский манер завращал глазами. – Сыном клянусь!.. Ладно, расскажу, – сказал он, быстро успокаиваясь. – Слушайте сюда.

Сказ об удачливом сопернике

– Был в моей жизни экстремальный период, мужики. Я вообще человек рисковый, по краю хожу, но не об этом сейчас речь. Мне в газете советовали о своей жизни написать – обещали с продолжением печатать, как бестселлер. Но это к слову. А если по делу, ситуация такая. Я тогда со своей россомахой практически не жил, были на грани развода. Скучная баба. Чего вы хотите, всю жизнь на звероферме. Какие у неё интересы? А тут молодая девчонка, студенточка, всё нормально. И в головке есть, и внешне всё на месте. Фейс енд боди

вери велл, йес, канада?.. Ну, почти фотомодель. Я тогда из деревни уехал, устроился в ЖЭКе. У меня восемнадцать профессий, клянусь! Я всё умею – и на бульдозере пожалуйста, и корочки помощника капитана речфлота имеются, и помбуром могу у нефтяников!.. Допустим, понадобится сейчас вертолёт поднять. Не сумею, думаете? Херня! Всё людьми придумано, разобраться не проблема. При Советском Союзе я сезон в Туркмении змей ловил. У них яд для научных целей брали. Вот где кайф! Всё время на нервах. Ещё фаланги на каждом шагу и скорпионы – конкретно!.. Ага. Поступает, значит, вызов из девятиэтажки. Протекает туалетный бачок, соседи внизу хай подняли. Я звоню в квартиру. Открывает девулечка в очках, на глазах слёзы. Не знаю, как вы, мужики, а я от женщин в очках балдею. Очки им что-то такое придают… Не могу сказать! Очки с неё снимешь, она такая беспомощная становится, столько чувств к ней сразу… Хотел бы я того козла встретить, который ей бачок ставил. Гнилой всё-таки народ у нас! Бачок был с трещиной, так что этот мудила сделал? Краской трещину залил! Естественно, какое-то время она воду держала, а потом бачок стал подтекать. Главное, сразу не понять, почему. Лариска нервничает, мне тоже не в кайф – профессиональная гордость задета, сами понимаете. Но разобрался! Бачок заменил бесплатно, был у меня в заначке. Потом пару раз заходил вроде как посмотреть, всё ли нормально. Хорошо познакомились. После одной халтуры я её пригласил в ресторан. Выпили, повеселились. Потом, естественно, секс. В общем, женщина в моём вкусе. И я ей, вроде, понравился. Короче, закрутилось у нас. Но что-то, замечаю, Лариска моя постоянно на взводе. Чем ближе к лету, тем больше. Думал, перед госэкзаменами волнуется – она иняз в пединституте заканчивала. Потом чувствую, нет, другое. Стал выяснять. Опаньки, в июле у неё свадьба! Должна выйти за бывшего одноклассника!.. Он тоже институт заканчивает, но на большухе, оттуда они все родом. Насчёт свадьбы, оказывается, родители ещё год назад договорились. Я ей: что за дела? У нас Кавказ? Что за

горские обычаи? Ты кого любишь, меня или его?.. А на Лариску мать давит. Эта жаба заведовала клубом в районе, специально купила в городе квартиру, чтобы было где молодым жить. А может, деньги отмывала, хрен её знает. Накручивает Лариску, дескать, подумай о перспективе. Кто он такой – я то есть. А у того парня практически высшее образование. Опять же, мол, перед родственниками неудобно, они уже к свадьбе приготовились. Для их деревни это позор – невеста переметнулась. Короче, ситуация! Я Лариске сказал, сама решай. Сейчас понимаю, зря. За счастье надо бороться, а не прикидываться благородным фраером! Надо было круто с мамашкой поговорить, она мутила воду, жаба!..

Но соль, мужики, в другом. Важно то, что дальше вышло. А вышло, что после института Лариска устроилась в крутую фирму секретарём-референтом. Симпатичная, английский и немецкий знает, с компьютером ноу проблемс… Короче, её там оценили. И как раз приехало начальство из Москвы. Вышла нестыковка. Ларискиного шефа на месте не оказалось, так она гостей сама приняла. Стол накрыла, чай, кофе, бутерброды с икоркой, светские разговоры. А высокое начальство к сибирским морозам не привыкло. Горячий чай им понравился больше всего. К тому же, прикиньте, если он приготовлен симпатичной воспитанной женщиной. Короче, московский генерал забрал её с собой. Фирме, говорит, такие люди нужны, заботливые и внимательные. Забрал с мужем, этим пентюхом. Фирма сняла для них в Москве квартиру, мужа тоже пристроили на хорошие бабки. А потом Ларискиного нового шефа переводят в Германию, представлять фирму за рубежом. Шеф ехать без неё не захотел, тем более, что она немецкий язык знает. Муж, естественно, при ней. Ничего не сделал, а живёт сейчас в Германии, нормально получает – фирма нефтью торгует! Короче, везунчик. Вот так я пролетел, мужики!..

Несколько секунд все молчали.

– А что её так начальство любит? – простодушно поинтересовался охранник. – Обычная секретарша. Странно даже как-то.

Канадец ухмыльнулся и почесал в затылке.

– Не знаю! Не в этом дело! – загорячился Олег. – На месте её мужа мог быть я, вот что главное! И не с вами бы сейчас стоял, а в нормальном офисе где-нибудь в Берлине сидел. Рейн за окном, зарплата в дойчемарках!.. – Олег вдруг повернулся в сторону вертолёта и гнусаво запричитал: – Валентин Степанович, отец родной, ну где же ты там прячешься? Покажи ясное личико! Истосковался я, тебя не видючи!..

5

В школьном дворе, обсаженном хилыми берёзками (каждое лето их объедали деревенские коровы), Трифоныч увидел внука. Медно-рыжего Генку обступили ребята постарше, с любопытством заглядывали в руки. Там что-то пищало, требовало к себе внимания. Подойдя, заглянул через головы и Трифоныч.

– Это томагочи, игрушка такая, – довольный общим к себе интересом пояснил внук. Он нажимал на кнопки, смотрел на миниатюрный экран. – Я её должен накормить, а то сдохнет.

– Игрушка? – переспросил Бусыгин. Сказал это насмешливо и преувеличенно удивлённо, как разговаривают в таких случаях с детьми, но не понимал он по-настоящему. – Говоришь, игрушка может сдохнуть?..

– Ага, папа недавно привёз. Сейчас я ей банан… Не хочет! А яблоко?.. Тоже не хочет. Йогурт… О, йогурт съела!

Томагочи престала пищать. Генка, сбив на затылок вязаную шапочку, громко выдохнул и вытер со лба несуществующий пот. Огненно-рыжий чубчик победно топорщился. Ребята вокруг завистливо смотрели на Генку.

– Отец дома?

– В городе! – легкомысленно бросил внук, упиваясь общим к себе вниманием. Он раскраснелся, глаза счастливо блестели.

«Олежка, копия! – Трифоныч иронично пошевелил бровями. – Хотя и рыжий».

– Скажи матери, пусть зайдёт ко мне, дело есть... Смотри, не забудь.

– Сам скажи, некогда мне! – Генку несла безразличная ко всему на свете волна счастья. Зажав томагочи в руке, он побежал к калитке. Пацаны, как привязанные, потянулись за ним.

Бусыгин качнул головой. И этот не в его породу! С тем, что сын удался в жену и толку с него не будет, он давно смирился. Но ведь должны же когда-нибудь сказаться и его гены! Разве можно, чтобы на нём, Трифоныче, всё закончилось? Он не сам по себе, за ним отец, дед и бог знает, сколько ещё поколений работящих и рассудительных мужиков. Не может так быть, чтобы их порода не проклюнулась в ком-то.

Он поднялся по бетонным ступенькам двухэтажного типового здания. В школьном коридоре со стенгазетами, белеющими в простенках между дверями классов, было тихо. Уроки, как Бусыгин и рассчитывал, закончились, никто его разговору с Михаилом Филимоновичем не помешает. Костяшкой согнутого пальца он осторожно, уважительно стукнул в директорскую дверь.

– А, Павел Трифонович, заходи! – Директор тяжеловесно поднялся навстречу, протянул большую мягкую ладонь. – Кстати пришёл, хочу твоё мнение узнать. Нука, оцени!

Задевая по пути стулья, Михаил Филимонович прошёл к шкафу и достал пальто.

– Наконец-то построил. Черти, протянули до конца зимы! Три раза в город летал на примерку... – Он влез в добротное, с барашковым воротником двубортное пальто. Застегнул пуговицы и, вскинув голову, потоптался перед Бусыгиным. – Ну, как тебе?

Многое в этом человеке нравилось Бусыгину. И то, что директор весил килограммов сто с гаком. И то, что в свои шестьдесят был ещё крепким, пусть и полностью лысым мужиком. И что как к равному относился к нему, зверофермовскому повару.

Но больше всего располагало и делало близким то, что они с директором одного поколения. Понимают

друг друга сразу. Для молодого, например, странно слышать, что пальто можно построить. А ему, Трифонычу, тотчас вспоминается пятьдесят девятый год, приятная тяжесть пачки больших, в тетрадный лист сторублёвок, которую он получил в конце навигации и которую всё время ощущал в нагрудном кармане. Вспоминается обходительный еврей в ателье индпошива в Сургуте, его жилетка и перекинутый через шею сантиметр, вопрос: «Какое пальто желаете построить? Демисезонное, зимнее или макинтош?..»Плотогоны рядом со значительным видом щупают образцы материи, морщат лбы и выпячивают губы, а лоцман Коровкин роняет:«Хорошее пальто построй. Не всё ему в телогрейке ходить. Женим парня».

Одно слово, а сколько всего!..

– Сейчас, конечно, мода другая. – Михаил Филимонович стал снимать пальто, так же покряхтывая, неуклюже, как и надевал. Голос его прерывался. – Сейчас в основном… куртки и дублёнки… а мне пальто по душе. Настоящая вещь и… и солидно…

С порозовевшей от проделанных усилий лысиной он вернулся за свой директорский стол, кивнул на ближний стул.

– Садись, Павел Трифонович. Так как тебе моя обновка? Сидит? По фигуре?

– В самый раз,– отозвался Бусыгин. Он пришёл просить, зависел сейчас от директора, но похвалил искренне. Впрочем, сразу к делу не приступишь, нужно с подходом. И он спросил: – А где ты ателье для мужиков отыскал? Сейчас их, считай, не осталось. Все готовое покупают.

– Захочешь – найдёшь, – довольно ухмыльнулся Михаил Филимонович. – Себе заказать хочешь?

– Дак лето на носу, куда?

– За летом зима приходит.

– Так-то оно так… С деньгами негусто.

Жаловаться на отсутствие денег в их возрасте было несолидно, однако очень уж хороший выходил поворот на нужную тему.

– Тебе ли говорить, Павел Трифонович! Крепкий

хозяин, если по-советски, не обижайся, кулак. Счёт в банке, полагаю, имеешь, да не один…

Бусыгин преувеличенно громко засмеялся. Такие разговоры ему не нравились, в обычное время он их быстро пресекал. Здесь нужно было потерпеть.

– Ты скажешь, Филимоныч! Хозяйство есть, а куда сбывать? В город на вертолёте возить? Дак это я одну дорогу окуплю. А что наши деревенские у меня молоко берут, так только на корма выручки хватает!.. Сейчас вон надо яловую корову убирать, а куда мясо девать? Все на ножки Буша перешли, их в магазине, как грязи. Разве что ты для столовой возьмёшь? Мясо хорошее, корова здоровая. Если б не яловая, ни за что убирать бы не стал.

Бусыгин выжидающе смотрел на директора. Тот завозился в кресле.

– Почём за килограмм хочешь?

Трифоныч назвал цену. Директор потянулся к стоящему сбоку компьютеру, стал перебирать клавиши. Его пухлые пальцы бегали уверенно, будто Михаил Филимонович всю жизнь занимался этим.

Бусыгин наблюдал за ним со смешанным чувством. Они с директором почти одногодки, Филимоныч запросто управляется с этой непонятной техникой, а он не знает, с какого боку к ней подойти. «Зачем она мне? – попробовал успокоить себя Бусыгин. – Считать, сколько саней навоза на огород вывезу?..» Но всё равно отчего-то было досадно. Будто оказался молодой в городском доме культуры среди расфуфыренных девчат и парней при галстуках, а сам припёрся в сапогах и с гармошкой.

– Ничего не выйдет, – сказал наконец директор, отыскав что-то в компьютере. Он зорко смотрел на экран. – На оптовом складе аргентинская говядина в два раза дешевле. Первая же ревизия из меня душу вытрясет.

– Филимоныч, я не задираю цену, не думай! Я посчитал, во что мне обошлась корова. Сам знаешь, сена накосить и привезти, а это бензин. Приплюсуй уход, комбикорм… Дешевле никак!

– Да верю я тебе, верю!.. – замахал на него руками

директор. – Ревизоры разбираться не будут. Напишут, государственные деньги не берегу. Или, дескать, за взятку.

Бусыгин замер, задержал на директоре взгляд. Намёк, что ли? Может, в самом деле, дать?.. Тушу, конечно, можно продать по частям, но хорошо бы сразу. Хлопот меньше, да и тепло становится на дворе, мясо может завонять.

– Ты что на меня так смотришь? – засмеялся Михаил Филимонович. – Что подумал?.. В самом деле, не могу, Трифоныч, не обижайся. Аргентинское дешевле. Ты не переживай, наши деревенские раскупят у тебя за день. Ножки Буша всем уже поперёк горла, нормального мяса люди хотят.

Трифоныч поднялся, отчуждённо сказал:

– Извините за беспокойство.

Прежде чем выйти, на компьютер у директорского стола он посмотрел, как на личного врага.

6

Заколебали алкаши!..

Наталья отошла от плиты и резким движением отбросила тюль на окне. Скоро Генка придёт из школы, а у неё суп ещё не готов.

Так и есть, господин Кашпировский собственной персоной! С большим достоинством, словно не деревенский пьянчуга, а высокородный испанский гранд, стоит у окна и постукивает в раму.

Наталья привычно поднялась на стул, выглянула в форточку.

– Чего?

– Понимаешь, Михайловна, я здесь сети потряс, – хорошо поставленным баритоном, по-актёрски начал Кашпировский. – И первая мысль, разумеется, о тебе! Надо, думаю, Михайловну угостить. Щука сейчас идёт весенняя, икряная, полезные витамины и прочие ферменты из неё так и прут, так и колобродят!..

– Больше одной бутылки не дам, – оборвала поток

красноречия Наталья. Из форточки остро тянуло, она запахнула на груди халат. – Сколько у тебя в пакете?

Кашпировский оскорбился, но в меру – так, чтобы Наталья не приняла это за несогласие.

– Михайловна, здесь минимум на три бутылки!.. – Он поднял вверх раздутый целлофановый пакет с полустёршимся рисунком. И сразу же добавил: – Но для тебя уступаю за одну, так тому и быть. Слаб, понимаешь, не могу отказать красивой женщине!..

Наталья пошла в неотапливаемую комнату, служившую складом, взяла из картонного ящика бутылку водки. Кашпировский ещё ладно, можно послушать его болтовню. А другие ломятся среди ночи, пьяные, наглые, и все хотят в долг. Не дашь – ты для них враг.

Сколько она уже повторяла Олегу, от спиртного надо отказываться! Пусть будет обычный ассортимент. Вагончик Змановских уже сожгли – всё из-за водки. Олежке весело: конкурентов убрали. Их тоже так могут убрать! У Змановских хоть вагончик, а у них всё в доме. В случае чего – где прикажете жить?..

Если бы она ещё пользу от этой торговли видела. А то неизвестно куда всё уходит. Устала она от такой жизни, от Олежкиных авантюр. Может, в самом деле уехать?.. Пусть решает, что для него важнее, семья или его дурацкий бизнес, от которого одни проблемы.

– Премного благодарен, – расшаркался Кашпировский. – Прикажете ещё принести?

– Куда мне столько! Я, по-твоему, продавать беру? Для семьи!..

Вышло сварливо, почти что скандально, Наталья это сама почувствовала. Вообще последнее время она какая-то заведённая. С такой жизнью станешь заведённой!..

Не успел пообедать вернувшийся из школы Генка, как появился свёкр. Наталья удивилась – заходили они друг к другу редко. Всё, что нужно, говорили или передавали на работе.

– Ну, как живёте-можете?.. Смотрю, у Генки новая игрушка, тамагучи какая-то. – Свёкр снял в коридоре унты, в шерстяных носках прошёл на кухню.

– Не тамагучи, а томагочи! – с готовностью отозвался Генка, опустив ложку в суп. – Ты хоть запоминай, как правильно!..

Свёкр хмыкнул:

– А то не проживу, если не запомню… Ты шустрее ешь. Мне с мамой поговорить надо. – Он старался, чтобы слова звучали легко, весело, но Наталья почувствовала, свёкр чем-то раздосадован.

– Есть будете?

– Что-то неохота. – Свёкр опустился на стул, принялся молча постукивать пальцами по столешнице.

– Давай быстро, – заторопила Наталья сына. – Полчаса сидишь, мухи уже на коньках по твоему супу катаются.

Генка захихикал, но суп доел быстро.

– Слышал, ты уезжать собираешься? – сказал свёкр, когда сын ушёл в комнату и включил телевизор. Его мохнатые брови шевельнулись. – Правда, что ли?

Наталья удивилась:

– С чего вы взяли? Кто сказал?

Ну, бабы, уже сообщили!.. Только раз и вырвалось у неё на звероферме, что родители зовут к себе в Приморье. Отец устроился в какую-то китайскую фирму, получает неплохо, найдётся работа и для неё. О том, что живут они с Олегом неважно, родители знали.

– Сказали… В самом деле, что ли?

Наталья помолчала.

– Не знаю… Сами видите, жизни не получается. Я уже и так на многое глаза закрываю…

– Мне твои мать с отцом нравятся. Хозяйственные, – перевёл разговор на другое свёкр. Понять можно, кому хочется слышать о собственном сыне плохое. Хотя они тоже не очень между собой ладят. – Мать у тебя шустрая, за полчаса ведро клюквы набирала. Наши деревенские удивлялись. Всю жизнь в лесу прожили, а какая-то приезжая их обставляет…

В прошлом году родители гостили в Рябинках. Мать, действительно, не вылазила из леса. Отец, как всегда, при ней. Клюква с брусникой, которые они за неделю собрали, окупили им обратную дорогу. Ещё с собой увезли.

Волнистые попугайчики, подумала о родителях Наталья. Такие же дружные, всё время вместе. Раньше она считала, что так в каждой семье. Нет, оказывается…

– Ты, Наташа, не удивляйся, что я скажу. Сначала подумай. Раз уж так у вас с Олегом получается… – Тесть запнулся. – В общем, переходи ко мне жить. Ты женщина серьёзная, мне подходишь. Олег не ценит, я – ценю. А что немолодой, так это ещё как сказать. От другого и в тридцать лет никакого толку.

Наталья не сразу поняла смысл сказанных тестем слов – настолько всё было неожиданно и дико. Павел Трифонович между тем продолжал, почему-то всё больше ожесточаясь:

– Олег что, настоящий отец? Подарками балует, а дома почти не живёт. У Генки скоро такой возраст, что нужна мужская рука. Где она? Какая тебе помощь?.. Если боишься, что по хозяйству надо работать, то загружать не буду. Мы с Андрюхой сами справимся, делать тебе ничего не надо.

Наталья неловко засмеялась.

– Предложение делаете?..

Сказанное тестем никак не укладывалось в голове.

– Да хоть так. Захочешь – распишемся, всё как положено! С Татьяной разведусь, пусть живёт в городе у своей дочери! Всё равно… – Свёкр спохватился, сбавил тон. – Я тебя не тороплю. Понимаю – так вот сразу… Ты подумай хорошо. Я серьёзно.

Не глядя на Наталью, он вышел в коридор, стал одеваться. Через минуту за ним хлопнула дверь.

Наталья постояла посреди кухни. Потом медленно прошла в комнату, обняла Генку и прижала к себе его голову. Из глаз потекли слёзы.

Было горько и очень обидно.

7

Едва не свалив с ног вихрями из-под винта, вертолёт ушёл вверх и в сторону. На несколько секунд Олег и охранник застыли на месте, повернувшись

спинами к вертолётной площадке и вцепившись в шапки на головах.

Поднятый лопостями снег быстро оседал. После грохота в салоне вертолёта тишина на земле казалась неестественной.

– Определяемся конкретно. – Олег смотрел вслед торопливо удаляющемуся от площадки Валентину Степановичу. – Отсюда я никуда не убегу, так что браслеты свои спрячь, Илюха. Деревня, сам понимаешь, неправильно поймут… – И вдруг горячо, вполголоса забормотал, наклонив вниз голову: – Ты покупатель, приехал смотреть пиломатериал! Обещаешь быстро расплатиться. Выручай!..

Со стороны села, хмуро глядя в их сторону, приближались два молодых мужика. Олег бодро направился им навстречу.

– Всё нормально! Пятьдесят кубов обрезной доски пристроил. Вот со мной представитель фирмы, хочет посмотреть качество. – Олег повернулся к охраннику. – Илья Эдуардович, сразу пойдём на пилораму или сначала перекусим?.. Предлагаю сначала перекусить.

Мужики смотрели то на охранника, то на Олега и уходить не спешили. Настороженность и обида читались на их лицах.

– Каждый раз к вертолёту выходим, – заговорил один из них, сурового вида крепыш в тельняшке, видневшейся в вороте куртки. – Ты когда ещё обещал деньги привезти?.. Полгода без зарплаты. Мы даром на тебя пахать должны?!.

– Мужики, всё будет путём! Какие вам ещё доказательства? Сегодня Илья Эдуардович посмотрит, через пару дней деньги на счёт придут, рассчитаюсь!

Встретившие потоптались.

– Хлеба не на что купить.

– Здоровьем клянусь!

– Смотри, Олежка, допрыгаешься.

– Ну вы, ей-богу! Я же сказал!.. Илья Эдуардович, пойдёмте, мой дом здесь недалеко.

Когда молодые мужики свернули в переулок, охранник поинтересовался:

– У тебя своя пилорама?.. Нехило!

– По дешёвке купил, когда рыбоучасток развалился. Проблема в другом – пиломатериалы некуда девать. Как же он мне нагадил! Как нагадил!..

– Кто?

– Сорокин! Ну, Валентин Степанович, глава наш!.. Пенсионерам дома надо ремонтировать, так он лучше стройматериал из города завезёт, а у меня не купит. Везде облом!..

– Зимник содержать не дал, пиломатериалы не берёт… Чего он к тебе так?

Олег ответил не сразу.

– Длинная история… Обидчивый очень.

Прошли ещё несколько метров. Охранник хмыкнул:

– Почему ты решил, что я – Эдуардович? Я Иванович.

– Эдуардович солидней. Больше доверия.

Дома Олег развил бурную деятельность. Пока Илья ходил по комнатам, придирчиво заглядывал в подпол и на чердак, проверял, надёжно ли закрыты окна (работа!), Олег позвонил по телефону и заказал привезти две бочки воды. Второй звонок был Кашпировскому (кличка, насторожился Илья), тот должен был прийти и затопить баню.

Олег сновал по дому. Счастливый Генка хвостиком следовал за ним. На кухонном столе стремительно росло количество банок с венгерским лечо, томатами и огурцами, из большой холодильной камеры появились копчёные куриные окорочка, сыр, шпиг, колбаса салями.

– У тебя, как в оптовом складе.

– Почти угадал, – польщённо отозвался Олег. – Торгую понемногу. Наличка нужна. Мы сейчас побыстрому, по-холостяцки. Жена на работе, у них на звероферме гон. Расстреляй её, раньше шести не придёт, стахановка!.. Садись, что ли.

Пить охранник категорически отказался. Олег понимающе кивнул – служба. Налил себе стаканчик и легко, с удовольствием выпил. Илья повёл головой, то ли осуждая, то ли с восхищением. Мужика со всех сторон обложили, берут за горло, а ему хоть бы что!..

Второй стаканчик Олегу выпить не дали. Раздался стук в дверь и появился, видимо, тот самый Кашпировский – с недельной щетиной, но большого достоинства человек в затёрханной болоньевой куртке.

– Давай ключи от бани. – На стол Кашпировский старался не смотреть, до предела отвернув голову в сторону. Но глаза сами собой косили на снедь и бутылки.

Олег принёс ключи, сметливо взглянул на Кашпировского.

– Без комментариев!.. Налью, но только одну. Ты и так, вижу, весёлый, а мы попариться хотим.

Он достал из буфета гранёный стакан, налил до половины. Кашпировский, стоя у дверей, принял стакан обветренной красной пятернёй и прочувствованно сказал:

– За что я тебя, Палыч, уважаю, так это за гуманизм!

– Между прочим, он чугунную сковородку минуту на груди держать может. – Олег, не обращая внимания на слова Кашпировского, живо повернулся к Илье. – Висит, как приклеенная! И пять вилок.

– Шесть, – выпив, поправил Кашпировский.

– И где, думаешь, заряжается?.. На кладбище!

– Астрал там мощный, – солидно подтвердил Кашпировский. – Наблюдается прямая связь с космическими силами.

– Не веришь? – Олег пытливо смотрел на охранника. – Сейчас мы тебе докажем, что рябинковские мужики не пальцем деланные! Генка, тащи сковородку!..

Кашпировский по-актёрски выставил вперед ладонь.

– Не будем опошлять действо суетой. Насколько я понимаю, товарищ примет участие в банных процедурах. Отложим до этого сладостного часа!.. – Он значительно кашлянул, покосился на бутылку. – А тебе, Палыч, хочу сообщить любопытную новость. Сегодня утром, проверяя сети в протоке у Белой горы, я заметил твоего дядю. Сергей Иннокентьевич собственной персоной катались на лыжах. Я хотел было подойти поздороваться, но охрана, эти церберы, этот позор демократии, не допустили.

– Не понял! – Олег стремительно подался вперед. – Сергей Иннокентьевич – у нас? В Сиротском Приюте?..

– Если, конечно, я не ошибаюсь. Что вряд ли. Твой дядя самолично осваивал технику горнолыжного спуска. – Кашпировский заговорил голосом Ельцина: – Мода, понимашь, сейчас такая. Вчера, понимашь, был теннис, сегодня, понимашь, горные лыжи…

Несколько мгновений Олег сидел неподвижно, потом хлопнул себя по коленке и решительно поднялся.

– Едем!

– Ты не наглей, – насторожился Илья. – Знаешь, какие насчёт тебя я инструкции получил?

Олег бросил взгляд на Кашпировского и стал поспешно толкать его к двери.

– Займись баней, воду уже привезли!.. – Генку без слов выпроводил в комнату с телевизором и шёпотом закричал охраннику: – Такой шанс раз в сто лет бывает! Дядя, долларовый миллионер, отдохнуть приехал в родные места! У него перехвачу, сразу со всеми рассчитаюсь! С банком – тоже!.. Ты премию получишь и повышение по службе! Начальником будешь!..

Илья на всякий случай смотрел на него снисходительно-иронично.

– Мне и на своей должности хорошо.

Он сомневался. Нужно было всё взвесить. Договориться с Кашпировским Олег не мог, это понятно – всё время находился рядом, никуда не отлучался. Значит, с дядей так оно и есть. Может, в самом деле дать шанс?.. Подопечный ему достался шебутной и с закидонами, но на подлянку, похоже, не способный.

Кстати, в банке действительно могут оценить его инициативу. В первом же самостоятельном деле не ударил в грязь лицом, принял перспективное решение…

– Это далеко?

– Сиротский Приют? Полчаса на «Буране»!

– Хрен с тобой. – Илья сунул руку подмышку, достал пистолет. Несколько раз, будто проверяя, щёлкнул предохранителем, потом опять спрятал. Пусть видит. – Заводи свой «Буран»!

8

Трифоныч был недоволен собой. Какого чёрта после директора сразу сунулся к Наталье?.. Надо было подождать. Неудача одна не ходит, она пару любит. Похоже, перепугал сноху. Теперь она не то что к нему жить не пойдёт – обходить станет за километр. Или ещё лучше: Олежке расскажет. У молодых ведь как, сегодня ругаются, а переспали – всё у них по-хорошему.

Работник ел сало с хлебом, запивал чаем и, задрав вверх лицо, смотрел телевизор. Это его идея-, пристроить телевизор под самый потолок, где у людей когда-то иконы висели. Говорит, так в кино у американцев в барах, чтобы всем видно было. Американец…

– Андрюха, ружьё после охоты чистил?

– Кажись, да. А что?

Трифоныч едва сдержал злость. «Кажись»!.. Надо не «кажись», а точно – пришёл, почистил, чтобы наготове было!.. Ругаться на Андрюху нельзя, психованный. Говорит, в Чечне контузило, когда служил контрактником. Чуть что – срывается с места и с матом и криками убегает из дома. Через день-два, правда, возвращается, кому он в деревне нужен. Но без него с хозяйством трудно приходится.

– Комолую больше не корми. Завтра убирать буду.

– Застрелишь?

– Не глотку же резать… Я сейчас на звероферму, а ты целлофан найди, на котором скотину разделываем. Помой.

– Жаль… Ласковая корова.

Бусыгин остро взглянул на работника. Неужели то, что ему как-то показалось, правда? Он зашёл тогда в стайку неожиданно, и Андрюха как ошпаренный отскочил от коровы, отвернулся, стал быстро заправляться…

Бусыгин отвёл глаза. Его дело. Хотя мог бы бабу завести, в Рябинках их хватает. Хозяйственных мало, но для этого дела хозяйственность не нужна. Мог бы ту же Марго, охотку сбить. Говорят, никому не отказывает.

– Ласковая… Корм зря переводит!

В телевизоре изнывала от любви певица. Она протягивала вперёд руки, её растопыренные пальцы дрожали, а на лице было столько страдания, будто у девки в одночасье умерли все родственники. Голос у певицы был ничего, приятный, но в нём прерывались особые звуки. Так – утробно, призывно – мяучат кошки, когда хотят кота. Вдруг из-за спины певицы выскочили два парня в блестящих облегающих брюках и в распахнутых до пупков рубахах. Подхватили страдалицу с обеих сторон под мышки и подняли в воздух. Она, мученически откинув голову, секунду висела крестом, потом парни осторожно опустили её на пол и принялись петухами похаживать вокруг. Певица перестала петь и под музыку бросалась то к одному на голую грудь, то к другому. Наверно, не могла никак выбрать…

Смех смехом, а ведь и в жизни так, подумал Трифоныч. Люди считают, что сами влюбляются, сами находят себе пару, а это природа или, кто его знает, бог из тебя самого, изнутри подаёт знак – мол, пора, надо оставить детей, продлить род. Не на тебе он начался, не на тебе должен закончиться.

Зачем это природе или богу – неизвестно. Не только с людьми, а вообще со всем, что живёт: деревьями, животными, травой. Эта главная, всем управляющая сила хитрая, может быть, подлая. Заманивает любовью, приятным, человек сначала не понимает, для чего. Думает, такой подарок в жизни. Держи карман шире!..

Перехитрить бога надо – вот главное. Он рассчитывает, тебя на крючок поймал, ему всё равно, что из твоей любви выйдет. Но голову даёт – так думай!.. Мало того, что самому обидно, так, может, ещё отвечать придётся, почему на тебе прервалась линия работящих мужиков – ведь кто его знает, как оно т а м, после смерти, бывает. Не перед богом отвечать – тому всё равно, иначе не позволял бы многого, что делается в жизни. А вот что скажешь отцу, деду, его родителю, если встретиться придётся? Те-то, видно, думали об этом, делали так, чтобы правильно было.

Жаль, понимаешь это поздно. В молодости бы знать,

не на красивое лицо и толстую задницу смотрел бы, на эти божьи приманки! Или ещё не поздно? А?..

Поев, Андрюха стал наводить марафет. Достал ботинки и принялся начищать кремом из импортной баночки. Видно, вечером собирается куда-то идти, отметил Трифоныч. Чего у Андрюхи не отнимешь, так это аккуратности в одежде. Любит выглядеть на людях прилично. Пусть даже всего людей-то – его приятели, рябинковские алкаши вроде Кашпировского.

Трифоныч уже хотел было сделать замечание – кто чистит ботинки на кухне, сейчас вонь пойдёт! – но подумал, что нынешние обувные кремы не воняют. Наоборот, чем-то приятным пахнут. Это не гуталин, которым он сам всю жизнь пользовался.

Трифоныч с новой досадой подумал, как много всего переменилось вокруг. Ладно бы только компьютер в кабинете у директора или это Генкино придурочное томагучи. Вроде незаметно, но ведь всё это на его веку – и керосиновые лампы, и телевизоры с видаками. До космоса добрались, чего только сейчас там не летает!..

Знак для таких, как он? Другая жизнь пошла, а они, старое поколение, задержались в ней? Сейчас, дескать, всё другое, зарабатывают не горбом, как раньше, а головой. По телевизору показывали, какой-то американец стал миллионером – придумал новую компьютерную игру. За игру – миллион! Добро бы за путнее!..

– Хер вам! – сказал он и ударил левой рукой по сгибу другой.

– Ты чего, Трифоныч? – Андрюха смотрел на него весёлыми глазами.

Бусыгин крякнул. Забыл, что работник рядом. Достали его сегодня.

– Насчёт целлофана не забудь. Я пошёл.

Но спокойно уйти не дали. У калитки он столкнулся с Нефёдовой.

– Здравствуй ещё раз, Паша, – сказала Валентина. – А я к тебе.

Трифоныч покосился.

– Чего?

– Дак проведать. Ты ж теперь один, холостякуешь. Может, для чего пригожусь… – И Валентина подмигнула сразу обоими глазами, иначе у неё не получалось.

Бусыгин на секунду даже остановился. Бессовестная баба! И наглая. Ведь не поймёт, чего ему на самом деле надо. Да и с какой стати с ней, дурой, откровенничать?..

– Чем ты можешь пригодиться. – Закрывая за собой калитку, он опустил глаза, сделал вид, что не понимает. – Мы с Андрюхой сами управляемся. С готовкой и так, по хозяйству…

Валентина засмеялась, щёчки в склеротических жилках собрались в тугие пунцовые яблочки.

– Дак женщина не только для работы нужна! – Она толкнула Бусыгина в бок локтем. – Ты как без Татьяны целый год обходишься-то? Говорят, она к дочери потому сбежала, что ты очень уж…ну, жеребец. А я ещё ничего, у меня интерес к этому делу есть. Была бы помоложе, в город уехала, нашла бы себе клиентов. А чего? Сейчас рыночные отношения, что нравится, то делай. Проститутки хорошо зарабатывают и удовольствие получают, по телевизору рассказывали… Рано мы с тобой, Паша, родились, ох, рано! Нам бы чуток попозже!.. Ну, так чего? Когда прийти, чтобы ты дома был?

Трифоныч искал глазами вокруг что-нибудь поувесистей. Но ничего подходящего не попадалось.

– Валентина, предупреждаю тебя, – сдавленным голосом заговорил он. – Ещё раз подойдёшь ко мне с такими разговорами, не обижайся! Забора не пожалею, а отхожу тебя колом! Постесняйся, дура старая! Чего несёшь!..

Нефёдова поджала губы.

– Не подхожу, значит. В голодуху подходила, теперь нет. Кто побираться приходил на конюшню? Тогда дурой не обзывал, что говорила, всё-ё делал!..

Бусыгин в сердцах махнул рукой, повернулся и зашагал на звероферму. Не драться же с бабой в самом деле.

Оказывается, всё помнит. Последние слова больно задели. И вообще, когда вспоминаешь об унижениях, всегда больно.

Сватовство

Из Сургута на АН-2 прилетели в Ларьяк, оттуда по «верёвочке» вместе с почтой добирались до Рябинок. Лоцман Коровкин, весь сплавсезон не бравший капли в рот, теперь не просыхал. Павел уже начинал беспокоиться. Как-никак ехали свататься, а если сват заявится к Татьяниному отцу пьяный, какое к ним будет отношение?..

Коровкин время от времени садился в санях, дикими глазами озирался по сторонам. Его тонкий хрящеватый нос со светлой, натянутой на горбинке кожей словно принюхивался. Дорога шла по Ваху, повторяя все петли реки, с обоих боков тянулась однообразная тайга. Наткнувшись взглядом на Павла, Коровкин спрашивал:

– Едем?

Получив утвердительный ответ, доставал из кармана бутылку водки, делал несколько глотков и опять заваливался между рогожными мешками с газетами и письмами.

– Дядь Вань, замёрзнешь, – толкал его Павел. Ему самому в санях не сиделось, чем меньше оставалось до Рябинок, тем больше он волновался. Последние несколько километров перед деревней он шёл за санями, то и дело закуривая и ломая спички.

– Ни хрена мне не будет, – бормотал в ответ Коровкин. – Нагреби сена на ноги.

Иногда он, раскинувшись на мешках с почтой, принимался рассуждать:

– Ты вот мне скажи по-свойски, чем тебе моя Тамарка не пара? Ну скажи!.. Здесь и здесь – всё при ней. Или какая-нито её подруга, а?.. Какого мы хрена прёмся в эти твои Ромашки?..

– Рябинки.

– Пожалуйста, пусть будут Рябинки!.. Девки, скажу тебе, все одинаковые. Бабы – разные. Как воспитаешь, такой будет. Я тебя за то уважаю, что доказать своё хочешь. Она тебе до армии от ворот поворот, а ты всё равно на своём!.. С ребёнком берёшь. Кто, пацан или пацанка?

– Не знаю. – Павел косился на возницу. Тот, похоже,

прислушивался к их разговору. Хотя мужик и не рябинковский, но лишние уши всё равно были ни к чему.

– Во, не знаешь! – легко переходил от одобрения к осуждению пьяный Коровкин. – И почему от мужа ушла, не знаешь!.. Может, твоя краля чёрт в юбке, а ты её за себя берёшь… Ладно, ты зелёный, хотя в армии был ефрейтором. Я-то, старый хер, чего в это дело впутался? Какого хрена мне надо? За тыщу вёрст киселя хлебать!.. С другой стороны, ты сирота. Это понимать надо. Кто поможет, как не Иван Иванович Коровкин, фронтовик и тоже сирота? Доля наша горькая, сиротская!..

Но всё это происходило, пока ехали. В Рябинках Коровкин преобразился. Проспался и о водке напрочь забыл. Чисто выбрился, надушился тройным одеколоном и ходил по избе, нетерпеливо потирая руки.

Вечером они пошли в клуб – оба в добротных драповых пальто с серыми барашковыми воротами и в пыжиковых шапках. Коровкин быстро завязал знакомство с мужиками, пришедшими посмотреть новый фильм. Распахнув полы пальто так, чтобы были видны медали и орден Красной Звезды, он сел между ними на лавку и принялся угощать «Казбеком».

Павел вышел в тёмный тамбур. В ожидании фильма, а за ним танцев парни курили, сплевывая на пол, и травили анекдоты. На несколько секунд освещая тамбур светом висящей над клубным крыльцом лампочки, открывалась дверь, и с улицы появлялись раскрасневшиеся девчата в плюшевых жакетах и пуховых платках. По одной они входить остерегались, заваливались целой оравой, но это им не помогало. Стоило входной двери отсечь свет, как парни бросались их лапать. Отбиваясь и визжа, девчата старались поскорее проскочить в зрительный зал.

Гришки Алябьева, сына безногого фронтовика Алябьева, в доме которого Павел и Коровкин остановились, не было. Павел это определил, как только открылась дверь на улицу. Наверно, всё ещё чинил трактор. С Гришкой Павел начал переписываться, когда служил в армии. Это Гришка в последнем письме сообщил ему, что Татьяна развелась со своим милиционером и вернулась к родителям.

За время, которое Павел не был в Рябинках, молодёжь подросла, и он почти никого не узнавал. Павел толкнул дверь, вышел на крыльцо и тоже закурил. Из темноты появлялись люди, обметали веником валенки, поглядывали на богато одетого парня. У Павла каждый раз ёкало сердце, когда ему казалось, что к крыльцу идёт Татьяна.

– Здорово, – раздалось откуда-то сбоку и снизу.

Павел обернулся. Перед ним стоял пацан лет десяти и солидно, как взрослый, протягивал руку в варежке.

– Здорово, коль не шутишь. – Усмехаясь, Павел пожал детскую ладошку.

– Я тебя знаю, – сказал пацан. – Ты на нашей Таньке жениться хотел. Я тогда ещё в школу не ходил.

Павел помолчал. Потом, стараясь, чтобы голос звучал всё так же уверенно-покровительственно, спросил:

– Сестра кино придёт смотреть?

– Не-а, дома будет сидеть. Малую нянчить. Батя говорит, сама родила, сама р*о*сти, на нас с матерью не надейся. Батя хочет, чтобы Танька к мужу вернулась.

В горле у Павла запершило, он несколько раз с натугой кашлянул. И чтобы хоть что-то сказать словоохотливому пацану, спросил:

– Тебя как зовут?

– Серёга, – ответил пацан. И похвастал: – Я председатель совета отряда, ага! Наш класс на Октябрьские в пионеры приняли. Я их всех заставлю учиться на четыре и пять, как пионеры должны. Смотри! – Он расстегнул ворот пальто и показал красный галстук.

После улицы особенно чувствовалось, как сильно накурено в клубе. Вот-вот должен был начаться фильм. Киномеханик, молодой паренёк, за спинами зрителей в конце зала уже настраивал кинопередвижку, стараясь поместить ослепительно белый прямоугольник света в границы простыни над сценой, служившей экраном. С задних рядов, где сидела молодёжь, то и дело раздавался хохот. Все лузгали семечки и, не таясь, бросали шелуху под лавки.

– Дядь Вань! – позвал Павел и поманил к себе Коровкина.

Тот с явным сожалением оторвался от разговора с мужиками и стал пробираться между лавками, задевая спины и колени сидящих.

– Ну?

– Пойдём к ним домой. Она в клуб не придёт.

– Я тебе сразу предлагал! – с готовностью подхватил лоцман. – Чего дипломатию разводить? Ну, не поговоришь ты с ней загодя, так она своё мнение всё равно скажет. Здесь главное не хезать, как на фронте говорили!..

Павел знал за собой слабость: в самые ответственные моменты его могло охватить оцепенение. Он продолжал двигаться, всё слышал и всё понимал, но ощущение было такое, будто это происходит не с ним. В голове тонко звенело, руки и ноги становились, как деревянные. Чтобы сказать в такой момент слово, требовалось огромное усилие.

Что-то вроде того он почувствовал и сейчас. Они шли по тёмной улице, Коровкин о чём-то толковал, а Павел всё не мог справиться с собой, прорвать этот глухой кокон с прозрачными стенками, в котором вдруг очутился.

– Здесь, – сказал он непослушными губами и остановился.

Коровкин приблизил к нему лицо.

– Эге, как тебя проняло!.. Не ты первый женишься, не ты последний, парень. Дыши ровнее!.. Этот дом, говоришь? Собак, небось, целый двор. – И он принялся колотить в высокие ворота с двускатным козырьком вверху. – Всё будет нормально, не хезай. Гарантирую!

Стучать пришлось долго. Уже лаяли собаки не только во дворе, но и все окрестные, когда отворилась дверь и женский голос крикнул:

– Кто там ещё?

– Покупатели, хозяйка! Прогони собак.

– Какие ещё покупатели?

– Увидишь!

Татьянина мать прикрикнула на псов, те замолчали. Коровкин и Павел ступили во двор и через минуту уже были в жарко натопленном пятистенке. За столом под розовым абажуром с кистями сидел Татьянин отец и

набивал тускло светящиеся латунные гильзы. На вошедших взглянул с любопытством.

– Добрый вам вечер, хозяева! – разбитным голосом заговорил Коровкин, проходя к столу и доставая из кармана пальто бутылку «Московской» с залитым сургучом горлышком. – У вас товар, как говорится, а у нас соответственно купец-молодец!.. Вы уж извините, что заявились не предупредивши. Но уж больно издалека ехали, из самого Сургут-города!..

Татьянин отец хмыкнул, повёл головой. Не отрываясь от своего занятия, сказал:

– Ты, что ли, Пашка, купец? – Ни раздеваться, ни садиться он не приглашал.

– Кому Пашка, а кому Павел Трифонович, передовой плотогон и уважаемый член коллектива, – встрял Коровкин. – Вот вы, к примеру, сколько зарабатываете? А он за сплавсезон на избу себе собрал, и ещё на хороший мотор осталось! Теперь, говорит, могу с полным правом в родную деревню вернуться и семейной жизнью зажить!..

Татьянин отец опять хмыкнул и сказал в сторону перегородки:

– Товар, пойди сюда. За тобой пришли.

Долго никто не появлялся. Татьянин отец уже раза два поворачивал к гостям лицо и, по-прежнему не предлагая садиться, иронично кивал на перегородку: такая, дескать, у меня послушная дочь. Наконец показалась надменно выпрямившаяся фигура в байковом халате.

За время, которое Павел не видел Татьяну, она заметно изменилась. Сделалась статной, по-женски округлой и ещё красивее. Павел с трудом сглотнул и опять почувствовал, как его охватывает оцепенение. Татьяна гневно смотрела на них с Коровкиным.

– Где только у людей гордость!.. Павел, я сказала, замуж за тебя не пойду, хоть ты все деньги Советского Союза заработай!.. – Она кинулась к столу, схватила бутылку «Московской» и стала совать Павлу в руки. – Иди и не приходи сюда больше! Заруби себе на носу!..

Павел по-дурацки стоял посреди комнаты с бутылкой в руках. Наконец сумел выдавить:

– Пошли.

– Хозяин, как же так! – поспешно заговорил лоцман, склонив голову к плечу и разводя руками. Он изображал недоумение, хотя и в самом деле не был готов к такому повороту. – Ты отец, твоё слово последнее. Дочка стесняется, понять можно, сразу бросаться на шею ей не положено. Так ты объясни, что такие женихи на земле не валяются. Серьёзный, зарабатывает хорошо, собою симпатичный!.. Опять же она не девушка, чтобы особо кочевряжиться. С приданым, можно сказать, берём, с дитём…

Татьянин отец поднялся из-за стола.

– Чего?.. – Последние слова Коровкина ему очень не понравились. – Верно Пашка говорит, иди, пока я вас не проводил. У нас таких женихов!..

За воротами их поджидал Гришка Алябьев.

– Когда свадьба? – кинулся он навстречу и азартно толкнул Павла в плечо. – Я прихожу в клуб, а мне говорят, ушли. Ну, я сразу смекнул, куда!..

Рассмотрев, что вид у Павла потерянный, а в руках нелепо застыла бутылка, он всё понял.

– Давай окна побьём! Гордые очень, на хромой козе не подъедешь! Передовые охотники, маяки коммунизма!..

– Полагалось бы, – согласился Коровкин.

Павел молчал.

9

– Мужики, поморозимся…

– Лежать!

– Вы чего, в натуре? Сергей Иннокентьевич мне дядя!..

– Лежать, сказано!

Олег повернул залепленное снегом лицо к Илье.

– Вот садюги. За киллеров, что ли, принимают?.. Ты как?

– Нормально. – Илья хотел было потрогать разбитую скулу, но один из стоявших над ними мужиков с короткоствольным «узи» опять рявкнул:

– Руки!..

Илье досталось. Наверно, из-за пистолета, который эти суровые мужики нашли у него. Выскочив неизвестно откуда на чёрных «Ямахах», они перехватили снегоход с Олегом и Ильёй ещё метров за триста до Сиротского Приюта. Заставили сойти, обыскали, отобрали документы…

Теперь лежи мордой в снег, жди, когда разберутся.

Хорошо же дядюшка встречает родственника!..

У монументального частокола Сиротского Приюта на увале загудел мотор. Через несколько минут Олега и Илью уже рассматривал моложавый человек с цепкими глазами. Начальник службы безопасности, решил Олег. Дело, судя по всему, было поставлено чётко.

– Ты – сюда, ты – на мою «Ямаху», – распорядился моложавый. – Предупреждаю, вести себя спокойно.

Олег нервно засмеялся.

– Нет, мы сейчас брейк начнём танцевать!.. У меня дело к Сергею Иннокентьевичу, я его племянник. Ответите!

– Какой Сергей Иннокентьевич? Почему вы решили, что он здесь? – удивлённо вскинул брови главный эсбэшник.

Олег решил его уесть. Лежать на снегу было мало того, что унизительно, так ещё холодно.

– Прокололась твоя служба! Утечка информации!.. Так Сергею Иннокентьевичу и доложу.

Он ничем не рисковал. Дядя, Олег чувствовал, здесь – значит, ничего им не сделают.

О Сиротском Приюте в Рябинках ходили самые фантастические слухи. Ещё в советское время областное начальство на одной из кедровых грив неподалёку от села построило что-то вроде элитного пансионата. Здесь шла своя жизнь, о которой можно было только догадываться, – даже обслугу сюда завозили из города на вертолётах.

В перестроечные годы жизнь в Сиротском Приюте на какое-то время замерла. Поговаривали, что его хотят отдать под пионерский лагерь. Даже статья в районной газете была «Зажравшихся партократов – поганой метлой!» Однако надежды не оправдались. Вскоре вместо

солидных обкомовцев с брюшками здесь обосновался другой народ – молодой, быстроглазый, с какими-то голодными лицами. Охота на медведя и стерляжья рыбалка теперь устраивались для них.

– Вставай. Вперёд.

Олег огрызнулся:

– Ты меня ещё автоматом ударь!..

С подчёркнутой неторопливостью он слез со снегохода, огляделся. За высоким частоколом из ошкуренных сосен находилось несколько основательных, нарочито неброского вида строений, тоже бревенчатых. Обширный двор был тщательно расчищен от снега. Вверху на частоколе виднелись камеры слежения. Если бы не они, можно было бы подумать, что попал на богатую заимку, какой её показывают в кино о дореволюционной России.

– Двигай.

– В советах не нуждаюсь.

– Давай, давай!..

Олега завели в ближнее помещение. Куда исчез Илья, он не заметил. Эсбэшный начальник полистал отобранный паспорт, несколько раз остро взглянул на Олега, потом на фотографию, сличая.

– Какой у вас вопрос к Сергею Иннокентьевичу? – переходя на официальный тон, спросил он.

– Это семейное дело.

Эсбэшник помолчал.

– Сергей Иннокентьевич очень занят. Прошу конкретнее.

– Ты, служивый, доложи обо мне, – глумливо растягивая слова, заговорил Олег. – А уж дальше не твоя проблема, дорогой!..

Эсбэшник смерил его взглядом, но ничего не сказал. Легко поднялся и вышел. Олег тоже встал со стула и прошёлся по тесному помещению.

Типа караулки, подумал он, осматривая небогатую мебель. Почти в таком же помещении он провёл не одни сутки, когда служил на Дальнем Востоке. Разве что вместо караульного топчана здесь диван.

Олег вдруг засомневался. А есть ли у дяди Серёжи деньги на самом деле? Может, всё это разговоры – насчёт долларового миллионера?.. Люди завидуют, потому и говорят. В чужих руках хер всегда толще. В туалет, что ли, пойти? Уж он-то рейтинг точно покажет. Не в здешний, конечно, а когда в апартаменты попадёт.

– Сел на место! – неизвестно откуда раздался голос.

Олег отыскал глазами камеру под потолком и показал средний палец. Фак ю! Наблюдают, гады!..

Ждать пришлось порядком. Олегу надоело ходить, он снял дублёнку, выкурил пару сигарет. Эсбэшный начальник будто сгинул. Олег толкнул дверь. Заперли!.. Как в тюряге. Ну, дядюшка!..

Сергей Иннокентьевич всегда вызывал у него двойственное чувство – восхищение и зависть. Первым в Рябинках он стал работать у нефтяников, когда открыли Самотлор. Даже орден за это получил. В школьном музее одно время был уголок, посвящённый буровой бригаде дяди. Потом дядю Серёжу за какие-то грехи посадили – то ли был виноват в несчастном случае на работе, то ли ещё что, Олег толком не знал. Лет пять он дядю не видел, но меньше завидовать не стал. Достаточно было посмотреть, как шестерили перед ним самые крутые деревенские ребята, когда после зоны дядя какое-то время жил в Рябинках. Потом он перебрался в город, стал одним из первых кооператоров. И чем лучше у него шли дела, тем реже он появлялся в Рябинках. Последние года три Олег его вообще не видел. Что за это время произошло – бог знает…

– Сергей Иннокентьевич готов вас принять. У вас десять минут, – сказал, наконец-то появившись, эсбэшник.

Олег хотел было послать его – десять минут! – но не стал. Клерк, что от него зависит…

Дядя Серёжа лежал в бассейне. Над мелко пузырящейся водой возвышалась одна голова. Небольшой бассейн был выложен каким-то дорогим камнем, вода от этого казалась бирюзовой, нереальной и красивой. Олег узнал дядю не сразу – в таком виде он никогда Сергея Иннокентьевича не видел.

– Проходи, садись. – Дядя медленно кивнул на кресло у бортика бассейна. – Прописали, понимаешь, нарзанные ванны. Надо бы в Кисловодск, но времени нет. На месте приходится.

– Нарзан специально привозят? – почтительно удивился Олег. Он не знал, как обращаться к дяде, на «ты», как делал раньше, или всё-таки на «вы». – Прямо из Кисловодска?..

– Ну. Какой, правда, толк, не знаю. Тысячи километров, чего довозят – неизвестно. Деньги ладно, лишь бы на пользу. – Дядя говорил неторопливо, с паузами, как говорят люди, каждое слово которых ловят. – Вот снял на пару недель пансионат. Всю мелкоту выставил. Дома, говорят, стены помогают. Понравится, куплю. Не так далеко от города – и никто не мешает… Как там в Рябинках?

– Вроде нормально.

– Думаю на днях побывать. Пару компьютеров хочу подарить школе. Пусть пацаны учатся… Валера, угости гостя, – всё так же неторопливо, ровным голосом велел он парню в костюме с галстуком, неотступно находящемуся поблизости. И засмеялся: – Замёрз, наверно, на "Буране"-то? А потом ещё в снегу?.. Извини, без этого нельзя. Мои ребята службу знают туго.

Парень с бугрящимися под пиджаком мышцами распахнул вделанный в стенку и сразу ярко осветившийся зеркальный бар. Вскоре Олег держал в руке массивного хрусталя стакан со спиртным. Отхлебнул и сказал, демонстрируя осведомлённость:

– Текила?

– Хрен знает. Я не пью. Что у тебя ко мне?

Вопрос прозвучал неожиданно, хотя, в общем-то, следовало быть к нему готовым.

– В гости хотел пригласить, – соврал Олег. Сразу просить денег не поворачивался язык. – Посмотрите, как живу. Я тоже бизнесом занимаюсь. Строительные материалы там, розничная торговля…Дело идёт, перспективы нормальные. Думаю бизнес расширять.

Сергей Иннокентьевич повернулся на живот, запле-

скался в бассейне, и Олегу показалось, что его крупное, с твёрдым подбородком лицо ухмыляется. Олега пронзило: всё знает! Илья раскололся – его наверняка допрашивали!.. Он неловко хохотнул.

– Ладно. Честно так честно… У меня проблемы. Хочу занять тысяч пятьсот. Не думайте, я верну, дядя Серёжа! Клянусь!..

– Вернёшь, куда ты денешься. – Сергей Иннокентьевич продолжал плескаться, походя на могучего, с литым лоснящимся телом сивуча. – Если, конечно, дам. Ты знаешь, что такое деньги? Большие деньги?

– Знаю.

– Ни хрена ты не знаешь! – Лицо у дяди вмиг побагровело. – Вы, шантрапа мелкая, думаете, деньги так, со смехуёчками делаются! Сами в руки прыгают! Из земли растут!.. А это видел? – Сергей Иннокентьевич сорвал с головы волосы (так Олегу в первое мгновение показалось) и отшвырнул в сторону. Бледный череп был в синих страшных шрамах. Между шрамами, налезая на рубцы, виднелись жалкие островки полуседой растительности.

Не обращая внимания на мягко упавший в воду парик, дядя быстро наклонил голову, подставил ладонь. В неё выпало что-то круглое, похожее на голубиное яйцо. Когда он посмотрел на Олега, тот едва не отшатнулся. У дяди на месте правого глаза краснела дыра, сырое мясо.

– А это видел? Хорош?.. Хочешь меняться? Я тебе свои деньги, а ты мне здоровье? Зассал?.. Это ещё повезло, живой до сих пор. Пятьсот тысяч!.. А четыре покушения? А стрихнин в минералке? А баба со спидом в постели? Пятьсот тысяч…

10

Кто не знал, мог подумать, что это орут кошки. Визгливые, словно от боли, крики слышны были ещё на подходе к звероферме.

Мучаются, подумал Трифоныч. И опять остро удивился: что за сила такая, что лишает покоя, заставляет кричать, жаловаться, метаться в страдании по клетке?

Жили лисы спокойно, ели корм, растили свой мех, а тут будто будильник какой в них сработал.

Звучит-то просто, инстинкт, но кто его во всё живое вложил? А главное, для чего, для какой такой цели из поколения в поколение орут и мечутся эти существа?.. "Чтобы в декабре их приплод получил колотушкой по башке", – хмуро усмехнулся Трифоныч. Он чувствовал враждебность к бессмысленному инстинкту чернобурок. У всего должна быть цель, а здесь её нет.

На двери вагончика, в котором переодевались перед работой звероводы, висел замок. Тоже бардак, отметил Бусыгин. Идёт гон, раньше в такое время женщины дневали и ночевали на работе. Сейчас никому ничего не надо. Какой будет выход щенков – до лампочки. Ещё не так давно лисьи шкурки возили в Омск на пушно-меховой холодильник. Трифоныч сам не раз сопровождал груз. Шкурок старались привезти побольше и сдать сортностью повыше. Зарплаты шли нормальные, к праздникам – премии…

Где теперь те зарплаты? Где премии? Где пушно-меховой холодильник?.. Лисьи шкурки сейчас не продашь, нет покупателей. Как звероферму до сих пор не закрыли, уму непостижимо.

– Трифоныч, здорово! – Из пристройки, где находился дежурный электрик, выглянула круглолицая Марго. Заулыбалась, показывая щербатый рот.

– Здравствуй, – неохотно ответил Бусыгин. И подумал, что Марго единственная из звероводов, кто сейчас на работе. И то, наверно, с электриком кувыркалась – вон какая довольная.

А может, специально показалась, чтобы он видел, она не на складе шарится, а здесь, в гостях. Трифоныч давно стал замечать, что в его отсутствие на складе кто-то бывает – подобрать ключ не проблема. Как бы между делом обронил в присутствии женщин: застанет кого – ноги переломает. И так ползвероферм растащили.

На смотровой вышке кто-то находился. Через большое, в частых переплётах окно виднелся неясный силуэт. Наталья, кто ещё, решил Бусыгин. Ответственная

женщина. Если бы даже была не зоотехником, а простым звероводом, всё равно следила бы за гоном. Олежка придурок, не понимает – такую жену на руках носить надо.

У двери склада он внимательно огляделся. Нет, чужих следов вроде не видно. На всякий случай снял замок и заглянул за дверь. Приготовленный с утра мешок с куриными шейками был на месте. Свиньи их хорошо едят. Мешок тяжёлый, килограммов пятьдесят весит, но здесь Андрюха не помощник. Такие дела делаются в одиночку.

На кормокухне пахло подгнившей рыбой и отошедшими в тепле субпродуктами – всеми этими куриными шейками и лапами, коровьей требухой. Трифоныч вони не замечал, привык за годы работы. Он переобулся в резиновые, легко моющиеся сапоги, влез в заскорузлый, когда-то синий халат и включил мясорубку. Вилами принялся бросать рыбу и субпродукты в натужно взвывающий механизм.

Отчего-то было неспокойно. Будто нужно было что-то срочное делать, а он всё тянет, откладывает. Смотровая вышка, подумал Трифоныч. Наталья. Лучшего случая не будет.

Он с минуту ещё работал, потом решительно прислонил вилы к стенке и принялся обратно переодеваться в чистое.

Сейчас всё решится.

Митяевские лишенцы

– Пашк, а Пашк?.. Вставай. – Мальчик увидел над собой взлохмаченную бороду. Слабый белёсый свет, пробивающийся через окно, делал дедушкино лицо чужим, неясным. – Шустрее, Мокей ждёт. Мошка, поди, его уж совсем заела…

По дому бесшумно двигались какие-то люди, и Пашка со сна не сразу понял, что это мать и отец.

– Колька где? – всё тем же быстрым полушёпотом спросил дедушка Пётр.

– С улицы не вернулся, – сиплым спросонья голосом ответила мать.

– Выдеру, ей-бо, выдеру! Рано гулять начал. Я когда ещё говорил, сегодня жать пойдём!.. – Единственный среди домашних, дед был сейчас разговорчив и подвижен. Он бодро сновал по избе, доставал что-то из углов и укладывал в мешок. – Натрись. – Дедушка ткнул в Пашкины руки остро пахнущую дёгтем склянку. – Потом некогда будет… Ты сейчас пройди мимо комендатуры, глянь, чего у них. Мы здесь подождем…

Ударив в дверь плечом, Пашка вывалился во двор. После избы ночь показалась холодной. Запахнув длинную братову телогрейку, мальчик ступил за калитку. На востоке едва зеленело, деревенская улица, как ей и полагалось в такой час, была в оба конца пуста.

Быстро стряхивая остатки сна, Пашка осторожно двинулся к комендатуре – раньше, пацаны говорят, там жил купец Островерхов. На крыльце добротного дома никого не было видно, лишь в одном из окон слабо горела прикрученная керосиновая лампа.

– Спит Альчибаев! – сказал он через минуту, от холода стуча зубами. – У-у, знобко.

– Жать начнём, дак согреешься. Рановато тебя в работу запрягать, да делать нечего. – Дедушка Пётр оглянулся на мать с отцом. – Ну, с богом!..

Опасливо оглядываясь на комендатуру, они спустились под берег, прошли к тому месту, где река упиралась в кедровую гриву. У широкого тёмного каюка сидел и попыхивал трубкой остяк Мокей.

– Курю, думаю, – сказал вместо приветствия Мокей. – Плохая у русских жизнь. Работай, работай, работай!..

Дедушка с матерью забрались в каюк, взяли к себе Пашку. Отец и Мокей, поднатужась, сдвинули посудину с места и уже из воды запрыгнули на корму.

– Да как же без работы, – словоохотливо отозвался дедушка. Он по-прежнему находился в приподнятом настроении, в котором нынче проснулся. – Всё на ней держится. Давно померли, кабы не работа. Вот не поленились, овёс посеяли, зимой с зерном будем. В колхозе дадут, не дадут – не известно, а нам и горя мало!.. С тобой, опять же, за лодку рассчитаюсь.

– Работа, работа… Я не работаю, а живой. Остяк рыбу поймал, утку подстрелил – хорошо. А ты своих в соху запряг, землю ковырял. Они разве хоры[1]? Зачем родных не уважаешь?

– А чего делать, если лошадей нет? И в колхозе не попросишь, сразу Альчибаеву доложат. Потому и приходится втихую, чтобы никто не знал. Ты-то тоже молчи.

Отец и мать налегали на вёсла, Мокей на корме то с одной, то с другой стороны подгребал ладным и лёгким, будто игрушечное, остяцким веслецом. Он не хотел дедушке уступать:

– Работать надо мало-мало. Ты потому лишенец, что много работал. Когда жить, если работать?..

– Тише, по воде далеко слыхать, – сказала мать, тяжело откидываясь назад. При каждом гребке становился особенно заметным её выступающий живот.

Что такое «лишенец», Пашка толком не знал. Знал лишь, что это обидное слово, им в Рябинках дразнили некоторых ребят, их с братом Колькой тоже. Но дедушка с Мокеем ругаться почему-то не стал. Потому, наверно, что это слово каким-то образом было связано с Митяево – деревней, в которой они жили раньше.

Пашка иногда пробовал представить себе это таинственное Митяево, но почти каждый раз получались Рябинки: россыпь приземистых изб, еловый лес вокруг, Вах, вода в котором цветом напоминает чай…

В лучшем случае представлялись картинки из увиденной в клубе фильмы «Богатая невеста». Вдоль чистой улицы стоят столбы с натянутыми тонкими верёвками, посерёдке идут колхозницы в белых платочках и с граблями. Обгоняя их, проезжает трактор, а на нём улыбающийся замурзанный парень в майке, кепке и больших, как у лётчика, очках на лбу…

«Не, у нас другое,– отвечал дедушка, когда Пашка приставал к нему с расспросами. Лицо у него разглаживалось, веселело. – Село большое, с церковью, а на горе барская усадьба. Ты-то ничего этого помнить не можешь, тебя оттуда годовалым увезли. В праздники

---

1 Хор (хант.) - ездовой олень-бык.

колокола на церкви звонят и парни с гармошками по улицам ходят, песни кричат… Ладно было!»

После долгих Пашкиных уговоров дедушка начинал рассказывать, как они оказались в Рябинках. Начинал неохотно – чего, мол, Пашка в его годы может понять, – но потом рассказ брал его самого за живое. Дедушкин голос подрагивал.

В коллективизацию Бусыгиным и ещё десяткам двум митяевских семей дали на сборы час, а затем под конвоем погнали на Тюмень, Тобольск и дальше на север. Красноармейцы в островерхих богатырках были злые, то и дело грозились устроить кулацкому отродью Варфоломеевскую ночь. Что это такое, никто не знал. Но по голосам красноармейцев было ясно: хорошего не жди. В Тобольске все сани в обозе перетрясли, отобрали иконы и деньги. Под Сургутом умерла бабушка и неженатый дядя Егор. Их не дали похоронить, пришлось обоих закопать в снег.

«Таких псов цепных я отродясь не видел, – сокрушался дедушка, забыв, что говорит с Пашкой. – Я им, чего, мол, сынки, яритесь? Мы природные крестьяне, работали, хозяйство наживали, только в том виноваты. А меня прикладом в спину, старого-то человека! Дескать, контрреволюционную пропаганду развожу…»

Дедушка рассказывал ещё о том, как пригнали в Рябинки. Первым домом была пещера, вырытая в речном обрыве. Никто переселенцев не ждал, здешние люди в свои избы не пускали. Хорошо, в комендатуре выдали по лопате и топору на семью – обустраивайтесь. На первых порах выручала конина. Мерин пал уже в Рябинках. Семижильный, от самого Митяева вёз пожитки и детей. Сейчас-то уже ничего, обжились, хотя постоянно под надзором комендатуры. То не положено, сё не положено… Чуть что – кулаки, лишены избирательных прав – лишенцы то есть. Да хрен с ним, с этим избирательным правом, лишь в гроб не загоняйте!..

Почему дедушка, рассказывая, так тужил, Пашка понимал плохо. Все его беды и радости были связаны с Рябинками, а далёкое и таинственное Митяево – как

сказка. Сейчас, пригревшись у дедушки на коленях, Пашка подрёмывал и видел колёсный трактор «Форд-зон», весёлого отчаянного тракториста, похожего на кого-то из рябинковских парней, отёсанные ровные столбы с натянутыми между ними верёвками – «провода», говорят взрослые…

– Погоди-ка. – Дедушка осторожно приподнялся и посадил Пашку на своё место. Неверно ступая в шатком каюке, сделал шаг вперёд и тронул мать за плечо. – Пойди к Пашке. С тебя хватит.

Потревоженный мальчик опять почувствовал холодный простор, влажное дыхание реки, увидел всё яснее проступающие деревья на берегах и пустынные песчаные косы. Мать взяла его на колени. Она тяжело дышала. Пашка чувствовал её выступающий живот. Он опять пригрелся и задремал, а проснулся оттого, что чей-то голос громко сказал:

– Забирай к острову! Ещё, ещё!..

Было уже совсем светло, синело небо, по ближней отмели, покачивая узкими длинными хвостиками, бегали пёстрые трясогузки.

– Вот ты скажи, в каждой деревне – свой обычай!.. – Радостный дедушка, поворачивая голову и поглядывая на приближающийся остров, мелко подгребал веслом. – Здешние хозяева не знают, что такое серп. Коса – это им понятно, а серп в глаза не видали!.. Я как знал, взял из Митяева. Сейчас чем бы овёс убирали? По кочкам-то?..

Заражаясь дедушкиной радостью, Пашка с нетерпением поглядывал на остров, ступеньками сходящий к воде. Заросший тальником, он смахивал на огромный остяцкий облас, перевёрнутый вверх дном, – вытянутый в конце и начале, высокий и узкий. Как только каюк ткнулся в берег, Пашка прыгнул вниз. И тут же ушёл босыми ногами в ил.

– Торопыга! – покачал головой дедушка. – Что, тоже невтерпёж?.. Да ты у нас богатый мужик – в сапогах!..

Пашка чуть было не заревел – ноги по колени стали чёрными от ила, – но передумал. Ему понравились дедушкины слова насчёт сапог. Не моя ног, он стал вместе

со всеми пробираться вглубь острова. То и дело посматривал вниз, представляя себя в настоящих сапогах.

– Лишь бы медведь не потравил, они овёс любят… Не столько съест, сколько затопчет, – прерывающимся голосом говорил дедушка, раздвигая впереди кусты. – У мишки губа не дура, он понимает – овёс сытный, быстро жир на зиму нагулять можно…

Вышли туда, где тальника не было. На обширной поляне росла какая-то невысокая пожелтевшая трава с клонящимися книзу метёлками. Овес, сообразил Пашка. Было странно, что эту траву можно есть.

– Слава богу. Никто не тронул! – Дедушка перекрестился. С трудом опустившись на колени, захватил одну из метёлок между ладонями, потёр. – Поспел. В самый раз!.. Трифон, вынимай серпы. Сразу и начнём, чего ждать… Трифон, ты чего?

Отец, не снимая с плеча мешок, смотрел в сторону тальника на другой стороне поляны. Оттуда вышел низкорослый крепыш в командирской фуражке и два красноармейца с винтовками.

– Альчибаев, мать твою!.. – потерянно выругался дедушка. – Теперь точно перезимуем… – И громко заговорил: – Тоже рыбалить, гражданин лейтенант? Это вы правильно, здесь самые что ни на есть стерляжьи пески. Мы семьёй собрались рыбалить, но места всем хватит – и нам, и вам!..

На губах круглолицего, смугло румяного Альчибаева играла презрительная усмешка. Он видел, что дедушка испугался, неловко пробует хитрить, и в его презрении к этим жалким людям чувствовалось даже что-то гадливое. Лейтенант двигался прямиком через овёс, с раздражением похлопывая по голенищу сапога прутиком.

– Кондратьев, несите бутыль, – чётким голосом распорядился он, не обращая внимания на дедушкины слова. И пока один из красноармейцев доставал что-то припрятанное в тальнике, зло бросил: – Работать не хотите? Думаете обмануть советскую власть? Не выйдет! Советская власть не таким хребты ломала!.. Кондратьев, начинайте.

Расторопный красноармеец, передав винтовку то-

варищу, принялся поливать овёс бледно-жёлтой жидкостью из бутылки.

– Керосин! – ахнула мать.– Да что же это?..

Дедушка засуетился, замахал руками:

– Гражданин Альчибаев, погодите! Дорогой Эркияш Маймановичь! Ведь труд, зачем губить?! На себе землю под овёс пахали, как скоты. Дайте хоть малость собрать, с куском на зиму остаться!..

– Не верите в колхозный строй? Голодом колхоз вас морит? Вредительством занимаетесь, пропаганду разводите? – зло, всё больше наливаясь презрением, чеканил лейтенант. – Нет вам пощады! В пособники к фашистам и японским милитаристам записались! Ответите перед советским судом!..

– Убрать дайте!..

Молчавший всё это время отец вдруг бросился к красноармейцу и стал вырывать из его рук бутыль. Альчибаев выхватил наган.

– Назад, кулачьё!.. Кондратьев, поджигайте!

Пашка на всю жизнь запомнит эту картину.

Быстро расползающийся по полю красный, густо дымящий огонь.

Красноармейцы заломили отцу руки за спину, он согнулся и смотрит исподлобья бессильным яростным взглядом.

В голос плачет мать, трясётся её большой живот.

Дедушка Пётр молча стоит. Его лицо застыло. Ветерок шевелит растрёпанную бороду…

Пашке тоже вслед за матерью хочется заплакать, но весело бегущий по полю огонь кажется ему живым, нестрашным, он притягивает Пашкин взгляд. Мальчик несмело выглядывает из-за матери, и в глазах у него – любопытство.

11

Наталья заметила, что на тетрадный лист с записями упало несколько капель. Она вытерла их ладонью, но слёзы всё капали и капали. Бумага в этом месте становилась

выпуклой и рыхлой. Наталья смотрела через стекло вниз, на нумерованные клетки производителей, к которым подсадили новую партию самочек, на азартный коитус, а перед глазами стояло глуповатое лицо Нефёдовой.

Господи, за что ей всё это?..

Нефёдову она встретила по дороге на звероферму. Было такое впечатление, что бабка шатается по деревне от нечего делать. «Ну ты представь, нигде никого нет! – сокрушенно пожаловалась она. – Ни в клубе, ни на почте. И куда весь народ подевался!» Наталья хотела было ответить в том смысле, что народ в отличие от неё делом занят, но не стала. Убогий по-своему человек. Всю жизнь чужим умом живет.

Баба Валя, довольная, что хоть кого-то встретила, принялась рассказывать, как была недавно в городе и как на рынке увидела её свекровь. Обувью торгует. А про мужа совсем забыла, пусть, мол, сам с хозяйством управляется. «Она у вас вообще непутёвая. – Нефёдова доверительно приблизила лицо и заговорила вполголоса, хотя вокруг никого не было. – Сколько раз замуж выходила, я и со счёта сбилась. Твой Олежка в неё. Чего, скажи, при живой жене со всяким блядвом связываться?.. Ты не знала, что ли? Люди видели, как Олежка от Марго выходил. На ней же пробы негде ставить!..»

У Натальи хватило сил спокойно спросить: «Зачем вы это мне рассказываете?» И только на смотровой вышке она дала себе волю. То, что Олег от неё гуляет, она догадывалась. Если бы даже от мужа после поездок в город не пахло духами, есть множество мелочей, которые выдают мужчину. Но чтобы с Марго!.. Ничего более унизительного придумать было нельзя.

А как он сначала ей понравился! После второго курса Наталья приехала домой на каникулы, и как раз в это время в колхозе солдаты заготавливали сено. «Золотая! – окликнул её один из них вечером на пруду. – Ты где пряталась, золотая? Что-то я тебя раньше не видел». Наталья смутилась. Её всё больше звали рыжей, и вдруг так красиво: золотая… Почему-то застеснявшись своего бикини, она осторожно посмотрела на парня. Строй-

ный, с чётко прочерченным прессом, он единственный из пришедших после работы купаться солдат был не в длинных сатиновых трусах, а в элегантных плавках.

Освещённый заходящим солнцем парень спросил: «А ты везде золотая? Покажешь?..»–«Дурак», – только и сказала Наташа. Но какая девушка в глубине души не ждёт от парня того, о чём может разве что подумать?.. В их союзе Олег всегда был ведущим. Он восполнял то, чего не хватало ей – уверенности в себе, смелости, предприимчивости. Но когда предприимчивость переходит в авантюризм, а уверенность – в наглость и позор для близкого человека…

Наталья закрыла глаза. Слёзы сами собой покатились по щекам, щедро закапали на тетрадь с пометками количества коитусов. Нет, так жить больше нельзя! Позорить себя она не даст.

Наталья не сразу сообразила, что на вышку кто-то поднялся.

– Не хочет работать. – Тесть подошёл к просторному окну, возле которого она сидела, стал смотреть вниз, на выстроившиеся в ряд клетки с производителями. – Устарел двадцать седьмой. Лежит. Лисичка перед ним и так, и этак… Под колотушку скоро пойдёт. Получается, гон для лисовина, как экзамен. Хорошо отработал – живи! Нет – под колотушку!..

Тесть со своим философствованием был сейчас совсем ни к чему, но делать нечего. Наталья постаралась незаметно вытереть глаза и ниже склонилась над тетрадью. Тесть вёл своё:

– Вот такая она, жизнь. Может, этот двадцать седьмой только и стал что-то понимать, а всё, давай под колотушку! Устарел, для дела негодный. Нечего корм переводить, молодые лисовины на подходе. Они-то работать будут, силы много!..

В голосе свёкра была какая-то неискренность, и Наталья подумала: чего он пришёл на самом деле? Вспомнился недавний разговор, когда тесть предлагал выходить за него замуж, но прежней обиды она не почувствовала. Какой всё-таки Олег скотина!..

– Вот те на! Ты чего это?.. Кто обидел-то?

Наталья уронила на руки голову и, уже не таясь, в голос зарыдала. Трифоныч остановился рядом.

– Ну, ладно тебе, Наташа. Чего переживать, – неуверенно забормотал он. – Чего случилось-то? Брось, всё будет нормально…

Ещё сильнее заплакав, она ткнулась лицом в его рукав, будто ребёнок, наконец-то нашедший понимание и защиту. Трифоныч принялся гладить её по голове, по плечам. Подняв на ноги, прижал к себе, обнял и стал шептать, что она хорошая женщина, таких сейчас мало. Её надо ценить и любить, что дети от неё должны быть хорошие, в мать, и муж должен быть хороший, а не баламут Олежка, который хрен знает, о чём думает, а только не о семье и не о жене…

Наталья почувствовала твёрдые мозолистые ладони, которые пробирались все глубже под одежду. Но вырываться или оттолкнуть тестя у неё не было ни сил, ни желания.

12

Илья от водки теперь не отказывался. Одну за другой опрокидывал в рот стопки и почти не закусывал. Забеспокоился даже Кашпировский:

– Ваше благородие, извольте ветчинки с огурчиком! Иначе отключитесь раньше срока и не увидите мои феноменальные способности.

Илья сосредоточенно смотрел перед собой, время от времени касался пластыря на рассечённой брови и молчал. Под глазом у него наливался багровый кровоподтёк.

У Олега настроение было не лучше, но он сказал:

– Ладно тебе! Меня родной дядя послал, и то я ничего.

– Скоты зажравшиеся, – бормотал охранник и смотрел в пространство немигающими глазами. – За людей не считают.

– Да брось ты!.. Слушай, Кашпирян, мы ему сейчас женщину организуем. Марго, наша рябинковская смоковница. Профессионалка!

Кашпировский закивал:

– Хорошо дурную кровь оттягивает. Неоднократно и всесторонне проверено. Самые лестные отзывы.

Полуголые, они уже второй час сидели в жарком предбаннике. Небольшой столик был плотно заставлен закуской и бутылками. В углу надрывался магнитофон. Повязанный по бёдрам полотенцем Кашпировский иногда выскакивал за дверь и, напуская клубящегося по низу морозного воздуха, приносил охлаждавшееся в снегу пиво. Он же хлестал Олега и Илью веником, когда те забирались в парилке на полок.

Олег несколько раз пробовал охранника уговорить покататься после парилки в снегу, но тот хмуро отмалчивался.

– Ну, ты, ей-богу! Будто тебя никогда не били!.. Ты где раньше работал?

– В школе. Физруком.

– И что, не попадал в переделки? Херня, не поверю!.. Каждый мужик бьёт и его бьют. Закон жизни!.. – Поняв, что Илью не расшевелить, приказал: – Кашпирян, давай по-быстрому за Марго. Товарищу нужна срочная сексуальная помощь.

Багровому от тепла и водки Кашпировскому совсем не хотелось отлучаться от обильного стола и идти куда-то в темноту, на мороз.

– Может, не будем форсировать события?

– Давай-давай! – по-хозяйски прикрикнул Олег. Глядя на него, уже трудно было поверить, что и он недавно перенёс унижение. Олег выглядел вполне благополучным, уверенным в себе человеком.

– Как скажешь, гражданин начальник. Я – мухой!

– То-то.

Едва за Кашпировским захлопнулась дверь предбанника, как Илья принялся молча натягивать брюки. Олег удивлённо уставился на него.

– Не понял! Ты куда?

– Одевайся. Пойдём к вашему главе администрации.

– Зачем?

– Поговорим.

– Ты чего, охренел? Поддатые, с фингалом под глазом?!.

Илья был непреклонен. Его зрачки сумрачно горели.

– Почему он тебе помочь не хочет? Ты как рыба об лёд… Скоты! Все они скоты!..

Олег несколько секунд молча смотрел на него. Вот так поворот!.. Такого сочувствия от охранника он никак не ожидал. Лишь бы глупостей по-пьяни не наделал.

– Дай пистолет.

– Я как стёклышко! Не веришь?..

– Верю. Дай пистолет. А то не пойду.

Через несколько минут они уже мчались на «Буране» по тёмным улицам села. Впереди метался жёлтый свет фары. У одного из домов за снегоходом увязалась собака и цапнула Илью за ногу. Он этого почти не заметил.

Сидя у Олега за спиной, кричал на ухо, какие это сволочи, начальство и богатые люди. У них в банке тоже. Вроде все вежливые, на «вы», а охрану на самом деле презирают. Не хотят понять, что у него удар правой сто пять кэгэ, он школу телохранителей закончил. Любому может обломать рога!..

Остановились у большого, с мансардой дома, обшитого светлым пластиком. Олег с любопытством поглядывал на Илью. Интересно, что из всего этого выйдет?.. Дом Валентина Степановича напоминал богатую дачу где-нибудь в пригороде. Даже электрозвонок у входа был. Олег нажал на кнопку.

Появилась приземистая, очень полная женщина в брюках и с сигаретой во рту. Прикрывая грудь концами шали, без церемоний спросила:

– Чего надо?

– Мне-то ничего, – сказал Олег, отступая за спину Ильи. – У товарища какой-то вопрос.

Сорокина оценивающе смерила Илью взглядом.

– Это тот, что тебя сегодня привёз?.. Олежка, ты чего перед Валентином Степановичем в городе выступал? Крутой очень? У тебя проблем мало?.. – Она опять перевела взгляд на Илью. – Чего надо, конвоир?

Илья обиделся.

– Я не конвоир, а представитель банка. Хочу поговорить с вашим мужем.

Женщина затянулась, выдохнула сигаретный дым.

– Говори со мной. И быстрее давай. Не лето, холодно стоять.

– Мне ваш муж нужен, – упрямо повторил Илья.

Олег сзади шепнул:

– Настоящий глава администрации – она…

– Фу, да вы пьяные! – Женщина отстранилась, негодующе тряхнула короткими, пышно завитыми волосами.

Илья взорвался:

– Вы почему зажимаете частного предпринимателя? Окопались на тёплых местах, сволочи!

Сорокина изумлённо посмотрела на него. Она даже рот приоткрыла и забыла про сигарету.

– Что уставилась, свиноматка? Правды не слышала? Никто не говорил? Все боятся?... Была бы ты мужиком, я бы тебе быстро всё растолковал!

– Подожди, я сейчас, – сказала Сорокина и, резво развернувшись громоздким телом, заспешила в дом.

Дело было дрянь. Здесь таких слов не прощали, Олег на собственном опыте знал. Он потянул Илью за куртку.

– Рвем когти! Она пошла звонить участковому.

Илья уперся.

– Никуда я не пойду. Мне нечего бояться. Это вы здесь все обосрались.

– Как знаешь. – Олег оседлал «Буран», дёрнул тросик стартера.

Взрослый человек, в случае чего сам виноват будет. Никто не заставлял.

Ну вот, он теперь практически свободный! Само получилось. Ещё и с «макаровым» в кармане! Куда-нибудь далеко уехать или лечь на дно сейчас не проблема.

В доме горел свет, значит, Наташка уже вернулась с работы. Но заходить Олег не стал, сразу направился к бане.

В предбаннике Кашпировский подливал Марго. Та сипло смеялась и толкала его плечом. Марго была в выцветшем купальнике, но в валенках. Видно, мёрзли ноги – по низу ощутимо тянуло.

– Прикрывай лавочку! Разбегаемся!.. – Олег, как

был в дублёнке и унтах, прошёл к столу, выпил водки. Он даже шапку снимать не стал.

Марго с пьяным изумлением захлопала глазами.

– Чего тогда звали?.. Я всё бросила, пришла – и пожалуйста, выгоняют!

Кашпировский тоже смотрел недоумённо, хотя ничего не говорил.

– Сейчас участковый придёт, в подельники определит. Илюха, придурок, решил отношения с властью выяснять! Хорошо ещё, я пистолет забрал… Чего ждёте? Оделись и по домам!

Марго вдруг ударила по столу ладонью.

– А вот никуда не пойду, и всё! Я что вам, малолетка – то приходи, то уходи. – Марго или здесь уже так развезло, или она пришла навеселе. С пьяной настойчивостью она принялась грозить пальцем. – И вообще, Олежка, ты мне должен! Я тебе никогда не прощу! Никогда!..

Олег слегка даже опешил.

– Чего это я тебе должен?

– Чего… А кто меня на буксир продал? Забыл уже?.. Я по-о-мню! Четыре мужика, а я одна. Забыл?..

– Не гони пургу! Две недели проблем не знала, они тебя поили и кормили.

– Мне обидно! Я, может, человек! Женщина!..

Олег засмеялся. Ну, дает. Женское достоинство прорезалось!.. Года два назад он в самом деле отвел Марго на приставший к Рябинкам буксир – «продал», как говорили в таких случаях. Мужики расплатились ящиком водки. Была середина навигации, они два месяца жён не видели. Если б Марго не хотела, так не пошла бы. Или в Вах прыгнула – плавать-то умеет. Целочка нашлась…

– Ты мне посмеёшься! Я такое знаю!..

– Потом расскажешь. Одевайся по-быстрому. – Олег стал бросать Марго одежду.

– Не-е-т, я сейчас скажу. Ты у меня смеяться перестанешь!.. Жалко Наташку подставлять, но ты сам виноват, сам!.. – Марго опять принялась грозить пальцем. – Довёл женщину. С тестем трахается. Сама видела!..

Олег остановился, прекратил бросать одежду.

– Думай, что говоришь. Это ты профура, а она семейная женщина.

– Профура?! – взвилась Марго. – Я с родственниками не трахаюсь! Твоя Наташка профура!..

Не отвечая, Олег засунул руку в карман и вытащил «макарова». Марго споткнулась на полуслове и умолкла. Олег снял пистолет с предохранителя. Кашпировский, который всё это время быстро наливал в стопку водку и пил, крякнул и солидным голосом произнёс:

– Олег Павлович, прошу вас, без эксцессов.

Олег секунду помедлил и, развернувшись, толкнул дверь на улицу.

13

Собака завизжала с таким отчаянием и болью, что Трифоныч невольно подался к окну. По дороге в прозрачных ещё сумерках убегала мосластая тощая сука. Она испуганно оглядывалась назад, под животом болтались вытянутые пустые сосцы. Похоже, хотела чем-то поживиться в соседском дворе, а её сильно ударили.

Вид у суки был такой затравленный и жалкий, что Бусыгин несколько секунд стоял неподвижно. Щенки тянут, жрать хочется нестерпимо, а отовсюду гонят и бьют… Тоска стиснула сердце. Голод и страх, подумал он. Ничего другого в жизни, только голод и страх. У человека тоже. Для чего жизнь? Зачем?..

Андрюха куда-то ушёл, и это тоже было сейчас некстати. Всё-таки живой человек, словом можно перекинуться. Не очень весело он жил с Татьяной, а всё равно рядом кто-то был. Татьяна… Жизнь потратил, чтобы у них стало по-людски. Ничего не вышло. Может, потому один Олежка и получился. Да и тот…

Поздно.

Поздно он спохватился.

Трифоныч отложил в сторону сеть (скоро вскроется Вах, надо быть готовым), влез в телогрейку и вышел во двор. Догорал чистый холодный закат, с каждым вечером уходивший всё дальше к западу. Виднее стало

пламя над газоперерабатывающим заводом далеко за рекой и лесом. Оба кобеля не могли никак успокоиться, всё метались вдоль глухого забора, злобно лая вслед убежавшей собаке.

– Цыц! – прикрикнул Трифоныч. Тоже, как люди. Одна судьба, а готовы друг друга загрызть.

Стайка пахнула запашистым теплом, коровьим дыханием. Бусыгин безошибочно опустил руку на выключатель у входа, зажёг свет. Потревоженно хрюкнула свинья с поросятами. Дробно застучали острыми копытцами овцы по доскам настила. Червонка встретила доверчивым жалующимся взглядом. Всего несколько часов прошло, как Трифоныч видел её, а казалось, живот у коровы стал ещё больше.

Яловая Комолая косила фосфоресцирующим глазом. Но неприязни к ней, напрасно переводившей столько времени корм, Трифоныч не почувствовал. Как не чувствовал сейчас и особой любви к Червонке. Они обе дышали, дёргали кожей, жевали жвачку – и это было главное. Живые. Пусть не люди. Хорошо, что не люди.

Он встал на лестницу, откинул крышку и поднялся на сеновал. Нашёл вилы и принялся бросать сено вниз. Надо на ночь задать коровам и быку. Работа была простая, бездумная, и мысли опять стали вертеться вокруг сегодняшнего случая на смотровой вышке… Чтобы не было так досадно и стыдно, Бусыгин представил Сургутский речвокзал, тускло освещённый зал ожидания и Татьяну с ребёнком на руках, её неприкаянный вид. Хотя хорохорилась, то и дело выпрямляла спину и горделиво откидывала голову. Это у них семейное. Как же, мы – Земсковы, лучшие в районе соболятники, известные люди!..

О Татьяне он узнал от Коровкина, у которого жил на квартире. Стоял октябрь, вот-вот должна была закончиться навигация – со времени неудачного сватовства прошёл почти год. «Лежишь, значит! – Лоцман присел на его отгороженную занавеской кровать. Выражение лица было непонятное. Он был навеселе: последнее время Коровкин целыми днями пропадал в конторе «Сплавлеса», закрывал летние наряды, а вечером обяза-

тельно отмечался в буфете речвокзала. Он вдруг сильно хлопнул Павла по ноге. – Ещё не оприходовал мою Тамарку? Ты мне прямо говори, я отец, должен знать!.. Или не по душе?.. Ладно, дело твоё. Беги на пристань, там твоя мадам. Полагаю, сбежала от мужа. Может, от родителей… Зря вообще-то суетишься! Хорошего не будет. Коровкин под людьми на три метра видит, просто так говорить не станет!..»

Ему бы прислушаться к тем словам, а он отбросил книжку, стал торопливо натягивать хромовые сапоги, схватил из шкафа пальто с барашковым воротником… Скользя в темноте по раскисшей глине, добежал до речвокзала. Зайти сразу не решился, пошёл по дебаркадеру вдоль окон, всматриваясь в запотевшие стёкла. Сердце бухало. Когда увидел Татьяну, оно споткнулось и замерло. Неизвестно, хватило бы у него смелости открыть дверь и зайти. Помог случай. Татьяну стали тянуть к буфету подвыпившие грузчики. Она отпихивала руки, сверкала глазами, но чувствовалось – испугалась. Среди грузчиков было много недавних зеков. «Парни, вы чего? Это сеструха моя! – Павел сам не понял, как оказался рядом. По-хозяйски взял у Татьяны ребёнка. – Чего телеграмму не отбила? Хорошо, люди сказали».

Она и в самом деле опять ушла от мужа. Вернулась в Рябинки, а там отец не принимает. Нашла коса на камень. Без денег, без тёплой одежды села на пароход…

Он, Павел, нашёл ей квартиру, все деньги, заработанные за сплавсезон, потратил на неё и дочку. Татьяна его долго к себе не подпускала. Но и когда стали жить семьёй, холодок всё равно остался. Может, она из таких людей, которым никто не нужен, – одиночка по жизни. Бывали по ночам моменты, когда Татьяна, содрогаясь всем телом, плотно подавалась к нему, дышала со стоном. Но неизвестно, о ком в эти секунды думала. Да и думала ли? Инстинкт. А так – за всю жизнь ни разу не поцеловала. Ни тогда, когда жили в Сургуте, ни позже, когда он перевёз семью в родительский дом в Рябинках.

Трифоныч взял рукой клок сена, помял, поднёс к лицу. Нет, уже не пахнет. Выдули запах ветры, выжг-

ли морозы. А как хорошо и сладко пахло разнотравье в августе!.. Так и его жизнь. Ещё немного – и останется одна труха непонятного цвета и запаха.

На дворе стемнело. Озаряя горизонт прыгающим светом, горел факел над газоперерабатывающим заводом. Звёзды над головой однако тоже хорошо были видны. Ночью подморозит, отметил Бусыгин. Надо было жить дальше. Варить суп, принести мешок с куриными шеями и лапками – свинье, её поросята сосут. Утром, как и задумано, он уберёт Комолую. Хозяйство запускать нельзя, как бы паскудно на душе не было.

Он растопил печь, поставил на плиту кастрюлю с двумя ножками Буша, набрал в подполе картошки. Нужно было посмотреть тулку. Так и есть, Андрюха после охоты не почистил. Трифоныч разложил на столе газету, достал шомпол, масло и, пока закипали ножки Буша, сделал всё, что полагается.

Порядок. Чтобы всё было наготове, вставил в стволы патроны с пулями. Второй – на всякий случай. Скотина не должна мучиться.

За этим занятием его и застал Олежка.

Трифоныч так и не понял, почему не залаяли кобели, – сын был нечастый гость в его доме. Олежка распахнул дверь и остановился на пороге, вызывающе засунув руки в карманы. Однако ожесточение, с которым он ступил в дом, тут же почти и исчезло – похоже, Олег не ожидал увидеть в руках у отца ружьё.

– Чего такой грозный? – с лёгкой насмешкой, как обычно и говорил с сыном, спросил Бусыгин.

Замешательство Олега быстро прошло.

– Это я тебя хочу спросить! Почему меня позоришь? Что у тебя с Наташкой было?!.

У Трифоныча ёкнуло внутри: вот уже и знают в деревне!.. Но вида он не подал, для чего-то взвел курки.

– Чего молчишь, было?..

А всё-таки он меня боится, подумал Бусыгин, посмотрев на сына. Заводит себя, распаляет, а сам настороже… И эта мысль вызвала не презрение, которое он чаще всего испытывал к сыну, а полузабытое снисходительно-тёплое чувство.

Тридцать лет мужику, а стержня, настоящей уверенности в себе нет. Всё с налёта, всё нахрапом – тоже, наверно, несладко. Отчего так? Почему они между собой чужие? Другой породы, но – сын…

– Кто тебе такое наплёл? – спросил он как можно спокойней и поставил тулку прикладом на стол.

– Нашлись люди!

– Не Марго ли? Я её недавно с комбикормом шуганул, вот она и распускает сплетни.

Если бы дело было только в нём, он говорил бы по-другому – унизительно врать и выкручиваться в его возрасте. Да ещё перед сыном. Но не хотелось подводить Наталью. Она-то в чём виновата.

– Ты мне пургу не гони! – на глазах наглел Олежка. Он выхватил руку из кармана, и Трифоныч увидел наставленный пистолет. – Короче, пятьсот тысяч за моральный ущерб! Было, не было – разбираться не будем. Пятьсот тысяч – и забыли!..

Трифонычу кровь ударила в голову.

– На отца – с пистолетом?! – В ярости он ударил прикладом о столешницу. Громыхнуло так, что с полок посыпались тарелки. Задымилась над печкой занавеска, в которую угодили заряды. Из-за занавески с диким воплем выскочил кот. Трифоныч схватил тулку за стволы, замахнулся на Олега. – Пугать вздумал?! Отца?!.

Присев в коленках и выставив в вытянутых руках пистолет, Олежка пятился к порогу. Он, похоже, воображал себя сейчас то ли гангстером, то ли полицейским из американского боевика. Бусыгин запустил в него ружьём. Олежка увернулся, выскочил за дверь. В тамбуре застучали его шаги.

Тяжело дыша, Трифоныч опустился на табурет. Его колотило.

От обиды и гнева на сына, пустого человека.

Оттого, что сейчас только начинать бы по-настоящему жить, а уже другое время, не его.

Оттого, что в этом новом времени главное не то, что он привык считать важным, а мелкое и ничтожное, над чем можно было бы и посмеяться, если бы всё не так неотвратимо и горько.

14

И вот он сидит за столом, ест суп с курятиной и без интереса смотрит на телевизор под потолком. Там клип, беснуются негры, орут что-то дикое и непонятное.

Перед ним початая бутылка. Сегодня нужно, за день много чего произошло. Достали.

Чтобы не вспоминать, думает о неграх. На его памяти они были угнетаемым американскими империалистами народом, потом поющим по-русски и потому симпатичным Полем Робсоном, ещё позже – олимпийскими чемпионами, по-животному быстрыми и выносливыми. Теперь уже и не негры, а афроамериканцы. Похотливые, наглые, почти все наркоманы и больные спидом. Какими станут для внука Генки и других людей, подпирающих Трифоныча, выталкивающих из жизни, – неизвестно.

На кухне жарко. От тёплого воздуха вверху над печкой шевелится простреленная занавеска. Но уходить отсюда не хочется. Трифоныч снимает рубашку и остаётся в футболке с надписью BOSS на груди.

– Не по-нашему написано, – слышит он голос. Ищет глазами и видит в углу дедушку Петра.

Дедушка в глухо застёгнутой белой рубахе, в дешёвых хлопчатых брюках, подпоясанных сыромятным ремешком – такой, каким его запомнил в гробу малолетний Пашка. Редкая дедушкина борода тщательно расчёсана. Причёсаны и волосы, прикрывающие восковую лысину.

– Здесь? – спрашивает Трифоныч и показывает себе на грудь. Он совсем не удивляется тому, что видит давно умершего деда. – По-американски написано. По-ихнему это значит, что я большой начальник… – Трифоныч усмехается.

– Хорошо, что нас не боишься, – спокойно произносит дедушка Петр. – Трифон, пойди сюда.

Вслед за дедом появляется отец. Вид у него запущенный. Отец зарос щетиной, красноармейская форма

без петличек кое-как заштопана, над ботинками с отставшей подошвой грязные обмотки. Но даже такой он выглядит сейчас намного моложе его, Трифоныча.

– Выходит, советских победил не немец, а американцы, раз их слова себе на груди пишете? – говорит дедушка, проходя к столу.

– Выходит, – опять усмехается Трифоныч. – Есть будете?

– Мне без надобности. А ему дай, – кивает на отца дедушка. – От голода на заводе в Челябинске умер. И от работы.

Бусыгин наливает всем водки, отцу ещё и большую тарелку супа. Все вместе выпивают. Отец принимается жадно есть, то и дело протягивая руку за хлебом. Но ни супа в тарелке, ни хлеба на столе не убывает.

– Зря ты парня своего прогнал. Дал бы денег сколько-нито.

– Если бы на пользу, – хмурится Бусыгин. – Спустит за месяц. Работать по-настоящему не хочет.

Дедушка кивает, но нравится ему такой ответ или нет – не ясно.

– Как у вас т а м? – спрашивает Трифоныч. Ему радостно видеть деда и отца, хочется о многом расспросить и о своей жизни рассказать. – Есть т а м что-нибудь?

– Сам узнаешь, – скупо отвечает дедушка Петр.

– Скоро?

– Не скажу.

– Мать, бабушку встречаете? Другую родню?..

Дед ничего не говорит. Ему, похоже, всё на кухне нравится. Он прислушивается к огню в печке, гладит ладонью пластик стола, смотрит на большой глянцевый лист календаря с котятами – Татьяна ещё покупала.

– Справно живёшь.

– Да вроде, – соглашается Трифоныч. – Только на мне, видно, всё кончится.

– Не думай. Другое будет. Для нас чудное, а для них в самый раз. Потом опять другое…

– Дак чужое уже, непонятное.

– Потому и забирают нас. Это его раньше времени. –

Дедушка кивает на отца. Тот продолжает жадно есть. И молчит. Молчаливым он был и при жизни, во всём слушался деда.

– Я никуда не собираюсь. Силы у меня ещё есть, – не соглашается с резонами деда Трифоныч.

Дед крякает.

– Сегодня ты бабе показал свою силу… На работу теперь только и способный. Там за этим внимательно следят. – И дедушка Пётр неопределённо машет рукой куда-то в сторону.

Помолчали. А что скажешь?..

– Чего раньше не приходили?

– Нужды не было.

– Оставайтесь у меня. – Трифоныч замолкает. Добавляет с трудом: – Один я…

– Кабы можно было. Ты к нам придёшь. Не сейчас.

Дед вздыхает и смотрит на отца. Тот понимает его. Поднимается из-за стола, напихивает в карманы штопаных-перештопанных красноармейских штанов столько хлеба, что они начинают бугриться.

– Бывай пока, – говорит дедушка Пётр. – Уходить надо.

У Трифоныча перехватывает горло. Он подаётся вперёд, хочет обнять дедушку и отца, немногих из дорогих в его жизни людей. Но мешает стол. Да и гости отстраняются.

– Нельзя тебе.

И вот уже нет обоих.

Бусыгин опускается на табурет. Неподвижно сидит, опустив голову.

Гудит пламя в печке, и что-то ненужное бормочет телевизор.

2001 – 2002

ВАРИАНТЫ НАДЕЖДЫ ВИЛОРОВНЫ
Повесть

Поначалу он смахивает на уголовника. Крепкое лицо, короткий нос, тонкая, будто волосы только-только отросли, стрижка. Не очень-то смущается, что его игнорируют, подсел в Домжуре, настойчиво шутит и добивается в конце концов улыбки и ответных реплик.

И вот – почти противоестественно – оказывается, что он очень начитан, знает едва ли не всё, одинаково свободно говорит о милетской школе и особенностях устройства "Вояджера". И уже не так похож на рэкетира.

Надежда в лёгкой панике, она не понимает, кто он на самом деле. А он будто специально сегодня называет себя консультантом пиаровской фирмы, завтра тренером по кикбоксингу, послезавтра театральным художником. Не считая того, что в Домжуре представлялся ей и Лиле как специальный корреспондент стокгольмского еженедельника. Даже сколько ему лет, Надежда толком не знает.

Его поведение смущает, это если мягко. Неожиданно откуда-то появляется и неизвестно куда на несколько недель пропадает, несёт весёлую ахинею, может сутки пить, по пьянке с придыханием читает Волошина и часами висит на телефоне, так что Надежда и в самом деле начинает думать, что в городе он наездами («Я глубоко провинциальный тип, Над*и*н, местечковый наблюдатель жизни, можно сказать») и теперь решает в Москве накопившиеся проблемы.

Мама, когда они остаются вдвоём, поднимает плечи и мелко трясёт головой: «Я тебя не понимаю!.. Ты ничего о нём не знаешь, приводишь в дом – это опасно!..» – «У тебя есть варианты?» – холодно парирует

Надежда. Вариант есть, недавно опять звонил, но очень уж скучный и неинтересный. А вообще-то с вариантами напряжёнка, когда тебе хорошо за тридцать, мама должна знать. Надежде и самой многое в их отношениях не нравится, зыбкость и эта двойственность-тройственность, какие-то вещи для неё даже унизительны, но в общем… В общем – любопытно. Такого мужчины у неё ещё не было.

– А ведь ты подкидыш. Серьёзно. Я всё проанализировал, – говорит сегодня он и рассеянно смотрит вверх на ныряющих в нежно-зелёных кронах ворон. Они идут по Страстному бульвару, уже конец мая, жарко, прохожие одеты по-летнему, вернее, почти раздеты, и он отвлекается: – Ты обращала внимание, насколько достижимей любовь кажется летом? Одежды затушевывают тело, зимой либидо улицы в глубоком подполье. Кстати, не потому ли жители северных стран сексуально холодны? Тело у них так спрятано, что и мысли не возникает. Конечно, игра лица, улыбка – да, согласен, но этого мало. Рисунок бедра говорит мужчине больше, откровеннее, чем все улыбки, вместе взятые. Я прав?

И тут же спохватывается, прыскает, сам потешается над своей оплошностью:

– Прошу пардону, глупею-с! Недомыслие. С таким вопросом – и к женщине!..

А у Надежды накипело. Она едва сдерживается, чтобы не накричать. В апреле он жил у неё неделю, отремонтировал телевизор и расшатанное кресло, соседи по лестничной площадке с ним уже стали здороваться, а он как-то вышел за пивом и пропал. Даже ни разу не позвонил за всё это время!..

Однако скандалить кажется ей тривиальным. На его фоне хабалкой выглядеть не хочется, это первое. А во-вторых, дурацкая неуверенность одолевает её. Надежда всё не может отделаться от ощущения, что это – не он. У неё свой скелет в шкафу, стала ни к чёрту зрительная память. Если бы он сейчас не шёл по Страстному, ещё издали улыбаясь, она бы не узнала и прошла мимо. Идиотизм. Неужели возрастное? Уже?..

Впрочем, несмотря ни на что, спускать она не собирается. Так же рассеянно, как и он, смотрит на зелёный вовсю бульвар, на неуклюже хлопотливых ворон вверху и вскользь, но твёрдо замечает, что выскочила из редакции на минуту, у неё много дел.

Он на это не реагирует. Этакий полузнакомый мужик с отстранённо витающим взором. Он продолжает нести своё, и Надежде, которой обидно, а уйти всё-таки жалко, ничего не остаётся, как начать упрямо, неуступчиво возражать. С чего он взял, что скандинавы холодны? Они очень раскованны, достаточно посмотреть их эротику, и законодательство у них в этом плане очень прогрессивное. Тема выеденного яйца не стоит, но Надежда уязвленно горячится. Он сбоку поглядывает на неё и щерит зубы – всё понимает, мерзавец! Она готова его убить.

– Над*и*н, вы категорически неправы. Законодательство у них потому прогрессивное, что государственные мужи боятся, как бы либидо нации вообще не заглохло. Стимуляция, хе-хе, в общенациональном масштабе. А по-настоящему темпераментный человек не станет демонстрировать свою страсть перед камерой. Он, к примеру, не видел ни одного испанского или итальянского порнушного фильма.

Теперь усмехается Надежда, усмехается ядовито – баба, не сдержалась всё-таки! То, что он не видел, не значит, что их нет, таких фильмов. Говорится значительно, слова здесь не главное. Можно понимать и так: как мужчина ты не очень. У Надежды достаточный опыт, может сравнивать. Теперь она частично отмщена, так уже можно жить. Обида требует необязательным тоном добавить:

– Ну, я пошла. Если хочешь, подожди после работы.

В этом тоже издёвка: до конца рабочего дня почти три часа.

Нехорошую тишину в секретариате она замечает не сразу. Непосредственная начальница Родневских сидит за компьютером, её удивительно некрасивое, всё из морщин, будто шея черепахи, лицо по обыкновению непроницаемо. А вот завредакцией Света откровенно расстроена.

– Надь, Ярошенко от нас уходит.

– Куда? – останавливается на месте со сдобой в руках Надежда.

– Пока неизвестно, – траурным голосом сообщает Света. – Но точно-, уходит.

Что ей переживать – непонятно. Света легка и коммуникабельна, как работала до прихода в редакцию Ярошенко, Родневских и её, так и после них будет работать. Вряд ли кто из окружения нового главного позарится на должность начальницы над скрепками и вениками. Это им с Родневских надо беспокоиться.

– Откуда такие сведения?

Света кивает в сторону Родневских, но та делает вид, что поглощена работой и ничего не объясняет.

Надежда принимается сервировать чайный столик.

Чайные церемонии в «Химию и природу» они принесли с собой из Министерства. Надежда – их движитель. На ней следить за тем, чтобы не кончались сахар и чай, она же ходит в булочную на Страстном. Не только потому, что младше всех по должности – помощник ответсекретаря. Если Родневских не напомнить, может просидеть весь день без крошки во рту. К тому же разговоры за чашкой чая Надежда ценит, они по-женски доверительны, без обычной субординации. Из такого общения много узнаёшь. Особенно когда в них принимает участие сама главный редактор.

Ушли в прошлое съезды Верховного Совета, новая жизнь основательно потеснила те, казалось, неизгладимые по свежести и мощи впечатления, но до сих пор Алла Владимировна осенена ореолом баталий Межрегиональной группы с агрессивно-послушным большинством. Во время чаепития внутренняя пружина, профессиональная готовность мгновенно и непримиримо отреагировать на любой выпад ослабевают в ней, смягчаются, и Ярошенко с юмором рассказывает, как боролась на Полтавщине с партократами, баллотируясь в Верховный Совет. Пожилой редактор газеты, в которой она работала корреспондентом, пугался её смелости, искательно заглядывал

в глаза: «У вас кто-то есть в Москве?..» – «Есть, – отвечала Ярошенко. – Горбачёв!»

Журнал тесен для неё. Она здесь временно, и этого не скрывает. Отодвинут в тень её старший соратник, в Министерстве сейчас другие люди, потому её и ушли в малоизвестный журнал. Но то, что в скором времени Ярошенко будет востребована и, быть может, на самые верха, в редакции знают все. Не каждому Ельцин направляет благодарственные письма за статьи против коммуняк. Подпись собственноручная, а не факсимильная, Валерка подтверждает. Он раньше работал в ЦК комсомола, в таких вещах разбирается.

Но все эти мысли торопливы, они идут вторым необязательным планом. Куда больше Надежду теперь занимает услышанное на бульваре. Мало того, что болезненно радостен сам факт встречи, интригует сказанное мерзавцем, что она якобы подкидыш.

Как почти каждая женщина, Надежда любит, чтобы о ней говорили. Чтобы находили в её жизни романтическое и загадочное. Чтобы восхищались и завидовали. Но она трезво прикидывает, не сказал ли мерзавец это, чтобы сбить её порыв, заморочить голову и избежать упрёков. С ним постоянно приходится быть начеку. Но если по большому счёту, это Наде интересно и нравится. Поскучневшая было жизнь вновь обретает пикантную остроту.

Дождётся он её сегодня или всё-таки уйдёт?..

Без особой заинтересованности Надежда спрашивает о Ярошенко. Они уже пьют чай, худая Родневских без опасения поглощает сдобу, шевелятся складки её монстровидного лица. Страшна бродяга, но умна, недаром Ярошенко потянула её за собой из Министерства. А уж она в свою очередь Надежду. Почему – до сих пор непонятно. Потому, что познакомились на митинге Демроссии?..

Родневских тонко, едва заметно улыбается.

– Аллу Владимировну вызвали на Старую площадь… Просто так туда не вызывают.

Хоть убей, ничего больше не скажет. Хотя, возможно, и сама больше не знает.

Света, которой повезло (не всех приглашают пить чай в секретариат), сокрушённо качает головой.

– Такая хорошая женщина! Как она пришла, у нас будто свежестью повеяло. Настоящий ветер перемен!..

Света простовата, говорит без какого-либо желания, чтобы её слова стали известны главному, но Родневских, опустив лицо, улыбается в чашку. Отводит глаза и Надежда. Хотя завредакцией по-человечески ей симпатична, но Родневских улыбается, а с этим нужно считаться. Чаепитие без Ярошенко окончательно превратилось бы в скукоту, если бы не Светин рассказ. Час назад приходил какой-то отставник наниматься в вахтеры. Говорит, что раньше работал в Министерстве, знает их всех.

– В охране, наверно, работал… Кто это может быть? – Надежда вопросительно смотрит на ответсекретаря.

Родневских минуту думает.

– Полный? С усами?

Света радостно соглашается:

– Да! Да!..

– Не советую иметь с ним дело. Алла Владимировна не пропустит. Он оскорбил министра.

– Это ж надо! – Света изумлена и растеряна. – А я чуть не вляпалась!..

История вышла неприятная, Надежда помнит. Этот дородный усатый охранник встречался ей в сутолоке митингов на Манежной, с горящими глазами предавал проклятиям красно-коричневых, что для бывшего военного, в общем-то, странно. На трибуне стоял такой простой и доступный их министр, старший соратник Аллы Владимировны, скандировал вместе со всеми:«Борис-ты-прав! Бо-рис-ты-прав!» Говорят, охранник стал предъявлять министру претензии: его сын как к себе домой приходит в Министерство, охрану в упор не видит, хотя даже начальники управлений предъявляют пропуска. Разразилась дикая сцена. Министр наорал на отставника – много себе позволяет! – топал ногами, выгнал с работы… Все они тогда были наивными, думали, что теперь-то должно быть по-другому.

Звонок. Родневских ближе всех к телефону, она и бе-

рёт трубку. Несколько секунд с непроницаемым лицом слушает, потом передаёт трубку недовольной Надежде – не дают чаю попить.

– Вам надо домой. Соседей под вами заливает.

У Надежды обрывается всё внутри. О, господи! Этого не хватало!.. Но мужской голос в трубке слишком знаком. Со смешком интересуется, с кем сейчас общался. С твоей начальницей, Над*и*н? Прими валидол и выходи на улицу. Хорошо я тебя на сегодня отмазал, а?..

Надежда не знает, как реагировать. Даже слабость в ногах. Вообще-то за такие вещи бьют по физиономии. Актриса она плохая, Родневских всё может понять по лицу. Уйти с работы ей хочется с самого начала, как вернулась из булочной, но не таким же способом.

Ответсек, слава богу, ничего не замечает. Сдержанно кивает, идите, мол, такое дело.

– Что ты там говорил насчёт подкидыша? – спрашивает она минут через двадцать, это уже за столиком.

Он хмырь, он бывает иезуитски изворотлив, не только не ушёл и сумел высвистать из редакции, но даже умилостивил «Будапештом». Рассчитал точно, в ресторанах Надежда не была уже тысячу лет. Самой теперь не по карману, а жлобоватые московские мужики даже в молодости не очень-то приглашали.

– Это же очевидно, Над*и*н! Ты сама не догадывалась? Я думал, всё давно сопоставила. Внимательно посмотри ваш семейный альбом, так, свежим глазом. Совершенно другой генотип! Как со стороны Зинаиды Кирилловны, так со стороны отца. Не обращала внимания?.. Ты меня поражаешь!

Нет, он не валяет дурака, у него и в мыслях нет разыгрывать, а тем более обидеть или как-то увести разговор. На лице святая вера в сказанное. Он зовёт молодого, странно бледного официанта с чёрными, нагловато выпуклыми глазами, зовёт властно, но официант подходить не спешит, хотя зал практически пустой.

– Самодостаточная структура, мать их за ногу! Что при советской власти, что сейчас. Нет, друзья, дело не

в строе, а в менталитете, доложу я вам! Страна господ, страна рабов. Уточню классика: причём во всяком рабе есть что-то от господина, а в господине рабское. – Прищурившись, он вдруг зорко, прицельно смотрит на Надежду. – Впрочем, может, ты и не подкидыш… Да, скорее всего. В каком году у нас был фестиваль молодёжи и студентов? Почему бы не предположить, что сердце Зинаиды Кирилловны покорил какой-нибудь прогрессивный индийский юноша, знаток и ценитель восточной поэзии и «Камасутры»?.. Откуда-то ведь у тебя смуглый цвет кожи, характерный для выходцев из Индии, и женственность, удивительная пропорциональность тела – я не шучу! – этот мягкий переход, точнее, перелив линий, не так уж часто встречающийся в нашем славяно-варяжско-татарском вареве?.. Ты подумай пока. Не так уж безумно моё предположение. Подумай!..

Он поднимается и идёт к тусующимся у стойки бара официантам. Сейчас он опять похож на уголовника, на крутого боксёра-полутяжа. (Надежде неловко перед собой, с чего она вдруг взяла, что это не он, а кто-то незнакомый, подмена?.. Крыша у тётеньки поехала!) Ну, может, фактура несколько старомодна, семидесятые годы – эти приподнятые плечи, тонкая стрижка, короткий перебитый нос и движения, то ли с ленцой, то ли угрожающие.

Официантов, должно быть, его вид убеждает. На столике быстро появляется свежая скатерть, и юноша бледный со взором горящим обслуживает расторопно-предупредительно.

– Пошло, согласен! Крайне пошло, я бы сказал! Но с обкуренными халдеями иначе не приходится. – Мерзавец слегка рисуется, актёрствует, но Надежде приятно, что с ними здесь считаются, подобострастно суетятся, и она, сотни раз в жизни униженная, окончательно прощает его.

По крайней мере так сейчас думает.

Надежда не какая-нибудь глупенькая девочка. Она взрослый, вполне трезвый человек, которому не так-то легко повесить лапшу. Однако и знает уже, что жизнь порой выдаёт такие ситуации, что ни в одной романтической истории не встретишь. Давясь в автобусе, а по-

том в метро среди обыденности и раздражённого люда, приятно думать, что носишь действительно какую-то тайну, почему бы нет?

Надежда в самом деле не похожа ни на кого из родственников, помнит, как в детстве мама раздевала догола при тёте Ане и обе ломали голову – в кого у Надички такая выпуклая попа? Почти что негритянская. А вот ещё. В парке Горького к ней подбежала цыгановатая девочка, но ухоженная, радостно заговорила на своём языке и ухватилась за палец. «Извините, пожалуйста, – подошёл и заулыбался мужчина в тюрбане и с фиолетовыми губами. – Дочь ошиблась. Извините». Надежда представила себя в сари и с большой родинкой между бровями – действительно, вполне могла бы быть своей. Ей и жить следовало где-нибудь в Индии или по крайней мере в Пакистане, для москвички она слишком экзотична, потому, наверно, и осталась без мужа.

У мамы спрашивать бесполезно. Всё равно не скажет. Надежда знает, за мамой ухаживали, та же тётя Аня говорила, но было что или нет, никто не знает. Отец совершенно не ревнив, до самой смерти главным для него оставались городки на «Динамо», так что если мама захотела бы… Но молчит. «Надя, отстань, ради бога!» Могла бы по-женски поделиться, всё-таки дочь давно взрослая, поняла бы. Партизанка.

Такие соображения и соответствующие им чувства занимают Надежду около недели. Её жизнь в эти дни приобретает второй – сокровенный – план, как если бы она пошла с Лилей на хорошую выставку или попала на постановку Виктюка. Пожалуй, больше. Но о своих фантазиях она ни с кем не говорит, в том числе с Лилей. Глубоководная рыба хороша в подспудных тёмных слоях и нелепа, если её вытащить на поверхность. Раздувшаяся смешная химера. Такие вещи Надежда тоже давно усвоила.

Её мысли тем более полны и затягивают, что она вновь одна и ничто серьёзное не отвлекает. Работа, этот их хэ и пэ, как окрестила журнал Лиля, душу не затрагивает, там душа в анестезии, унылая рутина. По телевизору ничего интересного, везде многомесячные задержки

зарплаты, Лёня Голубков и Марина Сергеевна на экране через каждые пятнадцать минут. Листьев оставил свою «Тему» ради нового проекта «Час пик» – теперь говорит не о политике и экономике, а о жизни вообще. Знаменательно. Новое время. Единственная неожиданность – в Россию вернулся Солженицын. Надежда думала, останется в Штатах, как остальные. Едет из Владивостока через всю страну, выступает на каждой станции.

Мерзавец после ресторана был вполне мил. Он болтал и зубоскалил в привычной своей манере. Даже купил цветы, и они весь длинный майский вечер гуляли по бульварам – от Трубной площади и дальше. На ночь, впрочем, не остался, хотя Надежда была бы совсем не против, пусть мама передёргивает плечами и поджимает губы. Единственное утешение, что нужна ему не только как женщина, а как духовно близкий человек. Иначе чего бы он вдруг объявился? Ценит.

Всё равно мерзавец!

2

То, что советская власть скоро прикажет долго жить, отец предсказывал ещё в самые благополучные брежневские времена. Вилор Степанович окидывал гостей тягучим, уже поплывшим взглядом и подмигивал, будто говорил о скабрезном:

– На вранье и сволочизме, извините меня, долго продержаться невозможно.

Батька усатый помре, страха давно нет, а без страха о н и долго не протянут. Это на сто процентов!

– Ну тебя, Виля. – Мама извиняющимися глазами смотрела на сестёр и их мужей. Времена, конечно, другие, но зачем о таком говорить даже среди своих. – Тебе нельзя больше пить, хватит.

Отец недоуменно, как-то даже обиженно разводил руками.

– А разве я не прав? Я сто раз прав!.. Мы, конечно, не доживём, а дети – да. Кругом враньё, аб-со-лют-но!..

На этой фазе застолья мама начинала перехватывать отцову рюмку, выпивала сама. Принимала, так сказать, удар на себя.

Надежда в ту пору была гордым тинейджером. Словечко, правда, появилось позже, но суть та же. Надежда обожала итальянское кино, побывавшего на гастролях в Москве Шарля Азнавура и презирала всё отечественное. На слова отца она не обращала внимания. В этих взрослых, будто припавших серой пылью людях ничего интересного не было, в том числе в родителях. Это позже она станет задумываться, почему у дедушки Степана, который четыре года провёл в ссылке в Архангельской губернии, а позже был знаком с Лениным, оказался такой сын. С Валеркой и другими двоюродными братьями и сёстрами Надежда переходила в соседнюю комнату, демонстративно скучала, язвила, отказывалась танцевать. Однажды выпила целую бутылку креплёного вина и её потом долго и мучительно тошнило в ванной.

То, что дедушка был незаурядным человеком, она по-настоящему узнала после смерти отца. Не в том смысле, что отбывал ссылку, а после революции служил в каком-то наркомате, – вообще. Как-то весной они с мамой затеяли генеральную уборку, и в дальнем углу кладовки Надежда обнаружила папку со старыми письмами. Видимо, к тому времени она созрела, чтобы обстоятельства жизни полуизвестных родственников стали для неё интересными. Она ушла на кухню, принялась перебирать ломкие страницы. На них встречались и фита, и ер, и і.

«Милая Катя, – писал дедушка Степан из архангельской ссылки своей будущей жене, – не стоит так обо мне беспокоиться. Ты знаешь, деревенская жизнь для меня хорошо знакома. Я вырос среди таких людей. Плохо то, что здесь картузов не носят по причине короткого лета. Так что зарабатывать своим ремеслом нет никакой возможности. Но я не унываю. Попросился в артель, которая подряжается сплавлять лес, и меня, должно, возьмут. Таким образом, на квартиру и пищу я смогу заработать…» Дальше шли разные бытовые подробности и описания таёжной деревушки. Упоминалось о товарище, который ещё до суда, в тюрьме, заболел скоротечной чахоткой и работать те-

перь не может. Но они живут коммуной, больному товарищу есть на кого рассчитывать.«Я верю в царство справедливости, когда всё будет устроено по совести, исчезнут обман и эксплоатация (слово было написано через «о»). Ради того стоит терпеть, бороться и даже умереть. Эксплоататоры нас боятся, гноят по тюрьмам и каторгам, потому что знают: мы правы. Когда массы поймут, что царство справедливости наступит не само по себе, а вследствие борьбы, жизнь переменится. Революция сметёт с лица земли живоглотов, её чистое дыхание вытравит из душ всё мелкое и подлое…»

Первой мыслью было: неужели такие письма доходили, никто не перлюстрировал и не уничтожал?.. В таком случае понятно, почему произошла революция. Дедушка был родом из Дмитровского уезда, мальчиком его отдали в Москву учиться ремеслу картузника – в Хамовниках едва ли не все картузники были из их села. Каким ветром повзрослевшего Степана занесло в марксистский кружок, неизвестно. Отец, нехорошо улыбаясь, его арест комментировал так: весь кружок взяли, только пропагандистов самого прогрессивного в мире учения не тронули. Их заранее предупредили, они и укатили за границу. А быдла не жалко… Во всём, что не касалось семьи, отец был циничен и недоверчив. Как с тобой тяжело, вздыхала порой мама, ты во всём видишь плохое. Отец полушутливо отвечал, зри, дескать, в корень, ещё Козьма Прутков учил. Искренних и простодушных всегда использовали, используют и будут использовать те, что умнее и подлее.

Слова дедушкиных писем были наивны, фразеология напоминала доперестроечную "Правду", и Надежде, которая с нетерпением ждала каждый свежий номер «Огонька», впору было ощетиниться. Но чем-то всё же они привлекали, эти письма. Искренностью? Верой?.. Надежда познакомилась с письмами в тот памятный май, когда демонстрация на Красной площади согнала с мавзолея Горбачёва. Она тоже шла в колонне своего института, попеременно с Лилей несла транспарант с надписью «Прошла зима, настало лето – спасибо партии за это!». Было

раскованно, радостно и счастливо – от молодого солнца, синего, пахнущего набухшими тополиными почками воздуха, оттого, что идти на демонстрацию теперь никто не принуждал, всё по собственному желанию, от каких-то новых, будто проснувшихся лиц вокруг.

Трибуны мавзолея совсем не напоминали то, что было ещё год или два назад, от брежневских старпёров давно уже никого не осталось. Горбачёв, Рыжков, ещё два или три человека, подчёркнуто просто одетых. Остальные члены политбюро и правительства – малознакомые, непримелькавшиеся, быстро меняющиеся – и разряженная как всегда Райка занимали гостевые трибуны по обе стороны от мавзолея, где раньше обычно стояли иностранные дипломаты и военные атташе. Здесь тоже было всё демократично, разговоры и хождения, улыбки, почти у каждого на груди красный бантик. Особой популярностью пользовались депутаты Межрегиональной группы. Надежда, Лиля и другие женщины из института кричали им «ура!»

«Всякое удовольствие, мадемуазель, оплачивается», скажет потом мерзавец. «Что ты имеешь в виду?» Как что? Вашу ностальгию, Над*и*н, по поводу безвозвратно канувших в прошлое библиотечных дней со сном до обеда, полубогемной обстановки в конторе и либерального начальства периода стагнирующего социализма. Ах, как я вас понимаю, как понимаю! Ведь скучно в сытном стойле, не так ли? «Выбирай слова. Поссоримся». Над*и*н, у меня и в мыслях нет оскорбить. Тем более, что не к одной вам это относится. Всеобщий психологический феномен, можно сказать. Чем твоя прошлая контора не комфортное стойло? Овса хватало, работой не изнуряли. С чего бы вдруг лягаться-то? Зубками-то зачем руку дающего?.. Понимаем-с, ветер перемен. Точнее, зуд оных. В поле вольное, на зелену траву потянуло. А есть ли поле? А есть ли зелена трава?.. Мираж один, фата-моргана. И, прошу заметить, всегда в чьих-то интересах. Наживка-с. «Какой же ты…» Жизнь, Над*и*н, пошла, а не я, скромный её толкователь. Увы и ах.)

Эта подхватившая её тогда волна свободы и счастья

позволила безболезненно и даже радостно послать подальше Никиту. Он позвонил вечером и принялся мямлить, что не сможет встретиться – у него дела. Какие могут быть дела в праздники?.. Как всегда Никита юлил и бездарно врал. Скорее всего, собирался сбагрить Мальвину матери и всю ночь пить водку и играть в преферанс с такими же великовозрастными обалдуями, как сам.

– Не сможешь? Отлично! – весело сказала Надежда. – Ты мне ничем не обязан. Счастливо провести время!

Её лёгкость озадачила Никиту.

– Ты меня не так поняла. Мама согласна всё перенести на завтра… Надя, правда, у меня сегодня никак не выходит… – И что-то ещё, невразумительное, уклончивое, унылое – в его духе.

– Да нет же, честное слово, у меня никаких претензий! – искренне смеялась она, счастливая, что вырывается наконец из затхлых, осточертевших отношений. – Или ты, бедненький, комплексуешь, что лишил меня девственности, а потом обманул надежды?.. Успокойся, всё давно прошло. Отложим очередные смотрины, я твоим родителям и так хорошо знакома!

– Надя, верь мне. Пожалуйста. Клянусь, на этот раз правда… – Похоже, он уже выпил, это чувствовалось по особой занудливости голоса.

– Гуд бай, любимый! Больше не звони, не искушай меня без нужды!..

С Никитой её познакомили, когда она ещё училась в институте. Никитина мать, работавшая вместе с Зинаидой Кирилловной, хотела вырвать сына из лап лимитчицы с Первого часового завода. О подоплёке знакомства Надежда узнала намного позже, иначе просто не стала бы участвовать во всём этом – унизительно! А тогда всё приняла за чистую монету. Вместе с мамой поехала осенью на дачу к её сослуживице за яблоками. Там оказался сын сослуживицы, немногословный услужливый инженер с задумчивым взглядом и каштановой эспаньолкой. Через неделю знакомства выяснилось, что на эспаньолку Никита возлагает особые надежды. Она якобы должна придавать его поцелуям особый эротизм.

Эротизма Надежда не почувствовала, как почти ничего не почувствовала и позже, во время своего первого сексуального опыта. Разве что запомнился запах яблок – трахнулись они на даче, рядом с диваном стояли ещё не увезённые в Москву ящики с антоновкой, которая в том году уродилась необыкновенно. Запомнилось и то, как она с неожиданной для самой себя смелостью исследовала рукой под одеялом тело Никиты. Никита делал вид, что спит.

Её уже тогда настораживало мелкое Никитино враньё, его неискренность. Человек с двойным дном. Она ссорилась с ним, неделями не встречалась и не отвечала на звонки. После Нового года Надежде стало известно, что у Никиты есть лимитчица и что она беременна. Конечно, все отношения были сразу прекращены. На несколько лет он выпал из её поля зрения. Через маму время от времени подавались сигналы с той стороны, ненавязчиво сообщалось, что в семейной жизни Никита несчастлив, хотя внучка прелесть. Никитина мать всё ещё не теряла надежды. Дочь Зинаиды Кирилловны ей понравилась, и лучшей жены для сына она не могла желать.

Что заставило её опять встречаться с Никитой? В первую очередь, мамино нытьё. Тебе уже тридцать, а ты до сих пор не замужем, а так хочется внука или внучку, у других давно есть, у некоторых даже не по одному... Обычная песня. Ну и сочувствие: лимитчица бросила Никиту вместе с дочерью. Вышло совсем наоборот, а не так, как мечтала его мать. С началом перестройки выехать из Союза стало намного проще, лимитчица вышла замуж за еврея и эмигрировала в Израиль. Предприимчивая девушка.

На неё в тот раз организовали настоящую охоту. Тяжело устоять, если тебя знакомят с очаровашкой пяти лет – мамина сослуживица якобы случайно оказалась с внучкой в их районе и решила зайти. Внучка точь-в-точь Мальвина, разве что волосы не голубые. Большие серые глаза, локоны, огромный бант. «Как тебя зовут?» – «Алёна, к взрослым надо обращаться на вы, я тебе говорила», – это счастливая бабушка. «Как вас зовут?»– И доверчивый взгляд, готовность открыть до самого до-

нышка душу со всеми её ужасными секретами. Бедная девочка, подлая мамаша. А лимитчица, видимо, симпатичная, Мальвина была явно не в отца.

Вскоре и Никита заявился на день рождения, хотя его никто не звал. Пришёл с огромным букетом роз в гремящем целлофане – их недавно стали свободно продавать в метро азербайджанцы. Не оценить такое было нельзя – наверно, потратил всю свою зарплату. Опять что-то завязывается, иногда бывает хорошо. Надежда уже не та неопытная студенточка в пропахшем антоновкой дачном домике. Но Никита непереносим. По-прежнему уклончив, мелко лжив. Ладно бы с пользой для себя, а то из любви к искусству. Скажет, например, что в воскресенье идёт в библиотеку, решил готовиться в аспирантуру, и встретиться они не смогут. Потом окажется, что весь день проторчал у телевизора, пил пиво, даже с дочкой не пошёл гулять. Или с озабоченным видом сообщит, что открыл кооператив по производству матерчатых сумок с рисунком, одно время модных. Так что видеться придётся реже – дело требует много времени. Тоже окажется враньём и глупостью. Разве возможны с таким серьёзные отношения?.. Да и скучный он какой-то, вялый, будто полудохлая рыба. На таких людей у Надежды аллергия. Типичное не то, как сказала бы Лиля. Спасибо демонстрации, решилась. Хотя и знала, что Мальвины будет не хватать, всё-таки привязалась к ней.

И вот спустя столько лет Никита прорезается опять. И снова не в лучшее для себя время.

У Надежды очередной период чтения писем Степана Мефодьевича. В голове толкотня мыслей на тему странностей человеческой натуры. «Катя, у тебя будет чудесная профессия. Помогать появляться на свет новой жизни – что может быть лучше! Ты будешь принимать малюток, которым выпадет счастье жить в честном, избавленном от лжи и насилия мире. Всей душой и сердцем я верю в это, потому что люди должны в конце концов понять, что жить нынешней жизнью нельзя. Это издевательство и противно человеческой натуре. Пролетариат скажет своё громовое слово, на-

правит историю в нужное русло… Сейчас зима, морозная северная зима с обилием снега. Работать негде, и я много читаю. Для меня очевидно, что Россия находится в положении твоих рожениц. Она тоже беременна – революцией, новой светлой жизнью… Жаль, Георгий не доживёт до этого времени. Дела его заметно ухудшились, всё чаще горловые кровотечения. Медицинской помощи ждать неоткуда, до уездного города не добраться, да и не разрешат. А вот на надзор у н и х есть и средства, и возможности. Ну, ничего, как говорят у меня на родине, отольются кошке мышкины слёзы…»

Мысли об индийском происхождении, которые ещё недавно полностью владели Надеждой, теперь кажутся благоглупостью и детством. Они потускнели, потеряли свою свежесть и как-то скукожились. Протест подсознания против мерзавца, внушившего их? Возможно. И новое обращение к письмам Степана Мефодьевича, очередное извлечение пыльной папки из кладовой – из того же ряда?..

Но не до психоанализа. Надежда вслушивается в голос Никиты. Голоса всех своих мужчин она узнаёт сразу же, слуховая память – не зрительная, здесь всё у неё в порядке.

Никитин голос стал на тон ниже, какой-то с сипотцой – то ли от сигарет, то ли от пьянок. Наверно, и сам Никита изменился. Намечавшуюся раньше одутловатость уже не скрыть эспаньолкой, на лице отчетливее проступили крупные, как на апельсине, поры, взгляд из-под тяжёлых век ещё сонливей. Наверно.

– Добрый вечер. Мне Надю.

– Здравствуйте, Никита. Я слушаю.

Пауза. Видимо, не ожидал, что сразу попадёт на неё, тотчас будет узнан и этой обозначенной дистанции – на «вы». Надежда представляет его озабоченность, собравшийся в толстые морщины лоб и снисходительно улыбается. Как бы там ни было, Никита часть её жизни. Не лучшая, но всё же. К тому же бросил не он её, а она, и это добавляет Надежде доброжелательности. Почти с сочувствием она думает, что все почему-то бросают Никиту. Хотя есть мужики и похуже.

– Как живёте?

– В каком смысле?

– Ну, вообще.

– Если вообще, то разнообразно. – Вышло игриво, двусмысленно, она совсем этого не хотела и быстро поправляется. Спрашивает то, что интересно ей и должно быть интересно ему: – А как у Мальвины дела? Наверно, уже взрослая девочка. Ей сколько?

– Ты… вы имеете в виду Алёну? Двенадцать. Отличница. Дискотеки ведёт в гимназии… Она в гимназии с английским уклоном учится.

Надежде нравится, что он скромно себя ведёт и на прежних отношениях не спекулирует. Спрашивает о маме.

– Спасибо, неплохо. А ваша?

– Тоже ничего, но со здоровьем не очень. Возраст.

– Ещё бы. Этому поколению досталось, войну пережили.

– Конечно.

Разговор благопристойный и чинный, истые англичане. Осталось разве что о погоде. Надежду подмывает спросить о лимитчице, как поживает на земле обетованной и не приглашала ли в гости Мальвину, сейчас многие ездят. Но неудобно. Не хочется лишний раз травмировать человека. Вскоре вопросы иссякают, то и дело возникают неловкие паузы. Но ведь почему-то же он позвонил, пусть выкладывает, а не волынит. Впрочем, нетрудно догадаться почему. Однако теперь это Надежде глубоко неинтересно, она давно всё для себя решила. Понимая, что в таком разговоре её слова могут показаться дикими, несуразными, тем не менее спрашивает:

– Никита, как вы думаете, почему обыкновенный человек вдруг становится белой вороной? Мелкий мастеровой ни с того ни с сего начинает конфликтовать с властью. Представляете – с огромной империей, где армия, полиция, тюрьмы – всё! Несоизмеримо, правда?.. Откуда вообще это правдоискательство? Желание справедливости, свободы, честности – дедушка что, их видел где-нибудь? Деревенский паренёк, шил картузы в Хамовниках, смешно!.. Или так природой в человеке заложено, генетически? От Бога? А если от Бога, изна-

чально, то почему так редко встречается в жизни? Мираж, к которому идёшь-идёшь, а окажется, ничего там нет. Даже хуже, чем было раньше.

Ещё не закончив, она остро чувствует нелепость ситуации. Полная шиза! Если Никита решит, что у неё сдвиг по фазе, он будет прав. В здравом уме и твёрдой памяти такое с бухты-барахты не говорят.

Но ведь и в самом деле странно. Живёт человек нормальной жизнью, кроит околыши и подкладки, ходит по воскресеньям в трактир, где с такими же молодыми мастеровыми пьёт водку и пляшет под граммофон с широкой трубой – и вдруг решает, что всё не так. Мир устроен несправедливо, люди должны друг друга любить, а не подавлять и издеваться. Ради этой мечты идёт на разлуку с невестой курсисткой, живёт в полудикой деревне, по возвращении (рассказывая об этом, отец криво улыбался) дедушку до полусмерти избивают земляки-картузники – он пробовал обратить их в свою веру, настраивал против хозяина…

– М-м, не знаю. Может быть.

– Почему бы раз и навсегда не решить, что мечты мечтами, а жизнь – жизнью и не пытаться её изменить, – не может остановиться Надежда. – Насколько бы стало больше нормальных, трезвых людей! Без всех этих дурацких надежд. Проклятие какое-то!

Никита опять бормочет что-то невразумительное. Быстро сворачивает разговор. Она его таки напугала.

Что ж, тем лучше. К прежнему возврата быть не может. Хотя увидеть Мальвину и поболтать с ней было бы совсем не плохо. Интересно, какой стала?

Соседка по лестничной площадке похожа на сильно постаревшую актрису Гурченко. Над морщинистым лбом вьются жидкие кудряшки, подвижное лицо, живо смотрят тёмные глаза. И тело вполне гурченковское – маленькое и худое, лёгкое.

Перед работой, если позволяло время, Надежда на минуту-другую задерживалась возле неё во дворе. Цеплялась языком, как она сама комментировала подобные события.

Да и как пройти мимо, если видишь двух роскошных персов!

Обе кошки белые, с утопающими в густой шерсти курносыми мордочками – прелесть. Кошек Надежда обожала с детства, но завести мама не разрешала, дескать, заразишься глистами.

– Как поживает дитя «Макдональдса»? – обычно спрашивала Надежда, выходя из подъезда. На кошек, которых соседка выгуливала на поводке, она смотрела с восхищением. И это восхищение разрасталась всё больше. Надежда почти созрела, чтобы купить в подземном переходе беззвучно мяукающего котёнка с беспомощно растопыренными лапами и коротким, сосулькой, хвостом. Конечно, хлопот прибавится, зато как приятно кормить, теребить шёрстку и слышать мурлыканье. – Так ничего и не ест кроме вискаса? А мяса вы ей не предлагали – свежего, настоящего?..

– И не говорите! – живо откликалась похожая на Гурченко пенсионерка. Она подтягивала за поводок одного из персов и, взяв его на руки, с ласковой укоризной заглядывала в глаза. – Кроме вискаса для этой твари кошечьей ничего не существует! Если бы я знала, что так будет, никогда не стала бы покупать. Хуже всего, сейчас и мамаша требует. А у неё от вискаса аллергия! Шерсть между ляжками вылазит и нижняя губа опухла.

Надежда сочувственно интересовалась:

– И как же выходите из положения? – Судьба страдающих кошек становилась для неё всё ближе. Классическая старая дева, думала она о себе. Финиш.

– Приходится мамашу запирать в другой комнате, когда дочку кормлю. Она, конечно, обижается, а что… Бима, Таша, быстро ко мне! Собака!.. – Соседка подхватывала на руки кошек, прижимала к плоской груди.

Из дальнего подъезда выходил брыластый откормленный ротвейлер. Он в сопровождении хозяина, к тому же в намордник, но испуг пенсионерки неподделен. Не опуская на землю персов, она неприязненным взглядом провожала выведенного по утренним делам пса. Надежда ловила себя на том, что тоже смотрит на ротвейлера враждебно.

– Пополам перекусит, – низким голосом произносила Гурченко и целовала кошек в розовые носы. – Твари мои кошачьи!..

Но вот уже несколько дней, как Надежда замечает в соседке перемену. Она по-прежнему здоровается, но как-то отчуждённо, даже с опаской, и далеко не так словоохотлива. Коротко отвечает «да» или «нет» и прячет глаза.

С чего бы вдруг?

Конечно, можно было бы просто пожать плечами и независимо проходить мимо, но Надежду эта внезапная холодность задевает.

– Что-нибудь случилось? – с ответной сдержанностью наконец спрашивает она. – Я вас чем-то обидела?

Соседка молчит. На подвижном, с мелкими чертами лице отчетливо чувства, которые обуревают её, – оскорблённость и досада. Она тянет на себя поводки с невозмутимыми персами, делает шаг, но тут же поворачивается и быстро говорит:

– Ваш приятель действительно работает в страховой компании?

– Какой приятель? – не сразу доходит до Надежды.

– Который периодически ночует в вашей квартире.

От Надежды ничто не ускользает. Ни двусмысленная пауза перед «приятель», ни уличающий тон. Она подбирается. Не хватало ещё, чтобы её учили нравственности.

– А в чём дело?

Гурченко не выдерживает взятого тона.

– Надя, ну нельзя же так! Не по-соседски. – Совсем как деревенская старуха она всплескивает руками. – Заявился с какими-то людьми и потребовал, чтобы сын оформил в их компании страховку на «Вольво». Такая дорогая!.. Иначе он не гарантирует, что с машиной ничего не случится. Вы понимаете?..

Надежде становится смешно. Мерзавцу можно предъявить множество претензий, но то, что он, интеллектуал и умница, ничем подобным заниматься не будет, – однозначно. Внешность обманчива.

– Он на такое не способен. Вы обознались.

– Не буду же я врать!..

Теперь уже Надежда чувствует себя оскорблённой. Ничего не отвечая и высоко держа голову, она направляется к автобусной остановке. Действительно, мерзавец как-то поинтересовался, чья это новая «Вольво» стоит у подъезда, ну и что с того? Их дом большой, сотни людей видели эту машину, а по Москве – сотни тысяч. Так что, о каждом думать, что он занимается рэкетом? Смешно и глупо.

3

– Позволите?

На пороге Валерка. Ровно настолько, чтобы обозначить уважение, но ни на секунду дольше (уважение не должно выглядеть как неуверенность), брат задерживается в дверях. На открытом лице доброжелательность, искреннее расположение и в то же время непедалируемое достоинство.

Что ж, профессия накладывает отпечаток. Несмотря на жару, Валерка в пиджаке, в руках у него дорогая папка из натуральной кожи.

– Прекрасная блузка, – говорит Валерка, лёгким шагом проходя к столу Родневских и опуская на него пышную гвоздику. – Неужели и её сами шили?

Надо видеть в эту минуту Родневских. Серые щёки розовеют, ответсек напоминает радостно застеснявшуюся семиклассницу.

– Конечно. Это мне доставляет огромное удовольствие.

– Держитесь, Слава Зайцев и Юдашкин!..

– Что вы… – У Родневских краснеет даже лоб, она принимается теребить края своей новой блузки. – Я только для себя. Хотя некоторые говорят, что зарываю талант в землю.

Ответсек на глазах глупеет. Надежда, которая дожидается своей очереди, мстительно отмечает это. Кроме непривычного для себя многословия Родневских начинает на американский манер часто кивать головой и, растягивая слова, порой делает в них по два ударения. Сказываются курсы разговорного английского, на которые вот уже несколько месяцев она упорно ходит.

Надежда понимает, что ревнует брата, но это её совсем не смущает. Имеет право – они с Валеркой вместе росли. Наконец Валерка приближается к ней, целует в щёку и вполголоса, с родственной интимностью спрашивает, всё ли у них с мамой нормально. Надежда кивает, она гордится братом. Действительно, яркий экземпляр. С возрастом Валерка становится всё импозантнее, породистей, а в детстве был таким, что без слёз не взглянешь. Потому, наверно, и стал делать карьеру в комсомоле – самоутверждался.

– Алла Владимировна у себя?

Родневских торопливо опережает Надежду:

– Да, конечно, она ждёт вас, заходите.

Господи, что творится с бабой!.. Тем не менее Надежда уступать своё право на брата не собирается и говорит Валерке вслед:

– Потом загляни. Будем чай пить.

Всё-таки он умница! Другой бы побыстрее умотал в своё посольство и о том, что чуть не стал завотделом в безвестном журнале, старался бы не вспоминать. А Валерка пришёл извиняться. Качнувшись, его звезда заняла привычное место. После ЦК комсомола Валерку взяли в МИД, и брат несколько лет провёл на Ближнем Востоке. Приезжая в отпуск, одаривал родственников золотыми безделушками. Смущающихся успокаивал тем, что за границей они стоят копейки. Как и многие в девяносто втором, брат остался без работы. Два года никуда не устраивался, отделывался шутками на все расспросы Надежды. Тетя Аня, Валеркина мама, как-то обмолвилась, что не хочет портить анкету – всё-таки карьерный дипломат. Но в МИДе долго не вспоминали о нём, валюта была проедена, и нынешней весной через тётю Аню пошло осторожное зондирование, нет ли в «Химии и природе» места. В своё время Валерка окончил Губкинский институт.

«Из комсомолят? – сказала тогда Ярошенко и брезгливым движением отбросила на стол объективку. – Верный резерв и помощники партии?..» Надежда взяла грех на душу, стала убеждать, что в ЦК от Валерки просто избавились, рекомендовав в МИД – почувствовали, что

чужой. «Такие люди сейчас будут нужны, Алла Владимировна. У них связи» – сказала своё слово и Родневских. При первой же встрече Валерка сумел её обаять, но дело, видимо, было не только в этом. Ответсек просто так ничего не говорила. «Какие связи! – возмутилась Ярошенко. – В прошлом все их связи!..» Умная Родневских промолчала. «Ладно, пусть приходит. Поговорим», – скрепя сердце согласилась Ярошенко. А когда уже был готов приказ, Валерку вызвали в МИД. Предложили поехать третьим советником в посольство в одну из среднеазиатских республик бывшего Союза. Валерка, естественно, раздумывать не стал – не бог весть что, но лучше, чем заведовать отделом в узкопрофильном журнале.

Сейчас они выходят из кабинета главного редактора, улыбаясь и переговариваясь. Впереди рослая, ширококостная, с классическими чертами лица Ярошенко. Надень на неё медный шлем – Афина Паллада, дева-воительница, несгибаемая героиня мифов. Валерка на шаг сзади, фоном.

– Алла Владимировна, будет правильно, если мы выпьем по глотку хорошего вина. – Говоря это, брат тоном как бы продолжает каяться, извиняется за свой некорректный поступок. Но всё на самом деле глубже. Надежда понимает, он тонко подыгрывает им, особенно – Ярошенко, и знает почему. Недавняя поездка Аллы Владимировны на Старую площадь закончилась ничем, Валерка в курсе. А вот у него всё тип-топ.

– Не возражаю, – преувеличенно живо откликается главный. – У Надежды Вилоровны, смотрю, всё уже готово… Кстати, Надежда Вилоровна, когда вы поменяете отчество?

Начальство шутят. Надежда понимает, что это от натянутости ситуации, и не обижается, хотя можно было бы пореже говорить о её отчестве. Валерка между тем извлекает бутылку полусухого вина. Надежда достает специально заведённые для таких случаев бокалы – Ярошенко демократ во всём, позволяет в редакции лёгкие фуршеты.

У итальянского вина цвет киновари и терпкий, с горчинкой вкус. Действительно, хорошее, Валерка знает в винах толк. Через несколько минут всё становится проще,

натянутость почти улетучивается, и Ярошенко принимается рассказывать о планах сделать журнал массовым, избрав экологическую направленность. Очень перспективно. Коммуняки загадили природу, сколько лет травили сельское хозяйство и население пестицидами. К примеру, на её родной Полтавщине в погоне за рекордными урожаями сахарной свёклы истощили гумусный слой. А ведь был один из лучших чернозёмов в мире!.. Пусть сейчас это заграница, но всё равно досадно.

Родневских, которая с появлением Ярошенко как бы уступила ей право на Валерку и отодвинулась в тень, говорит об известном благотворительном фонде – похоже, окажут финансовую поддержку журналу. Фонд давно беспокоит положение с экологией в России. Непомерно раздутая химическая промышленность.

– Название тоже надо менять, – вставляет Надежда. – Действительно, какое-то хэ и пэ. Неприлично!

Все смеются. Надежда ловит себя на мысли, что они скопом будто отчитываются перед Валеркой. Удачливость и подтверждённый статус делают его сродни начальству, которому необходимо засвидетельствовать своё уважение и преданность хотя бы вот таким образом.

Надежда подмигивает Валерке, приглашая повеселиться над этим, но её красиво седеющий с висков брат не реагирует. Несмотря на выпитое, он корректен и предупредителен, без тени улыбки выслушивает бредни Ярошенко и Родневских.

Дипломат. Школа.

Удивительная всё-таки это штука, какое-нибудь людное место! Новый Арбат, рынок в Лужниках или взять то же метро. Будто огромным миксером захваченный изо всех уголков города, перемешанный и сотни раз взболтанный автобусами, трамваями, станциями и подземными переходами, столичный народ наглядно демонстрирует непреложность броуновского движения.

В великом отчуждении проходят мимо друг друга и офисный клерк, и едущий на инструктаж киллер, и счастливо распродавший газеты старшеклассник, и ка-

кая-нибудь тётя Валя, возвращающаяся из Медведкова, где сидела с внуком. Все идут, почти не видя друг друга, взглянул – и тут же забыл, будто каждый движется по персональному прозрачному тоннелю. Или по лесу, где все остальные только фон, бездушные деревья.

И сколько требуется предусмотрительности и внимания, чтобы, договорившись встретиться в метро, не разминуться. Обязательно уточняется, сколько у станции входов-выходов, один или два, где будут ждать, у первого вагона или последнего, от какого входа-выхода считать… Не говоря уже о времени. И когда встреча происходит, это, если подумать, – чудо. Среди тысяч и тысяч людей, среди мельтешения чужих лиц, грохота выскакивающих из тоннеля поездов, в точке, которых в Москве несчётное количество, вдруг находят друг друга два человека, движимые родственными связями, общим делом или любовью.

Удивительно! Странно! Неимоверно!..

Но жизнь лукава. Можно договориться, всё в мельчайших подробностях согласовать – и не встретиться. Что-то не сработало, не срослось или вмешался случай. А можно нос к носу столкнуться с человеком, с которым несколько лет не виделся и который не москвич вовсе, а, скажем, хозяин, сдававший тебе в позапрошлом году дачу в Кратово. Это всё равно что на расстоянии в тысячу метров случайным выстрелом попасть в огонёк свечи. Неловкие улыбки, приветствия и не слишком искренние приглашения приезжать в гости.

Но, конечно, не о такой встрече думает Надежда. В людных местах она в постоянном напряжении – ждёт, что её вот-вот окликнут. Во всём, где требуется сообразительность и быстрая реакция, проблем для Надежды не существует. Она практически самостоятельно освоила компьютер, когда в девяносто втором Родневских взяла её в министерство. К ней даже ходили консультироваться тётки из других управлений. «Голова у вас работает». Кто знает затаённо самолюбивую Родневских, которой признать чьи-то достоинства нож острый, поймёт, чего стоят такие слова. Надежда не пользуется записной книж-

кой – все номера телефонов знает наизусть. А вот с памятью на лица…

Какой-то мужчина с громоздким багажом (по виду – челнок) стоит у дверей вагона в метро. Держась за никелированный поручень, с улыбкой поглядывает на неё. Надежда один раз оторвала глаза от «Московского комсомольца»– смотрит. Второй раз – опять смотрит. Есть что-то знакомое в широком лице, в мощных надбровных дугах, но Надежда совсем не уверена, что это мерзавец. Так в неуверенности она и выходит на Комсомольской. Голову держит прямо, застывшей спиной, всем телом ждёт, что её окликнут. Не окликают. Сходятся створки дверей, поезд набирает ход. Не он.

Надежда почему-то уверена, что вот-вот должна встретить мерзавца. Почему – не знает, но предчувствие осязаемое, навязчивое. Народа на эскалаторе пока не много, и она внимательно всматривается в каждого встречного мужчину на плывущих вниз ступеньках. Скорее всего, она его не узнает, но её поднятое вверх лицо по крайней мере хорошо видно.

Она продолжает себя демонстрировать и в вестибюле метро, а потом в зале ожидания Ленинградского вокзала – на перроне свежо. И опять замечает, что какой-то мужчина несколько раз задерживает на ней взгляд. Он в дорогой, не очень свежей рубашке с короткими рукавами, фирменных джинсах и кроссовках. Перекусывает у круглосуточного буфета. Вполне может оказаться мерзавцем: кроме тонкой стрижки твёрдое лицо и короткий греческий нос. Надежда украдкой посматривает на него – боится ошибиться. А он, не переставая жевать, улыбается и манит её пальцем. Улыбка особая, узнающая, и у Надежды начинает частить сердце. Он, точно, он – не зря было предчувствие!..

– Привет, – говорит мерзавец. – Не смотри, не смотри – я. Собственной персоной. И встретились они, и прошли мимо, и не узнали друг друга.

– Здравствуй. – Надежда старается не показывать своей радости, но не уверена, что это получается. – Ты что, с поезда? Почему не позвонил? Ты надолго?

– Столько вопросов сразу… Олег не говорил, что у нас так не принято?

– Какой Олег?

– И вообще с дисциплиной, смотрю, у вас проблемы, – не слушает мерзавец. При этом он продолжает улыбаться, но уже скупо, жестковато. – Мы как договаривались? Вечером надо, когда клиент есть. Сейчас чего ловить? Ты в зеркало давно смотрелась?

Надежда готова оскорбиться. Странные вопросы.

– При чём тут зеркало?

– Не пятнадцать же лет тебе! Сама заинтересована работать ночью, а когда приходишь? Мои все уже ушли, тебя стою дожидаюсь. Если бы не Олег, вломил бы. Ты знаешь, сколько за каждую из вас ментам отстегиваю?

Нет, он её просто дурачит. Мистифицировать мерзавец большой мастер.

– Ладно тебе. – Надежда тем не менее сгоняет улыбку с лица. Всё хорошо в меру. – Скверно шутишь.

Он тоже давно уже не улыбается. Глаза злобно, пугающе округлились, левую щёку дёргает тик.

– Какие на хер шутки! Ещё раз не придёшь – вломлю, отвечаю! Твоё счастье, что новенькая.

Это слишком. На Надежду матом ещё не ругались. С окаменевшим лицом она поправляет ремень сумки на плече и двигается к выходу на перрон. По дороге оглядывается – неужели ошиблась?.. Сейчас он догонит, извинится, скажет, глупая шутка, каюсь и что-нибудь ещё, как это умеет. Но мерзавец и не думает догонять. Жестокий, толкающий взгляд, побелевшие раздутые ноздри.

Это ж надо так обмишулиться! Вокзального сутенёра приняла за мерзавца. Вдруг выскакивает мысль: может, он и есть сутенёр?.. Надежда ещё раз оглядывается. Что, собственно, она о нём знает? Пиарщик, театральный художник, работающий на шведский еженедельник журналюга. Многоликий Янус. Почему бы ещё не сутенёр? При такой-то широте интересов… Это потом она сможет относиться к случившемуся с юмором, а сейчас досадно и гадко.

Поздравляю, уже за потасканную путану принимают.

Ну чем он её очаровал, этот мерзавец, этот бес мелкий?! Откуда почти наркотическая зависимость? Болезненно раздражающее притяжение. И за такое короткое время – встречались ведь считанные разы. Любовь? Не смешите меня. И в сексуальном плане она не очень озабочена. Когда нет мужчины, его и не надо. Так даже спокойней. Пресловутая женская потребность в сильном человеке рядом – ах, я за ним, как за каменной стеной? Тоже нет. По-настоящему, в их семье мужчины не было, всё тянула мама, а теперь постепенно переходит на неё. Да и смешно, появляется раз в году – и каменная стена!..

На вокзале Надежда по делу. Лиля пригласила в поездку по Золотому кольцу. На птичьих правах и если будет место в автобусе, но тем не менее. Надежда рада – хоть какое-то разнообразие. Лиле она завидует тайно и глубоко. Та нашла применение своему испанскому, когда их институт проблематики соцстран тихо отдал богу душу. Надежда даже с очень хорошим болгарским туристическим фирмам глубоко неинтересна. Пусть работа у Лили нерегулярная, но какое это счастье работать с языком хотя бы время от времени и общаться с непохожими на совков людьми.

Надежда поджидает Лилю с её группой латинцев на холодном утреннем перроне. Но вместо того, чтобы предвосхищать виды златоглавых храмов, живописно замшелых крепостных стен и пятизвёздочных отелей, думает о его предположении, нет, уверенности, что они с Лилей любовницы. Мерзавец постоянно в голове, ни на минуту не отпускает.

Надежда дико посмотрела на него: «По-моему, тебе плохо». Отнюдь, Над*и*н, отнюдь. Ты человек цивилизованный, почему это тебя шокирует? Вот когда мужики друг друга – согласен, малоэстетично. А женщины… Я чётко вижу роли. Следи за моей мыслью. Лиля активная сторона, она напориста, уверена в себе и тяжеловата по характеру. А ты другое. Ты не даёшь, ты с благодарностью принимаешь, обволакиваешь и подчиняешься. Хотя и у тебя характер есть, это несомненно. Диспозиция ясна?.. Просто не отдаёшь себе

отчёта, всё в подсознании. Вас тянет друг к другу, вы миритесь после грандиозных скандалов, сама же говорила. А вот почему?.. И всё это с усмешками, с проницательными взглядами. Циник… Ничего плохого в этом не вижу, школа киников вполне уважаемое философское течение. Быть может, первые реалисты в европейской мысли. Так-то.

Надежде противно вспоминать его слова, вернее, бредни, но на идущую по перрону Лилю, за которой тянутся немолодые невыспавшиеся латинцы (поезд ранний), она смотрит так, словно прикидывает, исподволь представляет её, властную, с грубоватым лицом и всё ещё густыми крашеными волосами, в соответствующем лесбийском качестве.

Приехали! Неужели у него гипнотические способности?.. В голове всплывает модное словечко «зомби».

– Привет, – говорит между тем Лиля. – Ты чего такая бука?.. Обнаглели проводники, постельное бельё не давали, представляешь? Я им устроила сцену у фонтана, скотам!.. Пошли.

Ночь с Лилей – затянувшийся стресс. Отель, естественно, оказывается далеко не пятизвёздочный. К тому же добираться до Владимира пришлось не в комфортабельном «Икарусе», а в тесном как гроб «Рафике» – группа небольшая, и Лилина фирма решила сэкономить («Las problemas economicas, senores. Nuestra patria esta en crisis, perdoneros»[1]). Надежда чертовски устала, душный «Рафик» вымотал. Опять же беспокоящее, стыдно раздражающее сознание Лилиной близости, которое Надежду доканывает окончательно. Душевных сил на восприятие достопримечательностей ростовско-суздальской старины не остается. Сил нет даже на знакомство с латиноамериканцами, которых Надежда всегда выделяла среди иностранцев и с которыми у неё много связано. Однако ночью она заснуть не может. Спать приходится в Лилином номере, на одной постели, и

1 Экономические трудности, господа. Наша родина переживает кризис, извините (исп.)

Надежда сжалась, притихла, как мышь, боится того, что может произойти, и в общем-то – хочет этого.

А Лиля вполне спокойна. Она величественно возлежит на спине и, время от времени поудобней устраивая под ночной сорочкой большие груди, говорит о том, что группа попалась неинтересная – школьные учителя и пенсионеры. В обычное время Надежда страстно возмутилась бы, привычно обругала бы всех российских правителей (простые учителя, а тем более пенсионеры – и пожалуйста, пересекают океан и всю Европу, могут себе позволить!), но теперь молчит. Они вдвоем выпили, как в славные институтские времена, бутылку сухого, но и это Надежду раскрепостить не может. Она всматривается в себя и понимает, что мерзавец прав, её всегда привлекали женщины. Правда, не всякие, а красивые. Могла, например, часами балдеть от полукровки Товмасовой, которую в институте звали Нефертити. Значит, в ней что-то этакое есть, а благопристойность и порядочность внушены воспитанием и по сути насильственны. Под ними, как под прогибающимся непрочным льдом, мерзопакостные тёмные глубины.

Ужасно!

Но случай удобный, её подмывает проверить себя до конца, а заодно и Лилю. Не может быть, что она такая одна. Но и боязно. А если заскок, психопатия, минутное настроение, которых сама потом будешь стыдиться? К тому же Лиля, несмотря на то, что старая подруга, может не понять, гадливо отстранится, а ещё хуже – расскажет общим знакомым.

Изматывающая дилемма. Подумаешь.

Лиля похрапывает, а она всё никак ни на что не решится. У Лили красивые плечи, хотя она и старше, ещё крепкая грудь. Всё это видно при то ли догорающей, то ли занимающейся заре – на дворе конец июня, одна заря сменить другую спешит, самые короткие ночи. Надежда представляет, как прикоснётся к Лиле, начнёт поглаживать, целовать, тихо, едва ощутимо, страдая от нежности. Как обхватит своими ногами её ногу,

глубоко примет, прижмется лобком и начнет медленные, вверх-вниз, движения, как проберётся вкрадчивой рукой к горячему, сочному, нежному, как пальцы – или уже язык, губы? – отыщут заветный бугорок и как всё ускоряющиеся круги замкнут его, прижимая нежно и страстно…

– Однако, – говорит трезвым, вполне бодрствующим голосом Лиля. Говорит так, будто и не она только что самозабвенно храпела. – Не будем упрощать, не стоит.

Надежда ни жива ни мертва. Боится дохнуть, сердце колотится с перебоями. Вот так инфаркты и случаются. Она точно не знает, не ручается, представляла всё это или уже делала. Пальцы липкие, Надежда готова провалиться сквозь все этажи гостиницы и ещё глубже. Какая идиотка, господи!..

– В городе Армения живут в основном армяне, хотя есть сирийцы, евреи, а также другие колумбийцы, – говорит между тем Лиля. Голос её гаснет, быстро переходит в бормотанье и невнятицу: – No, senores, pienso que sea major que estar en un estado intermediario de ruptura hydrokarburos unlimite orden tipico de la edad media rusa…[2]

Надежда всё ещё не шевелится. Она не знала, что Лиля разговаривает во сне, да и откуда, но почему вдруг про армян, ведь она тоже думала о Товмасовой-Нефертити? И спит ли, может, просто не хочет ставить в идиотское положение, даёт шанс спасти лицо?..

В воскресенье она с латинцами ни в какой Суздаль, понятно, не едет. Своим ходом – на электричке до Петушков, потом на другой до Курского вокзала – отправляется домой. Сбегает. Пока собиралась, пока объясняла бодро поднявшейся в шесть утра Лиле, что у неё безумно болит голова, а завтра на работу, – невинно, страдальчески, а на самом деле испытывающе поглядывала на подругу. Заметила ночью что-нибудь или нет?..

Жизнь в утреннем свете ясна и однозначна. Всё остальное – наваждение, маразм и гадость.

---

2 Нет, господа, я думаю, это всё же лучше, чем находиться в промежуточном состоянии разрыва непредельных углеводородов характерного ордера русского средневековья… (исп.)

4

Дверь долго не открывают. Сначала слышны шаркающие шаги, потом пропадает точка дневного света в глазке – видимо, входная дверь расположена напротив окна на кухне, и прильнувшая к глазку голова заслоняет уличный свет. На минуту, не меньше. Рассматривает. Потом слышен настороженный старческий голос:

– Кто там?

– Я вам звонила, это внучка Степана Мефодьевича. Мы договаривались, что я приеду.

– Как зовут?

– Надежда.

Щёлкают замки, обитая чёрным дерматином дверь приоткрывается, и на уровне натянувшейся цепочки видно белое, будто присыпанное мукой лицо в крупных пигментных пятнах. Очень большие за стёклами очков глаза беспомощно смотрят на Надежду снизу вверх.

– А ты одна?

– Одна, одна. – Надежда пробует подавить раздражение. Стоило ехать через пол-Москвы, чтобы тебя бог знает в чём подозревали. Времена, конечно, неспокойные, но не до такой же степени, чтобы бояться собственной тени. Для убедительности она оглядывается вправо и влево. – Кого я должна привести?

Старуха не отвечает. Она возится с цепочкой, наконец дверь открывается так, что можно войти. Крохотная прихожая, обшарпанные, сто лет не менявшиеся обои, сквозь проём кухонной двери (окно действительно прямо напротив глазка) видны старые венские стулья и стол под протёршейся на углах клеёнкой.

– Не разувайся, иди так, – говорит вторая жена дедушки. И, опираясь на палку, шаркая тапочками, ведёт в единственную комнату и усаживает на продавленную тахту. Долго, со старческой бесцеремонностью рассматривает её. – Теперь вижу, что внучка. Похожа.

– В самом деле? – удивляется Надежда. Она немного разочарована. Ларчик, оказывается, просто открывался. Ни одной дедушкиной фотографии в их доме не со-

хранилось, бабушка, когда Степан Мефодьевич ушёл от неё, все сожгла.

– Разве отец не говорил тебе?

– Нет.

– Вилорка часто к нам приходил, когда молодой был. Мать не знала. Он украдкой. Любили они со Стёпой потолковать. Вилорка всё расспрашивал, как это было, как то… Спорили – пыль столбом! – Старуха вдруг говорит: – Хорошо, что ты Надежда. Хорошо… Надежда.

– Почему?

– Пристают ко мне всякие. Хотят, чтобы я квартиру отписала. Дескать, будем помогать и телевизор в придачу. Ага, помогут на тот свет быстрей убраться!.. Я никого не впускаю к себе. Только когда пенсию приносят и соседку. Тебя бы тоже не впустила, если бы загодя не позвонила.

– Вы одна живёте?

– А ты не знала?

– Откуда я могу знать?

Старуха некоторое время соображает.

– Правда что… Владлен на войне в сорок четвёртом погиб, Инесса от рака умерла. Детей у неё не было, муж с брачком оказался. У тебя-то дети есть?

– Мария Петровна, я практически ничего о дедушке не знаю, – торопливо начинает говорить Надежда. Ей неприятен вопрос, каждый раз приходится как бы оправдываться. – Расскажите, что это был за человек. И фотографии Степана Мефодьевича покажите, если сохранились.

Старуха клонится вперёд, трудно, опираясь руками на колени, поднимается и шаркает к шифоньеру. Распахнув дверцу, принимается рыться в каких-то картонных коробках.

– А ты как мой телефон узнала? – вдруг подозрительно спрашивает она, повернув оплывшее дряблое лицо в коричневых пятнах.

Терпеть, говорит себе Надежда, терпеть! И ровным голосом повторяет то, что уже раз говорила по телефону: через горсправку, ведь у них одинаковые фамилии.

– А, да, – вспоминает дедушкина жена. – Где этот альбом запропастился, ума не приложу. Посмотри-ка ты.

В картонных коробках какие-то тряпки, клубки шерсти с воткнутыми ржавыми спицами, растрёпанные бумаги с фиолетовыми печатями и другое никчёмное барахло. От всего – застоявшийся запах нечистоплотной старости. Неизвестно, какой сама в таком возрасте будешь, одёргивает себя Надежда. У неё нет причин не любить Марию Петровну, вся неприязнь ко второй дедушкиной жене ушла в семье вместе с бабушкой, которую она мало помнит, но отчуждение – глубинное, женское – не покидает Надежду. Если бы не интерес к Степану Мефодьевичу, она никогда бы сюда не приехала.

– Хороший был человек, меня любил. Я-то намного моложе была, из деревни, кровь с молоком – сейчас не смотри, старая. На рабфак поступила, комсомолка, он меня и позвал замуж. Подруги идейные были, говорят, ты чего, его из партии вычистили, а ты связываешься. Потом опять восстановили, и на службе тоже, вот жена локти-то кусала!.. У меня к тому времени Владленка родился, он сам такое имя ему выбрал. Очень уважал Ленина Владимира Ильича. Дочь в честь Инессы Арманд назвал. Завидую нашим детям, говорил, они будут жить при коммунизме…

– Этот? – Надежда показывает наконец-то обнаруженный на дне одной из коробок потёртый альбом. На обложке тиснёный орнамент и вид города Гомеля, сквозь картонные страницы пропущена розовая тесьма. Дизайн древний, быть может, ещё довоенный, и Надежда почти не сомневается: это именно то, что они ищут.

– Ну-ка, – тянет руку старуха. – Ага, он. Открывай давай.

Степана Мефодьевича Надежда узнаёт сразу – он и в самом деле похож на неё. Вернее, она на него. Смуглый, будто постоянно загорелый, чёрные глаза, крупный нос – уж не цыганская ли кровь в них? Или кавказская? Кто только в Москву и окрестности не стекался, потом обрусели. Стоит, отставив ногу в сандалете и засунув пальцы под узкий ремешок с серебряными бляшками, который охватывает сошедшуюся в складки рубашку навыпуск. А вот с какой-то молодой круглолицей жен-

щиной с короткой стрижкой и детьми в одинаковых белых панамах – наверно, Мария Петровна и Владлен с Инессой. Выражение лица у Степана Мефодьевича снисходительное, немного усталое. Надежда пытается совместить сложившийся по письмам образ и то, что видит перед собой, – не очень-то получается. Два разных человека. Собственно, удивляться нечему. На фотографиях Степан Мефодьевич намного старше себя, отбывавшего архангельскую ссылку.

– А это что за художества? – неодобрительно интересуется Надежда, кивая на снимок, где Степан Мефодьевич стоит за деревянной трибуной. На стене сзади портрет Троцкого, глаза у него старательно, до дыр выцарапаны вместе с пенсне.

– Владленова работа, когда в школе учился. Тогда врагам народа глаза выкалывали. В учебниках, везде, где попадались.

– Какая дикость!

– Это сейчас так говоришь. Тогда по-другому понимали.

Надежда листает альбом, вполуха слушает пояснения старухи, и сердце теснит всё больше. От фотографии к фотографии лицо Степана Мефодьевича выцветает, становится всё скучнее, заурядней, и уже не верится, что это тот самый человек, который писал горячие, искренние и наивные письма о борьбе и будущей счастливой жизни.

– А здесь моя белорусская родня, – тычет в фотографию узловатым артритным пальцем Мария Петровна. – Красивые, правда? Правнук сестры и его жена, студенты. Я их к себе зову. Пусть приезжают и живут. Не этим же квартиру отписывать, проходимцам. Как думаешь?

Надежда мельком смотрит на молодые ясные лица длинноволосого парня и девушки, неопределённо кивает. Её внимание занято одной, видимо, из последних фотографий деда. Маленький, три на четыре, снимок – должно быть, на пенсионное удостоверение. Помятый жизнью пожилой человек, у которого нет никаких иллюзий на её счёт. Печально опущенные уголки рта, тусклый взгляд, тёмное, будто обуглившееся лицо.

– Когда Степан Мефодьевич умер?

– После войны. Я его на Ваганьковском похоронила, тогда ещё было можно.

– В тридцать седьмом под репрессии не попал?

– А за что? – искренне удивляется дедушкина жена. – Он политику партии и правительства понимал правильно, всю жизнь в наркомате местной промышленности проработал – чего его сажать?.. Ты мне лучше скажи, прописывать молодых-то или нет? Я тебе верю, у тебя имя хорошее.

На что Надежда рассчитывала, она и сама не знает. Но явно не на то, что увидела. Она достаёт из пакета бисквитный рулет в целлофановой упаковке и передаёт старухе. Извините, совсем забыла. Нет, чай пить не будет, на улице и так жарко. Хорошо, как-нибудь заглянет. Да, сначала позвонит.

Она выходит на лестничную площадку, ждёт лифт, слышит, как за спиной долго запирается Мария Петровна. Печаль сжала сердце и не отпускает.

И тут появляется Реджеп. Реджепчик. Очень, очень кстати появляется! Застенчивый, улыбающийся, толстый, словно мулат тёмный – пропитанный, как привезённые им в подарок чарджоуские дыни, могучим среднеазиатским солнцем. Когда Надежда смотрит на Реджепа, ей делается хорошо и покойно. Он как освобождение, как сквознячок из летнего леса.

– Здравствуй, Надя-джан, – говорит Реджепчик, появляясь на пороге их квартиры и не выпуская из обеих рук огромные адидасовские сумки. – Здравствуйте, Зинаида Кирилловна.

– Ой, Реджепчик! – хлопает в ладоши мама. И тут же спохватывается, напускает на себя солидность: – Проходите, пожалуйста. Мы так рады вам!.. – Со всеми Надеждиными мужчинами мама на «вы».

Сама Надежда предпочитает без церемоний. Она бросается к старому другу, виснет на шее. Незнакомый одеколон не может перебить родной запах, не смущает и то, что Реджеп ещё больше раздался и совсем по-мужски

заматерел. Для неё он по-прежнему любимый мальчик, младший.

– Оставь это, – приказывает она и заставляет опустить тяжёлые сумки на пол в прихожей. – Быстро в ванную. Обувь сначала сними. Мама, дай Реджепчику свежее полотенце!.. Окрошку будешь?

Реджеп смущается, так вести себя предписывает восточная деликатность.

– Ай, не беспокойтесь, я недавно немножко кушал… Надя-джан, фрукты надо вынимать, испортятся. – Он показывает глазами на сумки.

Надежда вдруг хватает Реджепчика ладонями за щёки, начинает трясти, зверовато закусив нижнюю губу.

– Надя! – восклицает мама. – Как тебе не стыдно!..

Она хмурится и улыбается сразу. Всем троим радостно и хорошо.

С Реджепчиком Надежда познакомилась лет десять назад. Она всегда старалась брать отпуск в июле-августе, и не только потому, что летом лучше. Пансионат их института находился неподалеку от Алушты, и чтобы попасть туда в такие месяцы требовалось выдержать кровопролитные битвы в месткоме. Надежда шла на это.

Главная причина – рядом с пансионатом был дом отдыха для обучающихся в Союзе иностранных студентов. Надежде нравились латинцы. Живые, весёлые, почти все играли на гитаре и пели. Другая кровь, другой менталитет, отсвет неизвестной романтической жизни. С некоторыми из них у Надежды случались любовные истории, но не это для неё было главным. Нравилось общаться. Подростковая тяга к чужому, яркому осталась в ней навсегда.

Поначалу на Реджепа она не обратила внимания. Всё время на пляже возле их компании устраивался какой-то не по-юношески упитанный, давно не стриженый паренек – ну и пусть себе устраивается. Надежде он был неинтересен. Во-первых, свой, из Союза, во-вторых, слишком молод. Вообще-то Надежда любила ребят моложе себя – они нежные, робкие, трепетные, без циничной уверенности взрослых мужиков, – но не до такой же степени!

Реджеп окончил первый курс Плехановки, а ей уже было под тридцать, хотя и выглядела она намного моложе.

«За один такой взгляд аргентинка продаст дьяволу душу, – сказал Хавьер, кивнув на выходящего из моря соседа с мокрыми спутанными волосами. – Надя, на тебя смотрит. Как смотрит!..» Хавьер – настоящий мачо с мужественным испанским лицом (крупный нос, впалые щеки, выступающий твёрдый подбородок), но улыбка у него была мягкая, располагающая. У Надежды с ним наклёвывалось, однако из Москвы неожиданно заявилась то ли жена, то ли постоянная подруга с ухватками продавщицы овощного магазина. С такой лучше было не связываться, тем более, что и Хавьер в присутствии этой мадам как-то присмирел. Ничего мальчик. – Надежда сбоку взглянула на упитанного паренька, сделала вид, что оценивает. Этакая прожжённая сердцеедка. Она в то лето сама себе нравилась: хорошие бедра, талию можно было обхватить пальцами, и даже то, что грудь первый номер, не бросалось в глаза. – Решено, будет моим!"

Компания засмеялась. Ребята подобрались очень хорошие, вместе ходили в горы, много купались, пили белое вино, по вечерам жгли костры и танцевали под гитары. Половина латинцев – из состоятельных семей. Что их привлекало в социализме, в Советском Союзе, Надежда не понимала. «Хороший выбор». Вид у Хавьера был немного виноватый. Он жил в Союзе пятый год и хорошо говорил по-русски. Надежда с усмешкой посмотрела на него. Рядом деловито натиралась кремом для загара не по годам расползшаяся мадам.

Реджеп, конечно, давно уже не тот мальчик, с которым она познакомилась почти десять лет назад. Но Надежда всё равно рада ему. Может быть, ещё и потому, что Реджепчик родом из той самой республики, куда направили советником Валерку. Это обстоятельство делает его ещё ближе. Надежда решительно настаивает, чтобы он перебрался из гостиницы к ней. Зачем зря платить деньги, пусть даже ты обеспеченный человек. Надежда знает, что тесть Реджепа, в прошлом секретарь райкома, сейчас возглавляет солидную фирму и

даёт Реджепу заработать. Тот прямо об этом не говорит – Восток дело тонкое, – но вычислить нетрудно.

– Надя-джан, возьми скромный подарок, убедительно прошу. – Реджепчик из деликатности не смеет долго смотреть в глаза. На его удивительно светлой ладони – он и в этом смахивает на мулата – серебряный браслет с чернью. По всему видно, ручной работы.

Надежде слегка досадно, не ради подарков она приютила Реджепчика, но тут она думает, как между делом покажет браслет той же Лиле, которой мужчины ничего не дарили, и чмокает давнего друга в полную твёрдую щеку.

– Какая прелесть!

Мама к Реджепу благоволит, наверно, потому, что знает с тех самых пор, когда восемнадцатилетним мальчиком, едва говорящим по-русски, он стал появляться у них в доме. А может, потому, что они с Надеждой чуть не поженились. Всё было вполне серьёзно, расстроилось же потому, что Надежда не захотела уезжать из Москвы, а Реджеп, младший сын в семье, обязан был жить с отцом и матерью, не где-то у жены, пусть даже в столице. Маме он тоже привёз подарок – большой, литров на пять фаянсовый чайник с росписью.

– Реджепчик, да нам его всей родней не выпить!..

– Ай, выпьете, – лоснится в улыбке Реджеп. – Сели, беседываете – куда спешить?.. Ай, сами не заметите.

– Как вы его только везли? – всё удивляется мама. Ей очень приятно.

Реджепчик почтительно касается её руки.

– Всё нормально, Зинаида Кирилловна.

Он в Москве по делам. Привёз каракулевые шкурки, четыре контейнера, у него договор с фабрикой меховых изделий в Кунцеве. Надежда приятно удивлена, особой предприимчивости за Реджепом раньше не замечалось. К тому же она убеждается, что газеты врут, когда пишут, что на родине Реджепа бывшая партийная номенклатура не даёт развиваться рыночным отношениям. Какая глупость, они давно перекрасились, сами же и захапали лучшие куски! Что у нас, что у них. Хорошо

то, что и Реджепчику перепало. Кое-какие деньги он, похоже, уже заработал.

А вот не нравится Надежде другое: ему не сидится дома. С фабрикой – понятно, без встреч с нужными людьми, без саун и застолий, на которых дела решаются, не обойтись. Со значительно меньшим пониманием она относится, хотя вида особенно не показывает, когда Реджеп вдруг предлагает позвонить какой-нибудь полузабытой подруге, с которой они в своё время ходили по кафе и танцам. Охи и ахи, мило застенчивого Реджепчика до сих пор помнят и любят, надо собираться, идти в гости, знакомиться с мужьями и вести ненужные разговоры, когда лучше валяться на диване, обниматься или рассматривать цветную фотографию четверых смуглых детей, которую на американский манер Реджеп постоянно носит с собой в бумажнике. И так чуть ли не каждый вечер. Утомляет и раздражает.

Но ещё хуже, что за этот месяц Реджеп несколько раз на два-три дня уезжает из Москвы. То в Тверь, то в Нижний, то в Тулу, то ещё куда-то. Оказывается, там хорошие знакомые, он обещал при удобном случае побывать, а случай как раз такой. Надежда и не предполагала, что у Реджепчика столько друзей среди русских, хотя, в общем-то, ничего удивительного – он умеет к себе расположить. У него прямо-таки талант. Его нынешнее поведение должно, казалось бы, сердить, Надежде следовало на него по-настоящему разозлиться – столько не виделись, а он!.. – но злиться на Реджепчика невозможно. Покаянно улыбается, прикладывает руку к груди, смотрит бархатистыми влажными глазами – извини, пожалуйста…

(Когда наконец появится мерзавец и Надежда не без мстительности расскажет ему о Реджепе, тот не станет ревновать и устраивать сцены, чем, в общем-то, оскорбит её. Мерзавец только скривит губы и сокрушённо покачает головой. Вот уже и Средняя Азия у нас агентурную сеть раскидывает. «Реджеп?.. Ты что, с ума сошёл?!.» Увы, Над*и*н, увы. ВПК интересует всех,

в том числе бывших строителей коммунизма с феодально-байским уклоном. Тебя он часом не вербовал? Впрочем, в этом качестве ты ему неинтересна. «Какой же ты… Ничего святого!» Не я, Над*и*н, не я. Суровые законы бытия. С волками жить, по-волчьи выть. «Кто – волки? Реджепчик волк? Человек, для которого годы в Москве – лучшие годы жизни. Ты думай, что говоришь!» Что мне в тебе нравится, Над*и*н, так это доверчивость. Тебя даже обманывать неинтересно… Может, это и стало одной из последних капель, заставившей в конце концов мерзавца прогнать.)

Надежда искренне расстроена, когда Реджеп улетает домой. Она чуть не плачет, хотя заставить её плакать не так-то просто. Реджеп виновато смотрит под ноги, его круглые, как яблоки, щёки на время теряют цветущий вид.

– Надя-джан, всё будет хорошо. Такая работа, часто приезжать буду, – бормочет Реджеп. Они стоят на остановке автобуса возле Надеждиного дома, Реджеп не захотел, чтобы Надежда провожала его до аэропорта.

– Прилетишь домой, зайди к Валерке. Передавай от нас с мамой привет. – Надежда старается крепиться, не подавать вида. Фраза звучит глуповато, но ей сейчас не до того, чтобы обращать внимание на разницу в статусах дипломата и мелкого коммерсанта.

Реджеп на секунду поднимает глаза, с преувеличенной готовностью заверяет:

– Конечно, Надя-джан. Обязательно зайду.

– Оставь ты своё «джан»! Совсем папуас! – сердится Надежда. В самом деле, Реджеп стал злоупотреблять экзотикой. В молодости, наоборот, стеснялся таких вещей. Сейчас даже ходит в мечеть – национальное возрождение, говорит. Папуасом Надежда прозвала его ещё в начале знакомства. Реджеп тогда на папуаса не обижался, он и теперь не обижается.

– Я приеду, Надя-джан, бизнес такой, – говорит Реджепчик и поднимается в подошедший автобус, часто кивает ей через стекло.

Надежда смотрит вслед безжалостно чадящему «Икарусу», но слёзы на её глазах так и не появляются.

Может, потому, что у Реджепа четверо детей, может, ещё по какой-то до конца не понимаемой причине.

Хотя, конечно, грустно.

5

Отношения с Лилей после ночи во владимирской гостинице становятся сложными. Они и раньше не были простыми, случались недели, а то и целые месяцы, когда они не разговаривали. Сейчас всё по-другому. Лиля, видимо, так ничего в тот раз и не заметила, но когда она звонит, Надежда отвечает, что ещё не вернулась с работы. Или вышла за хлебом. Или в ванной. Благо, голоса у них с мамой похожи, по телефону их часто путают.

Надежда испытывает к подруге чувство, похожее на гадливость. Вроде бы, с чего, виновата сама, но тем не менее. Надежде становится приятно думать, что у Лили не сложилось с её другом, командированным в Дрезден реставратором из Эрмитажа, сдержанным и интеллигентным ленинградцем. Тогда Лиля была замужем за офицером из нашей группы войск, но у них с реставратором закрутилось так, что она развелась с мужем и, забрав дочь, уехала в Союз. В институте, куда Лиля вскоре устроилась, одни женщины её не понимали (самой уехать из Германии!), другие завидовали – такая любовь. В любом случае, некий ореол вокруг Лили существовал. Тем более, что любовь оказалась жертвенной – реставратор из семьи так и не ушёл. Может, этот ореол и привлёк Надежду.

Несчастненькая, с усмешкой думает она теперь. Всё в подруге кажется деланным, неестественным. Она до конца не уверена, что Лиля не заметила её глупостей в гостинице, а просто демонстрирует великодушие. Это особенно неприятно.

Но время идёт, дни несутся, только вчера, кажется, был понедельник, а уже пятница, конец недели. В августе рухнул МММ, несколько дней Москва бурлила, Мавроди обещал вывести на улицы миллионы людей, но обошлось. В журнале многие погорели, даже Родневских, это с её-то интуицией. Начался и закончился

чемпионат мира по футболу в Штатах, доллар дорожает на глазах, на месторождении Кондер в Хабаровском крае найден самородок платины весом в два килограмма. Ельцин отдирижировал в Берлине. В Чечне обстановка накаляется, идут бессрочные воинственные митинги, чем всё закончится – неизвестно. Между тем уже осень. Облетают листья на Страстном, по которому каждый день Надежда ходит от метро на работу. И покойное светлое ощущение, которое вызвал Реджепчик и которым она живёт некоторое время, мало-помалу истаивает.

Опять одна. Тоска. Хотя бы мерзавец, что ли, позвонил, в сердцах думает Надежда. Но её злой гений, полуфилософ-полууголовник, которым вдруг может оказаться любой мужчина на улице, в метро или магазине – где и кто угодно , – не звонит и не появляется.

В конце концов настойчивая Лиля подкатывается с предложением, отказаться от которого Надежда не в силах. В Большом зале консерватории даёт концерт Известный Дирижёр, с которым Лиля как переводчик ездила в своё время в Испанию. Известный Дирижёр её помнит и, несмотря на стерву-жену, каждый раз поздравляет с новым годом, а вот сейчас приглашает на открытие сезона. Малер, симфония номер один, исполняется не так часто.

В консерваторию они приходят с цветами. Одеты простенько, почти буднично, разве что пахнут ещё в прежние времена купленными французскими духами. Демонстрация туалетов на концертах и в театре дурной тон, только нынешние нувориши этого не понимают. Встречая таких в фойе, Надежда и Лиля переглядываются. Сидели бы лучше в казино или где они там тратят свои миллионы. Это общее чувство к нуворишам делает их ближе.

Известный Дирижёр заметно постарел, но талант есть талант, оркестр ведёт великолепно. Надежда прикрыла ладонью глаза, опёрлась на подлокотник, её душа высоко плывет, страстно отворилась всему, что есть на земле и в астральных пространствах. Она то проваливается до самой преисподней, то взмывает и парит в горних высях. Мощь и патетика, ничего не жаль и никого не надо, ни мамы, ни любимого, она перед Богом. Он суров

и прям, Надеждина душа с цепенящим восторгом внемлет Ему, готовая раствориться в пыль и исчезнуть в бесконечности, просветлённая и благодарная…

Аплодировать нет сил. Надежда сидит, опустив руки и прислонившись к спинке кресла, будто после оргазма. Опустошение. Катарсис. Идиоты клакеры на откидных сиденьях кричат бесконечное «браво!» Лиля встала, хлопает, глаза у неё сверкают, она выглядит на десять лет моложе. Известный Дирижёр вытирает большим, как скатерть, платком лицо, кланяется, поднимает оркестр, заученно улыбается. Он тоже измучен.

Надежда дожидается в фойе, пока Лиля относит цветы за кулисы – неудобно не зайти, всё-таки её пригласили персонально. Теперь у Надежды к подруге не то чтобы неприязнь или влечение. Полное безразличие. Хорошо бы сейчас одеться и уйти, но это будет уже свинство.

– Ты только подумай, вся рубашка мокрая, хоть отжимай! Захожу, а у него полотенце на шее!.. – счастливо говорит Лиля. Отблеск славы Известного Дирижёра лежит на её лице. – Великий человек, это я тебе без дураков говорю. И такой милый, руку целует!.. В домжур пойдём? Хорошего кофе хочется, здесь помои.

Дом журналистов рядом. Они одеваются и выходят под настойчивый октябрьский дождик. Большая Никитская, бывшая Герцена, влажно лоснится. Проезжают бликующие мокрые машины с приглушённо светящимися подфарниками. От этого кажется, что машины щурятся. Ярко, как на Западе, горят богатые разноцветные витрины. В перспективу, до самого манежа, уходят вверху светильники.

– Смотри, как у импрессионистов, – говорит Лиля. – Ночной город, дождь, настроение…

Надежда понемногу отходит. Мало-помалу возвращается в себя обычную. И уже с некоторым интересом смотрит вокруг. Впереди домжур, интересные люди, а может, и мерзавец – познакомились они именно там.

– Пожалуй, – соглашается она, вступая в привычную, но всегда приятную игру. – Что-то есть… А вообще-то мне это больше Пименова напоминает. –

Надежда говорит раздумчиво, как бы вслушиваясь в себя и смакуя ощущение, вызванное ночной улицей. – Такая же чистота тона и праздничность. А если бы днём, тогда вообще один к одному.

Лиля бросает на неё быстрый взгляд.

– Пименов?.. Это всё равно что сравнивать подлинник и слабую копию. Импрессионист в дозволенных строем рамках.

В другой раз этот взгляд и безапелляционный Лилин тон заставили бы Надежду ощетиниться – вот так они обычно и ссорились, – но сейчас Надежда пропускает мимо ушей. Ну, грубоватый от природы человек, ничего не поделаешь. Не это в ней главное.

– Оставь, он не эпигон, у него своё. Как после весеннего дождя. Омытость какая-то.

– Конъюнктура, соцзаказ. Режим такие вещи поощрял, – стоит на своём Лиля.

– Ладно, поощрял. Но и французов тоже по-своему поощряли.

– Ой, ну это же разные вещи! – Лиля с сожалением смотрит на неё.

Надежда замолкает. Приятной игры, в которой чувствуешь себя интеллектуалкой (любимое занятие в их институте проблематики соцстран), не получается. Видимо, они слишком возбуждены концертом.

В домжур проходят без проблем – у Лили везде знакомые. В прокуренном буфете выстаивают очередь, берут дорогой кофе и по пятьдесят граммов коньяка.

– Минкин, – роняет вполголоса Лиля, когда они наконец находят два свободных места.

– Где? – Надежде и восторженной дурочкой выглядеть не хочется, и нестерпимо тянет увидеть человека, чьи статьи она с упоением читает по утрам в метро. Единственная оставшаяся радость.

– У тебя за спиной, – всё так же вполголоса говорит Лиля. – И вообще, как-то поспецифичнел контингент, замечаешь? Когда мы в последний раз здесь были?.. Теперь, как на Ближнем Востоке.

Надежда не обращает внимания на её выпады, у неё

есть основания предполагать, что здесь личное – Лилин питерский экс-друг, кажется, был евреем. Надежда ищет предлог оглянуться. Но ничего подходящего в голову не приходит, и тогда она делает вид, что стул под ней стоит неудобно. Поднимается, с озабоченным лицом двигает его, опёршись одной рукой на спинку, а другой на сиденье, экая незадача. Мельком смотрит на столик за спиной.

Действительно, Минкин. Надежда его несколько раз видела по телевизору. Чувствуется, он здесь на минуту, о чём-то деловито разговаривает с совсем не богемного вида человеком.

– Почему, как только любая заваруха, они тут как тут? Всплывают в неимоверном количестве. И это притом, что почти все уехали, – ворчит между тем Лиля. Она отпивает кофе и выливает в чашку коньяк. Они всегда берут коньяк отдельно: так меньше шансов, что буфетчица не дольёт. – Ведь посмотри, и при Ленине они были в первых рядах. Перестройщики пришли – они опять впереди на лихом коне. Кому бы ни служить, лишь бы с выгодой для себя…

Ещё один момент, в котором они с Лилей не совпадают. Надежда до недавнего времени не пропускала ни одного демократического митинга. А Лиля считает, что в брежневские времена жилось лучше, хотя со свободой были проблемы. По большому счёту, зря Союз развалили. Обе знают взгляды друг друга и, чтобы лишний раз не конфликтовать, стараются обходить такие темы.

Правда, в ельцинской демократии Надежда разочаровалась, и дело не только в прошлогоднем расстреле Белого Дома. Их просто всех использовали. Внаглую. Но признаваться перед Лилей в этом не хочется. А вот насчёт антисемитизма Лиля могла бы усвоить, что подобное недостойно интеллигентного человека. Нет хороших или плохих народов, есть хорошие или плохие люди. Австриец Малер на неё так подействовал? Или мимолётное общение с Известным Дирижёром, кондовым русофилом?.. Скорее всего, Надежда просто отвыкла от подруги, давно не общались.

Надежда напряжена, сторожит любой звук за спиной, боится пропустить, когда станет уходить Минкин. Боковым зрением отмечает движение и, повернув голову, видит высокого, как ей, сидящей, кажется, худого человека с проступающими под пиджаком лопатками. Сходства никакого, но на долю секунды ей кажется, что это мерзавец. Господи, когда это наваждение кончится?!. Надежда смотрит на столик, за которым только что сидел Минкин, его там нет, и она окончательно убеждается, что именно его видела со спины.

К психиатру, что ли, обратиться?..

Лиля уже с кем-то разговаривает. Она легко знакомится и вот уже изящно держит между пальцами сигарету, щурит от дыма глаза и говорит сидящему поблизости лысоватому мужчине своим низким голосом:

– Каждый вправе думать всё, что ему заблагорассудится.

– Нет, я же вижу, где ширпотреб, а где штучная работа, – возражает лысоватый. В его голосе охмурительные нотки. – Вы штучное производство, у меня глаз наметан, уж поверьте.

Лиля смотрит на Надежду, обеим становится весело.

– Вы так считаете?

– Конечно, – подхватывает траченный жизнью мужичок, мелкая сошка в какой-нибудь редакции. Энтузиазм его тем не менее неподделен. – Девушки, неужели вам хочется сидеть в этом бедламе? Есть предложение, допиваем и поехали ко мне. Хорошая музыка, видик, мартини…

– За что люблю журналистов, так это за деловитость, – громко сообщает Лиля Надежде.

– Девушки, вы не пожалеете, – торопится мужичок. Он чувствует, инициатива может ускользнуть. – Честью клянусь, всё будет отлично. Не пожалеете!

– Сразу обе не пожалеем?

– Ну зачем же, у меня есть друг. Я позвоню, он моментом приедет. – Похоже, мужичок давно уже сидит в буфете, нюансы ускользают от него. Он попеременно смотрит то на Лилю, то на Надежду, и ему кажется, что

нужно добавить что-то очень веское, заставившее бы тёлок согласиться. Он выкладывает последний козырь: – В конце концов, я состоятельный человек. Понимаете?..

Лиля и Надежда уже не сдерживают себя, в открытую смеются. Лысому всё наконец становится ясно, он вздёргивает подбородок и язвительно произносит:

– Поэт горбат, стихи его горбаты. Кто виноват? Евреи виноваты!

– Это он намекает на твой антисемитизм, – замечает не без удовольствия Надежда. – Всё слышал. Пошли отсюда.

Лиля соглашается, действительно, лучше уйти. Творческий люд при всей своей незаурядности мелочно самолюбив и склонен поскандалить. Мужичок подтверждает это их знание.

– Шманается шалашня, прохода нет! – кричит он на весь буфет. – В цэдээле, в Доме кино, в цэдри – везде табунами блядво ошивается! Цирк вам здесь? Зоопарк? Творцов не видели?..

Лиля берёт со стола сумочку и окатывает лысого презрительным взглядом.

– Набоков нашёлся. Извините, не знала.

– Потребители! – разоряется не на шутку уязвлённый мужичонка. Теперь особенно заметно, как он немолод. – Мещане! Нервы наши поедаете, мозг высасываете!

– Господи, элита! За чей счёт живете? Мы хоть работаем, а вы?.. – заводится Лиля. – Чего изволите! Древнейшая профессия!

– Это ты работаешь?! Да ты кроме хера ничего в руках не держала!

– Развалили страну своими «Огоньками»! Сейчас алкашу Ельцину и Березовскому задницы лижете!..

Надежда тянет подругу за руку – пойдём, пойдём. Лысый пьян, может ударить, сейчас это запросто. И никто не заступится за женщину, даже не удивятся. Но Лиля боец.

– Пусть попробует. Я ему всю морду исцарапаю, – угадывает она опасения подруги. И твёрдо смотрит в лицо противнику. – Не обломилось, так разоряешься? Позорник!

– Кому ты нужна! Посмотри на себя, чучундра!

– Не воняй, козёл, – бросает Лиля. И они с достоинством покидают буфет.

На улице их разбирает смех. Надо же, после Малера – вот такое!

Смешна жизнь. И дурацкая. И мерзавца нигде не видно.

6

В редакции сенсация. Европейская экологическая гильдия наградила Ярошенко Изумрудным Листом. Это самая почётная награда, которую может получить защитник окружающей среды. В пришедшем из Амстердама факсе значится: за самоотверженную защиту природы в условиях тоталитарного режима. Видимо, имеется в виду полтавский период жизни Аллы Владимировны, когда она работала в газете и боролась против применения химических удобрений в свекловодстве.

Дверь в кабинет главного теперь не закрывается. Телевидение со змеящимися через всю редакцию чёрными кабелями, быстроглазые, смахивающие на мелких жуликов газетчики, велеречивые радиожурналисты. Сообщение о награждении Изумрудным Листом прошло во всех программах. А за интервью к Ярошенко приезжали сами Доренко и Сванидзе.

Надежда тоже чувствует себя немного именинницей. Приподнятость и суета в редакции ей нравятся и совсем неуместными кажутся ухмылки некоторых сотрудников, собирающихся на лестнице покурить. Завредакцией Света на них постоянно ругается, взывает к совести, но курильщики неисправимы.

– Надежда Вилоровна, – необязательным тоном интересуется один из них, заросший чёрной дремучей бородой Сироткин, когда Надежда проносится мимо с очередным листком поздравления по факсу. – А немецкие производители химудобрений ещё не поздравили Аллу Владимировну? А бразильские сахарные компании?..

Ехидничает, засранец. В эту минуту Надежда готова согласиться с Ярошенко, что старых работников необходимо заменить молодёжью. Слишком независимо себя ведут. Большинство этих сорокалетних мужиков подрабатывают где-то на стороне и за место в редакции не особенно держатся. Платят в журнале скудно.

– Возможно, и поздравят, – с вызовом отвечает она Сироткину.

– Ну-ну, – хмыкает этот Карабас-Барабас. – Распивочно и на вынос, братцы-демократцы. Получите свои серебреники!

Надежда сверкает на него глазами, но, скорее, по привычке. К тому же не до того. По случаю награды Ярошенко устраивает в редакции фуршет, надо всё приготовить. С бывшим министром и другими высокопоставленными друзьями Алла Владимировна это событие уже отметила, теперь очередь за ними. Всё-таки молодец, могла бы элементарно зажать.

Но дню суждено стать неудачным. Видимо, что-то творилось в астрале. Когда они со Светой вытаскивали из редакционной «газели» позвякивающие бутылками пакеты, на крыльцо выскочила какая-то растрёпанная женщина. За ней, широко расставив руки, словно загонял курицу, двигался вахтёр.

– Она у меня попляшет! – кричала женщина, пытаясь прорваться обратно. – Меня не обуешь. За меня есть кому заступиться!..

– Женщина, зачем так волноваться, – урезонивал её вахтёр, преграждая дорогу. – Если у вас претензии, обращайтесь в суд. Зачем скандалить.

– Она у меня кровью умоется! Думает, ушла из Министерства, так я не найду? На счётчик поставлю!..

– А это вы зря. У нас правовое государство, решайте через суд.

– Пошёл ты!.. – Женщина плюнула в вахтёра и порывисто зашагала к припаркованным «Жигулям».

Надежда и Света испуганно смотрят ей вслед.

– Что случилось?

Вахтёр вытер рукавом камуфляж.

– Сумасшедшая какая-то. Устроила у Родневских скандал. Говорит, она ей напечатала детектив, а Родневских забрала тираж и не хочет платить.

– Чушь, – заявляет миловидная недалёкая Света.– Родневских не станет этим заниматься.

Надежда ничего не говорит, она провожает взглядом отъехавшие «Жигули». Директор какой-нибудь маленькой подмосковной типографии? Потратилась на бумагу, краску, переплётные материалы, а ей не заплатили. Сейчас это обычное дело. В пору работы в Министерстве Надежда с такими случаями сталкивалась не один раз. Бизнес по-русски – обмануть и убежать.

Надежда не застала Родневских в качестве рядового клерка, каким она была до девяносто второго. Говорят, могла часами канючить в министерском месткоме, чтобы ей, например, выделили талон на чайный сервиз. Образ казанской сироты плохо стыкуется с холоднорасчётливой Родневских, какой её знает Надежда. После путча она пошла к вновь назначенному министру, другу Ельцина, и убедила, что в управлении окопались люди, которые будут мешать реформам. Тогда-то вместо прежнего начальника и появилась недавний союзный депутат Ярошенко. Родневских стала её правой рукой, этакий серый кардинал. Управление обновилось практически полностью. Этому обстоятельству, кстати, Надежда была обязана работой. Их институт к тому времени окончательно развалился, жили вдвоём на мамину пенсию, не платили за квартиру и считали каждый рубль. Однако насчёт Родневских Надежда никогда не обольщалась. Замкнутый тёмный человек. А то, что умна – ещё хуже. На что способна, одному богу известно.

Фуршет тоже пошёл наперекосяк. Сначала ещё ничего, женская половина редакции прочувствованно поздравляла Ярошенко (им в отличие от мужиков деваться некуда), Света где-то раздобыла цветную фотографию Изумрудного Листа с вкраплёнными алмазами, которые должны были изображать капли росы (нехило для скромных экологов!), и подарила Алле Владимировне. «Чтобы вас в Амстердаме не обманули, когда

будут вручать... Мы счастливы, что нами руководит такой выдающийся человек...» Мужская половина в основном налегала на выпивку. Заросший бородой по самые глаза Сироткин то и дело опрокидывал в плотоядно красный рот рюмку и громко переговаривался с соседями. Он-то и начал выступать, когда Ярошенко спросила у старичка Комлева, когда жилось лучше, сейчас или при коммунистах.

– Сейчас, – ответил ветеран редакции.

Его краткость не удовлетворила раскрасневшуюся от вина и приятных слов Ярошенко. Она живо повернула лицо:

– А почему?

Комлев переступил с ноги на ногу, потеребил своё длинное и бледное стариковское ухо.

– Свобода появилась.

– А при коммунистах пенсия была больше. Вы ведь пенсионер?

– Пенсионер. – Комлев слегка поёжился. – Не хлебом единым, как говорится.

Ярошенко продолжала допытываться:

– На президентских выборах вы за кого голосовали?

Тут-то и вклинился Сироткин.

– Вы ещё спросите, как он спит с женой. И вообще, дражайшая Алла Владимировна, не кажется ли вам, что насиловать зависимого человека подло? – громко, на весь секретариат произнёс он. – Да вы ещё хуже коммунистов, братцы-демократцы! Что хотите, то и делаете. Люди вам по фиг!

Женщины стали дёргать Сироткина за рукав и шикать, но Ярошенко приняла вызов.

– А репрессии? А гулаг? А психушки для инакомыслящих?.. – Она, казалось, только и ждала этого момента. Блеск глаз, благородный гнев. Афина Паллада, дева воительница. – Мы никогда на это не пойдём в отличие от ваших единомышленников коммунистов!

– Они такие же мои, как ваши. Я в правящей партии не состоял. Если по гамбургскому счёту, ваши любимые Штаты уничтожили индейцев. И ничего, это для

вас нормально!.. Вы дальше пошли. Каждый год Россия теряет миллион человек. Никаких гулагов не надо.

– Мелкотравчатый демагог! Вы спекулируете на временных трудностях! Произошла бескровная революция, поменялся общественный строй. А это никогда не происходит безболезненно.

– Правильно! Лес рубят – щепки летят!..

Сироткина вывели в коридор, стали утихомиривать, что-то вполголоса втолковывали. «Пусть увольняет! – продолжал выступать он. – Старика провоцирует! Мандатная комиссия, братцы-демократцы сраные!..»

В секретариат он больше не вернулся. Ярошенко делала вид, что ничего не произошло, предлагала всем наливать, но вскоре одна за другой стали, извиняясь, уходить женщины – надо домой, семьи ждут. В конце концов остались Надежда, Света и Родневских. Почему Надежда со Светой, ясно – надо кому-то убирать. А вот с Родневских было непонятно. Зачем-то уселась на рабочее место, включила компьютер. И лишь когда Света пошла в туалет мыть посуду, сказала:

– Надежда Вилоровна, приютите меня сегодня на ночь?

За всё время фуршета Родневских не произнесла ни слова. Была сосредоточенно серьёзной и сейчас.

– Нет проблем, – пожала плечами Надежда. – Конечно.

Ехать в метро Родневских не захотела. Несмотря на Надеждины попытки отговорить – дорого! – остановила прямо возле редакции машину. Водитель попался какой-то странный, всё время оглядывался по сторонам. В конце концов попросил говорить, если кто-нибудь остановит, что они его родственницы. Он таксует на свой страх и риск, никому ничего не платит, а так уже нельзя. Всё схвачено.

Выпитое сказывалось, Надежда зацепилась за водителя языком, стала расспрашивать, чем он занимается вообще. Оказалось, терапевт, зарплата соответствующая. Пробовал со знакомыми открыть частную клинику, но дело не пошло. Для простых москвичей дорого, а богатые предпочитают лечиться за

границей. И дешевле сделать невозможно – надо платить за аренду помещения, налоги, нужным людям в мэрии. Он вообще считает, всё делается непродуманно. Двоюродный брат в деревне, например, подался в фермеры, а помощи ему не оказывают – ни техникой, ни кредитами. Хотя Гайдар в своё время обещал. Брату опять пришлось идти на поклон к председателю. А тот в открытую издевается. Сбили людей с толку, а потом бросили.

– Один умный человек сказал, не надо искать, кто виноват. Надо пытаться понять, что происходит, – вдруг подала голос Родневских. Она сидела на заднем сиденье так, чтобы её было как можно меньше заметно с улицы. – Поняв, соответствующим образом поступать. Всего лишь.

Таксующий терапевт кивнул:

– Логично.

Боялся он напрасно. Никто их за всю дорогу не остановил. Возможно, потому, что был час пик, все ехали с работы. Сплошная полоса машин с приглушёнными фарами двигались по улицам огромного вечернего мегаполиса. Лишь возле одного из светофоров – уже в спальном районе – два солдатика в длинополых бушлатах постучались в боковое стекло и попросили денег.

Дома Родневских сразу захотела лечь в постель. Даже от ужина отказалась. Надежда разобрала ей диван, а сама пошла спать к маме. Поднявшись среди ночи в туалет, она заметила под дверью комнаты щёлочку света. Из вежливости заглянула, спросила, не надо ли чего. Родневских читала купленную по дороге газету с объявлениями о сдающемся жилье и делала пометки.

– Спасибо, Надежда Вилоровна.

Всё те же дистанция и сдержанность, хотя по всему ясно, что у тётки проблемы.

Сфинкс. Гвозди бы делать из этих людей!

(Когда через месяц Родневских уйдёт в отпуск и пропадёт с концами, мерзавец будет веселиться, узнав об этом. Голова, всех кинула!.. Таких, Над*и*н, не убивают, такие всё наперёд просчитывают. В совет-

ское время – мимикрия, я как все. Сейчас уже можно не скрывать, быть собой. Думаю, наколола она многих, но по-божески. Каждый по отдельности киллера нанимать специально не станет. Как, говоришь, её называли в Министерстве? Тётушка Черепаха? Из-за складок на физиономии?.. Ну вот, компенсация – светлые мозги. О какой порядочности ты говоришь?! Есть такое русское слово – забудь. С чем её едят, твою порядочность?!.

Никто её не замочил, это однозначно. Обрати внимание, квартиру продала. С того света, как догадываешься, сделать это трудно. Где её дочь обитает, никто представления не имеет. Никаких зацепок для кинутых, концы в воду. Английский выучила, а с ним и с бабками везде родина!.. Однако, доложу тебе, здесь присутствует сюжет, достойный пера Шекспира. Драма. Трагедия с невидимыми миру душераздирающими страстями. Не было у вашей тётушки Че настоящих стартовых возможностей и высоких знакомств – вот в чём боль её сердца и печаль души! Иначе, глядишь, на уровень Гусинского с Березовским вышла бы. Если, конечно, не отстреляли бы раньше времени. Могу представить, что происходило в ней! Всё видеть, всё понимать – и оставаться на подхвате, пробавляться мелочёвкой! Шекспир, клянусь тебе, Шекспир!.. В фонд Ярошенко она часом не залезла? Было бы опрометчиво. Могут через Интерпол достать, это серьёзно. Мерзавец, оказалось, был лучшего мнения о благоразумии Родневских. В учреждённый Ярошенко фонд на деньги Европейской экологической гильдии она руку всё-таки запустила. И основательно. В декабре в редакции появится неулыбчивый человек из Генеральной прокуратуры, станет беседовать с каждым из сотрудников, расспрашивать о Родневских в подробностях. Из Министерства будут доходить слухи, что он побывал и там.

Дало это что-нибудь или нет, Надежда так и не узнает. Вскоре многое у неё изменится, появятся другие заботы, она найдёт работу поближе к дому, и все эти люди с их страстями и интересами навсегда исчезнут из её жизни).

7

– У Валентины Григорьевны рак, – говорит однажды мама. – Ей сделали операцию.

– Какой Валентины Григорьевны? – быстро вскидывает на неё испуганные глаза Надежда.

– Мамы Никиты. Уже прошла два сеанса химиотерапии. Завтра поеду её навещать. – В мамином голосе, в том, как она отводит взгляд, чувствуется недоговорённость. Словно мама хочет, но не решается предложить поехать вместе с ней.

– Она дома?

– Да, выписали.

Надежда принимается быстро жевать. Раковых больных она боится. Чёрт дернул маму выложить эту новость сейчас. Надежда после работы, устала, имеет право спокойно поужинать, а теперь будешь думать весь вечер.

Почему человек не может уйти из жизни спокойно и достойно? Обязательно мучения, вылезшие от химиотерапии волосы, проступающий сквозь жёлтую кожу череп с глазницами… Никаких гарантий, что и с тобой так не будет. По ком звонит колокол. Папе повезло – умер во сне от инфаркта. Сам не мучался и их с мамой пощадил, не разрывалось сердце от жалости и невозможности помочь.

– Передай ей… – начинает Надежда. И замолкает. Какие к черту слова! Ничего они не значат рядом с э т и м.

Что сказала Валентине Григорьевне мама, Надежда не знает. Но на следующий вечер та позвонила.

– Надя, я знаю, большой любви между вами и Никитой нет… Прошу об одном, пожалейте Алёну. Девочка осталась сиротой… Меня не будет, пропадёт.

Голос усталый, чувствуется, что каждая фраза Никитиной матери дается с трудом. И всё же хлопочет о родных, которые остаются жить, удивительно. Полагалось бы начать переубеждать, говорить, что и врачи ошибаются, сколько угодно случаев, но Надежда не понимает, почему Мальвина при живых отце и матери будет сиротой.

– Её мать полгода назад погибла в Хайфе… Случайно, террорист-смертник, – всё тем же изможденным, гасну-

щим к концу фразы голосом поясняет Валентина Григорьевна. Бывшую Никитину жену она теперь лимитчицей не называет, но и по имени тоже. – Никитой надо руководить. Он безвольный. Лучше вас я никого не знаю.

Мгновенная картинка. Светлый южный город, суетятся по-летнему одетые мужчины, «скорая помощь» с угловатыми, какими-то клинописными чёрными буквами, словно студень подрагивает полное тело женщины на носилках, безвольно свесилась рука, клочья одежды и пятна крови на асфальте. Новостная программа. Выгадала, со смешанным чувством думает о бывшей Никитиной жене Надежда. Ей лестны слова Валентины Григорьевны, но с какой стати она должна взваливать на себя ещё и эту обузу, Никиту? Да и с Мальвиной не всё просто. Одно дело время от времени видеться и в удовольствие болтать – и совсем другое заниматься воспитанием. У девочки сложный подростковый возраст.

– Всё так неожиданно, – дипломатично отвечает она. – Я должна подумать, Валентина Григорьевна, извините… Вообще-то странно, Никита сам должен делать предложение, если я правильно всё понимаю.

– Надя, он боится получить отказ. Он виноват перед вами.

– Мне надо подумать, – сочувствующе, но сдержанно повторяет Надежда.

И думает. Неделю, потом ещё одну. Пробует поговорить с мамой, однако та, как ни странно, ничего определённого не советует. Мне Валентину Григорьевну жалко, но решай сама, это твоя жизнь. Лиля при всём её однозначном характере тоже уходит от прямого ответа. Может, потому, что у неё идея-фикс: в старости, когда умрёт мама, жить вместе с Надеждой – как-то проговорилась о таких своих планах. Вышедшей замуж дочери Лиля уже сейчас не нужна.

Но вскоре проблема уходит на второй, если не сказать, третий план. На горизонте появляется мерзавец. На этот раз, похоже, настоящий.

Надежда в тот день собиралась вернуть дедушкину фотографию. Тогда, в гостях у Марии Петровны, она

взяла её, чтобы увеличить и повесить у себя в комнате. Выбрала ту, где дедушка снят молодым, – видимо, ещё до ссылки. Фотограф усадил Степана Мефодьевича рядом с небольшим круглым столиком, заставил закинуть ногу на ногу и внимательно смотреть в объектив.

Дедушка на фотографии не похож на мастерового. Галстук, белая сорочка с твёрдым накрахмаленным воротничком, нарядная тройка с серебряной цепочкой часов по жилетке… Самое малое, приказчик в модном магазине. Но не респектабельность, пусть теперь немного смешная, понравилась Надежде. У дедушки молодое открытое лицо. Уверенность в скором счастье читались на нём и ожидание этого счастья. Такого выражения лица не было ни на одной другой фотографии Степана Мефодьевича.

В субботу она предварительно позвонила. Мария Петровна узнала её не сразу.

– Давай приходи. Ко мне тут приехали. – И тотчас положила трубку, будто куда-то спешила.

С мерзавцем Надежда столкнулась прямо у подъезда. Всё было за то, что это именно он – слишком мала вероятность встретить так похожего человека в собственном дворе. Но на всякий случай Надежда сделала равнодушное лицо, словно собиралась пройти мимо.

– Надин, к чему эта холодность? Вы во мне разочаровались, мадемуазель? – И такая знакомая то ли улыбка, то ли ухмылка. С необязательным видом стоит на недавно выпавшем снегу, покачивается с пятки на носок, руки в карманах дорогого пуховика. Кажется, настоящий.

– Ты прямо с Ленинградского вокзала? – не может простить ему своей ошибки Надежда. Вернее, его самого. В том, что тогда обозналась, она совершенно не уверена.

– На сей раз с Казанского. Что, впрочем, не мешает мне бывать на Ленинградском, Павелецком, Курском, Савёловском, Рижском а также других столичных вокзалах и в аэропортах… Позвольте встречный вопрос. Субботний поход по магазинам или же моцион для аппетиту?..

Скажи Надежда сейчас, что у неё нет времени, он с тем же выражением на лице сделает ей рукой и не-

торопливо двинется дальше по своему непредсказуемому маршруту. Самодостаточный летучий голландец. Но Надежда столько ждала этой встречи. Хотя особой радости сейчас почему-то не испытывает. Перегорела?

– Мне фотографию надо отвезти.

– Могу с тобой, если не против. Почему бы нет.

Нужно о чем-то говорить, и в автобусе она начинает рассказывать о дедушке и обеих его женах. Первые полчаса-час всегда трудные – полузаглохшие, затянувшиеся временем душевные коммуникации восстанавливаются не сразу, состав по имени знакомство надо терпеливо толкать, усердно разгонять. Слово за слово, минута за минутой – и постепенно всё более или менее становится на места. Разговорившись, Надежда выкладывает и то, что дорого – про письма Степана Мефодьевича.

Мерзавец просит показать фотографию. Внимательно рассматривает и молчит. Никаких комментариев. Зная его ядовитость, Надежда благодарна. Она вдруг думает, что мерзавец и умерший отец в чём-то очень похожи. Потому, наверно, такая зависимость и тяга. Эдипов комплекс наоборот. Время от времени её взгляд цепляется за фирменные джинсы, так смахивающие на те, что видела на вокзале. Что у мерзавца под презентабельным пуховиком, она не знает, но джинсы один к одному. Впрочем, теперь Надежда склонна думать, что это совпадение.

Уйти от Марии Петровны сразу не удается. К старухе приехали её молодые родственники из Белоруссии. Судя по всему, гостят недавно, и вторая дедушкина жена с удовольствием их всем демонстрирует.

– Студенты, – говорит она, тряся оплывшими щеками в пигментных пятнах. – Оба студенты, Толик и Ганнуся. Муж с женой.

Толик, светловолосый, яснолицый, смущённо улыбается:

– Бывшие студенты. Отчислили обоих.

Мерзавец тотчас оживляется, быстро переводит взгляд с парня на девушку и обратно.

– Убоялись бездны премудрости? Или диссиденты, власть счёты сводит?.. – Глаза у него загораются. – В

любом случае не мешает выпить. Я сейчас. – И стремительно исчезает.

Удивительна человеческая душа. Надежда особенно не расстроилась бы, если бы он не вернулся. Ей приятно смотреть на этих чистых молодых людей, слышать лёгкий акцент с твердым «ч». Совсем неуместен среди всего этого мерзавец. Диссонирует. Но он довольно скоро возвращается, и не только с водкой. В раздувшемся целлофановом пакете, того и гляди порвутся ручки, порядком всякой снеди, причем – хорошей. Откуда всё-таки у него деньги, чем зарабатывает?..

Надежде и Ганнусе ничего не остается, как идти на кухню и накрывать на стол с прохудившейся на углах клеёнкой. Вторая дедушкина жена плетётся за ними и, тяжело опустившись на расшатанный венский стул, сообщает, где что из посуды. Надежде беспокойно, она жалеет, что взяла с собой мерзавца. Ведь не удержится, изгадит всё. Правда подла и горька, пусть так, но зачем её знать этим славным неиспорченным детям.

Вышло, как она предполагала. Уже после второй рюмки мерзавец энергично потёр руки и сказал:

– Значит, сотрудничал с диссидентской газетой. А кто, мой юный друг, финансирует эту твою диссидентскую газету, а? Или деньги сами с неба главному редактору сыпятся?

Толик, похоже, совсем не ожидал такого поворота разговора. По тому, как он молчал и хлопал на мерзавца глазами, было ясно: каждый россиянин для него свой, чистой воды демократ. К тому же его учили, что гостям бестактно задавать вопросы, очень смахивающие на провокацию.

– Честные люди, – сказал Толик.

– Так-так-так, – обрадовался мерзавец и от радости осклабился. – И где же эти честные люди, по-твоему, проживают? В Нью-Йорке, Лондоне, у нас в Москве?

– Демократическая пресса существует на пожертвования простых белорусов.

– Под этим соусом тебе и гонорара, разумеется, не платили. Это ж какой кайф, загребать жар чужими руками, да ещё бесплатно!.. – Мерзавец во всю веселился. – Ладно, не хочешь понимать, зайдём с другого бока.

Вот не нравится мне ваш батька Лукашенко, и всё тут! Не даёт, понимаешь, купить по дешёвке БелАЗ, а заодно и всё остальное. Ельцин с Чубайсом дают, а этот упёрся. Опять же рассадник проклятого прошлого на западных рубежах демократической отчизны…

Надежда не выдержала, хлопнула по столу ладонью.

– Прекрати издеваться!

Толик сидел красный, Ганнуся из-за неловкости за него опустила голову, не решаясь спорить со взрослым мужчиной. Одна Мария Петровна ничего не понимала и с удовольствием ела шоколадные конфеты из богатой коробки.

– И выпили вроде немного… Надин, надо сдерживать порывы души.

– Прекрати немедленно! Обязательно всё в грязь втоптать?.. Скотина!

Это, конечно, было лишнее. Всё-таки среди малознакомых людей. Мерзавец скроил печальную физиономию и принялся разливать по рюмкам, сокрушённо качая головой.

– Вот так всегда. Можно сказать, за правду страдаю. Однако скажите, Надин, я могу надеяться на ваше прощение? Вы забудете о своём гневе?.. Проницательны всё-таки эти любители лягушачьих лапок, французы. Если женщина неправа, у неё надо попросить прощения.

Он сейчас ей был отвратителен со всеми своими приколами. Впору подняться и уйти. Но как это сделаешь, если сама его сюда привела?

Надежда отодвинула от себя рюмку. Было до чёртиков неудобно перед ребятами. Будто сама стала участницей какого-то грязного и постыдного дела.

Никитину мать хоронили декабрьским сумрачным днём. На кладбище то и дело принимался идти мокрый снег. Он ненадолго садился на комья выброшенной из готовых могил глины. Люди, возможно, ещё живы, а могилы уже ждут.

Смрадно пахло горящими покрышками, которыми, прежде чем копать, оттаивали землю. Пустое и чёрное, кладби-

ще ближе к свежим захоронениям становилось блёкло - цветным от венков с лентами и пластмассовых цветов.

Руководил похоронами, как позже Надежда поняла, бывший Валентины Григорьевны и её матери сослуживец. Этот энергичный старик с чеканным профилем римского патриция давал короткие команды, забегал впереди гроба, показывал куда нести. То ли начальник отдела в прошлом, то ли профсоюзный деятель. Он единственный смог сказать у могилы прощальное слово – все остальные, немногочисленная родня и давние соседи по подъезду, сразу начинали всхлипывать.

Заплакал и Никита, когда попробовал что-то сказать. Он хлопнулся в месиво из глины и снега на колени, прислонился головой к равнодушному белому лицу Валентины Григорьевны, плечи его тряслись. На темени отчётливо проступала лысина. Никита был основательно пьян, Надежда это отметила, когда ещё у морга садились в похоронный автобус.

С каким-то болезненным, острым любопытством она следила за Алёной. В этом подростке ничего не осталось от Мальвины, разве что глаза. Алёна явно тяготилась происходящим, чужими людьми, пьяным отцом. Как я в её возрасте, подумала Надежда. И ещё: она могла бы быть моей дочерью. Мы с Никитой тогда уже встречались. Эти две мысли и решили её будущую жизнь.

После кладбища Валентину Григорьевну помянули. Соседи по подъезду скоро разошлись, в квартире остались почти одни бывшие сослуживцы. Вспоминали различные ситуации, когда покойная проявила себя с самой хорошей стороны, потом стали говорить о нынешних пенсиях, Ельцине, возмутительных программах по телевизору. А всё-таки жить лучше, даже так, сказал старик с чеканным профилем. Все закивали. Старик здесь пользовался авторитетом. Надежда отметила, что мама и другие довольны возможностью встретиться, хотя повод печальный. Старость замуровала всех по квартирам, хорошо ещё, если дети есть, а если нет?..

Надежда осталась убирать со стола. Никита со стеклянными глазами и хлебными крошками в пегой от

седины эспаньолке ещё какое-то время слонялся по квартире, потом заснул сидя в кресле. Алёна немного оттаяла. Вместе с пожилой родственницей она мыла посуду в ладном, на неё, видимо, шитом переднике и по-настоящему заинтересовалась, когда Надежда обронила, что у неё сохранилась хорошая коллекция Элвиса Пресли. Есть настоящие раритеты, на «косточках». Это когда подпольно записывали пластинки на рентгеновских снимках. Сейчас, конечно, в моде рэп и хэви - метл, но настоящий ценитель должен иметь представление обо всём.

Договорились, что на днях Алёна приедет послушать. Если понравится, может себе переписать.

В метро Надежда была оживлена. Мама даже сделала замечание – с похорон всё-таки едем. Ладно тебе, отмахнулась Надежда. И, распахнув дублёнку, постукивая пальцами по сумочке, мурлыкала «Love me, tender». Позавчера звонил мерзавец, набивался приехать, но Надежда отшила. Хватит. Мало того, что тупиковый вариант, так ещё выворачивает душу. Конечно, Никита тоже не подарок, но ради Алёны можно потерпеть. Бывают хуже. За примерами далеко ходить не надо.

8

Компания поднималась вверх, горизонт отодвигался и раскрывался до самого края, и Наде начинало казаться, что достаточно пристально всмотреться вдаль и можно будет увидеть Турцию.

Посёлок внизу угадывается по клубящимся плотным кронам, словно каждое дерево было маленьким кипящим ключом непроницаемого густо-зелёного цвета. Серая нить серпантина, пронзив посёлок, выскакивала с другой его стороны и петляла в сторону Судака по обращённым к морю знойным склонам. А здесь было хорошо, и жары почти не чувствовалось.

Начинались альпийские луга, разгорячённые молодые лица омывал пахнущий цветами и травой воздух. И простор вокруг был такой, что грудь восторженно замирала на вдохе.

– Подводная лодка! – вдруг крикнул Хавьер и показал рукой с зажатой в ней бутылкой сухого вина вниз.

Море, зеленоватое у берега и насыщенно синее дальше, было изрезано, словно реками, течениями, вода которых – гладкая, будто полированная – заметно отличалась по цвету. Однако продолговатый и тёмный, смахивающий на веретено силуэт был хорошо сверху виден. Удивительнее всего, что подводная лодка притаилась в какой-нибудь сотне метров от курчаво поросшего мыса рядом с пляжем, крошечными отсюда тентами и почти неразличимыми человеческими телами.

Что она здесь делает? Наша или турецкая? Выслеживает кого-то или прячется, легла на неглубокое дно?..

Это было таинственно и странно. Кто-то из ребят латинцев перебросил гитару из-за спины на грудь и ударил по струнам. Надя не знала, что это за мелодия, но в ней был и наполненный солнцем простор до самого турецкого берега, и густой аквамарин моря, и воздух альпийских лугов, и зной побережья – рвущееся наружу молодое счастье жить, видеть всё это и ощущать. А подстерегающие человека опасности и разочарования – пустое, о котором не стоит думать.

Хавьер пустил бутылку по кругу. Надя отхлебнула, передала её недавно принятому в компанию Реджепчику и поймала его влюблённый взгляд. Гитарист играл всё громче, яростно бил по струнам и пел со звенящей сдержанной силой. Мелодия ликующе охватывала Надю, восторженные мурашки побежали по коже.

И никогда так хорошо, полно и счастливо в её жизни ещё не было. И никогда больше не будет.

1994 – 2003

ЗАТМЕНИЕ
Повесть

Моей жене Гале

Ничто его не берёт, сколько можно, каждое утро! А на вид дохлый и немолодой уже, к полтиннику, это как зарядка у него.

Скотина!..

Кирюхин лежит на спине, слышит, как над головой порывисто скрипит тахта, и не может подавить в себе острой неприязни, почти гадливости. Ещё месяц назад этот азартный ритмичный скрип заставлял его тянуться к жене, обхватывать её тёплое сонное тело, привлекать к себе. Он сглатывал, представляя белые вскинутые ноги соседки с четвёртого этажа, напряжённую спину её мужа, этого официанта хренова, слаженные удары бёдер, мокрый смачный звук, – и его рука пробиралась под Томину рубашку, ласкала, гладила, с нежной подрагивающей силой прихватывала слегка влажную грудь, скользила вниз к волнующе поросшему мыску…

Лишь бы не проснулась, думает теперь Кирюхин и потихоньку отодвигается от жены. Он слышит, как нарастают, убыстряются движения наверху, вот-вот сосед закричит, а это кого угодно разбудит. Кирюхин осторожно поднимается и уходит на кухню.

Козёл похотливый! Скотина!

Ещё темно, пять часов, можно бы поспать, сегодня за машинкой во вторую смену, не дал официант. Некоторое время Кирюхин топчется на кухне, курит, открыв форточку, на дворе весна, март, но он весеннего запаха не чувствует. Идёт в ванную умываться. Как больной, думает он, глядя на себя в зеркало. Подглазья и веки на-

брякли, лицо лимонного оттенка. Э, друг, надо что-то делать, официант здесь ни при чём. Каждую ночь Кирюхин просыпается часа в три, словно от лихорадочного шёпота: как ты можешь спать! как можешь!.. Ощущение то же, что и в Геленджике. Ужас перед тяжело ворочающейся силой – той, что под берегом и морем, под полями колышущихся маслянистых водорослей с мечущимися рыбами, под степью со скифскими могильниками и затянутыми землёй эллинскими городами, под нынешними селениями. Всё живое, хрупкое, дышащее, гонящее соки – ничтожный сор для угрюмой безжалостной силы. Раздавит и не заметит. Кирюхин лежит в постели, пробует уснуть, не получается, лежит до самого этого скрипа на четвёртом этаже.

Он знает, что надо делать.

В мастерской – бывшей кладовке – садится к столику, вокруг полочки с инструментом, тесно, хорошо. В белом свете круга от настольной лампы большая сильная лупа на штативе. Здесь уютно пахнет металлом, ацетоном и слегка пылью. Минуту Кирюхин сидит просто так, положив на стол расслабленные руки – лишь бы не стали дрожать!.. – потом достаёт заветную коробочку, осторожно открывает. На дне тускло светятся детальки. Кирюхин пинцетом захватывает одну, смотрит со всех сторон. Тончайшим бархатным надфилем подправляет в нескольких местах. Микрометр похож на небольшую элегантную подковку. Кирюхин проверяет размер, ещё несколькими лёгкими движениями надфиля прикасается к заготовке. Под лупой и она, и надфиль кажутся несоразмерно крупными, а появляющийся сбоку край ногтя – циклопическим, невероятно огромным. Кирюхин задерживает дыхание, двигает надфилем с чрезвычайной осторожностью, понемногу втягиваясь в работу. И нет уже официанта, нет судорожного панического шёпота, от которого он просыпается, нет унизительного животного страха.

Ещё в постели он помнит о том, что должен позвонить Нуриджанову. Тот тоже начальник отдела, но приближен к верхам, а там, по слухам, гоношат совместное

предприятие. Может, и ему, Кирюхину, место найдётся. Кирюхин думает о Нуриджанове с нежностью, он его почти любит, этого румяного человечка с густыми бровями, деликатного и умницу. Нуриджанов сказал сегодня позвонить, должно что-то проясниться. Кирюхин волнуется, думая об этом. Так он волновался всего несколько раз: когда в седьмом классе впервые поцеловался, когда защищал кандидатскую и ещё раз или два. Однако звонить рано, Нуриджанов наверняка спит. Вот сходит за молоком, тогда.

С приятными мыслями о Нуриджанове он одевается и выходит из дому. Улыбка теплится на его нездоровом лице. Совсем некстати вспоминает о Розиной просьбе. Вообще-то надо зайти, всё-таки они с Юрой приятели, почти друзья, насколько такое возможно в сорок лет. Не хочется. Это опять Розины насмешливые взгляды, недомолвки и едва замаскированные шпильки – о, женщины, ничтожество вам имя. А в общем-то, сам виноват, чёрт дёрнул, и перед Юрой свиньёй себя чувствуешь. Дробится под ногами застывшая за ночь мартовская слякоть – недотаявший крупчатый снег пополам с грязью, – и этот хруст сначала гулко раздаётся среди молчаливых многоэтажек с ярусами чёрных окон, потом звуку становится просторно, он не прыгает, не бьётся в стены, а успокоенно стелется над дорогой – это Кирюхин выходит к Ильинке, посёлку с вольно стоящими приземистыми домами. На тёмных деревьях хрипло пробуют голоса невидимые вороны.

Глупо, думает Кирюхин. На молоке экономим, а сапоги на такой дороге рвутся. Вспоминать о том, что купить новые теперь не получится, а эти сапоги у него единственные, Кирюхину не хочется, потому что сразу знакомо охватят тоска и безысходность, и он старается не думать ни о чём.

Шагает, слышит хруст под ногами, разрастающийся вороний грай, дышит холодным воздухом. Вот так, больше ничего. Какого чёрта, пробует он себя приободрить, нельзя быть таким малодушным! Руки есть, голова на плечах – вывернемся!

До того, как магазин откроется, почти два часа, но ещё от железнодорожных путей он видит чёрный

сгусток очереди у двери. Очередь по-утреннему неразговорчива и малоподвижна. Кирюхин спрашивает крайнего и молча стоит вместе со всеми, ждёт, чувствуя, как понемногу начинают мёрзнуть ноги, как всё больше холодит взмокшую от ходьбы спину. Скорее бы восемь, тогда впустят в магазин, там тепло. Резко покрикивают, притормаживая перед платформой, электрички – в Город и из Города, – тянутся низки освещённых вагонов, густыми красными пучками искрят внизу тормозные колодки. Если присмотреться, можно различить за окнами редких, в этот час дремлющих людей, всё как обычно, мирно и скучновато, обыденно, и Кирюхин смутно удивляется. Словно ничего не происходит.

Они что, не понимают, куда всё идёт?!

Светает понемногу. Будто в проявителе проступают брёвна в стене магазина. Резче очерчиваются штакетины невысокого заборчика. Явственнее лица стоящих в очереди. В основном это пенсионеры, но есть и молодые. А очередь не такая уж молчаливая. Старушка впереди вполголоса жалуется другой на сантехника Вовку, с которым без бутылки и разговаривать нечего, а попробуй эту бутылку купи, а сосед заливает каждую неделю, а ничего не скажи, грозится побить, вот такой сосед. Старушка понуро качает головой, её знакомая сочувственно поддакивает.

– За кого голосовала, бабушка? – спрашивает женщина в хорошем зимнем пальто с норковым воротником. В голосе её насмешка.

Старушка сразу тушуется. По привычке она начинает оправдываться, по привычке же лукавит:

– А кто написан был, за того… Чего я там понимаю? Все голосуют, и я… Нам-то чего, всё равно жизнь плохая…

– Не говори зря, не такая уж плохая была! – начальнически срезает женщина в добротном пальто. На вид ей лет пятьдесят, губы подкрашены, лицо породистое, с крупными чертами – она, похоже, не местная, не ильинская, а пришла, как и Кирюхин, за дешёвым молоком, хотя и говорит старухе «ты».

– Я разве чего… – бормочет старуха и почему-то оглядывается. – Как люди, так и я…

Женщина не слушает.

– Раньше ты пошла бы в райком или в газету написала, твоему бы Вовке вместе с соседом быстро хвост прижали. Правду говорю? Разве не так было? – Она произносит это громко, уверенно, чувствуется, что разговаривать с такими людьми она умеет. Очередь начинает прислушиваться. – А сейчас что? И придушит тебя сосед, я верю, например. Кому ты нужна? Милиции не до тебя, она с мафией разобраться не может, телевизор смотришь, должна знать. Партию разогнали. Нет сейчас власти, человек никому не нужен.

– А чего эта партия хорошего сделала?! Чего?! Сколько народу уничтожила, вы знаете? – вступает в разговор худенькая женщина предпенсионного возраста. Её простоватое лицо изможденно, но чёрные глаза смотрят горячо, истово. – На народной шее большевики сидели, а сам народ уничтожали в ГУЛАГе, вы только подумайте! Партократы проклятые! Я сорок два года на производстве – а что видела? До чего страну довели, а сами валютные счета за границей открывали и хоромы себе строили!.. – От возмущения у худенькой перехватывает горло, несколько мгновений она молчит. – Сейчас трудно, согласна. Но это временно, президент сказал, до осени. Посмотрите, как за границей люди живут. И мы так жили бы, если б не большевики проклятые!..

– Это вы не надо, не надо! Бросьте всё на партию валить, нашли козла отпущения!..

– Да как же не надо! Виноваты кругом, чего защищаете!

– Бросьте! Поначитались газет. Ельцин вам ещё покажет!..

Женщины принимаются спорить, каждая отстаивает своё. Кирюхин слушает их, но вмешиваться в разговор ему не хочется. К чему? Выпускают люди пар, ничего от слов не изменится. Вообще ни от него, ни от этих женщин ничего не зависит. Мы пыль на ветру. Где он это слышал?

– Ах, милые мои, как легко нас очаровать, – раздаёт-

ся ласковый голос за спиной. – Только поговори с нами по-человечески, посочувствуй бедам, пообещай поступать порядочно, когда у власти будешь… До чего же народ у нас хороший!

Тон для очереди необычный. Кирюхин оглядывается. Говорит мужчина с сухим ироничным лицом. В отличие от большинства пенсионеров он хорошо выбрит, одет в просторную куртку с незавидным брезентовым верхом, зато на настоящем меху – в разрезе ворота диковато торчит длинная тёмная шерсть. В такой и сорокаградусный мороз не страшен. Сам Кирюхин уже изрядно продрог, он топчется, постукивая ногой об ногу, мужчина ему неприятен своей уверенностью, тёплой курткой, снисходительным выражением лица.

– Мы всему верим, что нам ни пообещают. Коммунизм обещали – верили! Сейчас другое светлое будущее обещают, опять верим! Надо потерпеть? Потерпим! Мы, понимаете, очень вождей своих любим. Если прозреваем, так после их смерти. Все разом. Иначе никак у нас не выходит, вот такие мы!..

Все смолкают. Только что спорившие женщины смотрят настороженно – куда гнёт, за кого?

– Был такой хороший поэт в период застоя, как сейчас говорят. Умер уже. Так вот что он писал: «Всё, даже чих, звучащий свыше, простак с заглавной буквы пишет. В делах и праведных, и ложных лишь он опора на века. Без многих умников жить можно, а проживи без простака!..» – Мужчина тонко, желчно улыбается, щурит глаза. После паузы замечает необязательным тоном: – Ну да ладно, сколько уж об этом, скучно… Пойду-ка газеты куплю. Киоск на платформе открылся, похоже.

Он отходит, мягко ступая удобными тёплыми бурками – как только сохранились. Философ, думает Кирюхин. Детей вырастил, можно книги читать, витать мыслями и анализировать – на хлеб пенсии хватит. Какое-то время очередь молчит, потом раздаются слова:

– Еврей, наверно…

Очередь не возражает. Кирюхин усмехается.

Из магазина он возвращается в приподнятом на-

строении. Вся эта нервотрёпка – привезут молоко или нет, сколько фляг, достанется ли ему; к тому же продавщица может просто не дать, всех своих, поселковых, она знает, а он пришлый, – все эти переживания заканчиваются благополучно, молоко он купил, оба трёхлитровых бидончика, это удача. Три литра пойдут на каши, Антон и Верочка любят, из трёх других сделаем творог. Хорошо будет утром к чаю – на хлеб вместо масла.

Теперь не таким тягостным кажется зайти к Ваневым, это по дороге. Ещё издали Кирюхин высматривает возле подъезда Розу, гуляющую с Ампиром, но не видно – должно быть, вернулись домой. Как его Ампир не покусал, уму непостижимо. Большой чёрный дог с внимательными человеческими глазами. Они с Розой запирались в комнате, а пёс индифферентно дремал на коврике. Что с сорокалетними бабами происходит, женский вариант седины в бороду? Кирюхину она говорила, что с мужем себе такого не позволяет. Да уж…

На мгновение появляется лукавая вёрткая мыслишка, бесёнок поощрительно подмигивает, провокатор, высовывает быстрый красный язычок, делает характерное, двумя руками к бедрам, джиги-джиги, натягивающее движение, как буйно ликующий футболист, но Кирюхину не надо прилагать усилий, бесёнок сам по себе тускнеет, вянет, скоренько пропадает.

Если разобраться, суетливое и мелкое занятие. Недостойное. Даже постыдное. Вывод настолько естественен и сам собой разумеется, что Кирюхина смущает лишь одно – не слишком ли рано? А как же мужики, которые в шестьдесят детей рожают? Как официант с четвёртого этажа?..

Дверь открывает Роза. Взгляд у неё странный. Кирюхин преувеличенно неуклюже топчется в прихожей, шумно раздевается, бодрым голосом несёт шутливую ахинею, приличествующую между добрыми знакомыми, которые давно дружат домами. Ему кажется, всем этим он создаёт дистанцию между собой и Розой, никакого интима, но Роза верна себе, предупреждающе роняет вполголоса:

– Юра дома. – И после паузы, громче: – Опоздал.

О, женщины… Кирюхин проходит в комнату, при-

глаживает волосы и видит Юру, который суетливыми быстрыми движениями протирает пыль на мебели. Юра снуёт по комнате, он в рубахе распояской, ни на секунду не останавливается, едва замечает Кирюхина. Мимоходом, как-то вскользь суёт ему руку и тут же вырывает её. Ведёт себя Юра непривычно, странно, похоже, внутри у него бешено работает моторчик, который заставляет без конца торопиться, судорожно двигаться. Кирюхин оглядывается на Розу. Роза отвечает красноречивым взглядом.

– Где ваш зверь? А, ребята? Что-то не вижу. – Кирюхин пробует рассеять висящую в воздухе напряжённость, исправить ненормальность происходящего. Спрашивает он бодро, со смешком, подбрасывает и ловит в воздухе безделушку с телевизора.

Роза начинает шмыгать носом, Юра с хмурой деловитостью роняет:

– Он много ест, мы его не потянем. Вчера отвёл усыпить. Надо принимать меры. Иначе погибнем все.

Кирюхин не знает, что сказать. Так вот почему Роза зазывала его, ну и мудак же!.. Он старается не смотреть на Розу, а та уже явственно всхлипывает. Кирюхин принимается говорить. Всё не так уж плохо, ребята, есть точные сведения, что в мае институт получит крупный заказ от китайцев, – ты, Юра, знаешь, – отдел отзовут из административного, дадут хорошие оклады, надо только пережить это время, всё будет хорошо. Ну, ребята, уж Ельцину-то мы можем верить, а он чётко обещал, всё наладится. Юра, так же судорожно двигаясь с тряпкой, кивает, не поворачивая головы, соглашается, но Кирюхин понимает, что слова его звучат легковесно, несерьёзно. Орехи с высохшей сердцевиной, скорлупа пустого яйца. Весь институт с начала года тешит себя такими слухами.

– А в случае чего место на упаковке машинок без проблем, ребята! Концерн нуждается в крепких мужских руках. Какие наши годы, парни, выше голову!..

Наигрыш так очевиден, прёт в глаза, коробит самого Кирюхина, но он продолжает в том же духе. Здесь благодарны и за это. Роза зовёт на кухню пить чай, по пути показывает антресоли, доверху забитые пачками стирального порошка.

– Боится, что завшивеем. Снял с книжки последние деньги и купил. – Роза неуверенно улыбается, она не знает, смеяться или опять плакать. Юра стоит рядом, а она говорит так, словно речь о ком-то отсутствующем. – Валя, ну хоть ты посоветуй. Может, к психиатру его сводить? Ненормально же это, сам видишь!..

Юра молчит, будто разговор не о нём. Он весь в себе, по закаменевшему скуластому лицу с усами под Руцкого видно, каких усилий стоит ему не двигаться.

Через несколько минут Кирюхин и Роза во дворе. Пить чай он отказался – сейчас сахара не достанешь, зачем создавать людям проблемы, от себя отрывают. Роза идёт к остановке, ей в школу к третьему уроку. Кирюхин провожает.

– А я ничего не замечал, – говорит он, глядя под ноги. – Юра вроде как обычно – в автобусе каждый день вместе…

– Мне страшно, Валя, ты не представляешь! Релаиум ему уже плохо помогает, перед работой по пять штук принимает. Вдруг чего взбредёт в голову, ведь никаких гарантий, никаких! Вот и с Ампиром… – Роза замолкает, всхлипывает, ищет в сумочке платочек, осторожно промокает слегка раскосые подкрашенные глаза.

Пса в самом деле жалко. Здоровенный, красивый. Не любил, когда при нём рвали бумагу, – внимательные человеческие глаза делались яростными, чётко проступающие под гладкой чёрной шерстью мышцы мелко дрожали от напряжения – вот-вот кинется. Ещё не пускал Розу в туалет, считал, что она должна всё делать вместе с ним во дворе. Ситуация неподходящая, но Кирюхин не может сдержать улыбки.

– Если бы кто знал, как мне одиноко, если бы кто знал!.. – Роза поднимает глаза, смотрит на Кирюхина прямым, откровенным взглядом. – Валя, я от него уйду, честное слово! Опасно с таким, я ещё жить хочу. Валь?..

Кирюхин чувствует, как у него стягивает кожу на лице, как всего заполняет тяжёлая неожиданная злоба.

– Я тебе уйду! – обещает он сквозь зубы. – Я тебе уйду!..

Роза, дико взглянув на него, отстраняется. Так, молча, отчуждённо, они проделывают путь до автобусной остановки.

Насколько он виноват, что изменилось бы, если бы

тогда, после дня рождения, не полез к ней? Юра с Ампиром пошёл разводить по домам гостей, Тому тоже, а Кирюхин, чего уж там, едва держался на ногах, его оставили ночевать. «Перестань, – сердито шептала Роза, шлёпая по рукам, – ты что, с ума сошёл?!» Кирюхин ловил её ладонь, тянул вниз, к налившемуся, отвердевшему, смеялся.

Скотство, гадость, вспоминать тошно, но было. Или не в нём дело, это с Розой всё равно случилось бы, если была, в общем-то, готова? Дело за случаем, за соблазном? Ведь уступила, хотя он не слишком настаивал, ума хватило, всё как бы в шутку.

Ладно.

Тополя – как обнажённая арматура, скелеты с объеденной плотью. Кричат вороны, подаваясь от натуги вперёд и приседая, раскачивая тонкие ветки. Некоторые снимаются, летят за многоэтажки, неторопливо поводя по сторонам крупными носатыми башками. Вид у них такой, будто они что-то знают. Что?..

Если уж дал такой крюк, надо зайти в коммерческий. Интересно, почём сейчас машинки. Хорошо знать заранее, куда свою сдавать – здесь или в Городе лучше. Стальные двери комка «У Ларисы» – бывший стол заказов для ветеранов, – единственное окно забрано решёткой в виде расходящихся лучей. Самому дверь не открыть, в руках у Кирюхина по бидончику с молоком, надо ждать, когда кто-нибудь появится. Долго никого нет, но Кирюхин не торопится, отходит от разговора с Розой, впечатления от Юры. Наконец стальная дверь гремит и показывается какая-то женщина. Кирюхин, осторожно держа бидончики в приподнятых руках, боком проскакивает внутрь.

Все эти комки – ларьки, отделы и целые магазинчики, расплодившиеся в последнее время, – он не любит, цены в них вызывают острое чувство неполноценности. Но сейчас ощущение другое. Кирюхину хочется, чтобы машинки стоили как можно дороже, пусть цены будут дикие, несусветные – чем выше, тем лучше. Тогда его тупой труд в концерне, час туда в автобусе и час обратно будут что-нибудь значить. Появится варёная колбаса к завтраку, можно будет покупать масло и белый хлеб.

В магазинчике почти никого, хорошо одетая молодая продавщица смотрит по цветному телевизору бесконечный сериал о плачущих богатых, в стороне рослый парень в кожаной куртке разговаривает с её подругой, слышен сдержанный смешок, тон разговора странный: одновременно игривый и деловой.

Кирюхин ищет глазами на полках швейные машинки, слышит обрывки фраз: полторы штуки в баксах… ну что ты, Европа, не обижают… брось, самой интересно, как там у немецких мужиков… наших в Германии любят, спасибо Горбачёву…

Сначала Кирюхин подумал, что парень в богатой кожаной куртке охранник – сейчас они в каждой коммерческой лавке, – но голос с низкими доверительными модуляциями кажется ему знакомым, и Кирюхин становится так, чтобы увидеть лицо парня. Всё верно, Гена Ратников. Знаменит тем, что как-то в компании заявил, что он находка для любой женщины. С тех пор его в институте прозвали Находкой.

– Привет, – здоровается Кирюхин и с отвращением слышит подобострастие в своём голосе. Полгода, как Гена уволился из института, говорят, ударился в коммерцию, ездит в Польшу, Турцию и, по слухам, дела у него идут неплохо. Похоже, что так, – одна куртка на нём стоит многие тысячи.

– Здравствуйте. – Гена узнает Кирюхина не сразу. Наконец протягивает руку. – Здравствуйте, Валентин Семёнович.

Кирюхин суетливо ищет, куда бы поставить бидончик, пожимает Генину руку.

– Товар сдаёшь?

– Да как сказать… – Гена с улыбкой смотрит на симпатичную продавщицу, та дёргает плечом, улыбается тоже и скользит глазами в сторону. Улыбка у неё высокомерная и неловкая сразу, будто их застали за чем-то нехорошим. – Ну, ладно, Валюшка, ты подумай. Игра стоит свеч. И смотри на это, как на работу, понимаешь?.. – И уже Кирюхину: – Вы домой, Валентин Семёнович? Подвезти?

У Гены белая «вольво», в таких Кирюхин ещё не ездил.

Ход у машины плавный, беззвучный, за всю дорогу молоко ни разу не плеснуло. На все вопросы Гена отвечает с готовностью, но немногословно, будто что-то недоговаривает. Да, ездит за границу, покупает здесь, продает там. И наоборот. Сейчас этому не препятствуют, был бы начальный капитал и желание. Но есть бизнес посолиднее. Надо только проявить инициативу, занять нишу, пока свободна. Как кошмар вспоминает работу в институте – каждый день от звонка до звонка, за копейки. Сейчас его никакой силой назад не затащишь. Ваш этот подъезд? Неудобно «рафик» встал, но ничего, развернёмся…

Кирюхин выбирается из «вольво», благодарит Гену. Мелькает сумасшедшая мысль: может, попроситься к нему в помощники?.. Не возьмет, только унижаться. Интересно, о каком бизнесе он говорит? Вообще-то Кирюхин догадывается, но почему же ни тени неловкости в Генином голосе, ведь нормальный же парень. Чем-то в комитете комсомола занимался.

Господи, каким всё оказалось непрочным, неглубоким! Даже мысли не могло прийти, что всё так легко рассыплется. Почему? Или наоборот, это естественней, а что было раньше – вымучено и всё время требовало усилий, чтобы оставаться, существовать? Но какое же подлое мурло у этого естественного! Какое сволочное! Оцепенение и ужас.

Пролёты лестницы чутки к любому звуку, и ещё у почтовых ящиков Кирюхин слышит сопение, прерывистые сдавленные голоса сверху. На свой этаж Кирюхин идёт пешком – лифт опять не работает – и на одной из площадок видит передыхающих возле огромного двухкамерного холодильника Официанта и ещё какого-то мужика, наверно, шофёра «рафика», который стоит внизу. Взгляд у Официанта быстрый, оценивающий, неуверенный, и Кирюхин догадывается: тот не знает, просить или нет, чтобы помог, – они всего лишь здороваются, никогда не останавливались, не разговаривали. Секунду Кирюхин колеблется, но потом всё-таки ставит в безопасный угол бидончики.

– Помочь?

– Помоги, сосед! Запарился с этой бандурой, ну её!.. – Официант хозяйственно суетлив, он ухватывается тонкокостными белыми пальцами за брусок упаковки, даёт рядом место Кирюхину, и втроём они тащат неудобную тушу холодильника с этажа на этаж.

Кирюхин быстро сдаёт – сказывается, что мало спит, – уже после первого лестничного марша он мокрый, но шершавого занозистого бруска из рук не выпускает. Толкаясь, тяжело дыша, они наконец заносят холодильник в квартиру.

– Сюда… на лоджию… – Официант пятится впереди, открывая задом дверь из прихожей в комнату, и Кирюхин с приглушённым усталостью любопытством косит глазом на тахту. И в самом деле, прямо над их с Томой постелью. Ежеутренние битвы под знамёнами Венеры, чёрт бы его побрал! И ведь не скажешь, чтобы передвинули, – не по-мужски, и себя выдашь. Да и какое у него право распоряжаться, где и что должно стоять в чужой квартире.

– Выпить, мужики, не предлагаю, – говорит, едва отдышавшись, Официант. И довольно, сметливо смотрит то на шофёра, то на Кирюхина. – А вот сувениры примите. Хорошие сувениры, отвечаю! – Он вытаскивает из джинсов бумажник, двумя ловкими пальцами вылавливает по зелёной бумажке. Передавая одну Кирюхину, поощрительно улыбается: – Кандидат наук сегодня на меня работал, то ещё событие!.. Заходи, сосед, если что. За мной не пропадёт.

Только дома Кирюхин рассматривает бумажку. На ней человек в буклях и надпись one dollar.

Кирюхин до хруста в пальцах сжимает купюру. Какое-то время стоит неподвижно.

Это удивительная вещь – метаморфозы, которые происходят в его сознании с Нуриджановым. Раньше Нуриджанов был просто коллегой – умным, доброжелательным, осторожным, – а сейчас Кирюхину важно знать, как Нуриджанов поднимается по утрам, о чём говорит с семьёй за завтраком, какие сигареты курит, как шнурует в прихожей ботинки. Всякая мелочь стала значимой и ве-

сомой, приобретает сокровенный смысл, словно Нуриджанов не такой же начальник отдела, как сам Кирюхин, а президент Соединенных Штатов, самое малое.

Кирюхин чувствует, что всё больше и больше любит Нуриджанова. В детстве он так относился к взрослым людям – сильным и могущим всё. Его обожание таково, что Кирюхин готов сбегать для Нуриджанова за сигаретами, если понадобится. Что сигареты, надо будет – почистит туфли, выгуляет собаку. И не будет считать это унижением, а знаком доверия и ответной любви.

Он волнуется, набирая номер. Представляет, как в квартире Нуриджановых звонит телефон, как смуглорумяный, со сросшимися бровями Нуриджанов подходит к аппарату – возможно, он брился. Одна щека в пене, через плечо переброшено полотенце, – и эти обыденные подробности заставляют сердце Кирюхина сжиматься от нежности.

– Здравствуй, Сергей Завенович. Кирюхин.

Нет, не Нуриджанов, поторопился. Голос похож, но не тот, слишком правильный, без намёка на акцент, как порой бывает у интеллигентных армян. Ответивший голос вполне здешний, акающий – сын.

– Отец где? Мы с ним договаривались созвониться.

– Его нет, он ушёл.

– Так рано?.. – Кирюхин медлит. Хотя, в общем-то, почему рано, уже часов десять, просто не ожидал. – А когда будет, не сказал?

– Нет, ничего не говорил. – Выжидательное молчание на другом конце провода.

– Ну, ладно. Если увидишь, передай, я ещё позвоню. Или пусть сам позвонит, я до часа дома.

Кирюхин кладёт трубку. Он немного раздосадован, оскомное ощущение неудачи. Не то чтобы чувствует разочарование в Нуриджанове, но тот начинает ему казаться не таким уж необыкновенным человеком. Кирюхину понятны происходящие с ним метаморфозы, он сам себе неприятен, но нельзя дать этому гадливому чувству разрастаться, нельзя! Спокойно, вдох-выдох. Слишком многое от его выдержки теперь зависит.

В мастерскую. В уют настольной лампы, запах металла, тихое свечение деталей. Всё нормально. Всё так. Спокойно.

Иногда он пробует понять, почему его так влечёт к этому бесполезному, можно сказать, никчемному делу – микромоделированию. Отчего нравится мир маленьких вещей, которые, как настоящие, двигаются, ползают, едва слышно тоненько жужжат. В институте считают, что у него золотые руки, мог бы подрабатывать ремонтом часов, тех же швейных машинок или электробритв. А то и начать своё дело, сейчас это запросто, открыть мастерскую – по крайней мере, всё было бы на совесть, с гарантией, не то, что у этих обормотов из рембыттехники, они умеют только деньги драть. Кирюхин слушает такие речи и улыбается. И не спешит расклеивать на остановках объявления с предложением услуг, хотя деньги семье очень нужны.

Может, это из детства, из пяти-шести лет, когда ему особенно нравились щенята, лилипуты в цирке, только что опушившиеся и умещающиеся на ладони крольчата в сарае у липецкого деда – всё настоящее, маленькое, славное, уютный понятный мир. Ребята на катушке из-под ниток нарезали зубчики, вставляли в отверстие двойную резинку, закрепляли с одной стороны обломком спички, с другой небольшой палочкой или огрызком карандаша – получался маленький трактор. Или вездеход, кому что нравится. Надо лишь завести его, то есть накрутить резинку, опустить, придерживая, на пол, и он полз вперёд, а иногда, к восторгу маленького Кирюхина, даже пробуксовывал. Совсем как всамделишный. Валя мечтал раздобыть особые зёрнышки пшеницы, вспахать трактором из катушки поле у липецкого деда на огороде, засеять, и чтобы пшеница выросла обязательно небольшая, с иголку высотой, но с настоящими маленькими колосками.

Взрывается телефон. Кирюхин вздрагивает. С сожалением откладывает полусобранную модель двадцать девятого «МиГа», трёт уставшие глаза и думает, что нервы ни к чёрту. В его душе ничто не шевельнулось, никакого предчувствия. Идёт в прихожую, спокойно берёт трубку.

– Пап, ты только не волнуйся, – голос у Антона приглушённый, виноватый. Он замолкает.

Кирюхин всё ещё спокоен, разве что слегка настораживается.

– Что такое?

– Не знаю, как сказать…

– Говори, как есть, не кокетничай.

– Маме ничего не говори, ладно?

– Хватит торговаться, Ботанищев. Я занят. Что у тебя?

– Понимаешь, я в больнице сейчас. – Чувствуется, сын подбирает слова, и Кирюхин задерживает дыхание, тотчас ударяют барабаны паники, в комок сжимается внизу мошонка. – Царапнулся я, короче. Так, ерунда, ты не волнуйся. Пару дней придётся здесь поваляться. Короче, всё нормально.

Кирюхин звереет:

– Оставь это быдловское «короче»! Как поцарапался?! Не пудри мне мозги! Ты в каком отделении? – Он кричит, в нём ничего не осталось, только страх и злоба. – Говори!

– Папа, спокойно, – слышит он серьёзный, уже без деланной развязности голос Антона. – Я специально тебе звоню, а не маме… Пожалуйста.

Кирюхину делается неловко. Разорался как баба. Всё чаще он замечает за сыном этот снисходительный тон, нет, не обидный, а как бы покровительственный, родственный, словно старше не он, а Антон.

– Я сейчас приеду, – говорит он сухо. – Какая палата?

– Шестьсот двадцать третья.

– Хорошо.

Так, шестой этаж. Это хирургия. Спокойно. Раз сумел подойти к телефону, не так уж всё плохо. Поцарапался… Кто мог? За что?.. Сейчас ни за что могут! Ладно, без паники. Где шапка? Где, твою мать, шапка?! Так, шарф, куртка. Антошка родился семимесячным, страшненьким, у него сердце сжималось, когда он укладывал сына на руку, почти весь в ладони, опускал в ванночку с водой, подкрашенной марганцем, осторожно, чтобы не испугать, поливал на животик, на подпревающий па-

шок, на худенькие ножки. И какая-то сволочь ударила его ребёнка ножом – задавлю, голыми руками задавлю!..

Лестница, подъезд, салон автобуса, ненужные люди, на всём метка несчастья и тревоги. В холле больницы почти никого, краснолицая пенсионерка в белом халате пропускает его к лифту.

В палате он видит Антона сразу же. Бледноват, но ничего, спокоен. На голой груди толстый марлевый тампон, схваченный по бокам лейкопластырем. Капельницы рядом нет, это хорошо.

– Значит, сачкуешь. – Кирюхин изображает улыбку. Он ищет глазами стул, задевает его ножкой кровать и замечает, как боль меняет лицо сына. – Все на лекциях, а ты здесь отлёживаешься. Скверно, брат Ботанищев.

Сын тоже улыбается, но улыбка вымученная, видно, что ему всё ещё больно от нечаянного удара по кровати.

– Отлежусь. Всё нормально, пап.

– Ножом? – спрашивает Кирюхин и напряжённо подаётся вперед.

– Наверно. – Сын отводит глаза, и Кирюхин готов взорваться: Антон всегда был скрытен, добиться от него прямого ответа тяжело было даже в детстве. Почти ни на что не надеясь, он всё же спрашивает:

– Кто? Знаешь?

Антон молчит.

– Ты должен понимать, – как можно спокойней говорит Кирюхин, – я эту сволочь всё равно найду. Найду!.. И милиция будет брать с тебя показания. Уже приходили?

– Пока нет.

– Придут! Так что говори.

Антон осторожно, как бы невзначай смотрит по сторонам (в палате лежат ещё трое человек, Кирюхин их сейчас не воспринимает), и хотя говорят они и так вполголоса, Антон просит отца нагнуться.

– Ну?

– Папа, не надо! Хуже будет! – шепчет он.

– Ты что говоришь! – также лихорадочным шёпотом возмущается Кирюхин. Он чувствует, что сын в эту минуту особенно близок и родствен, и сердце рвётся на

части от жалости и любви к нему. – Ты что говоришь! Куда хуже?!

– Хуже будет, папа, – убеждённо повторяет Антон. – Я знаю.

Кирюхин выпрямляется, внимательно и отчуждённо смотрит на сына. Опять этот снисходительно сожалеющий тон, будто Антон знает то, чего он, отец, ещё не понял.

– Не Сицилия же у нас, в конце концов!..

Антон ничего не отвечает, он опять спокоен, толстые мальчишечьи губы, обычно красные, сочные, теперь с заметным сиреневым оттенком – от потери крови, должно быть.

– Из-за твоей коммерции? – напрямик спрашивает Кирюхин.

Сын опять уклончив, будто не он только что горячо, искренне шептал ему на ухо.

– Возможно.

Кирюхин громко вздыхает, со сдержанным осуждением поводит головой. Сейчас от Антона ничего не добьёшься. Ладно, не время и не место. Потом.

Он находит врача, делавшего операцию. Невысокий крепыш лет тридцати с густой и короткой хемингуэевской бородой. Пациент поступил в десять часов, ножевое ранение в верхнюю часть левой половины грудной клетки, состояние средней тяжести. Удар, по счастью, пришёлся на ключичную кость, нож скользнул, глубина раны шесть сантиметров, жизненно важные органы не задеты. Да, шесть сантиметров это немного, всё могло быть значительно хуже. Нет, дежурить не нужно, есть можно всё. Не за что, нам за это деньги платят. До свидания.

Кирюхин выходит из больницы и чувствует, что нужно сесть. Как когда-то в Геленджике, он ощущает зыбкость земли, беспощадные глубинные сдвиги коры, для которых ни он, ни пронзительно родные люди, ни эти чёрные мартовские деревья, ни дома, среди которых он вырос, ничего не значат. Инфузории со своими ничтожными жизнями. Несомая ветром пыль. Кирюхин находит лавочку в больничном сквере, торопливо опускается, закуривает прыгающими пальцами. В десять

часов. А он ничего не почувствовал. Погодите, скоты, я вас достану! Я вас достану, ублюдки!.. Парню девятнадцать, и кроссовки новые хочется, и пуховик, и слаксы. Девчонкам пыль в глаза пустить – закурить «Мальборо», небрежно вытащить из сумки бутылку импортного шампанского с золотой, обёрнутой фольгой головкой, – Кирюхин сам помнит, в таком возрасте человек ты или дерьмо зависит от того, во что одет, что куришь. Стадное чувство, молодой жестокий снобизм, который с годами выветривается. А институт отца второй год трясёт, зарплаты едва хватает на самое необходимое, с нового года всех вообще отправили в административный отпуск. Об Антоновой стипендии говорить смешно. Ещё летом стал приторговывать. Кирюхин с интересом смотрел на сына. Домашний тихий мальчишка, предприимчивости за ним не замечалось, а вот, пожалуйста, выходил по вечерам к гастроному, предлагал идущим с работы молоко и кефир – специально ездил за ними в Город, там они даже дешевле, чем на Ильинке. И не стеснялся…

Ладно. Хорошо.

Как с Томой быть? Кирюхин поднимается с лавки, переходит улицу, направляется к Дому пионеров, там работает жена. Стоит ли теперь говорить? Последние несколько недель он только и слышит от Томы взвинченные монологи о хватких ребятах из мэрии. Несколько этажей в доставшемся им здании горкома эти шустрые ребята сдают коммерческим структурам, а сами понемногу прибирают к рукам площади беззащитных контор. Дом пионеров хотят занять под гуманитарную помощь. Похоже, собрались ею всю жизнь кормиться. Тома уже и в газеты писала, и в центральный совет детских организаций ездила, и к городскому прокурору ходила. Из газет просто не отвечают, все остальные только сочувствуют и разводят руками. Демократия, власть на местах. Такая сейчас установка. Тома дёргается, смотрит на него ранеными глазами, – а чем он может помочь? И это постоянное чувство вины перед ней, хотя она ничего не говорит… Нет, к Томе сейчас нельзя. Узнает, но позже. Надо подготовить. Позвонить

тёте Груше? Та сможет что-нибудь сварить и посидит сегодня с Антоном.

Возле гастронома, известного тем, что когда-то он снабжался из Города, по первой категории, несколько рядов дощатых стоек – здесь небольшой рынок. Парниковая зелень, картошка из деревенского погреба, восково-белые вилки капусты, парное мясо – говядина и свинина. За стойками мужики и бабы с крепкими, сизыми от стояния на холоде лицами, в дешёвых болоньевых куртках.

То ли Кирюхину кажется, то ли так на самом деле, но мужики и бабы выглядят основательнее, уверенней, голоса у них громче, чем несколько лет назад. Довольство независимых людей видится Кирюхину в их лицах и позах. Они не церемонятся с опасливо подходящими покупателями, цену называют без смущения и пожимают плечами: «Дорого, так не бери! Машина навоза, знаешь, почём сейчас? А штаны купить?.. Зайди в магазин, глянь».

Когда Кирюхин видит не только деревенских, но и обычных работяг с завода или стройки, он ловит себя на том, что завидует им. Как уверенно эти люди себя чувствуют! Не только теперь – вообще. Никогда не перестанут класть дома или обрабатывать металл, пусть даже в кустарных мастерских, если уж до того дойдёт. Они в любом случае выживут. И не надо работягам заглядывать в рот начальству, соизмерять свои слова и поступки с его мнением – токарь или шофёр всегда найдёт себе место. Это только разговоры насчёт безработицы и закрывающихся заводов. Разгоняют конторы и институты.

Мысль идёт дальше, и Кирюхину становится нехорошо: как он повязан цивилизацией! как уязвим! Он был рад до чёртиков, когда отец познакомился в доме отдыха с женщиной и уехал на Алтай – вся квартира, пусть и двухкомнатная, осталась его кагалу. Но отключи в этой квартире газ, электричество или хотя бы воду – как жить?! Простой печки нет, чтобы наломать во дворе веток и сварить суп. Костёр посреди кухни?.. Да и надолго ли этих веток хватит, ведь сбежится народ со всех домов, вырвет во дворе деревья с корнями. А за водой – с вёдрами на Пехорку?..

Кирюхин никак не может избавиться от мысли, что в какой-то момент жизни его здорово надули, бесчеловечно обманули, подло подставили.

Скоты, думает Кирюхин. Скоты!

Один из торгующих – мужичок в грубошёрстной, из нутрии, шапке и свалявшемся полушубке из искусственного меха – кажется Кирюхину знакомым.

Вроде бы не до того, все мысли там, в больнице, с Антоном, но Кирюхин, как и утром в комке, когда встретил Гену-Находку, приостанавливается, внимательно смотрит на мужичка. Делает вид, что закуривает. Мужичок сначала подбирается, принимая его за покупателя, готов уже заговорить, расхваливать товар, но, задержав на Кирюхине взгляд чуть дольше, поспешно его отводит. Принимается равнодушно перекладывать перед собой широкие, тяжело гнущиеся красно-белые пластины свинины. И это убеждает Кирюхина окончательно, что он не ошибся.

(Детское воспоминание: свадьба в избе липецкого деда, пьяные громкоголосые люди, нестройно играет баян, воздух синий от дыма, а в торце длинного стола сидит худой парень. Парень в костюме и в белой, застёгнутой на все пуговицы рубашке без галстука, вид у него то ли испуганный, то ли стесняющийся. Рядом с парнем невеста с толстым лицом и в удивительно не идущей этому грубому лицу фате. «Федька! Смотри мне!..» – кричит пьяненький липецкий дед и трясёт кулаком перед собой. Он говорит уличные слова и показывает пальцем на невесту, гости хохочут, невеста тоже прыскает, но положение обязывает, и она опускает своё большое лицо, стыдливо прикрывается краем фаты. Жених – с мелкими чертами лица и острым носом – конфузится, подаётся в сторону от невесты. «Иди к ребятам, погуляй», – говорит мама и выпроваживает маленького Кирюхина из-за стола. Она тоже оживлена, чувствуется, происходящее ей по душе, здесь она своя, и Валя удивляется и недоумевает – его самого эти крики, эти пьяные люди, их грубые слова пугают).

Маминого брата Фёдора он видел ещё раз. Тогда

Кирюхин уже учился в институте, и на Новый год Фёдор привёз своих двойняшек. Мама взяла им билеты на ёлку в ДК. Молчаливые деревенские девочки, забывавшие сливать воду в туалете, они по вечерам шуршали фантиками и шёпотом ссорились, перебирая содержимое пакетов с подарками. Фёдор почти не изменился, лицо подростка, правда, уже в морщинах, и всё та же неуверенная улыбка. Валентину он говорил «вы» и был, в общем-то, ему неинтересен.

Фёдор и сейчас мало чем отличался от себя двадцатилетнего – есть такой тип, Кирюхин читал, что-то там у них не в порядке с эндокринной системой. Оригинал, однако. Делает вид, что его не знает. Самоуглублённо перебирает шматы свинины. Ну-ну.

И какого чёрта он уставился на этого недоноска?!

Тётя Груша живёт в общежитии для малосемейных. Вахтёр за столом, телефон-автомат на стене, стойкий запах общей кухни. Слава богу, тётка дома. Встречает она Кирюхина радостно, старушке скучно одной.

– Веришь, я сегодня вспоминала о вас! – восклицает она и лучится морщинистым лицом, так похожим на лицо покойной матери Кирюхина. – Телепатия прямо!.. Рассказывай, как у вас? Да не снимай ты обуви, так проходи! Давай сюда, к столу, чай пить будем. Или чего покрепче скажешь? Ты не стесняйся, у меня есть, скажи только!..

Радость тётки, похоже, вызвана ещё одной причиной – от неё попахивает самогоном. Не по возрасту сноровисто накрывает на стол, между делом рассказывает о своей жизни. На пенсии Груша давно, но без дела не сидит, вяжет варежки и носки, ездит с ними на толкучку.

– Ты только подумай, Валя! Шарахнулся от меня, как от чумы! – вдруг в сердцах говорит она, останавливаясь посреди своей двенадцатиметровки с тарелкой в руках. И возмущённо смотрит на Кирюхина: – С какой стати? Что, я мяса у него попросила? Отродясь не побиралась и сейчас не буду. Аж перекосился весь! Брат! Да пропади ты пропадом со своим мясом, нужно оно мне!..

Кирюхин уже догадывается, о ком речь, но тем не менее бросает на тётку удивлённый взгляд.

– Ты что, крёстная? Про кого говоришь?

– Да про Федьку, сегодня встретила! Обидно, Валь. Что я ему сделала, чтобы прятаться от родной сестры? Да он, заморыш, первый сдох бы, если б я в войну сахарин в лаборатории не делала и не торговала по деревням!..

Кирюхин плохо ориентируется в разветвлённом генеалогическом древе своей липецкой родни, кроме давно умершего деда, тёти Груши да ещё вот Фёдора, он никого не знает. Он родился здесь, здесь учился, здесь работает и деревенских своих корней почти не ощущает. Мать умерла, умрёт крёстная – они и вовсе оборвутся. Неинтересны ему эти отношения, скучны. Да и не до этого сейчас. Нельзя засиживаться, через полчаса автобус.

– Крёстная, у меня к тебе дело…

– Такая благодарность, Валь! Как хочешь, а обидно! – перебивает тётка. Она всё не может успокоиться. – Меня за этот сахарин под трибунал могли! Мне одной много ли надо? Я о них думала, чтобы с голодухи не померли. Тогда строго было, чуть что – статью в зубы и в тюрьму!.. А потом, когда Федька за колбасой приезжал, – что у них в деревне было-то? И бутылку поставлю, и деньгами помогу. Ни разу не попрекнула ведь, слова не сказала!..

В конце концов, Кирюхину удаётся утихомирить крёстную. Когда он рассказывает, зачем пришёл, Груша обеими руками хватается за щёки, горестно качает головой. Ой, несчастье! Ой, беда!.. Но тут же деловито начинает прикидывать, что можно по-быстрому приготовить и когда будет в больнице. Похоже, она даже довольна – появилась в ней нужда.

Кирюхина немного отпускает. Он оставляет крёстной те небольшие деньги, что у него были, и спешит на автобус. Сегодня в концерне надо быть обязательно. Начнут давать справки на машинки.

Он вдруг остро чувствует, как устал. Опустошён, почти физически чувствует себя полым – ни мыслей, ни желаний. Последние несколько недель, с тех пор, как началась бессонница, он вял, не может читать, думать о чём-либо более или менее серьёзном, выходящем за пределы обыденных семейных забот. Уже кажется

странным, что гаситель турбулентности на новых машинах – самая, пожалуй, изящная разработка института последних двух-трёх лет – в том числе и его дело. Собирались даже выдвигать на Госпремию, но её в прошлом году прикрыли. Неужели смог такое?.. Сейчас он другой человек. Отскочивший кусок асфальта. Скомканная обёртка от мороженого. В мокрых мартовских деревьях больше интеллекта, чем в нём.

По улицам движется оболочка сорокалетнего мужчины с бледным, нездоровым лицом, небритый – забыл за всей этой нервотрёпкой. Таким опустошённым, полым Кирюхин был только в медовый месяц, когда они с Томой ночи напролёт трахались в Геленджике среди стрекота степных кузнечиков и морского воздуха – тонкого, шелковистого. Потом целыми днями спали у себя в комнате, даже на пляже почти не появлялись. Но тогда опустошённость была понятна. Жизнь иссякала в нём, чтобы появлялась новая, Антошка, запульсировала эмбрионом в Тамаре. Всего этого он ещё не понимал, просто гонял Тамару до одурения, до стёртой кожицы, до сукровицы, но смысл был именно такой.

В чём сейчас?..

Всё безразлично. Нет сил даже думать. Слякотный асфальт, бесцветные люди, дома и машины – всё мимо. Исчезни разом, пропади, ничто не шевельнулось бы в душе Кирюхина. Да и где душа? Не чувствует её в себе Кирюхин. Забиться бы куда-нибудь в угол – не трогайте меня. Устал.

Он так и делает. Занимает место в самом конце автобуса, благо, автобус пуст, здесь конечная. Приваливается плечом и головой к стеклу, закрывает глаза. Всё, час езды до концерна, час покоя. Всё. Говорил же засранцу, предупреждал – допрыгаешься! Бизнесмен паршивый, молока с кефиром ему мало, доходы не те, а кругом гребут. Когда пропали дедовы медали, надо было душу вытрясти, но узнать, куда дел. Куда – ясно, перекупщикам, – но как посмел? А с другой стороны, не станешь же драть ремнём, стыдно, здоровый лоб, на втором курсе института. И молчит как партизан, монотонно заладил: я не брал, это Вера. И так упорно, что он стал сомневаться – может,

и в самом деле дочь? Взяла показать подружкам и – потеряла. Верочка смотрит испуганными глазами, трясёт головой, нет, папа, не я. И этот обормот стоит на своём, хоть пугай его, хоть обнимай за плечи и говори по-человечески. Упёрся, и всё: я не брал. Он даже растерялся – что делать? Не станешь же в милицию звонить, чтобы разобрались, куда из дома подевались медали?..

Ладно, всё. Хватит, не думать ни о чём. Кирюхин заставляет себя представить круг света от настольной лампы, уютную тесноту своей каморки. Сокровенно лучатся детальки, похожие в коробке из-под запонок на драгоценные вещицы. Хорошо. Покойно. Об этом и думать, на этом и сосредоточиться.

Прежде чем выехать за пределы их городка, автобус делает две остановки, у «Океана» и на Лацкова. Он только ещё притормаживает, а Кирюхин, не открывая глаз и скользя плечом по стеклу вперёд, представляет мужчин и женщин, одетых похуже, толпящихся у жестяного флажка с автобусным расписанием. Озабоченные, алчные какие-то лица с быстрыми глазами – всем хочется сесть, дорога неблизкая, – бьют по ногам забрызганные грязью целлофановые пакеты с бутербродами и термосами, все бросаются, как стадо, к дверям автобуса…

Именно эти люди делают лучшие в мире перехватчики. Конечно, половина бездельники, балласт, но разве непонятно, что т а к и е КБ разгонять нельзя? Интересы у государства одни и те же, кто бы ни правил. Россия слишком большая, чтобы быть на побегушках. Даже Франция свою игру ведёт. Хочешь, не хочешь, не получится быть нейтральной Швейцарией. Очередное головокружение от успехов, теперь демократических. И хрен бы с вами – но почему за мой счёт? В чём я, в чём моя семья виновата, что вы, бездари, оказались у власти? Даже скотине, если уж в хлев поставили, не дают сдохнуть. Даже скотине! Почему ваши игры за наш счёт?!

Перестань, говорит себе Кирюхин. Перестань, принимай, как должное. Всё у нас через жопу. Всё. Ну их!..

Он чувствует, как рядом кто-то садится. Хорошо,

если незнакомый, но на всякий случай Кирюхин даже приоткрывает рот – пусть думают, что спит. Ни разговаривать, ни видеть кого-либо он сейчас не в состоянии. Журчат впереди два женских голоса, в смысл слов Кирюхин не вникает. Вскользь отмечает: женщины стойче нас, так не дёргаются. Позавидуешь. Автобус покачивает, голоса впереди умиротворённые, ажиотаж, вызванный посадкой, проходит. Всё это вместе действует на Кирюхина успокаивающе. Ехать бы так и ехать, чтобы никогда не нужно было вставать, двигаться, думать, что-то делать – жить.

Помимо воли он начинает вслушиваться в слова женщин. Сторожевые центры сработали, выделили что-то важное в разговоре. Кирюхин с неохотой, с отвращением, но всё же выходит из бессильной апатии, пытается различить говоримое – проносящиеся встречные машины на время перекрывают в автобусе все звуки. Речь о заграница, у одной из женщин там муж по приглашению. Он на днях звонил, говорил, что есть возможность получить гражданство. Аргентина – самая цивилизованная в Латинской Америке страна, всё как в Европе, и уровень жизни приличный. Лишь бы не завёл себе какую-нибудь сеньору. Женщины смеются.

Кирюхину не надо напрягаться, строить догадки – ему знакомы такие люди. На первый взгляд, как все, ничем не выделяются – ни зарплатой, ни положением в институте, но существуют слегка обособленно. Явно это проявляется в праздники, когда приглашают в гости по неведомому признаку, и хотя атмосфера их застолий основательно подразбавлена повсеместной итээровской незатейливостью, есть что-то и своё – то ли лёгкий выпендрёж, то ли шарм. В их квартирах до сих пор встречаются антикварные вещицы, а в семейных альбомах можно увидеть мужчин в бородах и усах, тесных воротничках и женщин в длинных платьях с тяжёлыми складками. Или вдруг узнаёшь, что за очень посредственного Терлецкого просил академик и лауреат Ленинской премии. С чего вдруг?.. При Брежневе они особенно не афишировали, что у них есть родственни-

ки т а м, а во времена Горбачёва, с конца восьмидесятых, стали ездить за границу в гости. И секретность работы больше не мешала. Потом стали уезжать навсегда. Знакомым писали, что за границей можно делать то же, что в институте, а жить тем не менее в загородных домах с бассейнами, отпуск проводить где-нибудь на Гаити или в Италии, среди античных развалин.

Не светит, думает о себе Кирюхин. Рылом не вышел, нет благородных кровей. Родственники у него одни – от сохи, липецкие. Отец детдомовский, с той стороны вообще никого.

– Не спи, замёрзнешь!.. Ладно, ладно, подъём.

Голос Юры Ванеева. Кирюхину глаза открывать не хочется, разговаривать не хочется, но Юра не отстаёт:

– Проснись, красавица, пора!.. Ну что ты, в самом деле, не спишь, вижу. Здесь у меня такая новость – закачаешься!..

Кирюхин знает, от Юры не отвязаться, и, посидев ещё несколько секунд расслабленно, делает вид, что просыпается, даже зевает и слегка потягивается. Вообще-то он удивлён, голос у Юры спокойный, уверенный, почти вальяжный. А когда Кирюхин останавливает на приятеле медленный взгляд всё ещё сонного человека, то замечает, что от судорожного утреннего Юры нет и следа. Широкое лицо Ванеева вполне осмысленно, роскошные, под Руцкого, усы шевелит добродушная улыбка.

– А где молодой? – спрашивает Кирюхин, сладко зевая. Он старается изо всех сил, ему не хочется, чтобы хоть в чём-то заметили его слабость. Прошлым летом Ванеевы выдали замуж дочь за штурмана-испытателя, и в последнее время зять тоже стал ездить в концерн – нет работы и у испытателей.

– С Валеркой всё нормально. Институтское начальство заключило договор, теперь гоняют «Илы» на Камчатку. Обратил внимание, горбуша в магазинах появилась?.. Оттуда! Платят хорошо, коммерческие рейсы.

– Когда Валерка успел – вчера с нами был…

– Шустрый, – довольно улыбается Юра. – Завтра уже улетает.

– Что за новость у тебя? Разбудил, понимаешь… – ворчит Кирюхин. Отчасти искренне: каждый раз его охватывает недоброе чувство, когда он слышит, что кто-то устроился, зарабатывает на жизнь даже сейчас.

– О, моя новость много стоит! Институтское начальство со своей коммерцией – дети!.. Про такую страну слышал, Новую Зеландию? А?

– Ну ладно, ладно.

– Так слышал? Точно говоришь?

Кирюхин молча смотрит на Юру. Тот тем не менее держит паузу, затем будничным голосом, будто о чём-то незначительном, сообщает:

– Меня туда на работу приглашают. Три тысячи фунтов в неделю. Дорога за счёт фирмы. – И не выдерживает, бросает ликующий взгляд на Кирюхина.

Кирюхин молчит, потом спрашивает:

– Как на тебя вышли?

– Есть, есть связи… – Юра хитровато отводит глаза, ухмыляется, шевеля усами. – Мог бы догадаться. Помнишь мою статью в «Вестнике авиастроения»? Там тоже читают. Приглашают воплотить в жизнь задуманное, так сказать.

Кирюхин спрашивает, понимая, что спрашивать не надо, но тем не менее:

– А мои публикации там читают?

– Не знаю, старик, не знаю, – легко говорит Юра и несёт что-то самодовольное о том, что в Новой Зеландии сейчас осень, отличная пора, можно будет со временем купить небольшую яхту, выходить в море – наконец-то попробует суп из акульих плавников, а то ведь только читал.

Кирюхин запальчиво перебивает:

–Откуда у них КБ? На кой чёрт?! Им дешевле готовые самолёты покупать, у тех же американцев! Зачем велосипед изобретать? Зачем самодеятельность?..

– Понятия не имею. – Юра пожимает плечами. И опять начинает о яхте, о супе из акульих плавников, об уникальной природе островов – Новая Зеландия, оказывается, состоит из двух островов, Северного и Южного, его фирма находится на Северном, недалеко от Веллингтона. Специально смотрел в энциклопедии.

Кирюхин молчит, он больше не пытается Юру остановить, и тот болтает до самого концерна, упоённо болтает даже после того, как они выходят из автобуса, минуют проходную и шагают в толпе по слякотным дорожкам. Работают они в разных цехах, и Кирюхин резко обрывает Юру, когда тот пробует задержать его, прежде чем разойтись:

– Всё. Спешу. – И тут же с мстительным чувством добавляет, опять понимая, что делать этого не надо: – Передавай привет Розе. Ей будет, что вспомнить в заграницах. Чао!..

На участке упаковки ругаются. Кирюхин совсем этому не удивлён – выясняют отношения здесь едва ли не всё время. К тому же не до того. Досада, зависть и злость свели всё внутри. Он раньше таким не был, он сам себе отвратителен. Как может изуродовать человека такая жизнь! Он ищет в себе остатки достоинства, крепится изо всех сил, но не всегда получается. Кирюхин проходит в раздевалку – огороженный закуток в углу участка, – переодевается у шкафчика, выкрашенного в немаркий шаровый цвет. Весь его лексический запас сведён сейчас к словам: твою мать! Ну, твою мать!..

– Слушай сюда, мужик. – Сбоку появляется плотная деваха в расстёгнутом пуховике, довольно симпатичная. Она из другой смены, Кирюхин её несколько раз видел. Приблатнённая какая-то. Может, сидела, а скорее всего, нет, просто такой сейчас стиль среди молодёжи. Косят под авторитетных, побывавших на зоне. – Мужик, ты вчера на коробках стоял? Чего молчишь, тебя спрашиваю. Стоял?

– Переодеться дашь? – зло поворачивается к ней Кирюхин. Развязности, тем более наглости в женщинах он терпеть не может.

Деваха уходит за шкафчики, оттуда громко говорит – то ли Кирюхину, то ли всей смене:

– Обнаглели, шестьдесят коробок заныкали! Мы что, пахать на вас должны? Допрыгаетесь, отвечаю!

Новая волна гвалта вздымается над участком – смена, обычно недружная, постоянно переругивающаяся, кри-

чит на этот раз вся, в общем порыве. Деваха кричит тоже, кричат её подруги, уже отработавшие и переодевшиеся.

Кирюхина это приводит в себя. Нельзя опускаться. Стыдно.

Надев рабочее и переждав гвалт, он идёт искать мастера. Долго искать не приходится. Данута Йоновна сама плывёт навстречу, успокаивающе кивает головой.

– Я всё помню, Валентин Семёнович. Сегодня обязательно рассчитаю – наряд на смену закрывать буду. Ещё на месяц остаться не хотите? Машинки дефицит, не для себя, так продать можно.

Данута Йоновна уже бабушка, но в её округлой фигуре, спокойно-внимательном лице, голосе с лёгким акцентом есть что-то такое, что заставляет Кирюхина смотреть на неё с удовольствием. Даже сейчас, когда всё стало в жизни тусклым. «М-да…» – думает Кирюхин. Без прежнего, правда, энтузиазма, но всё же думает. Он чувствует, Данута Йоновна к нему тоже расположена. Может, ей нравится, что он не концерновский работяга, а человек здесь временный, из другого – интересного и престижного – мира. Может, он ей просто симпатичен как мужчина, почему бы и нет. Спокойная симпатия людей не первой молодости. Ещё способное выкинуть росток зерно, достаточно сделать шаг навстречу. Но Кирюхин знает, ничего между ними не будет. Не ко времени. Не суждено. И в понимании этого есть печальная сладость, своё мазохистское удовольствие.

– Ну так как, Валентин Семёнович? Вы освоились, работу знаете… Останетесь?

– Ещё не знаю, Данута Йоновна. Всё зависит от того, как в институте сложится. – Кирюхин улыбается, ему говорили, его улыбка действует на женщин. Он не такой уж ходок, но понимает, что жизнь даёт нечастый шанс. Им ничего бы не мешало, Данута Йоновна разведена, Кирюхин это слышал от работающих на участке женщин, у неё отдельная квартира. – Сегодня как раз должен созвониться, станет ясно с институтом. Как говорится, всё в руках божьих…

– Что ж, пусть бог будет к вам добрый.

Обоим эта игра нравится. На мгновение Кирюхин даже забывает обо всём том, чем вынужден жить сейчас. Но только на мгновение. Оно неотвязчиво. К тому же надо работать. Уже раза два мелькал Славка, бригадир, он ничего не скажет, но на участке всё друг за другом замечают. Какому-то инженеру из их института, который здесь работал до Кирюхина, смена поставила коэффициент трудового участия ноль пять. Говорят, был с ленцой. Конечно, машинку всё равно продадут, но обидно получать половину того, что получают женщины.

Нужны деньги, чёрт бы их побрал! Как нужны!..

Кирюхин идёт в конец участка, приносит из кладовой и раскладывает вокруг себя картонные заготовки. Поработает пока на ящиках, надо будет, Славка переставит. Ну, поехали. Пол-оборота направо – под пальцами шершавая поверхность картона, резко на себя – торцом на стол – удар руками с обеих сторон – пыль, расходятся стенки сплющенного ромба, четыре лепестка будущего дна – пыль пахнет почему-то шоколадом, лепестки попарно вниз – хоп, переворот – главное, чтобы коробка не завалилась набок, её поднимает, клонит пружинисто расходящееся дно, подпереть коленом, хорошо, теперь поддон, резко на себя плоскую заготовку, вот уж никогда не думал, что края срезанного гильотиной картона как бритва – гнущие движения кистями, ещё раз, зафиксировать – поддон в коробку, в её четырёхугольную чёрную утробу – перекосило, сильно ладонью вниз, пошло – запах шоколада уже привычен, работа пахнет шоколадом, пол-оборота налево к стопке длинных рифлёных амортизаторов, тоже картон, но фактура другая, пальцы чувствуют – согнуть вдоль, переломить в четырёх местах – тоже вглубь четырёхугольной трубы коробки.

Готово. В штабель. Двадцать секунд.

Боковым зрением Кирюхин видит надвигающуюся тёмную массу. Это баба Шура. Она на голову выше Кирюхина и в два раза шире его. Гренадер, штангист супертяжёлого веса.

– Буду тебе помогать, пока транспортёр не запустили, – объявляет баба Шура.

– Помогайте.

Можно было бы уже привыкнуть к размерам этой женщины, но Кирюхин каждый раз удивляется. Баба Шура сильнее его и бригадира Славки вместе взятых, она без труда переносит по четыре упакованных в ящики машинки и при этом то ли без меры добродушна, то ли глуповата. Женщины на конвейере время от времени меняются местами, потому что работа есть тяжелее и легче, а баба Шура постоянно на самом трудном месте – таскает от конвейера и укладывает в штабеля упакованные машинки.

– Семёныч, двести семь дней осталось, – сообщает баба Шура и поправляет выбившиеся из-под косынки седеющие волосы.

– Угу, – отзывается Кирюхин. Баба Шура считает дни до пенсии.

– Заснуть бы и проснуться через это время. Буду на даче жить. У меня там яблони посажены, крыжовник, четыре сотки под картошку… Хорошо буду жить.

Кирюхин соглашается.

– Одно не знаю, хватит ли пенсии. Цены сейчас вон какие… А так подумаешь, то чего бояться? После войны хуже было, карточки, голод. Ничего, выжили. И сейчас как-нибудь не пропадём. Ничего-о…

Большое лицо бабы Шуры становится довольным, она вся в будущем, в своём пенсионном рае, и Кирюхин подлаживается, согласно кивает. Эта немолодая женщина – загадка для него. С её силой можно было бы на участке верховодить, поставить всё так, чтобы было по-человечески, справедливо и честно, а она даже за себя постоять не может. Или не хочет?

Опять непонятное, другая жизнь, как и то, чем живет его Антон.

Пол-оборота направо – заготовку резко на себя – торцом на стол – удар руками с обеих сторон – новый выдох пыли, расходящиеся стенки сплющенного ромба… Тома молча манила пальцем. Кирюхин досадливо посмотрел на неё, отмахнулся: подожди, мама, мы с задачкой разбираемся. Тома сама подошла, взяла его за руку и потянула в маленькую комнату. «Верочка, ты

подумай пока, мы с папой сейчас». Кирюхин хмыкнул, пожал плечами – упорство для Томы непонятное, – уже сам, заинтригованный, шёл за ней. «Смотри», – жена откинула когда-то полированную крышку старого, ещё родительского пианино, кивнула в глубь ящика с пыльными колками, толстыми струнами и фетровыми молоточками. Кирюхин знал, на самом дне у сына тайник. Тома случайно как-то обнаружила. «Опять презервативы?» – «Не смейся. – Тома была серьёзной, почти испуганной. – Хуже, чем ты думаешь. Смотри». Она сама засунула руку до подмышки вглубь, вытащила пачку недавно появившихся в обороте тысячерублёвых купюр. За каждую из них Кирюхину нужно было бы работать два месяца. Он потёр скулу. «Откуда?» – «Ты у меня спрашиваешь?» – «Ладно, не дёргайся. Разберёмся». – «Ещё не всё». Тома опять погрузила руку, вытащила чёрный пистолет. «Газовый, не паникуй, – сказал Кирюхин, покачивая на ладони оружие. – Положи всё на место. Я…»

– Валентин Семёнович, Александра Ивановна, я вам подмогу привела. Покажите товарищу что и как. – Мастер доброжелательно, немного заговорщицки улыбается, почти что интимно, голос у неё тоже особый. Сексапильный, думает Кирюхин.

– Товарищ – пройденный этап, – говорит он и смотрит на пожилого мужчину, стоящего рядом с Данутой Йоновной. – Господин, другое дело. Здесь только господа работают. Впрочем, беру обязательство подготовить себе достойную замену.

Улыбается мастер, улыбается баба Шура, улыбается новенький, показывая слишком белые, чтобы быть настоящими, зубы. Сразу видно, он из идейных борцов за право купить машинку по себестоимости. Что-то в его умном лице кажется Кирюхину знакомым, но вспомнить сразу не удается, и Кирюхин, проводив Дануту Йоновну взглядом, принимается показывать, как делают (крутят, говорят на участке) коробки.

Новенький неловок, забывает последовательность немудрёных операций. Часто останавливается и озадаченно морщит лоб. Кирюхин его понимает, он сам начинал так же.

– Вы сегодня за молоком на Ильинке не стояли? – спрашивает вдруг новенький. – Очень похожи.

– За молоком? – не сразу соображает Кирюхин. Всё, что случилось до звонка сына, кажется далёким, почти что неправдоподобным.

– В очереди ещё дискуссия развернулась. Сейчас что ни очередь, то дискуссия. Вы, правда, молчали. Но у меня хорошая зрительная память. – Последние слова новенький произносит не без самодовольства.

Кирюхин бросает взгляд на его ноги. Точно, доисторические белые бурки. Как только сохранились, опять удивлённо думает он.

– Игорь Николаевич. – Новенький протягивает руку. – Рад познакомиться.

Кирюхин бормочет что-то в ответ. Ему неприятен этот человек, он сам себе удивляется. Ничего новенький ему плохого не сделал – ни тогда в очереди, ни сейчас. В самом деле, странно.

Раньше над этим можно было бы поразмыслить, но теперь мозг словно изможденное, с трудом дышащее животное. Всё на уровне рефлексов, противится любому усилию, обескровлен. Кирюхин старается не смотреть на Игоря Николаевича, он налегает на работу. Перевернул, коробка заваливается, подпереть коленом – надоедливо пахнет шоколадом, плоская заготовка поддона, осторожно, не порезаться, так можно шоколад возненавидеть – согнул – резко вглубь – ненавидь, всё равно хер уже купишь, недоступен, пол-оборота налево к рифлёным амортизаторам, пальцами удобно браться, согнуть вдоль, переломить в четырёх местах…

Вечером он долго не ложился, специально ждал Антона. Тот пропадал теперь целыми днями неизвестно где, появлялся поздно и уходил в свою комнату. Кирюхин как-то уже заводил разговор, что бизнес дело хорошее, но учёбу запускать нельзя, диплом есть диплом. Вся эта пена когда-нибудь сойдёт, а грамотные инженеры нужны будут всегда. Он не очень в это верил, но говорил. «Я институт не запускаю, пап», – Антон смотрел так честно, прямо в глаза, что он понял: врёт. Уже раз-

дражаясь, стал говорить, что нельзя поддаваться общей истерии, у них всё-таки интеллигентная семья, нельзя себя ронять. Сын ударил по самому больному, сострил, засранец: ты, пап, работаешь на космос, а сосед с четвёртого этажа – в «Космосе». Он недавно машину поменял, а у тебя её нет и вряд ли когда будет. Сосед, между прочим, в институте не учился… Он не сдержался, ударил Антона по щеке, глупо вышло, по-театральному, оскорблённый отец наказывает непочтительного сына. Лицо у Антона сделалось замкнутым, упрямым. Парень он, в общем-то, неплохой, хотя и скрытный, с ним надо иначе.

И когда в тот раз Антон появился во втором часу, он сделал вид, что так и должно быть, позвал на кухню пить чай. Посмеиваясь, сказал, что, по агентурным данным, Антонов бизнес процветает, в банках осели многие тысячи, любопытно, какие планы по их реализации. Антон сразу же всё понял, бросил сметливый взгляд: «Нашли?» – «Есть момент. И нелогично поступаешь. Если уж поздно возвращаешься, носи с собой пистолет. Всё же нам с мамой спокойней будет» – «Я, пап, не один». – «Вы что, компанией ходите? Или у тебя телохранители?.. Важная птица, поздравляю». – «У нас фирма, пап. Всё солидно, ты не беспокойся». – «Приятно слышать, что ты у нас крутой бизнесмен. Тогда, может, семье поможешь?» Антон замялся: «Это деньги фирмы. Мы только раскручиваемся... Пап, ты не обижайся. Ты должен понять, я не один в фирме». – «Ладно, не суетись. Чем вы занимаетесь?» – «Я не могу сказать, коммерческая тайна». – «От меня тоже?» – Кирюхин вздёрнул брови. Он старался быть ироничным, не показывать своей тревоги. «Пап, пожалуйста. Ты должен меня понять». – «Ладно, Ботанищев, что с тобой поделаешь. Понимаю».

Допонимался… Надо что-то делать. Самому. О милиции в больнице он просто так сказал. Но что придумать? Что? Здесь ещё Юра душу перевернул со своей Новой Зеландией. Кирюхин опять ступнями, всем телом чувствует, как гудят, сдвигаются где-то глубоко мощные пласты, угрюмая, безжалостная сила вот-вот сомнёт, раздавит, размажет, как червяка, – отчаяние и

ужас охватывают его. То, что было в Геленджике, – мелочь, по молодости не воспринимал всего, да и перед Томой хорохорился, всё-таки мужик. Подлость ситуации в том, что старый пудель, новым фокусам не выучиться. Сорок лет, поезд ушёл, не вписываешься в ситуацию!..

Он знает, что никогда не простит э т и м происходящего. Что бы потом ни было, какой бы рай и благоденствие ни наступили. Нельзя так с живыми людми! Нельзя! Впрочем, нужно и м его прощение…

– Баба Шура-а!..

Конвейер заработал. Шаркая толстыми, слоновьими ногами, уходит баба Шура. Наступает самое тяжёлое, только успевай подавать машинки. Бригадир Славка похож на спортсмена на старте: весь в готовности, напряжён, лицо порозовело, рукава рубашки закатаны, обнажая белые веснушчатые руки – Славка рыжеват. Он на самом ответственном месте конвейера, от него зависит, сколько машинок будет упаковано, соответственно, и заработок. Славка оглядывается, цепкими, быстрыми глазами окидывает смену.

– Поехали!

– Пошёл ты!.. – неожиданно злобно отзывается Люба, плотная молодая женщина. Она в смене, что называется, неформальный лидер и во многом непредсказуема. Впрочем, место своё на конвейере всё-таки занимает. Кирюхин чувствует, Люба не в настроении и вполне возможен скандал, так уже было недавно. Заведёт кого угодно.

– Давай, давай!

– Ладно, погоняло!..

Шуршат отполированные цепи транспортёра, плывут на них ящики, которые только что сделали Кирюхин, баба Шура и новенький. Теперь надо быстро брать поступившие со сборки и проверенные уже здесь, на участке, машинки, ставить их в эти ящики. В каждой килограммов по семь, одну в правую руку, другую в левую, но не это тяжело, куда хуже пробираться к транспортёру: проходы узкие и все забиты машинками. И надо быстро, быстро – конвейер не ждёт.

Через несколько минут Кирюхин уже мокрый.

– Хороший тренинг, – говорит Игорь Николаевич, когда они сталкиваются у транспортёра. Новенький улыбается, держит машинки в полусогнутых руках без напряжения, и Кирюхин думает, что он не такой уж старый, как показалось вначале. Игорь Николаевич кивает на сидящую за столом и что-то пишущую Дануту Йоновну: – Хочу спросить насчёт мастера. Она что, литовка?

– Похоже.

– Ага, уроженка, значит, ныне независимого государства. Иностранка, можно сказать… – Глаза Игоря Николаевича останавливаются, сосредоточенно смотрят внутрь себя. – На родину не собирается?

Кирюхин пожимает плечами.

– Зачем это вам?

– Для общего развития, – усмехается новенький. Сейчас особенно видно, как он непрост, этот Игорь Николаевич. – Интересуюсь исключительно в образовательных целях. А то ведь как? В лесу известны все дела орлу на уровне орла, грачу на уровне грача, сычу на уровне сыча. А что там знает воробей – не представляю, хоть убей!..

– Из умершего поэта эпохи застоя?

– Оно.

Смена смотрит на них неодобрительно – слишком долго стоят без дела, – но Игорь Николаевич словно не замечает этого. Видно, что он быстро осваивается в любой обстановке, уже вальяжен, ироничен, и не отпускает рукав Кирюхина до тех пор, пока не заканчивает стишок. Кирюхин отходит от него, озадаченно приподняв брови. Силён, однако.

Когда выдаётся минутная пауза – что-то там у Славки заело, – Кирюхин спешит к телефону-автомату в сборочном цехе рядом. Достает пятнашку, крутит разболтанный диск и опять задерживает дыхание, ждёт, слушая длинные гудки. Даже затыкает пальцем второе ухо, чтобы не мешал грохот прогоняемых на стендах машинок. Но трубку у Нуриджановых не берут. Никого дома. Кирюхин ещё раз набирает номер. Тот же результат.

Он чувствует себя восьмилетним мальчиком, который стоит напротив двухэтажного «дворянского гнез-

да» и кричит, подняв голову к окну комнаты одноклассника: «Во-ва! Вов-ка!..» У одноклассника отец большой начальник в институте, вся эта тихая улица застроена аккуратными коттеджами на две семьи, и Кирюхину кажется странным, что у Вовки есть своя комната с настоящим письменным столом и большим сине-зелёно-коричневым глобусом, – сам он делает уроки на кухне. Одноклассник позвал вчера на день рождения, но женщина в нарядном крепдешиновом платье и в лаковых туфлях на высоких каблуках – она только что открыла дверь – сказала, что Вова уехал к бабушке. В лице женщины, во всём её виде есть что-то такое, что заставляет его вернуться через несколько минут обратно и кричать, подняв голову к окну на втором этаже: «Во-ва! Вов-ка!..» Окно распахивается, всё та же женщина говорит: «Мальчик, я тебе сказала русским языком, Вова у бабушки». Сквозняк развивает её завитые и подколотые у висков волосы, из-за спины слышны весёлые голоса. Кирюхину стыдно, но ему страшно хочется туда, где праздник и сладкий стол. Побродив вдоль «дворянских гнёзд» ещё, он опять возвращается к Вовкиному дому и стучит в дверь. Он стучит долго, он зовёт, глядя на заветное окно. Ничто не помогает. К нему никто не выходит.

Какие мы нежные, усмехается Кирюхин. Нашёл время рефлексировать! Нуриджанов бегает по делам, жена на работе, сын ушёл к приятелям. Всё именно так. Может, даже номер не набрался. Диск телефона-автомата болтается, как дерьмо в проруби. Давай на участок, крика тебе не хватало. Шустрее, шустрее!..

И от этих грубоватых свойских слов самому себе становится будто легче.

Обед во вторую смену ранний. Без десяти шесть Кирюхина отправляют занимать очередь в столовой. Он не возражает – это несколько лишних минут отдыха. Столовая одна на несколько цехов, и народа порядочно. В просторном, выложенном светлой плиткой помещении витают запахи пищи, монументальные раздатчицы в белых фартуках неторопливы. И – тихо. После суеты и шума участка здесь особенно хорошо.

И вообще, блаженство – стоять и ничего не делать. Мышцы устало мозжат, майка и рубашка мокрые от пота, но даже это не в счёт. Просто стоять и ничего не делать. Кирюхин опускает в карман руку, нащупывает деньги. Их совсем немного, почти все оставил тёте Груше, но тут пальцы натыкаются на жёсткую новую купюру. Доллар, который Официант дал утром. Сейчас Кирюхину уже приятно, что у него есть доллар, хотя, конечно, в столовой он бесполезен. Кирюхин усмехается – какая всё-таки человек скотина! Всё рядом, оскорбление, которое утром казалось кровным, и нечаянная маленькая радость теперь.

Но по-настоящему Кирюхина занимает сейчас совсем другое. Чем ближе к раздаче, тем ему беспокойней. Он старается справиться с собой, для этого нарочито расслабленно поводит плечами, пробует даже рассеянно насвистывать. Не помогает. Мандраж только сильнее. Уже можно достать закуски. Быстро съесть тёртую морковь со сметаной, а блюдечко спрятать в карман халата. Нет, лучше ветчину с капустой – дороже и калорийней. Сайру тоже можно, а блюдечко в другой карман. Не только потому, что вкусно и есть хочется очень. Ещё потому, что всё нелепо, до смешного дорого – и еда оттого приобретает самостоятельную ценность, над ней ореол недоступности и притягательности. Дикая штука! Кирюхин в очередной раз унижен, но вёрткая животная сущность ищет выход, погибать ей не хочется – укради, возьми силой или хитростью.

– Куда! Куда! – слышится скандальный голос от кассы. – Ты что, сволочь, прячешь! Что прячешь! Мне за тебя платить потом?!

У Кирюхина обрывается всё внутри, он медленно поворачивает голову. Лицо кассирши злобно, кричит она на мужчину, стоящего за несколько человек перед Кирюхиным. В руке у того неловко застыл сочник.

– Не умеешь – не воруй! – издевательски, громко поучает кассирша. – У нас свои не воруют, не то, что вы!. Напринимают чёрт-те кого!

Кирюхина словно током пронзает. Когда мужчина

берёт свой поднос и отходит от кассы, сомнений уже нет. Юра Ванеев. Вот дурак, думает Кирюхин, ему-то зачем?..

Сбоку выныривает бригадир Славка. Он по-хозяйски смотрит по сторонам, выбирает из закусок самое дорогое, опускает себе на поднос. За ним появляется Игорь Николаевич, тоже становится перед Кирюхиным. Женщин нет, те предпочитают есть захваченное из дому, прямо на участке. Одна только Данута Йоновна подходит к кому-то из знакомых, но это впереди.

– Нормально! – Славка оглядывается на очередь, которая вытянулась уже до середины зала. Он доволен, что долго стоять не придётся. – Пять минут, и мы в порядке!..

Доволен и Кирюхин. При Славке и Игоре Николаевиче его подлая животная половина, которую он откровенно побаивается, что-нибудь позволить себе остережётся. Чутка, осторожна эта половина. Рысь на дереве, скрытая ветвями, всё время готовая к действию. Может, уже и не половина. Может, больше. Кирюхин знает, она растёт и всё основательнее забирает над ним власть.

– Сегодня утром говорит, папка, это платье бяканое, в садик не одену. Не одену, и всё!.. – вдруг говорит Славка. Его большое, по-особому белокожее лицо, как бывает только у рыжеватых людей, счастливо расплывается. Это Славкина слабость, рассказывать о дочери. – Новое ей подавай. Чтоб красивое! А всего три года и пять месяцев. Не буду, папка, бяканое!.. Надо же, такой короедик, а уже к тряпкам тянется. Женщина!..

Славка говорит, и видно, что никто ему сейчас не нужен, он вполне самодостаточен, может обойтись и без слушателей. От женщин на участке Кирюхин знает, что жизнь у Славки непростая, он женат второй раз, первая жена умерла от рака, оставив ребёнка.

– Платье – это, конечно, хорошо. А вот где пани Данута? – Игорь Николаевич не склонен подыгрывать бригадиру, восхищаться его дочерью. Он смотрит в зал, пытаясь отыскать столик, за который села мастер. Находит и цокает языком. Кирюхин догадывается: Игорь Николаевич хотел подсесть к Дануте Йоновне, но все места за её столиком заняты.

Он тоже ищет глазами – Юру Ванеева. Юра быстро ест, втянув голову в плечи и низко наклонившись к тарелке. Ничего победительного, того, что было, когда они ехали в автобусе, в нём не осталось. Кирюхин брезгливо жалеет Юру, хотя понимает, что вполне мог оказаться на его месте. Не понимает одного – зачем тому понадобилось воровать сочник. Человек одной ногой за границей.

Когда они расплачиваются, толстая кассирша удивлённо смотрит на Кирюхина. У него на подносе винегрет, чай и три кусочка хлеба. Для мужика это ничто.

– Талию берегу, – усмехается Кирюхин.

За столом Игорь Николаевич, не обращая внимания на попытки Славки рассказать какую-то историю о дочери, принимается рассуждать об особенностях русской государственности. С чего вдруг – понять трудно. Похоже, этот неугомонный человек живёт сразу в нескольких измерениях: вынашивает какие-то свои планы относительно Дануты Йоновны, готов цитировать строки из поэта эпохи застоя, демонстрирует пренебрежительное снисхождение ко всему вокруг, и бог знает, где ещё витает его насмешливый ум. По словам Игоря Николаевича, в России никогда не считались с личностью, такова особенность здешней власти. Больше всего достается интеллигенции. Она воспитана на европейских образцах, а тут на тебе – стопроцентная азиатчина. В этом-то драма интеллигенции, отсюда все её стоны и всхлипы. Лет через сто, быть может, что-нибудь и изменится. И то, если Штаты будут присматривать. Но мы сто лет не проживём, надо сейчас что-то делать. Говоря всё это, Игорь Николаевич поглядывает в сторону Дануты Йоновны.

Кирюхин успел отвыкнуть от слов, которыми оперирует этот человек, от самих отвлечённых разговоров. Но он не может избавиться от непонятной неприязни к Игорю Николаевичу, поэтому пробует иронизировать:

– И что из сего следует?

– А ничего. Анекдот расскажу. Юный червяк впервые выполз из навозной кучи. Смотрит вокруг и глазам своим не верит. Трава зеленеет, солнце светит, цветы благоухают… Он спрашивает у отца: «Папа, почему мы

живём в дерьме? Смотри, как хорошо вокруг!» – «Ты ещё многого не понимаешь, сынок, – отвечает ему мудрый отец червяк. – Запомни, есть такое слово – родина!..»

– Вы насчёт того, что надо уезжать? Но русская интеллигенция всегда служила своей стране, не бросала её в тяжёлое время. – Кирюхин сам понимает, что его слова худосочны, выспренны, но уступать этому язвительному бесу не хочется.

Сожаление появляется в глазах Игоря Николаевича.

– Вы серьёзно?.. Эти разговоры хороши под коньячок. Думаете, я ему нужен? – Игорь Николаевич кивает на примолкшего Славку. – Он только спасибо скажет, если ему не будут напоминать о достоинстве, чести и прочем. Он прекрасно проживёт без нас с вами. Спасаться надо.

Бесцеремонная прямота отталкивает, но в то же время есть в словах этого человека что-то и притягательное. Кирюхин озадачен, зачем-то спрашивает:

– Вы где работаете? – Сразу же поправляется, вспомнив о возрасте Игоря Николаевича: – Где работали?

Тот не отвечает. Встаёт и, не спуская глаз с отобедавшей и поднявшейся из-за стола Дануты Йоновны, быстро шагает за ней.

Кирюхин доедает хлеб, запивает его чаем. Потому и неприятен этот человек, что вытаскивает на свет то, что не смеет высказать он, Кирюхин?..

До конца перерыва ещё несколько минут, можно успеть позвонить. По пути к телефону-автомату Кирюхин решает – кому, Нуриджанову или тёте Груше, монетка у него осталась одна. Мысли о сыне всё время сидят в нём, ни на секунду не отпускают.

Опять разболтанный диск, опять безответные гудки. Кирюхин прижимает трубку к уху и думает, что тётка ещё в больнице, это хорошо. Утром он сказал Антону, что они не в Сицилии, но сейчас ему тревожно оттого, что на улице стемнело, впереди долгая ночь и Антон, в общем-то, беззащитен. Кто может помешать? Старуха на вахте, дежурная медсестра?.. Раньше ему и в голову не приходило, что американские детективы о мафии могут иметь отношение к настоящей жизни. Ведь зайдут и прикончат!

Опять ударили барабаны паники, судорожно сжимается мошонка. Кирюхин приказывает себе успокоиться, но успокоиться не получается. Сегодня он пойдёт в больницу дежурить, переночует рядом с Антоном. Надо только взять у мастера справку на машинку, и он уедет. Пусть даже ему не засчитают смену.

Против ожидания, работать на участке ещё не начали. Бригада собралась у конторки мастера и что-то обсуждает. Увидев Кирюхина, женщины замолкают, и он понимает, что речь шла о нём.

Решали, какой ему дать коэффициент трудового участия? Кирюхин спокоен, месяц отработал добросовестно, наравне со всеми. Значит, и зарплата будет как у всех. Что с того, что он временный работник.

– Вот и Валентин Семёнович подошёл. Присоединяйтесь к нашему собранию, Валентин Семёнович… Товарищи, – Данута Йоновна мило смущается. – Даже не знаю, как теперь обращаться… Совет трудового коллектива нашего концерна решил проводить выборы мастеров и начальников цехов. Раньше их свыше назначали, теперь будете сами выбирать, в том числе на нашем участке.

– Так мы тебя, Йоновна, можем скинуть? – громко, словно удивляясь, говорит скандальная Люба и обводит всех медленным взглядом. – Наконец-то!

– Сама, что ли, в мастера метишь? – перебивает её Славка. – Кто за тебя голосовать-то будет?

– Не за тебя же голосовать, козла! Снюхались, думаешь, всю жизнь в начальстве будете? Накомандовались! Привода коробками воруете!

– Ты докажи, докажи! Сама вчера мотор в раздевалке прятала!..

Слушать всё это тягостно. Кирюхин не уверен только в одном: всё время эти люди такими были или последние годы вытолкнули наружу всю дрянь и дерьмо, которые в благополучные времена скрыты? Игорь Николаевич, он стоит ближе всех к мастеру, почти касаясь её, с азартным интересом наблюдает за происходящим. Встретившись глазами с Кирюхиным, подмигивает. Такие, мол, пироги! Огромная баба Шура слабо

машет рукой и уходит на рабочее место, принимается «крутить» коробки. Вековые усталость и покорность сквозят в её движениях.

Первый автобус от концерна в их городок уходит в десять часов. За полчаса до срока Кирюхин направляется к конторке мастера. Данута Йоновна занята какими-то бумагами, но сразу же поднимает на Кирюхина ясные глаза.

– Пожалуйста, ваша справка, Валентин Семёнович. Я всё помню, сделала. Завтра обратитесь в бухгалтерию, вас рассчитают и дадут талон на машинку. Вы какую хотите взять, «Чайку» или «Чайку-2М»? Советую «Чайку-2М», она делает больше операций, на ней можно даже вышивать…

Всё вроде бы как всегда, доброжелательность и словоохотливость, но что-то в Дануте Йоновне Кирюхину не нравится. Похоже, она знает о нём нехорошее. Так врачи ведут себя с тяжелобольными, которые о своей болезни ещё не подозревают.

– Почему мне такой низкий коэффициент дали? – наобум говорит Кирюхин и тут же по глазам мастера понимает, что попал в точку. – Это у вас принцип такой, обирать временных работников?

– Это не моё решение, Валентин Семёнович. Так бригада решила. – Данута Йоновна смущена. – Вы же не станете утверждать, что разбираетесь во всём, как Слава, например.

Смущён и Кирюхин. Не так ему хотелось расстаться с приятной женщиной, нет, не так. Но его уже понесло:

– О чём вы говорите! Я кандидат наук, в чём здесь разбираться!.. – От возмущения, от несправедливости у него перехватывает горло. – Вы мастер, ваше слово что, ничего не значит? Вы разве не могли настоять?

– Я сегодня мастер, завтра – не мастер. Поговорите с бригадой, докажите ей. – Данута Йоновна берёт ручку и делает вид, что углубляется в бумаги.

Кирюхин резким движением сдёргивает со стола справку на машинку. Ничего, завтра пойдёт к начальнику цеха! Понадобится, дойдёт до директора концерна!..

Кирюхин слышит, как прекращает работу транспор-

тёр, тишина зависает над участком. Он оглядывается назад и первыми видит бригадира Славку и Любу. Славка смотрит на него исподлобья, настороженно, Люба – с откровенной злобой, готовая вот-вот взорваться криком.

Бесполезно.

Одного он всё-таки сумел избежать. Тома уже про Антона знает, рассказывать ни о чём не надо.

– Что теперь делать? – говорит жена и с надеждой смотрит на Кирюхина.

Они сидят на кухне, Кирюхин ест суп, сваренный на костях. Их, каждый раз стесняясь, Тома покупает вот уже несколько месяцев.

– Что делать? – Кирюхин старается говорить так, чтобы голос звучал уверенно и вполне бодро. Этими уверенностью и бодростью должна проникнуться жена. – Если разобраться, ничего страшного с парнем не произошло. Просто напали хулиганы. От этого никто не застрахован, тем более сейчас. Запретим ему шляться по ночам. Пусть дома сидит, к лекциям готовится.

– Думаешь, это не из-за денег? – Томе очень хочется, чтобы Кирюхин её переубедил.

– Конечно, нет! – твердо отвечает он. – Нашла акулу капитализма. Кому он мог дорогу перейти со своим бизнесом? Это нам его деньги кажутся большими, а для серьёзных людей – ерунда. На преступление из-за таких не идут… Я тебе говорю – случайность!

Тома, похоже, несколько успокаивается. Тем более, что она недавно из больницы, сменила тётю Грушу и сама видела, что с Антоном не так уж плохо. Тома начинает рассказывать о событиях, произошедших за день, постепенно становясь домашней, родной, привычной – такой, какой Кирюхин её знает.

– Пойдём спать? – наконец спрашивает жена, помыв посуду и вытерев со стола.

Если бы не его решение дежурить ночь у Антона, пришлось бы изворачиваться, что-то придумывать, лишь бы не ложиться одновременно с женой. Сейчас Кирюхин спокоен.

– Схожу-ка я к Антону. Посмотрю, как он там.

– Начало первого, Валя! Я час как от него, всё нормально, – со скрытой обидой говорит Тома. Обида её смешана со смущением, жена старается не смотреть на Кирюхина. – Ты ничего не подумай, я совсем не о том… Просто хотела к тебе под крылышко. Полежать, пошептаться…

Кирюхин тоже отводит глаза.

– Вернусь, пошепчемся, – быстро отвечает он и уходит в тёмную комнату.

Осторожно, чтобы не разбудить Верочку, достаёт из недр пианино Антонов газовый пистолет, прячет его в карман, прислушивается к сонному дыханию дочери. Мимо дома проезжает машина, на секунду освещает потолок, и слабый отсвет ложится на лицо Верочки. Лёгкие русые волосы, ещё детский овал щеки, вздёрнутый Томин носик… Только тебя, милая, пока не задело, думает Кирюхин. Только тебя. Надолго ли?.. От нежности к дочери и страха за неё сжимается сердце.

На улице подмораживает, шаги Кирюхина далеко слышны в тёмном пространстве между домами. Кирюхину хочется, чтобы на него сейчас напали, уж он тогда бы выместил всё, что накопилось. Пистолет не понадобится, он будет рвать зубами, грызть глотки. А если убьют, тоже хорошо. Лишь бы вышло так, чтобы потом не опознали – хоронить его Томе не на что. Как и утром, хрустит под ногами подмёрзшая мартовская слякоть, ярусы окон опять темны, только в нескольких тревожно мерцает свет телевизоров.

С улицы больничный холл похож на огромный пустой аквариум. За стеклянными стенами нет жизни, лампы дневного света бросают молочные блики на диваны вдоль стен, на плитку пола, на листья раскидистого растения в квадратном ящике… Кирюхин долго стучит, пока, наконец, не появляется женщина в мятом – уже спала – белом халате.

– У меня здесь сын лежит, – кричит Кирюхин сквозь толстое стекло, – впустите на минутку!

Женщина недовольно советует прийти завтра, сейчас нечего, поздно.

– Завтра я в командировку уезжаю, – врёт Кирюхин. – Мне на минуту, попрощаться только. – Он достаёт и прикладывает к стеклу заработанный утром доллар. Очень кстати пришёлся.

Довод убедительный. Ещё посомневавшись, дежурная всё-таки открывает дверь, Кирюхин суёт в карман её халата доллар и торопится к лифту. Лифт уже не работает, и Кирюхин быстро, задыхаясь, поднимается на шестой этаж. Ему кажется, если он именно сейчас промедлит, с Антоном обязательно что-то случится.

В хирургии сонно, тихо, свет горит лишь на посту медсестры, и Кирюхин облегченно переводит дыхание. Дежурной медсестре он говорит то же, что и женщине в холле, обещает через минуту уйти и вскоре уже стоит в палате, привыкая к темноте.

– Ты что, пап? – шёпотом спрашивает Антон.

– Не спишь? – Кирюхин осторожно двигается на голос, находит ощупью стул и садится. – Как дела?

– Вроде ничего.

– У меня здесь, Ботанищев, мысль появилась. Ты не спеши отвечать, сначала всё взвесь. Думаю, тебе какое-то время надо пожить у дедушки. Понимаешь меня?

Антон долго не раздумывает:

– А как дедушка к этому отнесётся? – Он не возражает, он согласен уехать из родного города, от друзей и знакомых, от них с Томой, наконец. Всё оказывается даже серьёзней, чем думал Кирюхин.

– А что дедушка? Во все детали его посвящать не будем, просто поедешь в гости. Он вас с Верой в каждом письме приглашает… Сначала сделаем так, а там посмотрим. – Кирюхин рад, что голос звучит рассудительно и твёрдо. Сын не должен почувствовать его состояние.

Загудел лифт. В больничной тишине этот звук отчётлив, хотя идёт будто из-под земли. Кирюхин настораживается, и не только потому, что десять минут назад лифт был отключён. Страх перед подземным гулом навсегда въелся в мозг. Щёлкнуло, открываются двери лифта, суматоха и сдавленные голоса в коридоре. К палате идут, и Кирюхин суёт руку во внутренний карман

куртки, где у него газовый пистолет. На пороге распахнутой двери стоит дежурная медсестра, шарит по стенке рукой, быстро находит выключатель.

– Мужчина, надо помочь.

Щурясь от света, Кирюхин поднимается со стула, кивает Антону, мол, я сейчас, и следует за медсестрой. Руку из кармана он не вынимает. Выйдя в коридор, настороженно смотрит по сторонам. У кабины лифта топчется женщина, её движения суетливы и бестолковы, она шмыгает носом, тихо поскуливает. Виден край носилок, на них неподвижное тело, прикрытое плащом.

– В операционную, – командует сестра.

Кирюхин вскользь удивляется – где санитары? Почему на носилках, а не на каталке? – но сталкивается взглядом с причитающей женщиной и замирает.

Роза Ванеева.

– Юра?.. С Юрой?..

– Упал родной мой с балкона! Нечаянно упал! – рыдает Роза, тычется Кирюхину лицом в грудь. – За что, господи? За что?!

– Женщина, прекратите, – приказывает медсестра. – Мужчина, беритесь с той стороны. – Она поворачивает к Кирюхину строгое лицо, осуждающе, с досадой говорит: – Четвёртый за этот месяц. И всё нечаянно!

Кирюхин, боясь смотреть вниз, идёт за сестрой. То, что на носилках, молчит, и молчание это давит на Кирюхина невыносимо. Дверь отсекает Розин плач, в ноздри бьёт специфический медицинский запах. Не может быть, думает Кирюхин. Не должно быть. И тут же: так просто?..

Он гонит от себя эту мысль, но она неотвязчива. Кирюхин призывает всё своё мужество, резко выдыхает воздух и сжимает зубы.

Его вцепившиеся в ручки носилок пальцы белеют от напряжения.

Они были заняты собой и сначала не обратили внимания на голоса. Это случалось часто – тропинка к морю проходила мимо их коттеджа, и далеко за полночь можно было услышать скрип гальки, неясные

смешки в темноте, обрывки разговоров – многие ходили купаться голышом.

Они вспотели, его тело сладостно скользило по Томиному. Тома подавалась навстречу, вращала бёдрами, постанывала – они многому научились в тот месяц в Геленджике. Кто-то опять прошёл под окнами, и разговаривали не только взрослые, явственно слышались детские голоса, а по стене торопливо мазнул свет карманного фонарика.

Это было странно – глубокая ночь, почему дети не спят?– однако мысль прошла краем сознания. Кирюхин держал Тому за плечи, его мокрый лоб упирался в подушку, щека в такт движениям терлась о её щеку, колени привычно ощущали твёрдые доски – от жары и чтобы не скрипеть, они спали на полу, расстелив одеяло.

Вдруг Тома замерла и перестала отвечать. «Почему не флюидируешь?» – шепнул Кирюхин. Тома молчала, неудобно приподняв над подушкой голову. «Послушай». Кирюхин с трудом задержал дыхание, но ничего не услышал. «Не отвлекайтесь, мадам». – «Дрожит», – сказала Тома. «Что дрожит?» – не понял он. «Земля. Спиной чувствую».

Они быстро оделись. Испуга не было, но стали понятны и озабоченные голоса, и торопливые шаги, и непривычное для ночи многолюдье. Кирюхин щёлкнул выключателем, но свет не загорелся. Тома крепко ухватила его за руку и потянула наружу. Он попробовал пошутить, но Тома не отозвалась.

Плохо различимые в темноте, на вершины прибрежных холмов поднимались люди. Сколько их, трудно было понять, но, похоже, уходили не только из пансионата. Весь склон испятнал жёлтый свет фонариков. Кузнечиков не было слышно, сильно и тревожно пахло полынью, чёрный простор вокруг дышал враждебностью.

Сейчас уже и Кирюхин чувствовал, как подрагивает земля. Его вдруг качнуло, он инстинктивно расставил в стороны руки, ухватился за Тому. Молодой жаркий стыд обдал его. Скрывая досаду, он опять попробовал схохмить, но со стороны обрыва над морем тяжело ух-

нуло, дробно покатилось, затрещало дерево, и чей-то голос сказал: «Крайние домики».

Вокруг панически затолкались. «Валя!» – звонко крикнула жена, потеряв его руку. Кирюхин бросился на крик, выхватил Тому из запалённо дышащей и мощно напирающей толпы. Он сам на минуту поддался общему страху и, не выпуская ледяных Томиных пальцев, потащил её подальше от обрыва. Кроссовки проскальзывали на обожжённой южным солнцем крошащейся глине, голые ноги – Кирюхин был в шортах – рвали колючки.

Вдруг утробно, подспудно загудело. Кирюхин подумал, что так гудит в метро, когда стоишь на платформе, поезда ещё нет, не видно даже отблеска фар в тёмном повороте тоннеля, но звук уже возник и медленно набирает силу, становится всё явственней, мощнее, шире, заполняет, наконец, всё пространство станции и легко перекрывает шарканье сотен подошв и слабые человеческие голоса. Тома опять потянула вверх. Утробное гудение угрюмо нарастало, земля под кроссовками дернулась раз, второй, колыхнулся воздух, угрожающе сдвинулось пространство.

Было что-то апокалипсическое в этом множестве полуодетых людей, в темноте молчаливо бегущих вверх. Иногда кто-то из них спотыкался, падал или просто опускался на склон, выбившись из сил. Тогда его отталкивали в сторону, топтали, выбрасывали из общего движения, из самой жизни.

На вершине холма Кирюхин остановился, во рту было так, словно насосался пятаков. В обе стороны вдоль моря свет не горел ни в одном пансионате, ни в одном доме отдыха. Глухой чёрный простор раскинулся на многие километры. Лишь видно было, как из Новороссийска шёл празднично освещённый, в разноцветных гирляндах трёхпалубный теплоход. Даже сюда доносилась музыка с него.

Беззаботность, глупый шлягер по внутрикорабельному вещанию были издевательскими, противоестественными, кощунственными. Кирюхин обнял Тому за плечи и почувствовал, что её колотит. Он ничего не

успел сказать, успокоить, их опять тряхнуло, повалило на землю. Кирюхин поднялся на четвереньки, нащупал жену и помог встать.

Падая и опять поднимаясь, они побежали в тёмную степь. Они спасались от несущегося на них поезда, от его тяжёлого беспощадного всесокрушающего движения. Лица обдавало то сухим степным, то мягким морским воздухом. Близился самый глухой час ночи.

Звёзды вверху горели светло и мирно, но удивиться этому у них не было сил.

1992 – 1999

СТРАСТИ ПО ВАСИЛИЮ
повесть

1

Апрельским розовым вечером по центральной улице станицы Солончаковской шёл неизвестный мужичок в широко распахнутом полупальто и надменно поглядывал по сторонам.

Полупальто с могучими накладными плечами было почти новое, на коричневых его бортах виднелись большие, как ордена, пуговицы, а барашковый голубоватый воротник богато раскинулся по плечам. В левой руке мужичок держал фибровый чемодан со светлыми вытертыми боками – по всему видно, лёгкий, – а правую с достоинством и некоторым даже вызовом засунул в косой карман полупальто.

Клоц, клоц, клоц – звучали на каменных плитах тротуара подковки его слегка припавших пылью хромовых сапог, и колыхался над голенищами роскошный напуск чёрных в полоску брюк.

Время было довольно раннее, что-то между шестью и семью часами, к тому же суббота, и добрая половина взрослого мужского населения Солончаковской находилась или в парикмахерской, где в предвидении скорых праздников подновляло популярную прическу польку, или же топталась у входа в тесный подвальчик, из которого раздавались громкие голоса и заманчиво тянуло винным духом.

Появление незнакомого человека – событие не ахти какое даже для такой небольшой и спокойной станицы, какой была Солончаковская. Никто, возможно, и не придал бы ему особого значения. Ну, идёт себе мужик, чем-то

гордится – пусть идёт. Может, он здесь проездом, до хутора своего добирается, а их, этих хуторов, в районе хватает, народу много, на каждого внимания не напасёшься. Или, допустим, это уполномоченный из краевого центра, приехал насчёт царицы полей кукурузы – тоже дело понятное… Вот только лицо у прохожего странное, это все отметили. Не по комплекции большое и всё в буграх – картофельного какого-то вида лицо, нехорошее. Шишковатый нос, шишковатые скулы, губы – как добрые вареники… А в остальном человек как человек. Одет хорошо.

Так и осталось бы это событие не то что не замеченным, но мимолетным и быстро забывающимся, если бы не сам мужичок. Повёл он себя, надо сказать, странно. Даже грубо. На подходе к высокому крыльцу парикмахерской, на многочисленных ступеньках которого, как в древнегреческом театре, один над другим возвышались желающие постричься, он гаркнул:

– Здорово, гады! – И розовый свет заката сверкнул на его сплошь стальных зубах.

Мужики на крыльце озадаченно приумолкли. Из открытых окон – для апреля вечер был необычайно тёплым – высунулись брюнетистые парикмахеры с никелированными машинками в руках да так и застыли. Тишина установилась редкостная. Лишь слышно было, как по радиодинамику несерьёзно препираются Штепсель и Тарапунька.

Так и прошествовал среди молчания и общего смущения этот странный человек. Постукивали по звонкому тротуару подковки, и насмешливо, с вызывающей громкостью скрипели его хромовые сапоги.

– Гусак, – сказал в суконную спину роскошного полупальто Эдик Подгурский, медбрат со спасательной станции на Кубани. Среди солончаковских жителей молодой медбрат был известен своим несдержанным нравом. Но даже вспыльчивый Эдик произнёс это как бы примериваясь, полувопросительно – уверенности в его голосе не чувствовалось.

Услышав такое слово, неизвестный мужичок остановился и несколько мгновений стоял не оборачиваясь.

– Спокуха! – выговорил он ледяным тоном и посмотрел при этом как бы на крыльцо, но в то же время и мимо. Выражение его шишковатого лица было скучающим и пресыщенным. – Молодой ты ещё, Подгурский, так меня называть. Накажу, Мотня!

Это уже было чёрт знает что. Появляется в чужой станице, заносчиво смотрит на всех да ещё угрожает!.. Среди сидящих на крыльце прошёл ропот. Наглецов в Солончаковской не любили.

Но, с другой стороны, безответственные те слова проливали кое-какой свет на загадочную личность. Знает, выходит, этот субчик Подгурского, знает даже, как дразнили того в детстве! Уж не свой ли, не солончаковский?.. Эдик, конечно, человек известный, спора нет, но не до такой же степени, чтобы чужим были знакомы подробности его биографии.

Неясно, как повернулось бы дело дальше (Эдик Подгурский дорожил репутацией горячего человека, а тут явно оскорбляли, и он, прикипев к обидчику глазами, уже поднялся с крыльца и двинулся навстречу), но тут вмешался Миша Гайда. Его в станице звали ещё Мишей-безногим.

Миша успел выпить в подвальчике стакан терпкого яблочного вина, подстригся и сейчас, пахнущий одеколоном «Сирень», то и дело ворочающий шеей – за ворот во время стрижки по обыкновению нападало колючих волосинок, – благодушно беседовал с соседом о международном положении и базарных ценах на сахар. При появлении неизвестного Миша-безногий слегка подался вперёд, напряжённо прищурился да так и смотрел на него всё то время, пока разворачивались события. Оттолкнувшись зажатыми в крепких руках деревянными колодками, он даже отъехал от крыльца, чтобы лучше видеть. По ставшему мученическим лицу можно было догадаться, что в голове у Миши идёт усиленная работа мысли.

– Хлопцы, та то ж Вася Индус! – громко объявил вдруг Миша-безногий и в изумлении оглянулся на крыльцо. Для большей уверенности он объехал богато одетого мужика вокруг, гремя по плитам тротуара

своей тележкой на подшипниковом ходу. Снизу вверх заглянул в его уродливое лицо. – Эге, как тебя. Сразу не узнаешь… Не, хлопцы, – Вася, точно, Вася!..

И тут произошло непонятное. Мужичок прямо на глазах затуманился, заколебался, пошёл рябью и как бы вылинял. И не таким уж добротным оказалось его полупальто, и голубой барашковый воротник, похоже, был побит молью, и сапоги стоптаны набок… Желающие подстричься утратили к нему интерес, переглянувшись, продолжили свои неторопливые разговоры, так непочтительно нарушенные. Во всём их виде чувствовалась лёгкая досада, будто обещано было нечто чрезвычайное и захватывающее, да вот не состоялось. Кто-то из брюнетов-парикмахеров спросил:

– Таки тот самый Индус?..

Когда ему ответили, темпераментно плюнул и, подбивая коленками полы белого халата, направился к терпеливо дожидающемуся клиенту. Вслед за ним, встревоженно переговариваясь, отошли от окна другие парикмахеры. Вернулся на своё место и Эдик Подгурский, презрительно передернув плечами и усмехаясь:

– Нехай с ним другие балакают!..

А неизвестный мужичок, который оказался всегонавсего Васей Индусом, постоял-постоял, да так больше ничего не дождавшись – будто и не он это находился на улице родной Солончаковской, не его больше десяти лет здесь не было, – двинулся дальше. Оглянулся, но никто на него не смотрел.

– Р-р-рабсила! – в сердцах рявкнул он. И так поддел подвернувшегося под ноги нерасторопного кота, что тот, перевернувшись в воздухе и заверещав, опрометью кинулся на ближнее дерево.

– Психует, – констатировали на крыльце. И бросили вслед: – Не трогай животную! То тебе не при румынах.

Вася на голоса не оглянулся.

– Рабсила! Стадо! – повторил он с тоской и неизъяснимой досадой.

– Гуляй, гуляй! – слышалось от крыльца парикмахерской в ответ. – Романешты! Полицай!..

На этот раз Вася промолчал.
Увы, сказанное было правдой.

Когда в сорок втором станицу Солончаковскую на недолгое время заняли румыны, Вася пошёл в полицаи. Было ему в ту пору восемнадцать лет, он работал в карьере, ломал камень, который мелкими блёстками походил на сахар рафинад, только серый. У советской власти были свои милиционеры, свои начальники, а тут – всё заново, и Вася с силой запустил кувалду в каменную глыбу: «Нема дурных! Сами заробляйте себе силикоз!..»

Он был молод, нетерпелив, а главное, к прежней власти у него имелся счёт.

В румынской армии чувствовалось что-то несерьёзное, почти оперетточное – сметливые станичники это быстро поняли. И в самом деле, что это за войско, где вместо ремней на винтовках – верёвки, а у часовых, охранявших колхозный хлеб, который ни вывезти, ни сжечь прежнее начальство не успело, можно за полулитра самогонки насыпать мешок зерна?.. Там, где полагается быть машинам, – телеги-каруцы, запряжённые задумчивыми меринами. А румынских танков за всю оккупацию так никто и не видел.

Впрочем, Солончаковской, может, просто повезло – передовые румынские части прошли через станицу ночью, не задерживаясь и не оставив сколько-нибудь памятного следа. А обозники, они и есть обозники. В любой армии. Но как бы там ни было, солончаковские жители решили, что новая власть ненадёжная и связываться с ней не стоит.

Мужики постарше, которых в Красную Армию призвать не успели, под всевозможными предлогами идти в полицаи отказывались. Пошла одна молодёжь. Видимо, привлекала этих парней возможность ходить с винтовкой за спиной и ловить на себе уважительно-опасливые взгляды. Но вполне вероятно, что просто никто их вовремя не предостерёг, не сказал по-доброму: куда лезешь, хлопец?! То ж дурное дело. Паны дерутся, а у холопов чубы трещат!..

Васю остановить было некому. Его отец пользовался в Солончаковской репутацией пришибленного чело-

века. В своё время Никифор Купко отказался вступить в колхоз и только покрякивал от налогов, которыми его как единоличника каждый год навьючивали. В станице по этому поводу рассуждали: оно, конечно, хорошо, когда над тобой нет начальства и ты сам себе хозяин. Но чтобы целый год жилы рвать, а потом у тебя всё заберут – э, нет! Такой свободы не надо.

Долго вспоминали, как Васиного отца привели к председателю райисполкома. «Не хочешь, значит? – прожёг его орлиным взглядом предрика и дёрнул шеей в тугом вороте полувоенного френча, мода на которые среди ответственных работников докатилась и до Солончаковской. – Тебе добра хотят, а ты!.. Посмотрим! – Не сводя с Никифора пронзительного, ничего хорошего не обещавшего взгляда, он поднял телефонную трубку и громко заговорил, пробиваясь сквозь шум и треск многих сотен километров: – Але, Кремль? Это вы, Михаил Иванович?.. Тут, понимаете, у нас Никифор Купко в колхоз идти не хочет… Не панькаться? На Соловки? – Предрика поднял на Васиного отца уже как бы сочувствующие глаза, словно говорил: ну вот, доигрался! – Добре, Михаил Иванович, отправим. Нехай на Соловках ума наберётся. Дадим сутки, не надумает – туда ему дорога!..»

Такие сценки в кабинете разыгрывались не только для Васиного отца. Упрямцев, не понимающих своего счастья, поначалу хватало. А запомнили историю потому, что только на Никифора Купко не подействовали авторитет всесоюзного старосты и угроза оказаться на Соловках. Спустя сутки, проведённые в каталажке, он всё так же пожимал плечами: «Чего мне в том колхозе?.. Не пойду, не». – И дураковато при этом улыбался.

Что с такого возьмёшь?..

На Соловки его не отправили. Правда, председатель райисполкома бросил многозначительную фразу: «Придёт коза до воза!..» Что это была не пустая угроза, предстояло ещё узнать, а пока к семье накрепко пристало прозвище Индусы – от формулировки «индивидуальное хозяйство». Оно почти заменило фамилию. Васю разве что в школе знали как Купко. Да ещё кассир в карьере так звал, когда заставлял расписываться в ведомости.

Особых зверств в Солончаковской при румынах, надо признать, не было. Да и за что? Всё прежнее начальство куда-то исчезло, потому, наверно, и партизан в районе не оказалось. Да и что бы им делать в безлесой на многие километры степи вокруг?.. О сигуранце, этом румынском гестапо, ходили разве что глухие слухи, румыны даже евреев не тронули. Самое большее, что позволяли себе полицаи (Вася Купко тоже), это остановить на улице какого-нибудь Йоську или Фиму и спросить:

– Жидик, где твой дом?

– На дороге под говном, – быстро и в рифму говорил Йоська или Фима то, что от него ждали.

Чем и вызывал общее веселье. Не только полицаев – в Солончаковской не могли забыть, как ещё недавно за одно слово «жид» тягали в суд и штрафовали. Жители станицы считали, что это слишком – за слово.

В сорок третьем Красная Армия освободила Солончаковскую. Увезли в северо-восточном направлении полицаев и другой сомнительный люд, сотрудничавший с румынами. Получил свои десять лет и Вася Купко. Его так и не выпустили из кутузки, куда он был посажен ещё румынским комендантом, – Вася не выполнил приказ, отказался реквизировать корову у матери бывшего председателя райисполкома.

Впрочем, на любопытное это обстоятельство советский суд в ту горячую пору внимания не обратил.

2

Пасха выдалась ранняя.

Не то чтобы очень, но и не поздняя, майская. На кладбище вовсю зеленели, а на припёке – уже и цвели одуванчики. Глянцевито лопушились круглые листья мать-и-мачехи. Грачи на пока не распустившихся и оттого чёрных, будто обугленных акациях подновляли гнёзда, хозяйственно кричали и с неодобрением поглядывали вниз, на расположившихся у могил людей – в основном, женщин.

На Пасху солончаковские жители и увидели Васю

во второй раз. Вася шёл через кладбище уже без полупальто и, понятно, без фибрового чемодана. Но смотрел вокруг всё так же гордо и с некоторым вызовом.

– Васю, цэ ты?.. – Сердобольные старушки, защищаясь от молодого апрельского солнца сухонькими ладошками, всматривались в его бугристое лицо. Они узнавали его – и не узнавали. – Цэ ты, Васю?.. То иди до нас, помяни небожчика.

В этот день было принято зазывать на могилы повстречавшихся знакомых или родственников, поднести им стаканчик, угостить кутьёй и крашеными яйцами, по-местному – галунками. Зазывали, правда, не всех, а с разбором. Вася это знал. Польщенно поигрывая желваками, он свернул к ближней могиле, скупо поздоровался.

– Сидай, Васю, сидай! – Старушки задвигались на домотканном половичке, специально по такому случаю захваченному из дому. – Помяни небожчика. Нехай земля ему пухом…

Садиться рядом со старухами Вася не захотел, но коленями на половичок всё же опустился. Он принял рюмку и, сняв шапку, бормотнул полагающиеся в таком случае слова. Было ясно, что солончаковские обычаи Вася помнит и уважает.

– Кутья с мёдом, свячёная, – не без самодовольства сказала хозяйка угощения, подтягивая за концы к нему платок, на котором располагалось всё то, с чем приходят обычно в Пасху на могилы. – А батько где? Или ты один?

Вася зачерпнул ложку сладкой пресной кутьи, не спеша пожевал металлическими зубами. Коротко ответил:

– Идут батько. Позади.

Старушкам очень хотелось узнать, как Вася жил последние годы, но суровый Васин вид к расспросам не располагал. И они заговорили о том, о чём прилично говорить в такой день, – об умерших.

– Ты до мамы и до сестры наведаться?

Вася сдержанно кивнул. Закивали и старухи:

– Так, так, рано твоя сестричка умерла. А красивая ж была, молоденька!.. Вон живёт. – Одна из старух показала глазами на бродящего по кладбищу тихого су-

масшедшего Колю Черноморца. Ему подавали куски кулича и галунки, он в ответ торопливо крестился и складывал всё в большую брезентовую торбу. Старуха, передразнивая сумасшедшего, скороговоркой забормотала: – Каустик, карбид, хлорка! Каустик, карбид, хлорка!.. Никто б за ним не плакал, а живёт. То правильно?

– Не можно так говорить, – возразила другая старуха, поджимая губы. – Каждому Бог свой век даёт.

– Даёт, а где ж правда? Добре, когда молодые умирают?

– То Божья воля, не нашего розума дело.

– Чего ж не нашего? Правда ж должна быть!..

Разговор грозил принять ненужный оборот (старушка с поджатыми губами поджала их ещё больше и, по всему видно было, отступаться от своего не собиралась), тогда хозяйка угощения, как хозяйке и положено, поставила точку:

– Не трэба, жиночки. Не гневите Бога в такой день. – И перевела разговор на другое: – Ты, Васю, помнишь, где сестра и мама поховани? Найдёшь могилки?.. Сколько ж лет прошло, до войны ещё умерли, давненько…

Вася ничего на это не ответил. Он поднялся с половичка, вытер рукой губы и надел шапку на голову в обширных залысинах. Странная усмешка бродила по его лицу.

– Не Бог век даёт, а люди! – громко, да так, что на секунду даже приумолкли грачи на кладбищенских акациях, гаркнул Вася. Удивительно было, что в невзрачном теле жил такой могучий голос. – Люди, вот где вся вшивость!.. Люди, мать вашу!..

И пошёл, твердо ступая по тропинке между могилами.

Новая Васина выходка имела следствием то, что помянуть его больше не зазывали. Так что добрался Вася до могилы сестры, первой на его пути, сравнительно быстро.

– Нюся! – громко сказал он. И замолчал, трудно сглотнув. Достал из кармана, опустил у подножья креста две галунки, незамысловато крашенные в отваре луковой шелухи. Каменный крест, который он сам когда-то вытесал в карьере, стоял до половины в сухих

бурьянах. Прошлогодняя полегшая трава застилала едва заметный холмик.

– Нюся, сеструха! – с силой повторил Вася, быстро наливаясь густой чёрной кровью. – Где ж та правда, чтобы одних лечить, а других как собак гнать!.. Если батько дурила, то дочка умереть должна?! Шо ж то за гадская жизнь, сеструха! Чуешь?..

Люди у соседних могил, взглянув в его сторону, быстро отворачивали лица. В такой день всем хотелось покоя и умиротворённости, а этот человек вносил в души разлад и тоску.

Зачем?..

3

На Пасху каждому свои радости. Если женщины ходили в церковь, слушали, умиляясь сердцем, службу, святили куличи, а потом шли на кладбище, то у мужиков были другие дела. Они в тот день собирались на станичном стадионе.

Случалось это уже после обеда. Мужики в большинстве своём были из-за стола, с раскрасневшимися лицами, разговорчивые. Они тянулись через постоянно распахнутые ворота стадиона, собирались кучками возле «мавзолея», с которого на 1 Мая и Октябрьские секретарь райкома говорил речь (в праздничные дни стадион исполнял ещё роль площади), и ждали футбола. Как-то так выходило, что именно на Пасху футбольные сборные обеих солончаковских школ открывали сезон.

На стадион Васю привёл Миша-безногий. Он Васю повстречал, когда тот возвращался с кладбища. Ни о существовании самого стадиона, ни о негласной традиции открывать на Пасху футбольный сезон Вася не подозревал. Всё это в станице появилось позже, после начала его вынужденных путешествий по Колыме.

– Василь! Подожди!.. – Миша-безногий налёг на деревянные колодки, яро загудели подшипники его тележки по каменным плитам, которыми были вы-

ложены оба тротуара центральной улицы. – Постой, Василь! Чего скажу!..

Вася приостановился, хмуро покосился на инвалида. Хмель от выпитой на кладбище водки прошёл, и вид у Васи был всё так же неприступен.

– Ну?

– Не нукай, не запряг! – бойко, плутовато щурясь, заговорил Миша-безногий, подъехав ближе и задрав вверх успевшее загореть лицо. Надменный Васин вид, похоже, его нисколько не смущал. – Невжели зараз вот так до дому отпускают, га? В хромовых чеботах и чтобы воротник барашковый?.. Сауляк, так тот вернулся в фуфайке. Мою бачишь? Третий год ношу, а у него хуже!..

Вася настороженно подождал, но инвалид по-прежнему добродушно щурился, опираясь зажатыми в крепких руках колодками на плиты тротуара, и ничего обидного говорить вроде не собирался. И оттого Васино лицо несколько смягчилось.

– Сауляк когда вышел? – спросил Вася. Его одногодок Сауляк тоже служил при румынах в полицаях.

– Когда?.. Да прошлым летом приехал!

– Ну. И у меня тогда срок кончился.

– Так где ж ты пропадал?! – Миша-безногий высоко вздернул плечи и в недоумении даже пристукнул колодками по тротуару. Только сейчас стало заметно, что он изрядно навеселе. – Или до дому не хотел? Десять лет, то ж подумать!.. Я б на крыльях!.. Где пропадал, га?

– Где… – Вася снисходительно повёл головой, словно услышал нелепый вопрос. – Пахал в руднике. Зарабатывал! Где…

После секундного раздумья Миша-безногий захохотал:

– Это я понимаю! Молодец!.. Чтобы не в фуфайке домой вернуться. Гордый!.. – И выставил из-за пазухи горлышко бутылки, заткнутое кукурузным кочаном. – От бурячанки нашей не отвык? А то давай за компанию, я сегодня с выручкой, геть чисто весь товар продал. Петушки, звёздочки и леденцы перед праздником как водой смывает. Сам из сахара варю, сам продаю – на одну пенсию разве ж проживешь?.. По граммульке, га?

Так как ни словом, ни выражением лица Вася сопротивления не выказал, инвалид и потянул его на стадион. Распивать спиртное на центральной улице станицы, тем более самогонку, было небезопасно. Солончаковская милиция такие вещи не поощряла.

Подоспели они к скандалу, почти что к драке. Станичные мужики гнали со стадиона стиляг.

Стиляг было трое. Сын директора карьера, его подруга, недавно присланная в райбанк молодой специалист, и продавец магазина «Культтовары», известный тем, что ездил в краевой центр на все матчи «Кубани». Парни – в твидовых пиджаках с непомерно широкими плечами и с набриолиненными чубами. Девушка – в непривычно короткой для Солончаковской юбке, к тому же тесно облегавшей бёдра, и с пучком стянутых на затылке волос – «конским хвостом».

Возможно, в Краснодаре, а тем более где-нибудь в Ростове, на них не обратили бы особого внимания. Мода, концентрическими кругами расходящаяся из столицы Советского Союза, становилась понемногу привычной, хотя не было и дня, чтобы в газетах не появлялись карикатуры на стиляг, а то и фельетоны с неувядаемым заголовком «Пустоцвет». К тому же полноценными стилягами троицу назвать было трудно. Так, местная самодеятельность. Брюки на парнях, оценивай их знаток, оказались бы недостаточно узкими и вполне натягивались на голени без мыла. Отсутствовали и цветастые галстуки с сюжетами из тропической жизни – обезьянами и пальмами. Такие галстуки составляли гордость всякого стильного мэна. Выпускнице же финансового техникума явно недоставало туфель на умопомрачительном каблуке. А скромные изделия фабрики «Скороход», в которые девушка была обута, заменить их никак не могли.

Одним словом, городские чуваки и чувихи ещё подумали бы, принимать ли им солончаковскую троицу в свой круг. Однако отношение к троице в станице от этого лучше не становилось. Насмешек и гонений ей выпало с избытком.

– Эге, они, видать, с огорода сбежали. А кто ж ворон

пугать будет?.. – раздались голоса, едва сын директора карьера, молодой продавец «Культтоваров» и их спутница появились в воротах стадиона.

Поначалу голоса были довольно беззлобные, в них даже сквозили юмористические нотки. Но по мере того как троица, подчёркнуто не обращая на реплики внимания и даже чему-то посмеиваясь, двигалась по беговой дорожке вдоль футбольного поля, голоса становились всё раздражённее и злее.

– Ты, пугало! Чего шкиришься, закрой рот! Вырядились. В карьер бы вас, камень ломать, дармоеды!..

Больше всего доставалось бывшей студентке. И без того красные от выпитого в честь Пасхи лица мужиков раскраснелись ещё больше, гнев их был праведный.

– Кобыла! Обтянула сраку, еще зубы скалит… Чего вылупилась, тебе говорят!

Делать вид, что не слышит, троица больше не могла, и продавец «Культтоваров» высоким голосом возмутился:

– Имейте совесть! Какое у вас право так разговаривать с женщиной? Чего она вам такое сделала?

Но его слова только подлили масла в огонь.

– О, женщина, говорит. Уже попробовал!

– А они её на пару!..

– Шуруй отсюда, а то штаны снимем, дармоед носатый!..

Озлобление было нешуточное. Мужики погорячей уже привстали с лавок, вкопанных вокруг футбольного поля. В воздухе зарябили крепкие выражения.

– Почему дармоеды? Мы работаем! – срывающимся от обиды голосом воскликнул молодой продавец. – Вы люди или кто? Чем мы вам-таки виноваты?..

Сын директора карьера остановил приятеля:

– Чего ты с ними?.. – Окинув взглядом близко подступивших мужиков, он демонстративно повернулся к ним спиной. – Не видишь, с кем имеешь дело?.. – И особой, стильной походкой, поочередно поводя мощными плечами твидового пиджака и приволакивая туфли на толстой подошве «манка», он двинулся к выходу со стадиона.

Стилягам засвистели вслед. Вот тогда-то внимательно наблюдавший за сценой Вася и сказал как бы сам себе:

– Быдло.

– Чего? – быстро поднял к нему любопытствующее лицо Миша-безногий. Он слегка запыхался, потому что теперь приходилось ехать не по твёрдым плитам, а по ещё толком не просохшей земле. Тротуар у входа на стадион обрывался.

Вася усмехнулся одной половиной лица.

– Видел, как вороны галок гоняют? А те тоже соберутся кодлой – и на воробьёв… Чего? Неба мало? – Вася, словно удивляясь, шевельнул шишковатыми надбровьями. – Что в зоне, что на воле – закон один…Чего оно так? Кто бы мне сказал?..

В ответе, судя по всему, он особо не нуждался. Но Миша-безногий, питавший слабость к умным разговорам, торопливей принялся отталкиваться колодками – заспешил к «мавзолею». Там у подрастающих ёлочек можно было спокойно расположиться и под бурячанку основательно потолковать с бывалым человеком.

Но едва он раз-другой отхлебнул от бутылки и протянул её Васе, предварительно обтерев горлышко ладонью, как услышал над головой голос:

– А вам чего тут, хлопцы? Культурное ж место, понимать надо!..

За Мишиной спиной возвышался председатель добровольного спортивного общества «Урожай» Дударенков и неодобрительно посматривал то на него, то на Васю. Дударенков был в глухом офицерском кителе со стоячим воротником, в военной фуражке без звёздочки, но брюки на нём были вполне гражданские. И такие широкие, что при ходьбе, казалось, плескались вокруг ног. Председатель только что вышел из «мавзолея», в котором располагалось тесноватое помещение спортивного общества, и, заглянув по привычке за угол, который имел особенность становиться мокрым при стечении на стадион мужиков, обнаружил Мишу и Васю.

– Первомай скоро, секретарь райкома товарищ Нечипайло, передовики, понимаешь, выступать будут.

– Дударенков строго кивнул головой на «мавзолей», приземистое каменное строение с трибуной наверху, напоминавшее известную московскую конструкцию. – А вы тут распиваете, бутылки оставляете и всякое другое, понимаешь, себе позволяете. Разве ж так положено?

Вася, наклонив голову, по зэковской привычке смотрел на начальство исподлобья. А Миша-безногий, казалось, Дударенкову наоборот обрадовался:

– Геннадий Антонович, дорогой! Христос воскрес! Уважаю!.. Из начальства ты здесь, считай, один. Один среди работяг, га?! Другие боятся – чего в райкоме скажут, Пасху приветствует, а ты – вместе с народом! А почему? Потому что боевой офицер, фронтовик, военная косточка!..

Лицо у инвалида было умильное, он даже руки раскинул до отказа в стороны, готовый заключить Дударенкова в крепкие объятия. Глядя на него, Вася крякнул и отвёл глаза. Но председатель добровольного спортивного общества с укоризной покачал головой:

– Всё придуряешься, э-э! Очень красиво! – И, достав из нагрудного кармана кителя свисток, то и дело неодобрительно оглядываясь на Мишу-безногого, заторопился к центру футбольного поля. Там уже топтались, выстроившись одна напротив другой, команды солончаковских десятиклассников в длинных сатиновых трусах и китайских полукедах.

– Артист, – со сдержанным одобрением сказал Вася. – А то я подумал, ты шестеришь.

Он всё ещё смотрел исподлобья на Дударенкова, на то, как к нему в центре поля подошли два парня, капитаны школьных команд; как Дударенков подбросил вверх монету, ловко поймал её, блеснувшую в солнце, на ладонь; как команды потянулись каждая к своим воротам…

– Тот самый Дударенков, что туберкулёзом болел?

– Вылечили, – весело сообщил Миша-безногий, весьма довольный собой. – В армии до старшего лейтенанта дослужился, теперь под сокращение попал. Хрущёв офицерами семилетку выполнить хочет, догнать и перегнать Америку по мясу, молоку и шерсти!.. – Тут

Мишин взгляд упал на бутылку с самогонкой, которую он по-прежнему крепко сжимал в руке. Секунду инвалид смотрел на неё непонимающими глазами, затем ткнут Васе: – Сбил с толку чёрт чахоточный! Давай!..

Однако Вася, казалось, бутылки не замечал. Только вздулись и окаменели желваки на его уродливом лице.

– Ты чего, га? Вперед! – не сообразил поначалу Миша-безногий. Но тут же опустил голову. – Ну да… Этого стали лечить, а твою сеструху… Мы с ней в одном классе, я ещё с ногами был… Что хотят, то робят. Индусы!.. А индусы что, не люди?

– Молчи, – сказал Вася.

И столько было в его голосе силы, что Миша-безногий осёкся. Но так как по натуре он был человеком лёгким, то не обиделся, а переключился на события, которые разворачивались на футбольном поле. Через минуту уже азартно выкрикивал:

– Да бей же ж, бей! Кобыле без подставки вставляешь, а по воротам попасть не можешь!.. Судья, давай штрафной – рука!.. Э-э, хлопец, тебе в домино играть, а не в футбол!..

Вася тоже смотрел на поле, где кучей бегали два десятка парней с непривычно голыми белыми ногами. Смотрел поначалу безразлично и хмуро, готовый вот-вот уйти со стадиона. Но всё не уходил, медлил – казалось, происходящее на поле понемногу захватывало его, становилось любопытным. Застоявшиеся за зиму десятиклассники старались изо всех сил. Из-под ног летела земля с едва пробивающейся травой, лица были бледны от усердия и ответственности, а азарта хватило бы на игру и более высокого ранга.

Впрочем, не это занимало Васю. Футбол, как ему показалось, смахивал на жизнь. Здесь были свои сильные и слабые, свои правые и неправые, были удача и горькая досада, а в центре всего, главенствуя и правя, находился судья.

Он вносил в происходящие на поле события смысл и справедливость, наказывая виновных и защищая правых. И что интересно, его беспрекословно слушались. Хотя, конечно, среди болельщиков находились

такие, которые кричали: «Судью на мыло!». Но то, скорее, от молодечества, которому в немалой степени способствовало недавно принятое за столом.

Васино лицо постепенно светлело и разглаживалось, и он уже смотрел на Дударенкова с интересом и почти что с уважением.

– Дыхалка Дударя подводит, – сказал в перерыве между таймами Миша-безногий. Он объехал и поприветствовал всех своих знакомых и теперь вернулся к Васе, всё так же одиноко стоявшему у «мавзолея». Инвалид чувствовал свою ответственность за человека, которого затянул на стадион, и теперь как бы покровительствовал ему. – Туберкулёз это ж не шуточки, нехай и залеченный! Первый тайм Дударь ещё бегает, а на второй дыхалки не хватает. А куда денешься? По должности полагается бегать – председатель «Урожая»!..

– Другого судьи нет?

– Та все ж играть хотят, а не судить!

– Дураки, – отрезал Вася. – Жизни не понимают.

Миша-безногий прищурился:

– А ты понимаешь.

– Понимаю, – серьёзно сказал Вася. – Было время догадаться.

И продолжал пристально смотреть на мокрого от пота Дударенкова, который устало шагал к «мавзолею» передохнуть. Офицерскую фуражку со следом от звёздочки тот снял, и видны были потемневшие слипшиеся волосы.

Вася смотрел так внимательно, с болезненным таким интересом, что любой догадался бы – неспроста. Если не сейчас, то в ближайшем будущем что-то должно было непременно произойти.

4

Через неделю в Васиной жизни появилась женщина.

К тому времени он уже работал в карьере, который так опрометчиво оставил в смутном сорок втором. Карьер был единственным серьёзным предприятием в Солончаковской. Это всё же не коммунхоз и не артель

«Лоза», работники которой плели корзины из ивняка, в изобилии росшего вдоль берегов Кубани, и именовали своё предприятие не иначе как артель «Лоза – напрасный труд». О колхозе, отягощённом многотысячными долгами государству, говорить не приходилось. Там работали жители станичной окраины, которые свой ещё более скудный заработок компенсировали воровством с колхозных полей.

Эту женщину Вася приметил, когда получал спецодежду. Необычное Васино лицо её совсем не смутило, что случалось не так уж часто. Смуглая брюнетка, глубоко западая щеками, затягивалась крепким «Беломором», а на пальцах её правой руки, которой она бросила на дощатую стойку брезентовую робу и такие же рукавицы, синели буквы АЛЛА.

– Давно от кума? – поинтересовался Вася, узнавая в ней товарища по судьбе. Сказано это было со сложной смесью насмешки и уважения. Уважения – потому что понимающий человек не мог не сочувствовать годам, проведённым на зоне. А насмешки – чтобы не подумали, что сам он баклан дешевый и ставит себя ниже.

Вася в женщине не ошибся. Она не оробела, как это случилось бы с обычной станичницей, не опустила глаза и не промолчала – зачем связываться с недавним зэком? Она выдержала паузу, перекинула мундштук беломорины из одного угла рта в другой и сказала так, будто Вася был ей глубоко безразличен:

– Фамилия. – Причем без сколько-нибудь вопросительной интонации.

Но и Вася был не лыком шит. Началась щекочущая нервы борьба самолюбий. Но если на зоне это могло закончиться долгой враждой, а то и поножовщиной, то здесь, на воле и с женщиной, всё было намного приятней.

– Сама знаешь. – Он картинно прищурился. И с ленцой кивнул на ведомость возле чернильницы и перьевой ручки. – В цидулке написано.

Не говоря ни слова, женщина полоснула его взглядом и подтолкнула по стойке ведомость. Вася, не меняя выражения лица, расписался.

– Кум привет не передавал?..

– Кум мне без разницы, – ответила всё-таки женщина. – «Дальрыба». Пять лет по вербовке. Вопросы имеются?

– Базара нет, понимаю! – Вася, словно извиняясь, пожал плечами. Он слышал, что нравы среди работниц рыбных комбинатов на Камчатке и Курилах мало чем отличались от лагерных. Так что в какой-то мере он оказался прав.– Где живёшь, краля?

– Захочешь, найдёшь, – высокомерно ответила женщина, не удостаивая больше Васю взглядом. И длинно выдохнула папиросный дым. Хотя бы таким образом она хотела отыграться.

Противницей в извечной любви-вражде между мужчиной и женщиной Алла обещала быть достойной. И это Васе понравилось. Не пресная какая-нибудь солончаковская бабёнка, а с перчиком, пряная, горячащая кровь – что надо!..

Найти её хату в Солончаковской, где все друг друга знают, не составило особого труда. В ближайший выходной Вася уже стоял перед одним из домов на тихой улице имени Розы Люксембург. Правда, смущало несколько то, что обитала Алла там, где раньше проживал председатель райисполкома. Тот, который пугал Васиного отца Соловками и за корову которого румынский комендант посадил самого Васю в каталажку. Вася секунду помедлил, окинул взглядом давно не белёные стены, вьющийся виноград, забравшийся на красную черепицу крыши, но потом решительно поправил в кармане бутылку любимого женщинами портвейна «Три семерки» и толкнул дверь.

– Принимаешь, хозяйка?

То, что такая шмара не может в воскресный вечер быть одна, Вася не сомневался. Но сразу двух мужиков встретить всё же не ожидал. За столом, застеленном дефицитной блескучей клеёнкой (по-местному, циратой) и уставленной закусками, сидел бухгалтер райпотребсоюза и ещё какой-то человек такой же упитанной наружности. Похоже было, что и они не ожидали в этот вечер увидеть у Аллы кого-то ещё.

– Иду, значит, мимо, – начал Вася, с пристуком ставя на клеёнку портвейн, – а малые дети пристают, за руки хватают: «Дядя, дядя, батьки наши пропали! Мамы все слёзы выплакали, а их всё нема! Скажите, их дома ждут. Нехай идут скорее!..»

Вася опустился на табурет, независимо закинул ногу на ногу и сложил на коленке ладони. Бухгалтер и его приятель переглянулись. Намёк был более чем прозрачный, можно сказать, издевательский. Оба были женаты.

– Нехай подождут, – сказал бухгалтер.

– Не подождут, – твёрдо сказал Вася и кивнул на дверь. – Выйдем.

Конечно, он рисковал. Алле могло его поведение не понравиться. Вася как бы и её упрекал детьми, отцов которых она привечает. И вообще, что это такое – пришёл в чужой дом и командует!.. Но Алла в разговор не вступала. Отставив руку с папиросой в сторону, она время от времени касалась сооружённой по случаю выходного дня прически, подбивая падающие на плечи тяжёлые чёрные локоны. Смутная улыбка бродила по её цыгановатому лицу.

Что Вася сказал за дверью бухгалтеру райпотребсоюза, осталось тайной. Однако тот вернулся в комнату довольно быстро, собрал со стола и рассовал по карманам закуску, затолкал за пазуху недопитую бутылку, а потом хмуро кивнул приятелю:

– Пошли, Петро… Он меня попомнит!

На презрительно улыбающуюся Аллу бухгалтер старался не смотреть.

Однако праздновать победу, как вскоре оказалось, было рано. Не успел Вася под сдержанным Аллиным взглядом расположиться за столом, как в комнату ворвалась растрёпанная старуха с маленькой девочкой на руках. Вторую девочку, постарше, она толкала впереди себя.

– Шо ты ро-бишь, Ал-ла?! – закричала она, для большей убедительности скандируя слова. – Чего о детях не ду-ма-ешь?!. Я тебе хоть слово сказала, когда ты на Дальний Восток завербовалась? Земля на Володиной

могиле ещё не о-се-ла! Сталину кинула на меня – укатила!.. Любасы табунами ходят. От тех хоть помощь – угля на зиму привезут и жома для коровы. А с полицая чего возьмёшь? Где ж твой ро-зум?!

Вся сдержанность с Аллы вмиг слетела.

– Это не ваше дело, мамо! – сверкнув глазами, закричала она в ответ. – Вы мне не указывайте, я свободная женщина!

– Знал бы Володечка с кем на фронте свя-зал-ся! В могиле сейчас переворачивается! Сталина, Валя, не любит вас мам-ка!..

Из дальнейшего возбужденного диалога Вася мог понять, первое: отступивший вместе с Красной Армией бывший предрика стал офицером и с войны вернулся домой с женой. Второе: от фронтовых ран он вскоре умер, оставив на руках у жены малолетнюю дочь Сталину. Третье: с Дальнего Востока Алла привезла ещё одну дочь. И четвёртое: «любасы», как свекровь назвала ухажёров невестки, были полезными в хозяйстве людьми.

– Иди сюда, – поманил Вася девочку постарше. Вмешиваться в женский гвалт – дело для мужчины последнее. И достал из кармана кулёк с конфетами-подушечками. – Бери.

Девочка, на которую происходящее на её глазах событие особого впечатления не производило (должно быть, привыкла), – почему-то застеснялась. Однако всё же оторвалась от бабушкиной юбки, схватила кулёк и быстро шмыгнула обратно.

– С сестрой поделись, – назидательно посоветовал Вася. А сам спросил у старухи: – Мамаша, минуту вашего внимания. Вы меня часом не помните?

Разгорячённая руганью старуха отрезала:

– Не помню и помнить не хочу!

– Не помните или не хотите? – уточнил Вася.

– Что мне до тебя! Мне вон внучек на ноги ставить надо, а мать у них…

– Э, давайте культурно, – Вася выставил ладонь в сторону уже набравшей полные лёгкие воздуха Аллы, призывая к спокойствию. – Родные ж люди. То есть поч-

ти родные… Вы, мамаша, помните, как румыны хотели корову у вас забрать? Перед самым отступлением. И молодого полицая прислали. А он не стал корову забирать, вас пожалел – с чего бы вы без коровы жили?.. К вам в тот год, как раньше к индусам, отношение было.

Старуха сбавила тон:

– Когда то было... У меня зараз другие заботы.

Вася некоторое время внимательно смотрел на неё.

– Так не помните?

– Не морочь голову! У меня…

– А давайте, чтобы забот у вас было меньше! – махнул Вася рукой, словно смиряясь с человеческой забывчивостью на добрые дела. Он разлил по стопкам портвейн «Три семерки». – Садитесь, мамаша, выпьем за наше второе знакомство. А чего ж!..

Старуха поначалу отказывалась, но Вася всё-таки заставил её сесть за стол.

Выпив, Аллина свекровь оказалась не такой уж и сволочной бабой. Смягчилась к невестке и даже всплакнула, вспоминая, как тяжело ей жилось во время оккупации. Ещё хуже, чем после смерти сына.

Вот только признавать Васю своим благодетелем она никак не хотела, ссылаясь на слабую память.

5

В середине пятидесятых станица Солончаковская напоминала Голландию. Но не тюльпанами и не ветряными мельницами. Ветряков здесь никогда не водилось, а тюльпаны, слабость к которым местные хозяйки хотя питали и регулярно высаживали ранней весной под окнами, росли всё же не в таком количестве, чтобы соперничать с Голландией.

Сходство было в другом – в велосипедах. Их в станице почему-то называли веломашинами. Время мопедов и мотоциклов было ещё впереди, не говоря уж о легковых автомобилях, появившихся в частном владении и того позже. Веломашины в Солончаковской были в те годы основным средством передвижения. Не

только для подростков, для которых это было делом престижа, но и для вполне взрослого солидного населения. На веломашинах ездили на работу, в магазины за покупками, на Кубань купаться и просто в гости. Ездили учителя, служащие районных учреждений, рабочие карьера, труженики славной артели «Лоза» и прочий солончаковский люд.

Даже сам секретарь райкома товарищ Нечипайло, хотя имел персональную «Победу», иной раз по утрам подъезжал к зданию районного комитета партии на веломашине. Как самый обыкновенный человек, он снимал бельевую прищепку с правой штанины, опускал её в карман светлого чесучового пиджака и, пристроив своё средство передвижения среди стоящих у стены веломашин рядовых инструкторов, поднимался по крыльцу райкома. Было ли это данью демократическим порядкам, утверждавшимся в стране в связи с приходом нового генсека Хрущёва, или же таким изначально был менталитет потомков запорожских казаков – неизвестно. Но факт остается фактом: по велосипедам на душу населения Солончаковская вряд ли уступала Голландии.

Задумал купить себе веломашину и Вася. Дело не только в традиции, образовавшейся в станице за время его отсутствия. Веломашина значительно сокращала дорогу до карьера. Потому-то в один из майских дней, когда доцветала сирень, а в воздухе ощутимо пахло пылью и близким летом, Вася появился в магазине «Культтовары».

В силу уже упоминавшихся причин магазин был ещё клубом футбольных болельщиков. Не тех, что приходили на стадион от нечего делать на Пасху, а настоящих фанатов, знавших по именам не только игроков «Кубани» или ростовского СКА, но и киевского «Динамо», московского «Спартака» и даже игроков тбилисского «Динамо», фамилии которых, что ни говори, запомнить не так-то просто. В центре внимания находился, как правило, молодой продавец, поклонник краевой команды и брюк в дудочку. Опершись руками на прилавок, он с жаром рассказывал кучкующимся по другую его

сторону приятелям о последней игре «Кубани». Когда не хватало слов, продавец, рискуя порвать узкие брюки, перемахивал через прилавок и вдохновенно демонстрировал какой-нибудь поразивший его финт.

– А покажи-ка мне веломашину, – сказал ему Вася. – Но чтобы добрая. А то знаю я вас.

– Кого – вас? Что вы имеете в виду? – надменно выпрямился молодой продавец, прерванный на самом интересном месте своего рассказа.

– Кого надо. Показывай. – Каяться ни перед кем Вася не собирался.

Продавец мотнул подбородком на противоположную стену тесноватого торгового зала, возле которой, прислонённые, стояли несколько новых велосипедов с обмотанными промасленной бумажной лентой рамами. А сам, подчёркивая своё пренебрежение, продолжал рассказ, будто Васи здесь и не было.

Однако тот отходить от прилавка не торопился.

– А то что у тебя? – Вася ткнул пальцем на одну из брошюр. Целый их развал (все – на спортивную тему) виднелся за спиной молодого продавца.

Продавец словно не слышал Васю.

– Покажи.

– То будет вам неинтересно, – вскользь бросил продавец, не прерывая своего рассказа. И подмигнул приятелям: полицай читать умеет! Книжкой о футбольных правилах интересуется!..

Вася стремительно перегнулся через прилавок, схватил продавца за рубашку на груди и притянул к себе:

– Ну?!

– Отпустите меня! – тонким голосом закричал продавец. – Что вы себе такое позволяете!..

Секунду помедлив, Вася разжал пальцы и спокойно сказал:

– Что ж вы кроме силы ничего не понимаете? Что ж только страх вас людьми делает?.. – На этот раз, похоже, подразумевая не только солончаковских брюнетов, но и многих других жителей станицы. – Совесть должна быть или как? Люди вы или кто?..

Веломашину он в тот день купил. Но самым ценным приобретением для него стала всё же брошюра о футбольных правилах. Её Вася обернул в газету, постоянно носил с собой и читал в свободную минуту.

Он хмыкал, качал головой, удивляясь предусмотрительности этих правил. Порой не мог удержаться и принимался рассуждать об их справедливости. В основном делал это в присутствии отца, в доме которого жил. Дистанция между Васей и большинством остальных солончаковских жителей всё ещё оставалась.

– Слухайте, батьку, – глядя в брошюру, он поднимал вверх указательный палец и монотонным голосом начинал: – Положение «вне игры» или «офсайд» наказывается свободным ударом в сторону ворот команды, нарушившей правила… – Вася вскидывал на отца глаза. – А разве ж не правильно? Зуб даю. Ты не хитри, делай по-честному! А то можно стоять у чужих ворот, ждать, когда мяч дадут, чтоб на дурнычку забить. Не будь хитрожопым! Ты побегай, обыграй защитника, тогда забивай. То будет справедливо. И кто такие честные правила составил, батьку? Как думаете?.. – И Вася сам себе убеждённо отвечал: – Не наши, нет!

Никифор Купко на всё это пожимал плечами. Разговор обычно происходил в конце дня, после работы, на пороге приземистой саманной хаты, которую Никифор построил ещё в молодости. Положив на колени хомут или какую-нибудь другую часть лошадиной упряжи, он орудовал шилом и толстой цыганской иглой, приводя упряжь в порядок.

– Оно тебе надо? – отзывался наконец Никифор, обрезая острым сапожным ножом дратву.

Вася задумывался и загадочно говорил:

– А что ж всё время делать, как другие скажут?.. Нехай делают, как я скажу.

– Э-э-э… – неопределённо тянул Никифор. Что можно было понимать так: суета и пустое дело. Другому человеку свой ум в голову не вложишь и по совести делать всё равно не заставишь. Жизнь такая.

В колхоз Никифор так и не вступил. Последние

годы он работал ездовым в райкоммунхозе. При недостаточности грузового автотранспорта услуги его кобылы пользовались у солончаковских жителей немалым спросом. Нельзя сказать, что Никифор был совсем независим, но его положение многие считали завидным: он мог подрабатывать – кому что подвезти, помочь погрузить. В обход коммунхозовской кассы, понятно. Калымил, как говорили в станице. Никифор своей нынешней жизнью был в общем-то доволен.

– Или смотрим параграф восемь, «игра рукой», – продолжал Вася, не смущаясь прохладным отношением отца. – Если все бьют мяч ногами, какое ж ты, падла, имеешь право рукой себе помогать?.. Получай штраф! А если в штрафной площадке, то одиннадцатиметровый или… – воодушевлённый Вася всматривался в непривычное иностранное слово, – ага, пенальти. А вот дополнение. Игра рукой бывает умышленной и неумышленной. Это когда мяч сам в руку попадает – тот, к примеру, не хотел, а мяч попал! Тогда штрафного не требуется. Нет, умные, умные правила!.. Дударенков говорит, англичане придумали.

Не отрываясь от дела, Никифор заметил:

– Так-то оно так. А главный тот, кто за правилами следит. Правила ж можно повернуть и туда, и сюда. Как там написано – «умышленно»? А кто скажет, умышленно или нет? Кто определяет?..

Вася несколько секунд не отрывал от отца взгляд. Такой проницательности, надо сказать, он от него не ожидал. Как и все в Солончаковской, Вася считал, что отец – человек недалекий.

Никифор будто в душу его заглянул. Суд решил, что он пособник оккупантов. А кто посчитался с тем, что это было по молодости? Что жизни другой хотелось – не карьера с силикозом? Что не мог забыть, как задыхалась, синела лицом сестра, а её не хотели брать в больницу, потому что дочь «индуса»? Как Нюся умерла, захлебнувшись собственной кровью?

Судьи…

– Ты, я слышал, женщину себе нашёл? – продолжал между тем отец. – Женись, так лучше. Дети пойдут, бу-

дет кого розуму учить. Сам чего не так сделаешь – жинка поругает, тоже хорошо, на пользу. Будешь знать, для чего в карьере робишь. А все эти футболы, правила.... Не верь! То не для нас. Брехня!

Никифор с глубоким презрением плюнул за порог, тяжело посмотрел на сына.

Но тут же спохватился и глуповато, блаженно, как за многие годы привык, заулыбался.

6

Ритмично скользит Васина нога по округлому женскому бедру, мягкая грудь навалилась ему на руку, скрипит под двойной тяжестью веломашина. Это Вася везёт Аллу на Кубань купаться.

Самая пора. Июнь в Солончаковской месяц жаркий, к тому же позади рабочий день, надо смыть с себя каменную пыль карьера.

Сидеть на раме Алле неудобно, стальная узкая трубка режет бедро, но женщина не подаёт вида. Может, по причине самолюбивого характера. А скорее всего, потому, что лето наполнено простором, долгими солнечными днями, запахом цветущих трав и поспевающей черешни. Вся эта благодать заставляет не обращать внимания на мелкие неудобства.

К тому же Алла в Васю влюблена. Лицом урод, это правда, но есть в нём сила, внутренний порядок и крепость – Алла чувствует. На фронте и в «Дальрыбе» она повидала разных мужиков, так что настоящего отличает сразу.

Алла налегает грудью на Васину руку всё больше, в уголках её губ прячется усмешка. Сколько, интересно, Вася продержится?.. Осознавать свою власть над мужиком, в особенности над сильным, любой женщине приятно.

Вася давит на педали, горячо дышит Алле в затылок, но сворачивать в заросли лозняка не торопится. У него собственная гордость. Не фраер, под чужую дудку не плясал и плясать не будет, пусть даже это дудка фартовой бабы. Ноздри у Васи побелели, зубы стиснуты, но он стойко терпит и везёт Аллу строго на пляж.

Солончаковский пляж – одно название. Это поросший травой берег Кубани, отличающийся от других мест разве что покосившимися дощатыми грибками с облупившейся краской и полуземлянкой спасательной станции. Вася тормозит у самой воды, ссаживает Аллу. Женщина одергивает крепдешиновое платье и ясными глазами, как ни в чём не бывало, осматривается по сторонам.

– Эдик уже хороший, – говорит она и кивает в сторону спасательной станции. А сама скользит взглядом по Васиным брюкам, удовлетворённо улыбается.

Васе эта победительная женская улыбка не нравится, и он, засунув руку в карман, усмиряет плоть. Пренебрежительно цедит:

– Баклан дешёвый. На понтах всю дорогу.

Между тем медбрат Эдик Подгурский того и гляди упадёт с лавочки. К спасательной станции приближаются пацаны, пинающие в траве мяч, просят Эдика что-то объяснить, но тот отмахивается неверной рукой.

– В душу, щелкопёр паршивый, насрал, – неизвестно кому с чувством сообщает он. – Кто видел меня пьяным? Кто?!.

Эдик переживает. На днях в районной газете был напечатан фельетон о неудовлетворительной работе спасательной станции. Среди прочего было отмечено, что Эдик злоупотребляет казённым спиртом. Но тяжелее всего Эдик переносит то, что был назван медсестрой. В газете так и написано: «медсестра Подгурский». Для самолюбивого Эдика это кровное оскорбление.

– Кто ж так принимает мяч? – на минуту он забывает о своей муке. Поднимается с лавочки и идёт к пацанам. – Смотри, пенёк… Бей! Изо всей силы бей!..

Эдик валится на траву с намертво принятым мячом, и пацаны на секунду притихают. Медбрат – вратарь сборной станицы, один из лучших солончаковских футболистов. Даже крепкий градус ему не помеха.

– Купаться будешь? – Вася пробует привлечь внимание подруги. Ему не нравится, что Алла так долго смотрит на этого фраера Эдика. – Пошли переодеваться! – Он кивает на недалёкие заросли лозняка. – Ну?..

На этот раз показывает характер Алла.

– Даже не знаю… Чего-то неохота. Посижу пока. – И женщина садится на траву, тщательно оправляя складки крепдешинового подола. Выражение лица у неё самое невинное.

Вася играет желваками и в одиночестве направляется к кустам. Кабинок для переодевания на солончаковском пляже не предусмотрено. Через несколько минут, обо всём позабыв, он уже жизнерадостно гогочет в воде. Вынырнув, резким взмахом головы отбрасывает в сторону мокрые волосы, плывёт на середину Кубани, выскакивая после каждого мощного гребка из воды почти по пояс.

Слепящей чешуёй трепещет река под всё ещё высоким июньским солнцем, в пронзительно синем небе планирует белая чайка с красным клювом, Васино тело омывают тугие прохладные струи – и ему так хорошо, как давно уже не было.

– Свобода!.. – выдыхает Вася, выбираясь в конце концов на берег и скользя по траве мокрыми ногами. По зэковской привычке он присаживается на корточки, поправляет на голени намокший бинт и от полноты чувств добавляет несколько крепких слов. – Весь червонец мечтал об этом, мёрзлую землю грыз!.. Свобода, падла! Родина! Всё отдам!..

Алла затягивается беломориной и поощрительно щурится сквозь дым. Васины чувства ей понятны. Действительно, хорошо – лето, мягкий ветерок, белейшие вспененные облака над дальней далью за Кубанью…

– Кто это тебя? – Она касается пальцем шрама на Васином боку.

Тот с досадой дёргает плечом:

– Оставь!..

– Под лопатку метил, в сердце. Как фронтовая медсестра тебе говорю.

Алла из тех женщин, которые свои чувства демонстрировать не привыкли, но Вася тем не менее улавливает в её голосе запоздалую тревогу. И коротко объясняет:

– В лагере тоже правду не любят… Повезло, живой остался.

– Так не нарывайся, – вскользь роняет Алла. – Людей не переделаешь. Себе дороже.

Вася тоже закуривает и сквозь зубы цедит:

– Что ж, человек – скотина, своей гордости иметь не должен? Всю жизнь шестерить и молчать ему?.. Ни хрена!

Однако говорить об этом с женщиной ему явно не хочется, и Вася поднимается с корточек, заинтересованно смотрит в сторону ближнего грибка.

– Цы-ы-па!.. – тянет он. – Глянь, у советской интеллигэнции рабочий день тоже закончился!..

Сказанное относится к выпускнице финансового техникума – той, что на Пасху была с позором изгнана со стадиона. На девушке смелый по станичным понятиям купальник, тёмные очки, а молодые гладкие ноги блестят от крема для загара.

Техникумовская выпускница и на этот раз в сопровождении двух своих поклонников. Без одежды сын директора карьера похож не на стилягу, а на тренированного спортсмена – мускулистая грудь, четко проступающий пресс, крепкая шея. А вот фигура продавца из «Культтоваров» подкачала – хиловата. Зато плавки на продавце самые модные. Не матерчатые, с завязками на боку, как у Васи, а эластичные нейлоновые пронзительного василькового цвета.

– Ты знаешь, кто по национальности Тарзан?

Алла с интересом поднимает к Васе лицо. Фильм про Тарзана, имевший бешеный успех, совсем недавно крутили в солончаковском кинотеатре.

– Ну?

– Заспорили, значит, индиец, американец и еврей, какой национальности Тарзан. Индиец говорит: он индиец, потому что джунгли находятся в Индии. Американец с индийцем не согласный – нет, Тарзан американец. Таким смелым и сильным может быть только американец. «Что вы такое несёте? – говорит еврей. – Тарзан таки наш. Только еврей может достать в джунглях плавки»…

Алла смеётся, но как-то принуждённо, неискренне.

Теперь ревнует она. Вася не отрывает глаз от выпускницы финансового техникума. Та спустилась к реке, пробует ногой воду, повизгивает, оглядывается на парней… Мандавошка!

– Что это у тебя? Слышь, Вась? – требует к себе внимания Алла и показывает на пятно на Васином теле.

Вася рассеянно спрашивает:

– Где? – Но глаз от девушки не отрывает.

– Вот здесь, смотри! – Алла касается пальцем большого коричневого пятна на Васином локте. – Как ушиб. О, вот ещё один!.. Болит?

– Нет.

– Давно они у тебя?

– Не знаю… – Вася продолжает смотреть на девицу пристальным мужским взглядом.

Алла не теряет надежды привлечь его внимание:

– И про ногу твою давно хочу спросить. Почему всё время повязку носишь?

– Болячка не заживает. – Вася не отрывает глаз от стиляги. – Ну, цыпа! Перший класс. Станочек!..

Девица медленно заходит в реку, кокетливо передергивает плечами, делая вид, что ей холодно, посмеивается волнующим низким голосом… Вася подался вперёд, готовый лезть в воду следом.

Смотреть на всё это у Аллы нет сил. Она решительно захватывает руками подол крест-накрест и быстро сдергивает крепдешиновое платье через голову. Улучив момент, толкает Васю в Кубань и сама прыгает следом.

Визг, хохот, Вася пытается подругу топить, та отбивается, оба нахлебались мутной кубанской воды… Вася на стилягу больше не обращает внимания – ему уже не до того.

Переодеваться они удаляются в лозняк вместе. И находятся там довольно долго. К велосипеду возвращаются – Вася усталый, словно вмиг ощутивший всю тяжесть минувшего дня в карьере, Алла наоборот – возбуждённая, радостная.

– Ты чего на неё пялился? – со свойской грубовато-

стью, как между близкими людьми бывает, спрашивает Алла. Она расчёсывает на ходу свои мокрые, цвета вороньего крыла волосы и кивает в сторону троицы. Те давно уже выбрались из воды, играют ракетками в странную игру, название у которой тоже странное, в Солончаковской не слыханное, – бадминтон.

– Стано-о-чек! – передразнивает Алла. – Как дам сейчас!..

– Уже дала, – усмешливо отвечает расслабленный Вася. – Это чтобы ты много о себе не думала

Алла замахивается, хочет стукнуть его по спине. Но натыкается на Васин взгляд и опускает руку. Даже шутить с Васей приходится осторожно.

Уже умостившись на раме веломашины, женщина, как бы извиняясь, замечает:

– Ты всё-таки сходи в поликлинику. Не нравится мне твои синяки. Ещё эта болячка на ноге… Как медсестра тебе говорю.

– Посмотрим.

– Сходи, надо!

Вася не удостаивает подругу ответом. Пусть знает своё место. То, что живёт с ним, – не основание держать верх.

7

Первенство района по футболу пришлось на август. И в этом был свой резон. Позади осталось самое главное дело лета – уборка озимых. А до второй по важности страды в районе, уборки сахарной свёклы, ещё порядком времени. Так что Дударенков, назначив первенство на первое воскресенье месяца, сориентировался, по общему мнению, правильно.

– Послухай, помощник тебе часом не требуется? – в день перед началом первенства поинтересовался у него сердобольный Миша-безногий. О хуторянах, которым предстояло играть на яром солнцепёке, беспокоиться не стоило – здоровые бугаи. А вот Дударенкова было жалко. – А то смотри, есть человек.

Дударенков на всякий случай усмешливо бросил:

– Не ты ли? – Он был чуток к любому намёку на свою болезнь, из-за которой его уволили из армии. Дударенков и сам мог при случае чувствительно уколоть.

– Тут, понимаешь, Индус выучил футбольные правила, – пропустил мимо ушей выпад Миша. – Знает, как таблицу умножения. От зубов отскакивает.

Распродав на базаре свой сладкий товар, инвалид околачивался у «мавзолея», собираясь по обыкновению отметить выходной день и пока не найдя для этого благого дела достойных товарищей.

Озабоченный Дударенков покосился:

– Зачем ему?

– А кто ж его знает!..

По живучей казацкой привычке, многое в станице делалось в самый последний момент. Уже были выдворены со стадиона окрестные козы; уже тихий сумасшедший Коля Черноморец, которого летнее утро застало под ёлкой у «мавзолея», бормоча своё привычное «каустик, карбид, хлорка…», побрёл с брезентовой торбой в поисках пропитания; уже съезжались к стадиону колхозные полуторки, в кузовах которых на кое-как обструганных сиденьях разместились крепкие хуторские хлопцы, – а подходящей кандидатуры хотя бы в боковые судьи у Дударенкова всё ещё не имелось. Как-то он попробовал было привлечь к судейству продавца «Культтоваров», но стилягу футболисты слушаться не захотели. В помощники приходилось брать первых попавшихся – чаще всего солончаковских десятиклассников.

– А где Индус?

– Где? Та дома!.. – Миша-безногий мотнул подбородком в сторону ожидающих зрелище пацанов: – Пошли кого-нибудь, пусть позовут.

Ничего другого Дударенкову не оставалось. «Сидел, конечно. Бывший полицай к тому же… Но для хуторских бычков сойдет, – успокоил он себя. – Да и какие права у бокового? Судья в поле всё решает».

Ждать себя Вася не заставил. Появился быстро и, не слезая с велосипеда, хмуро, с некоторым даже вызовом спросил у Дударенкова:

– Чего надо?

И совсем не удивился, когда тот изложил свою просьбу. Похоже, Вася чего-то подобного ожидал.

– Ладно, – отчуждённо сказал он. Отчуждённо потому, что разговаривал с какой-никакой, а властью, любви к которой не питал. К тому же Дударенков стоит перед ним живой и относительно здоровый, а сестра Нюся…

Дударенков им остался доволен. Не жалея себя, Вася мотался по кромке поля, определяя ауты, корнеры и офсайды. С неподкупным лицом показывал направление, в котором следовало выбрасывать мяч. Поднимал флажок, сигнализируя судье в поле, если видел нарушение правил. А однажды, когда один из хуторских парней, вышедший на игру в брюках и имевший о футболе очень приблизительное представление, заспорил было с ним, Вася так цыкнул, что тот счёл за благо держаться подальше.

– Ты когда-то судил? – спросил в перерыве между играми Дударенков. Спросил с уважением – Вася того заслуживал.

Вася туманно ответил:

– Все мы судьи…

– Посуди теперь в поле. Я передохну. – Дударенкову и в самом деле требовался отдых. Тем более, что приближалась середина дня, самое пекло.

Между тем стадион постепенно наполнялся зрителями. Если утром это были по преимуществу пацаны, то часам к двенадцати стали появляться взрослые. Не такое уж это событие – первенство между хуторами, – чтобы солидным людям приходить к началу. Если и суждено было в этот день быть приличному футболу, то разве что ближе к финалу. А пока с лавочек вокруг поля раздавалось насмешливое: «Кто выше бьёт – тот самый лучший!», «Дубовая голова – путь к победе!», а также реплики насчёт плохих танцоров, которые испытывают трудности по известной всем причине.

Надо сказать, солончаковские болельщики имели некоторое право на подобное высказывания. Станичный футбол переживал в те годы свой расцвет. Речь не о школьниках – их матчи были всего лишь пробой пера

возможных в будущем кумиров. Именно в ту пору на добрую половину края гремела слава Эдика Подгурского и его товарищей по сборной станицы. У старожилов до сих пор ностальгически туманятся лица, когда они вспоминают о славном времени.

И стадион, и футбол, как уже говорилось, были в станице довольно-таки новым делом. Стадион появился в конце сороковых, а играть на нём стали и того позже – в начале пятидесятых. И не только потому, что бегать прилюдно в трусах считалось в Солончаковской неприличным. О футболе тогда знали в основном теоретически – из репортажей по всесоюзному радио Вадима Синявского. И лишь когда в станицу стали возвращаться парни, призванные в армию в конце войны, всё переменилось.

Хлопцы эти были вроде бы свои, но уже как бы и чужие. Они заматерели, превратились из недокормленных семнадцатилетних пареньков в крепких мужчин с самонадеянными лицами. Эти уволенные в запас сержанты и ефрейторы говорили о Вене или Будапеште так, словно те были не европейскими столицами, а соседними райцентрами. Но главное заключалось не в этом. В занявшей пол-Европы и уже несколько лет бездействующей армии солончаковские парни пристрастились к футболу. И научились играть так, что местные десятиклассники им и в подметки не годились.

Тогда-то в станичном футболе и наступила золотая пора. О ней и рассказывать следует особо.

Разве забудешь тебя, Ваня Шевчук, когда ты, сложив на груди руки, как несокрушимый утёс возвышался в центре защиты? Какой нападающий мог пройти тебя, Ваня? Кто мог тебя обыграть? Не было такого нападающего, Ваня! Никто не мог тебя обыграть!.. Противник мчался вперёд, хитроумно финтя и бойко поглядывая по сторонам. Он рвался к воротам, и сама удача несла его на своих крыльях. Но ты не паниковал и не суетился. Красивый, как греческий бог, ты устремлялся наперерез, улучал момент и с обескураживающей простотой отбирал мяч. Это больше всего и поражало

– простота и лёгкость, почти невозможные. Потом ты двигался к центру поля, делал пас своему нападающему или к восторгу зрителей сам проходил в чужую штрафную площадку и бил по воротам. Случалось, штанга, как спичка, ломалась от твоего пушечного удара, а вратари влетали в ворота вместе с мячом.

И что с того, что сейчас фотография, на которой ты подстрижен под польку, в широких и длинных, как юбка, трусах, кажется смешной. Что, подслеповатый пенсионер, ты торгуешь скудной зеленью со своего огорода у входа на рынок. У тебя, Ваня, была молодость, и в молодости ты был прекрасен! А то, как, единственного в крае, тебя приглашали играть за ростовский СКА и ты отказался, – об этом в Солончаковской будут помнить всегда. Потому что такой шанс выпадает раз в сто лет, и ещё реже от него отказываются. Из-за любви к родной станице. Из нежелания расстаться с ней.

Или ты, высокий и гибкий Эдик Подгурский – как большинство вратарей, немного позёр и любимец солончаковских девчат и молодых женщин. В чёрном свитере и кепке, фатовато надвинутой на глаза, ты обычно стоял у штанги, опираясь на неё спиной и перекрестив ногой ногу. Лузгал семечки, пренебрежительно посматривая на то, что происходит на поле.

Ты был хорошим вратарём, хотя и играл неровно, по настроению. А может, так и надо? В одной игре пропустить лёгкий мяч («Э-э, – с издёвкой скажут болельщики и сплюнут под ноги. – Ему лишь спирт на спасательной станции пить!..» Махнут безнадёжно рукой и станут прикидывать, кто мог бы подойти на место вратаря в станичной сборной). А в другой раз, находясь в одном углу ворот, метнуться в другой и, вытянувшись в струнку, на мгновение как бы воспарив, зависнув в воздухе, дотянуться всё же до мяча, и упасть с ним, крепко прижатым к груди, на вытоптанный пятачок перед воротами. Неимоверно, великолепно, необъяснимо! Потом подняться и, не обращая внимания на непривычные для Солончаковской аплодисменты, небрежно выбить мяч в поле.

Может, так и надо в жизни, Эдик? Однообразие томит душу, как его ни назови – надежностью, стабильностью или просто скукой. Ты постиг душу успеха, временная неудача лишь оттеняет и подчёркивает дар, заставляя увидеть его заново. Ты ощутил силу, которую таит в себе контраст, и использовал её?..

На левом крае нападения блистал несравненный Серёжа Гурджанян. Это был вызов судьбе, вызов быкоподобным защитникам противника. Они видели тщедушного низкорослого Серёжу, он представлялся им чем-то вроде мыши, и от этого чужие защитники чувствовали себя особенно сильными и значительными. Они неслись на Серёжу, готовые подмять, раздавить, размазать по траве этого хилого недомерка и выскочку.

Защитники сталкивались, непонимающе смотрели друг на друга, оглядывались вокруг, но не находили ни мяча, ни Гурджаняна. А тот, вывернувшись, выскользнув, прошмыгнув, финтанув, обведя вокруг пальца, кинув, как детей, уже далеко за их спинами мелькал бутсами, бежал к воротам и бил под острым углом, и мяч впритирку входил под самую перекладину, и трепетала сетка, и печаль и отчаяние проступали на лицах противника ... Это тоже было чудо. Болельщики восторженно цокали языками – слов не было. А защитники смотрели на Серёжу с тупым недоумением сильных людей, которые никак не могут понять, как это их облапошили.

Однако все это будет осознано намного позже. Золотой век и его герои получают оценку спустя годы. И то сказать, какой же это герой, если сидит в сапожной будке, чинит поношенные башмаки, как Серёжа Гурджанян. Или работает грузчиком в захудалой артели «Лоза», как Ваня Шевчук. Или любит, как Эдик Подгурский, на шару выпить и вдобавок отягощён тянущимся с детства неблагозвучным прозвищем Мотня?..

Будущие персонажи солончаковского эпоса в тот воскресный день, словно простые смертные, тоже неспешно стягивались к стадиону. В основном попить в приятной компании пива, заодно и понаблюдать за хуторскими. Срывая зубами крышки с «Жигулёвского»,

они устроились в тени «мавзолея» и с ленцой поглядывали на поле. Издевательских реплик в адрес играющих члены сборной станицы себе не позволяли. Но иронии своей тоже скрывать не собирались.

– Крепкие хлопцы в ногах, – задумчиво говорил рослый атлет Ваня Шевчук, глядя, как какой-нибудь хуторской с бордовым распаренным лицом нёсся напролом от одних ворот к другим и ни за что не хотел никому давать пас.

– Так на парном же ж молоке выросли. Есть у ребят здоровьице, – в тон отвечал Серёжа Гурджанян, сдерживая природную живость. Он делал несколько быстрых глотков из бутылки, хлопал по её гладкой поверхности ладонью – темперамент всё-таки требовал выхода. Но тут же брал себя в руки. – Здоровье-то есть… Этим хлопцам ещё смазки бы в голове побольше…

Русоволосый, смахивающий на Есенина с известной фотографии полузащитник Басистый солидно вставлял, как бы защищая хуторских:

– Чего вы придираетесь?.. Как там, Эдик, говорят – ты ж у нас спец по женскому полу. Нельзя требовать от девушки больше, чем она может дать – так, что ли?..

Все повернули ухмыляющиеся лица к Подгурскому. В команде было принято подначивать его насчёт женщин.

– Можно требовать или нельзя?.. – Басистый подмигивал вратарю, на что-то явно намекая.

Эдик молчал, наблюдая, как кучей бегают по солнцепеку простодушные взопревшие парубки. Настроения присутствовавших он не разделял.

– Не хотел бы я быть на их месте, – наконец изрек Эдик.

Парни грохнули хохотом, некоторые даже захлебнулись пивом. Их принялись дружно колотить по спинам.

– А мы в такую жару хотим!..

– Ну, выдал!..

– Штепсель и Тарапунька!..

Подгурский переждал веселье, с ленцой пояснил:

– Скоро все будем под полицаем ходить.

– Как это? – не поняли футболисты.

– Он игры судить будет. Справляется… – И Эдик с досадой заключил: – Нормально, скажу я вам, справляется!

Парни приумолкли, минуту смотрели на мотающегося по полю Васю. Действительно, заменив Дударенкова, тот судил на удивление хорошо. Сразу и не скажешь, что новичок в этом деле. Разве что свисток раздавался слишком часто – Вася фиксировал любое нарушение, а делать это с такими футболистами, как хуторские, не стоило. Нехай играют как могут, лишь бы не покалечили друг друга.

– Ну и что – полицай! Правила одни, кто б ни судил.

– Э, не врубаетесь, хлопцы… – Эдик Подгурский, проделав всё это с ленцой и достоинством, вздернул подбородок и обвёл товарищей медленным взглядом. – Есть одна маленькая закавыка… Не каждый поймёт.

– Не хочешь, чтобы романешты указывал? Обидно?..

Эдик в раздумье, словно прислушиваясь к голосу в себе, покрутил головой:

– Не то главное, хлопцы, не то… Вы только подумайте, сколько в Индусе за его жизнь накопилось. Подумайте!..

– Какая такая жизнь? Он всего на пару лет нас старше!..

– Нет, хорошего не ждите, – упорствовал Эдик.

– Ладно тебе!..

Подгурский упрямо мотал головой. Высокомерие читалось на его лице, будто Эдик обладал потаённым, недоступным для других знанием.

Парни переглянулась, пожали плечами – чего волну гонит?.. Нашлась гадалка.

Последовавшие вскоре события их успокоили. Судить финальную игру между хуторскими командами вышел сам председатель «Урожая». К тому времени солнце уже заметно поубавило пыл, тень от «мавзолея» вытянулась до середины кое-как выкошенного футбольного поля, а члены сборной допивали третий ящик «Жигулёвского».

Отдохнувший Дударенков судил отлично, не цеплялся, как Вася, к мелочам. Васю он опять поставил боковым судьей.

Там ему и место, решили футболисты, с иронией поглядывая на Эдика Подгурского. Нашёл кого бояться.

8

После работы Вася с Аллой ездили не только на пляж. Бывали вечера, когда прихватив мешки, они направлялись за травой для коровы. Случалось, Вася у женщины ужинал, нередко оставался ночевать. Так что с какого бока ни посмотри, помогать нужно было.

Просторы вокруг Солончаковской казались необозримыми, нажать мешок-другой травы не проблема. Но так только казалось. Не случайно станица носила свое название – на половине окрестных земель ничего не росло. Другую, сравнительно плодородную, занимали колхозные кукуруза, подсолнечник и сахарная свёкла. Лишь неподалёку от последних хат, в яругах и иных неугодьях оставалось ничем не занятое место. Но там пасся частный скот, выедавший траву под корешок.

– Ночка!.. – Алла хватала Васю за руку, пальцем тыкала в сторону чёрной однорогой коровы. Спешившись с веломашины, они шли в гору мимо вытоптанного пастбища, которое по-местному называлось обучей. Алла рылась в дерматиновой чёрной сумке, с которой ходила на работу, и доставала оставшийся после обеда кусок хлеба. – На, Ночка, на!.. Иди сюда, ешь. Какая здесь трава – горе!.. Ничего, ничего, мы тебе корму принесём хорошего, будешь сыта, красавица моя, молочка нам дашь…

Вася хмыкал. Алле за тридцать, а ведёт себя, как жизнерадостная малолетка. Куда только понты подевались, которыми она встретила его в кладовой в начале их знакомства. Выходит, довольная женщина? Удовлетворённая?.. Хмыкал Вася в общем-то польщённо.

Увидев однорогую корову в первый раз, он спросил:

– Та самая?

Алла сразу не поняла:

– Какая?

Вася не ответил. Пристально смотрел на печальную

морду, на полувылезшую чёрную шерсть на коровьих боках, на разбитые и загнувшиеся, как носки восточных башмаков, копыта… Наверно, та. Из-за неё попал в каталажку, потом на Колыму. Все эти годы корова жила своей глупой жизнью здесь, он – там. Вася стоял и не знал, то ли ударить её, то ли в недоумении покачать головой, удивляясь жёстоким вывертам судьбы.

– Закурить будет? – спросил заросший щетиной мужик с палкой в руке. – А то скоро завою, как волк.

Вася достал пачку «Спорта» и сдержанно поинтересовался:

– Уши пухнут?

– Не, тоска! – с готовностью отозвался пастух. – Побазарить не с кем. Всё один и один. Не станешь же с коровами, правильно?

Алла, скормив Ночке хлеб и оглаживая ладонью её чёрную жилистую шею, удивилась:

– А по мне, так хорошо! Спокойно, тихо – не то что в карьере. У нас каждый час камень рвут – какая уж тишина! Ещё прибить сверху может, пыль до неба…

– Сразу, конечно, хорошо. А потом – тоска.

– Зато на чистом воздухе!..

Пастух не стал спорить с женщиной, перевёл глаза на Васю.

– Купко? Ты, что ли?.. – сказал он, всматриваясь.

Вася молчал. Он тоже узнал Сауляка. Сделал шаг в сторону, рывком толкнул веломашину и, не оглядываясь, зашагал в гору. Запыхавшаяся Алла догнала его не сразу.

– Кто это?

– Да так один… – ответил, прошагав метров десять, Вася.

– Что-то к нему имеешь?

Вася передёрнул плечами:

– Чего мне иметь… Вместе в полицаях служили.

Расспрашивать больше Алла не стала. Лишь время от времени внимательно посматривала сбоку. Она знала, общая беда может не только сближать, но и отталкивать людей друг от друга. Отталкивает чаще.

Но самое неприятное ждало в этот день Васю впереди. В дальней яруге, где можно было нажать травы

(скот сюда не пускали, слишком крутые склоны), они натолкнулись на Колю Черноморца. Солончаковский сумасшедший, разложив почти невидимый в дневном свете огонь, что-то варил в казанке.

– Кукурузу, – догадалась Алла, поглядывая в его сторону. – Поле рядом, там кочанов и наломал…Хорошо, объездчик не видит.

Вася тоже посмотрел в сторону прозрачно дымящего костерка.

– Кто ему что скажет…

–Люди разные. На «Дальрыбе» у нас мастер был, собака собакой. Я, например, руку порезала – ножи у разделыщиц острючие! – а он специально на засолку ставит. Ну не сволочь?!. Смотри, какие у меня теперь руки.

– И где тот мастер?

– Где… В чану с иваси нашли.

– Вот видишь…

Они оставили велосипед у обочины, тряхнули мешки, из которых вывалились серпы. Осторожно спускаясь по склону, принялись жать жёсткую августовскую траву.

– А он чего такой? – спросил Вася, имея в виду Колю Черноморца. – До моей отсидки нормальный вроде был.

– Говорят, на фронте. Контузило, что ли, землёй засыпало – точно не знаю… Они редко кто в своём уме остаётся. К нам таких в госпиталь тоже привозили.

– Отходили?

– Кто как. Самые опасные тихие. С буйными всё понятно, тех сразу видно, их в дурдом отправляли. А тихий вроде нормально, нормально, а потом что-нибудь выкинет. – Алла перестала набивать мешок травой и серьёзно посмотрела на Васю. – Ты с ним осторожно.

– Я? Почему?

– Мало ли что.

Вася про себя опять усмехнулся. Забота женщины была приятна. Хотя с какой стати ему опасаться убогого Колю Черноморца? Что он ему сделал?..

В низменной части яруги протекал ручеёк. Его течение было обозначено густо - зелёной осокой – сочной с виду, но жёсткой и для коров несъедобной. Постепен-

но Алла и Вася спустились к кромке осоки и, отставив туго набитые мешки, сели передохнуть. Здесь было прохладней, чем на солнечном склоне, воздух пахнул влажной землёй и стоялой водой.

– Попить бы. – Не посидев и минуты, Алла резво вскочила, сунулась в осоку. Она, видимо, никак не могла выйти из определённой себе роли молодой восторженной девушки. – Ай, надо же! Вляпалась! Болото, мать его за ногу!.. – Отряхивая от липкой грязи босоножки и вытирая подошвы о траву, она, хохоча, быстро вернулась обратно. Приложив козырьком ладонь, посмотрела в сторону костра. – Ты глянь, Вась. Сумасшедший-то хитрый, у родника устроился, возле воды!.. Пошли попьём?

Вася кивнул. Ему тоже давно хотелось пить. Переговариваясь (говорила в основном Алла), они неторопливо двинулись к роднику, всё явственней ощущая запах дыма. Коля Черноморец, несмотря на лето одетый в брезентовый плащ, бородатый, с сосульками давно не мытых волос, не обращал на них никакого внимания. Озабоченно бормоча своё постоянное «каустик, карбид, хлорка…», он сидел перед костром и подкладывал наломанные, видимо, в лесополосе сухие сучья.

– Много тебе дров понадобится, Коля! – ласково, будто говорила с маленьким, сказала Алла, когда они подошли к роднику. – Кукурузу долго варить надо!..

Сумасшедший, перестав бормотать, пристально посмотрел на неё. Не отрывая глаз, следил, как женщина, присев на корточки, зачерпнула обеими ладонями воду из выбитой родником ямки и с удовольствием сделала несколько глотков. Напившись и вытерев губы, Алла уступила место Васе.

– Вкусная вода. Соли совсем не чувствуется!.. Ближе бы к станице такой родник – очередь стояла бы!..

Коля медленно перевёл бессмысленный взгляд на Васю, стал молча смотреть, как тот, опустившись на колени, припал уродливыми толстыми губами к воде. Сумасшедший пристально смотрел и не чувствовал, что огонь лижет его замершую руку, подкладывающую хворост. По-прежнему не отнимая руку, он пере-

вёл ставший недоуменным взгляд на женщину, потом опять на Васю и вдруг закричал:

– Ты!.. Ты!..

Алла испуганно замерла, Вася, оторвавшись от воды, выпрямился.

– Здоровый, здоровый!.. Меня под Яссами, а ты здоровый!.. – Коля наконец отдёрнул обожжённую руку и дрожал то ли от боли, то ли от ярости. Тряслись его длинные грязные патлы, глаза стали осмысленными. – Отсиделся, живой! Ты с женщиной, человек, а я!.. Отсиделся!..

Он стремительно вскочил на ноги, схватил увесистый сук и бросился на Васю. Но тут же, колыхнув брезентовым плащом, резко остановился, качнулся и, закатывая белки, с горловым клёкотом стал заваливаться на бок.

Алла бросилась к нему, грубо, сноровисто ухватившись, оттащила от костра. Коля Черноморец лежал на спине, бился, напряжённо выгибался всем телом. На губах выступила жёлтая пена. Алла отступила, деловито оглянулась на Васю:

– Ничего страшного, эпилептический припадок. Пройдёт.

Она подождала, пока сумасшедший затихнет. Склонившись, обеими руками надавила где-то за челюстями, и Коля перестал хрипеть. Алла повернула его на бок.

– Теперь не задохнётся. Пошли.

Вася не двинулся с места.

– Вась, ну? – оглянулась женщина.

Вася молчал.

– Тебе бы так отсидеться, – наконец сказал он, глядя на неподвижного сумасшедшего. И тяжело зашагал к мешкам с травой.

9

Творцы солончаковского эпоса были людьми субъективными. Если для своих футболистов они находили возвышенные слова, всячески превознося и восторгаясь ими, то о сопернике упоминали вскользь и не слишком уважительно. Как бы ни играл соперник, какие бы

чудеса на поле ни творил, он всё равно оставался врагом. И врагом тем большим, чем лучше играл. Таково уж было свойство солончаковского патриотизма.

Первыми чужой команде демонстрировали своё отношение пацаны. Они собирались вокруг «полуторки» или ЗИСа, на которых обычно приезжали футболисты другой станицы, и, ехидно прищурившись, смотрели, как из кузовов спрыгивали пропылённые незнакомые люди.

– Ты глянь, орангутанг! – начинал кто-нибудь из них и показывал пальцем на сутулого длиннорукого парня, по всей видимости, вратаря. Мальчишка засовывал язык под нижнюю губу, оттопыривал пальцами уши и принимался топтаться на полусогнутых ногах. – Орангутанг! Орангутанг! Из учебника зоологии сбежал!..

Через секунду, кривляясь и гримасничая, вокруг чужаков уже топтались все остальные мальчишки.

Прибывшие футболисты старались не обращать внимания на недружественное поведение – пацаны, что с них возьмёшь. Оглядевшись по сторонам и задержав взгляд на непривычном для постороннего глаза «мавзолее» с ёлочками, они снимали рубашки, брюки и принимались переодеваться в футбольную форму. Но мальчишки не унимались.

– А эти штаны я в уценённом магазине видел! – громко заявлял кто-нибудь из них. – Рубль двадцать стоят. Я своему Бобику купил.

– Ну и как? Носит? – пытался перевести всё в шутку обладатель незавидных хлопчатых брюк. Опустившись на траву возле машины, он, как и товарищи, шнуровал казённые бутсы и с примирительной улыбкой поглядывал на пацанов.

– Не, порвал. Говорит, дешёвку не ношу.

– Так ты ему дорогие купи.

– Это ты себе купи, фраер!..

Чужим футболистам наконец подобное надоедало:

– Шуруйте отсюда, говнюки!..

Пацаны отскакивали на безопасное расстояние.

– Трупы! Всё равно продуете!..

Неприязнь к приезжим была такой, что стащить что-

нибудь из их одежды не считалось среди солончаковских мальчишек зазорным. Более того, это было доблестью.

Болельщики постарше до подобного не опускались. Но и они освистывали едва ли не каждый пас чужой команды. А уж популярное в те годы словечко «трупы» звучало ежеминутно и вне зависимости от того, забивали ли команде соперников гол или же она сама забивала. И горе тем, кто выигрывал у солончаковской сборной! Хотя случалось это чрезвычайно редко, обидчики долго помнили поспешность, с какой им приходилось убираться из станицы и град камней вслед «полуторке».

Знал ли обо всём этом Вася, когда согласился судить тот скандальный матч? В общем-то, да. Время изучить нравы станичных болельщиков у него было. Впрочем, эти нравы мало отличались от того, что ему было известно о жизни вообще. Более того, Вася, как показали дальнейшие события, по-своему подготовился… А согласился он судить игру со сборной чужой станицы потому, что Дударенков накануне матча попал в больницу – рецидив туберкулёза. Между тем игра уже была назначена.

На этот раз соперники приехали не на какой-нибудь задрипанной «полуторке» или даже ЗИСе, а в автобусе – роскошь по тем временам редкая. На задиристых солончаковских пацанов это обстоятельство особого впечатления не произвело, разве что добавило неприязни – паны нашлись!.. Однако знающих людей комфортабельный транспорт заставил со значением покивать головами. Слухи о том, что футбол у соседей пользуется покровительством первого секретаря райкома, подтверждались.

Подтверждением было и то, что форма на парнях оказалась новенькой, будто только что из магазина. Под стать были без единой задиринки на носках бутсы и нерастянутые, плотно облегавшие голени полосатые гетры. Зависть вызывал ниппельный мяч, который можно было надувать велосипедным насосом до звона. У солончаковских же футболистов мяч был обычный, со шнуровкой, состоящий из кожаной покрышки и дынеобразной резиновой чёрной камеры, в трубчатый отросток которой приходи-

лось что есть мочи дуть – дующему при этом крепко сдавливали ладонями виски, иначе, по распространённому мнению, могли лопнуть перепонки в ушах…

О многом говорило и то, что приехавшие не заискивали и не старались понравиться. Пацанов они сразу от автобуса шуганули. Не обращая внимания на реплики, деловито топали бутсами в землю, поудобней устраивая в них ноги, перешучивались, а главное – далеко от автобуса не отходили, держались все вместе. Видно, были учёные. Слабакам опасаться за себя не приходится.

– Всё равно накажем фраеров, – то ли спрашивал, то ли утверждал похожий на Есенина русокудрый полузащитник Басистый. Хотя в звёздах станичного футбола он не числился и в солончаковском эпосе упоминался как герой достойный, но всё же второстепенный, Басистый тем не менее обладал одним примечательным качеством. Он вслух говорил то, о чём другие только думали. Его нынешняя фраза предназначалась вроде бы для товарищей по сборной. Но в то же время Басистый косил глазом на Васю, словно выведывал его отношение к соперникам. Всем известно, от судьи многое зависит.

Солончаковские футболисты тоже уже успели переодеться. Они дожидались момента, когда нужно будет выходить на поле, – разминаться перед игрой в станице не было принято. Однако Вася словно и не слышал произнесённых слов. Его шишковатое большое лицо, чем-то смахивающее на львиное, было непроницаемо. Вася посматривал то на часы, то на команду соседей. Те уже были на поле и, разогревая, готовя к работе мышцы, по очереди разбегались, со сдержанной силой били по воротам.

– Мы этим трупам рога посшибаем, клянусь! – заводил себя Басистый и уже смотрел на Васю требовательным взглядом. – Как считаешь, судья? Накажем?

Рослый и широкогрудый Ваня Шевчук хмыкал, не одобряя поведения товарища, – в таком поведении чувствовалась неуверенность, которой никак не должно быть перед игрой. Эдик Подгурский натягивал на руки вратарские перчатки и непонятно улыбался. Серёжа Гурджанян подпрыгивал на месте, пытаясь унять мандраж,

всякий раз охватывавший его в такие моменты. А судья всё молчал. И лишь дав свисток командам строиться в центре поля, Вася повернул к Басистому суровое лицо:

– Ты меня на понты не бери!.. Мяч круглый, поле ровное – посмотрим!

О хитроумных бразильских схемах, о персональной опеке и искусственных коридорах для кинжальных проходов к чужим воротам, понятное дело, в Солончаковской в ту пору не знали. Эти времена были ещё впереди, и даже не для станичной сборной, а для тех, что рангом много выше. Здесь играли просто и незамысловато, полагаясь на свою выносливость, умение быстро бегать и несколько финтов, которым парни выучились за время службы в армии.

Зато выкладываться было принято полностью, до упора. И игра в очередной раз это продемонстрировала. Все десять полевых солончаковских футболистов отдавали ей всё, на что были способны. И даже больше, как вообще всё в те послевоенные годы делалось. Так же бескомпромиссно были настроены соседи. И если бы не слишком серьёзное отношение к матчу, который был, в общем-то, ничего не значащей забавой, от игры можно было бы получать удовольствие. Действительно, здорово – простор изумрудного поля, россыпь ярких футболок, звенящие силой молодые тела… Счастье и праздник жизни.

Первым стал наглеть русокудрый Басистый. К тому времени уже отыграли добрую половину первого тайма. Было ясно, соперник сильный, но тягаться с ним можно. Солончаковцы забыли про небрежность, с которой обычно начинали игру, тешась красивыми, «на публику», пасами и демонстрируя своё презрение к противнику. А когда однажды потеряли мяч (слишком легко, фраерски, защитник отпасовал его Эдику Подгурскому) и кто-то из соперников, словно только и дожидаясь такой оплошности, выскочил из-за спин, перехватил мяч и едва не всадил его под перекладину, – поняли, надо играть всерьёз. Солончаковцы подобрались, заиграли строго в защите и напористо в нападении. Несколько раз казалось, мячу некуда деваться, кроме как победно затрепетать в сетке.

Однако он туда упорно не шёл.

Уже хитроумный Серёжа Гурджанян, уложив ложными замахами на траву защитников, бил в упор по воротам. Уже Ваня Шевчук мощным ударом издали посылал «в девятку» загудевший, словно ядро, мяч. Уже другие герои солончаковской футбольной саги превосходили самих себя в стремлении отличиться. А всё ничего не выходило.

То непреодолимым препятствием на пути мяча возникал необыкновенно, прямо-таки по-обезьяньи шустрый вратарь. То в последнее мгновение кто-нибудь из защитников выносил мяч грудью из пустых ворот. То от неминуемого гола соперников спасала штанга.

Был ли таковым замысел – позволить этот навал на свои ворота, чтобы усыпить бдительность, а затем поймать солончаковцев на контратаке – бог весть. Для подобных действий надо обладать немалой тактической изощренностью, в чём, как уже говорилось, ни команду Вани Шевчука, ни их соперников подозревать нет оснований. Но как бы там ни было, первым мяч побывал всё-таки в воротах сборной Солончаковской.

Произошло всё быстро и нелепо. После очередной неудавшейся попытки Серёжи Гурджаняна забить гол чужой вратарь послал мяч далеко в поле. Ему надо было хотя бы на минуту дать покой себе и защитникам. Первым к мячу подоспел быстроногий нападающий. Он погнал мяч к воротам Эдика Подгурского и, услышав за спиной настигающий топот Вани Шевчука, этого Ивана Грозного солончаковской защиты, изо всех сил ударил понизу, в дальний от Эдика угол. Мяч был тяжёлый, из разряда неберущихся. Но Эдик не дёрнулся даже не по этой причине. Как и вся солончаковская команда, он не был готов к такому повороту событий. Гол назревал, но, казалось, в чужие ворота…

Басистый стал играть «в кость» ещё тогда, когда никак не удавалось забить. А уж когда пришлось начать игру с центра поля, он и вовсе перестал скрывать свой нрав. Солончаковский полузащитник принялся вполне откровенно бить по ногам.

– Борзеешь? – спросил Вася, свистком остановив игру.

– Пшёл, романешты!.. – запальчиво сказал ему на это Басистый.

Вася секунду помедлил, потом достал из заднего кармана просторных брюк жёлтую карточку и торжественно поднял её над головой. Чем поначалу вызвал замешательство – о таком футбольном наказании в Солончаковской знали только понаслышке.

– Ещё раз замечу, выгоню с поля! – сурово предупредил Вася. – Я тебя научу правила уважать!..

Что заставило Басистого на этот раз промолчать, неизвестно. Может, уверенный Васин вид, может, недоброжелательные, мягко говоря, взгляды, которые на него бросали соперники, обступившие своего присевшего от боли на траву товарища. Бормоча под нос невразумительные угрозы, Басистый потрусил от места инцидента. Всем, кто этого ещё не понял, стало ясно – с судьёй, каким оказался Вася Индус, надо держать ухо востро. Серьёзный мужик.

Солончаковцы гол всё-таки забили. Случилось это уже во втором тайме игры, подобной которой в станице давно не видели. Героем стал неугомонный Серёжа Гурджанян. Правда, на этот раз ни красотой, ни изяществом его гол не отличался – Серёжа затолкал мяч в бестолковой сутолоке у ворот, – но гол был забит. И он был важен не только как месть за перенесённое недавно унижение. Нависший было над командой позор проигрыша рассеялся. Уже можно было подумать о победе. Для чего требовалось забить хотя бы ещё один мяч.

Легко сказать! Соперники совсем не собирались уступать. Как оказалось, у этих малоприметных на первый взгляд парней тоже были самолюбие и воля. Наверно, их имена произносились в родной станице с таким же уважением и даже пиететом, как в Солончаковской имена Вани Шевчука, Серёжи Гурджаняна и Эдика Подгурского. Быть может, и там складывались свои былины, где земляки-герои не знали поражений. После пропущенного мяча чужаки всей командой навалились на ворота Эдика. Солончаковским парням стоило больших усилий сдерживать их. В этом стара-

нии один из защитников и сыграл в своей штрафной площадке рукой. Ничего другого ему не оставалось – мяч летел в ворота, неосмотрительно оставленные Эдиком, бросившимся на перехват…

Вася ни секунды не колебался. Резко прозвучал свисток. Вася показывал на одиннадцатиметровую отметку.

– Ты чего, придурок?! – выкатив побелевшие глаза, на него шёл Басистый. Штрафной в свои ворота понравиться никому не может, к тому же Басистый не забыл жёлтой карточки. По своему обыкновению он высказал то, о чем другие только думали: – По такой игре мы не отыграемся, романешты долбаный!.. – И с силой толкнул Васю в грудь.

Вася достал из заднего кармана брюк красную карточку и высоко поднял её:

– С поля!

– Да я тебя в гробу видел! – взъярился Басистый. Он быстро оглянулся на остальных солончаковских футболистов: – Хлопцы, чего мы этого полицая терпим? Кто он такой?!

От ворот ему на помощь, туже натягивая на кулаки перчатки и не отрывая от Васи взгляда, уже спешил Эдик Подгурский. Другие солончаковские футболисты обступали Васю, тесня и толкая. Попытки благоразумного Вани Шевчука (он был капитаном команды) оттащить Басистого от судьи результата не давали. На поле уже высыпали болельщики с весёлыми злыми лицами.

– Назад, гады! – рявкнул Вася. Отступая, он от зажигалки быстро поджёг и угрожающе поднял над головой непонятный предмет. – Я вас, гады, научу правду любить!..

Его слова никого не остановили. Тогда Вася швырнул предмет под ноги набегавшим. Полыхнуло пламя, над полем мгновенно выросло кудрявое деревцо взрыва. Толпа отшатнулась. Кто-то закричал тонким заячьим голосом. Вася, сунув руку в карман, опять держал её занесённой:

– Подходи, кому жить надоело!.. Кого на понты берёте, бакланы дешёвые?!. Я вас заставлю правду уважать!

Понимая, что игре конец, чужая команда стала от-

ходить к автобусу. Держались парни близко друг к другу, плечо к плечу.

– Садись с нами, подвезём домой, – кинули они Васе.

Вася волком глянул в их сторону:

– Не продаюсь!..

Он с презрением повернулся спиной к солончаковским футболистам и болельщикам. Вразвалку зашагал к выходу со стадиона, ни разу по дороге не обернувшись.

Ему ругались вслед, но преследовать так никто и не решился.

10

Конечно, потом пришлось отвечать. Васю таскали в милицию, выясняли, как у него оказалась взрывчатка. Вася говорил, что нашёл в карьере. «Как это нашёл? – картинно поражался следователь. – Я, к примеру, ни разу в жизни не находил!.. Ты что, по зоне скучаешь, опять на Колыму захотел? Говори, где взял!». Вася твёрдо стоял на своём: тротил нашёл в старых выработках. Наверно, взрывники забыли.

По-настоящему судить его не стали, ограничились пятнадцатью сутками за хулиганство. Скорее всего, потому, что никто от взрыва серьёзно не пострадал. С работы, однако, уволили по статье – хищение взрывчатки было налицо. Само собой, Дударенкову приказали до футбольного судейства Васю больше не допускать.

На какое-то время он присмирел. Не потому, что боялся мести солончаковских обитателей, хотя и это могло быть. По опыту Вася знал, жизнь одной подлянкой не ограничивается. Обязательно жди ещё одну, до пары – это самое меньшее. Но особых неприятностей пока не было, и нужно было подумать о работе – не на отцовой же шее сидеть.

– Есть одно место, – сказал Никифор Купко, когда Вася безрезультатно обошёл все солончаковские конторы. Его даже в колхоз не захотели брать. Мало того, что бывший зек, так ещё тридцать третья статья. – У нас в коммунхозе есть место. Мне обещали. Не знаю, чи

пойдёшь… – Отец поскреб в голове мозолистой, плохо гнущейся пятернёй с выпуклыми жёлтыми ногтями.

Вася посмотрел на него:

– Что за работа?

– Стариковская. Платят мало. Хотя если с умом…

Отец был доволен. То ли тем, что к концу жизни почувствовал себя наконец-то уважаемым человеком и в состоянии даже помочь. То ли потому, что вышло так, как он предупреждал – людей доброму не научишь. К Васиному временному возвышению он с самого начала относился недоверчиво.

– Сторожем, что ли?

– Вроде того. На кладбище.

Вася хмыкнул:

– Чего ж там сторожить? Чтобы мертвяки не разбежались?..

– А тебе что? Положено. И копейку заработать можно – могилу выкопать, ещё чего… Не все сами могут.

Отец немного помолчал.

– Ты, Василь, вот чего… Я одеколон купил, в шуфляде стоит. Бери.

Вася поднял непонимающие глаза.

– Смердит от тебя. Я со скотиной всю жизнь и то чую… Или в баню сходи.

– То не ваше дело, батьку! – Налившись от стыда кровью, Вася свёл бугристые брови к переносице. – Моюсь я.

– Чего ж тогда?.. В одной хате живём.

Вася промолчал. Он и сам чувствовал тяжёлый запах, который стал исходить от незаживающих болячек на ноге. Надо было бы пойти в больницу, но «лепилам» он отвык верить ещё на Колыме. Хотя пойти, видно, всё-таки придётся, раз уж другие замечают. Неприятно.

Насчёт работы выбирать не приходилось. Через день он уже подновлял глинобитную сторожку, где хранился немудрёный кладбищенский инструмент. Понемногу привыкал к тишине после суеты и грохота карьера. Выкосил траву на могилах матери и умершей от туберкулёза сестры Нюси. О чём-то упорно думал, неторопливо

обходя свои новые владения и поглядывая на вытесанные из камня кресты и пирамидки со звёздочками.

Заканчивался сентябрь. Темнел и опадал лист с вишенника, которым было затянуто всё кладбище. По недалёкой дороге тянулись колхозные подводы с первой сахарной свёклой. Дни стояли чистые, солнечные, по утрам уже холодные. В один из таких дней к сторожке, нещадно дымя, подъехала новенькая инвалидная машина, чем-то смахивающая на степенного жука. На дерматиновом сидении восседал Миша-безногий.

– Лимузин, га? – гордо бросил он выглянувшему из-за хлипких дверей приятелю. И с удовольствием хлопнул ладонями по рулю, очень похожему на руль веломашины. – В райсобесе выделили. Теперь я кум королю, куда хочу, туда еду – не то что на тележке!.. Обмоем?

Вася усмехнулся:

– Ты ж за рулем.

– А кто увидит?.. Милиция здесь не бывает. В случае чего – просплюсь, всё чин чинарем!..

Когда они приняли по второй, из-за вишенника показался бедно одетый паренёк с лопатой. Глаза у него были быстрые, испуганные. Остановившись шагах в пяти, паренёк пробормотал невнятным голосом:

– Тётя умерли… Могилу трэба копать…

От неловкости и волнения он так стискивал черенок лопаты, что побелели суставы.

– Ты чей, хлопец? – поинтересовался Миша-безногий. Не дожидаясь ответа, повернул к Васе раскрасневшееся от самогонки лицо. – Вот такой и я был, когда мне ноги оторвало! Шестнадцать лет, девок за титьки ещё не мацал!.. Нашей, советской бомбой оторвало! В подлых захватчиков лётчик целил, а подвернулся я! Где справедливость, скажи мне?!

– Спроси чего полегче, – сухо ответил Вася. Историей о своей инвалидности Миша в Солончаковской всем уже надоел. – Справка из загса есть?

Паренёк протянул сложенную вчетверо бумажку.

– Прокопенко, – прочитал Вася. – Тех Прокопенок, что в яруге живут?

– Да.

Это была одна из самых бедных в станице семей. Вроде не лентяи, с самого детства работали, кто в артели «Лоза», кто в колхозе, но выбиться из нищеты не могли. Семья была многодетной, а тут ещё беда – отец, главный работник, утонул во время половодья в Кубани.

– Пошли, – кивнул Вася.

Когда он вернулся к сторожке, Миша-безногий, успевший ещё раз приложиться к бутылке и оттого раскрасневшийся ещё больше, хитро погрозил пальцем:

– Возле акаций место дал?

– Ну.

– Хорошее место – песок, сухо!.. А кому возле болота дашь? Кто сгниет в момент и косточки от него не останется, га?

Смутить Васю было трудно, но на этот раз, похоже, удалось. Он посмотрел на Мишу-безногого злыми глазами:

– Закройся! И никому ни слова!..

Приятель не унимался:

– Ну, ты хитрющий! Ты как господь бог хочешь. Чтобы после смерти получали кто чего заслужил. Хороший человек – песок тебе, сухо, могильный червь не грызет. Плохой – в грязь, в багно, к червям на расправу!..

Миша-безногий крутил головой и смотрел на Васю с восхищением. Это детское восхищение, скорее всего, и смягчило Васю.

– Хорош об этом.

– А мне где участок выделишь?.. Ты смотри, добрый дай! Ты мне друг или портянка?..

Вася молчал. Было в его лице что-то горделиво замкнутое.

Вторую подлянку жизнь всё-таки подкинула. Случилось это, когда Вася помогал копать на огороде свёклу.

Аллина свекровь убирать её не торопилась – по местному обычаю, свёклу оставляли в земле до заморозков. Считалось, так она наберёт больше сахара, который и самогонке дополнительный градус даст, и для

коровы питательней. Рядом крутились Аллины дочери, и Вася решил девчонок побаловать. Он разложил на меже костёр, а когда тот прогорел, закопал в угли несколько небольших – чтобы скорее пропеклись – свеколин. Он выворачивал вилами комья земли с литыми белыми корнями, а сам лукаво поглядывал на девчонок – печёная свёкла должна была им понравиться.

– Ох, поясница моя, поясница!.. – Алла, прямо из-под вил подхватывавшая за ботву корни и оббивавшая их один о другой, с трудом выпрямилась. Она бросила обе свёклы на кучу посреди участка. – Тяжело мне, мамо, ваша Ночка даётся!..

– Чего ж моя? Ваша! – отозвалась свекровь. Подложив под себя телогрейку и обмотав голову тёплым клетчатым платком, она сидела возле кучи и большим тяжёлым ножом отсекала ботву. – Вот они, главные едоки. – Старуха кивнула на внучек, бросавших на угли костра веточки засохшего бурьяна.

Она давно смирилась с тем, что Вася в их доме на правах члена семьи. Тем более, что польза от него имелась. Свекровь даже несколько раз намекала, что неплохо было бы зарегистрироваться, чтобы всё как у людей.

– Сядь передохни, – распорядился Вася, а сам направился к девчонкам. Свёкла, по его расчётам, должна уже была испечься.

– Подожди, я сама, – торопливо опередила его Алла. Она растолкала резиновым сапогом угли и выкатила на землю почерневшие свеколины.

Вася, непонимающе взглянув на неё, достал выкидной нож с наборной рукояткой, который привёз с Колымы и постоянно носил с собой. Он собирался проверить, насколько хорошо пропеклись корни.

– Я сама, – опять быстро сказала Алла, стараясь встать так, чтобы оказаться между Васей и дочерьми.

Вася давно заметил эту странность в поведении подруги. Она словно защищала их от него. Алла забирала у девочек конфеты, которые Вася покупал им после получки, и куда-то уносила. Определила дочерям

отдельную посуду, которой никто не имел права пользоваться. Даже полотенце у них было своё – роскошь, в Солончаковской невиданная. Обычно вся семья вытиралась одним полотенцем.

– Не понял, – напряжённо сказал Вася.

Алла перекатывала по земле горячую свёклу и не поднимала головы.

– Есть разговор, – наконец сказала она необычным голосом.

Разговор состоялся, когда выкопали всю свёклу. Алла молча накрыла на стол, однако звать свекровь, как полагалось бы в честь окончания работы, не стала. Она налила полный стакан самогона и пододвинула к Васе:

– Пей!

– А ты?

– Мне не катит. – За столом опять сидела та Алла, которую Вася видел в кладовой со спецодеждой. Женщина закурила и независимо выдохнула дым длинной струей.

Вася дёрнул желваками и, не отводя от подруги потяжелевшего взгляда, выпил стакан до дна.

– Ну? – сказал он. Понты так понты, не привыкать. Хотя, конечно, после всего, что между ними было, странно.

– Ты человек особый, – западая смуглыми щеками, Алла глубоко затянулась. – Судьба у тебя тоже особая. Тяжёлая судьба. Возле тебя опасно.

– Хорош тюльку гнать. О чём базар?

– Больной ты! – не выдержав тона, истерично закричала Алла. – В больницу ходил? Нет?.. А я ходила! Нельзя с тобой жить! Всех нас позаражаешь!

Вася помолчал.

– Сифон, что ли?

– Если бы!.. Лепрозории для сифилитиков не открывают! Посмотри на своё лицо! У кого ещё здесь такое?!. Дура, как сама не догадалась!

Вася поднялся.

– Знала и молчала, выходит? Дешёвка! Боялась, пахать на тебя перестану?..

Жизнь опять поворачивалась к нему своей сволочной

стороной, дав лишь немного времени на передышку. И он решил женщину не щадить. Всем так всем, пусть даже он неправ в своих подозрениях. Хотя так ли уж неправ?..

– Раздевайся. Всё, говорю, снимай!.. Пикнешь – пришью.

Он овладел Аллой, по-зэковски приставив к её боку нож с наборной рукояткой. Женщина отворачивала лицо, но он нашел её губы, с мстительной силой, до крови из дёсен целовал. Наконец Алла обмякла, тихо сказала:

– Всё равно с тобой нельзя. Ты несчастье притягиваешь. Это в последний раз. Можешь сразу убить.

– Чёрт с вами, – ответил на это запалённым голосом Вася. – Живите, как хотите! Мне на вас с высокой колокольни!..

Похоже, он имел в виду не только Аллу.

Вскоре Вася по прозвищу Индус исчез из Солончаковской. Одни говорили, что прямо на кладбище приехала санитарная машина из краевого центра и увезла его в неизвестном направлении. Другие утверждали, что Вася уехал сам, сказав на прощание, что кладбищ в Советском Союзе много и везде нужны сторожа, которые должны воздавать по заслугам. На этой версии настаивал Миша-безногий, который на своей новой инвалидной машине якобы и отвёз Васю на железнодорожную станцию.

Прояснить ситуацию мог бы Никифор Купко. Он, не имея родни кроме сына, время от времени получал откуда-то письма со штемпелем вместо марки. Однако Никифор молчал и по привычке дураковато улыбался, если на него начинали наседать с расспросами.

Со временем о Васе забыли, как забыли о живших до него людях со всеми их бедами и желаниями.

Как забудут о тех, кто станет жить позже и тоже будет любить, мучиться и к чему-то, сжав зубы, стремиться.

1970 – 2004

ИГОРЬ ТУРЧИН
повесть

1

– Настоящие спортсмены в новом не тренируются, – любил повторять Турчин в спортзале. – В новом тренируются одни салажата, буквари зелёные!..

При этом Игорь с достоинством поворачивался спиной, и все видели, что его знаменитая трикотажная куртка насквозь проедена потом. Она чем-то смахивала на рыбацкую сеть, эта известная всему техникуму линялая спортивная куртка. Сквозь частые дыры видны были, буквально выпирали литые мышцы.

– А в таком виде тренируются спортсмены-разрядники, они же настоящие мужчины. Уважающий себя человек в новом тренироваться не станет!..

Турчин расслабленно потряхивал мускулистыми, разведёнными немного в стороны, будто ему жало под мышками, руками. Он растирал магнезию на твёрдых мозолистых ладонях – магнезия лёгкой курящейся струйкой осыпалась вниз – и назидательно интересовался:

– Усвоили, сынки, разницу? Сможете отличить настоящего спортсмена от салажонка?.. В жизни это дело крайне важно, рекомендую запомнить!

Турчин давно занимался штангой, и его звание кандидата в мастера спорта вызывало глубокое почтение техникумовских ребят. С самым умным видом он мог говорить всё, что душе угодно, – его с уважением слушали.

Однако мало кто замечал, что на парней, которые находились в это время в спортзале и ловили каждое его слово, Игорь поглядывал с затаённой усмешкой.

Турчин вообще заметно выделялся среди технику-

мовских ребят. Он был старше всех – учиться поступил после армии, и сейчас ему шёл уже двадцать третий год. К тому же – и это особенно делало его приметным – во всем техникуме трудно было найти второго такого парня. При росте метр семьдесят восемь весил Турчин больше девяноста килограммов. Причём все девяносто – сплошные мышцы, ни складочки жира.

– Ну-ка, сынки!.. – Раскачиваясь из стороны в сторону, он с неторопливым достоинством подходил к штанге и склонялся над ней. Пропустив между ладонями и грифом концы мягких кожаных ремешков, надёжно охватывающих запястья, напряжённо приседал, откидываясь всем своим большим телом назад перёд специальным упражнением – тягой.

– В сторону, в сторону, в сторону!.. – деловито, уже со стесненным дыханием торопил он первокурсников, обступивших деревянный, в тёмных глянцевых вмятинах от не раз падавшей штанги помост. – Снаряд сорваться может, соображать надо!..

Мышцами ног, потом и всей спины он мощно тянул, взрывчато подбрасывал штангу вверх, и она с удивительной лёгкостью взлетала в широко расставленных руках до подбородка. Затем с грохотом и звоном опускалась вниз, на помост. И так много раз.

Потом, уже когда Игорь заканчивал тренировку, наблюдавшие за ним ребята пробовали сами поднять эту унизанную блинами штангу. Но редко кому удавалось хотя бы оторвать её от помоста.

– Сынки, кто же с такого веса начинает?.. – Турчин снисходительно щурил глаза. Накинув на плечи плащ, он уже стоял у выхода из спортзала. В опущенной руке покачивался широкий штангистский ремень, которым он перетягивался, когда подходил к большим весам. – Понемногу, понемногу килограммы набавлять надо! Начинайте где-то с сорока-пятидесяти. Мышцы у вас не готовы к большому весу, этак и пупок развязаться может!..

Он поворачивался и уходил – большой, сильный и добродушный. Скрипуче прогибались под его тяжёлы-

ми шагами доски пола. Светлый плащ плотно облегал широкую спину и делал её ещё шире, ещё внушительнее.

Общежитие, куда Игорь направлялся после тренировки, находилось рядом. Надо было только миновать баскетбольную площадку с голыми – уже без сеток, их снимали на зиму – кольцами на потемневших от частых дождей щитах, а потом пройти через тесный скверик, усыпанный латунными листьями.

Воздух на улице был по-осеннему острый, из ноздрей вырывался и косо улетал вверх парок, опавшие листья шуршали под ногами. Вокруг было пусто и бесприютно. Холод от дверной ручки, за которую брался Турчин, входя в общежитие, долго чувствовался на ладони.

Ещё у порога Турчин поморщился. На лестнице было накурено. По крайней мере, здесь, у входа, это сильно чувствовалось.Расслабленной походкой уставшего человека он поднимался по ступенькам. На площадке между первым и вторым этажами стояло несколько ребят с сигаретами. Турчин хлопнул ладонью по перилам и громко поинтересовался:

– Воздух отравляем, юноши? Курить – здоровью вредить, слышали? Народная мудрость, между прочим. Верно я говорю, Калашников? Как ты считаешь?

Второкурсника Славку Калашникова, высокого и очень худого парня, звали ещё Культуристом. В насмешку, конечно, потому что каждый, кто видел его впервые, смотрел на Славку с удивлением и даже некоторым состраданием – до того Калашников был худ. Нет, он ничем не болел, просто таким был от природы. Но техникумовские ребята, большие почитатели красивой мужской фигуры (едва ли не каждый с сосредоточенным упорством возился по утрам с гантелями), ребята считали, что Славке в жизни крепко не повезло. Впрочем, сам Славка, как можно было заметить, так не думал. Он принадлежал к тем беззаботным людям, которые на подобные пустяки внимания не обращают.

Сейчас, когда Турчин заговорил с ним, весело посматривая и поправляя накинутый на плечи плащ, Ка-

лашников попробовал было спрятаться за спины. Но Турчин ухватил его за руку и потянул к себе.

– Качаться надо, дружок Калашников, качаться, а не курить! Мышцы наращивать!.. – Игорь пощупал тонкие руки Калашникова, и скорбное недоумение отразилось на его лице. – Что это? Это бицепсы?.. Недоразумение, можно сказать, а не бицепсы! Стыдно, Калашников, стыдно! Честное слово, нехорошо.

Калашников, взболтнув длинными руками, переступил с ноги на ногу и тоскливо оглянулся по сторонам. Кому какое дело до его мышц?.. Но перечить Турчину не посмел.

– Ты бы целыми днями не слонялся по городу и не курил бы, Калашников! Занимайся спортом, мой тебе совет. Станешь здоровым, как трактор. И тогда лучшие девушки… чего, Калашников?

– Залещиков, – покорно отозвался тот.

– … и тогда лучшие девушки славного города Залещики будут смотреть на тебя восхищёнными глазами. А на груди у тебя вырастут волосы, как и должно быть у настоящего мужчины!.. – Заметив, что Калашников опустил голову, Игорь похлопал его по спине. – Ладно, ладно, не обижайся. Шучу. – И доверительно добавил: – А вообще-то подумай. Спорт, он чудеса делает. Штанга, например. Неужели самому приятно, когда над тобой смеются? Гордости нет?..

За окнами ещё было светло, но на втором этаже все лампочки уже горели. В широком коридоре за рядом громоздких и при электрическом освещении почему-то особенно тёмных столов сидели над конспектами ребята – коридор был приспособлен для занятий. На столах в обычном беспорядке валялись учебники, толстые справочники по обработке металлов, плоские пеналы карандашей «Конструктор».

Устроившись под самыми лампочками, старшекурсники чертили курсовые проекты на больших ватманских листах. Мягко постукивали рейсшины. Тишина. На широком подоконнике (за стеклом покачиваются чёрные голые ветки) едва слышно играл чей-то магнитофон.

Потрескивая паркетом, Турчин прошёл в свою комнату. Здесь никого не было, в углах осели – или так казалось после яркого коридора – мутно - фиолетовые сумерки.

Теперь, когда Игорь был один, его лицо переменилось. Сделалось озабоченным, явственно проступила усталость. Выражение обычной добродушной насмешливости слетело. Осторожным мягким движением он прикоснулся к трицепсу левой руки. Морщась, помял плотную мышцу. Перестарался!.. Надо было хотя бы сегодня поберечься, не давать полной нагрузки.

Не успел он протиснуться по узкому для него проходу между койками, как в дверях показалась хитрая мордочка Сани Карабая.

– Игорь, покажи, а? – просительно затянул Карабай, не входя в комнату. Глаза его бойко бегали. – Ну, Игорь, ну, чего тебе стоит!..

Турчин распахнул тумбочку, неторопливо свернул и положил к задней стенке свой широкий штангистский ремень. Он делал вид, что не понимает Карабая. Его брови были высоко подняты.

– Странно вы как-то говорите, геноссе Карабай. Что вам показать?

– Мышцу.

– А, мышцу… – рассеянно протянул Игорь. Подумав, он достал из тумбочки мыло, а с никелированной спинки койки сдернул полотенце. Затем взглянул на Карабая и внушительно произнёс: – Свою качать надо, свою, а не на чужую смотреть! Толку от этого мало.

– Ну что тебе стоит!.. Ну, Игорь…

Турчин сокрушенно вздохнул. Некоторое время постоял, будто раздумывая.

– Настырный ты тип, Карабай!.. Придётся откликнуться на просьбу трудящихся. – И он принялся осторожно стаскивать через голову свою легендарную драную куртку.

Турчину нравился этот шустрый паренёк с первого курса. За весёлый нрав и сообразительность он выделял его среди других ребят. Турчин заприметил Саню ещё летом, во время приёмных экзаменов. Тогда он на каникулы домой не поехал, а остался в общежитии и

каждый вечер уходил на товарную станцию разгружать вагоны. Цемент, уголь, длинные прогибающиеся доски, от которых все ладони были в занозах (работать в рукавицах было жарко, да и неудобно), разных форм и веса ящики, мешки, рассыпная картошка – Турчин брался за любую работу, лишь бы хорошо платили.

В общежитие он возвращался ранним утром по синим прохладным улицам. Солнце только-только поднималось, густые длинные тени протягивались от домов, никого навстречу, вдоль забора, сумрачно и дико-вато озираясь, пробирается одинокая кошка… Турчин приходил в общежитие, падал на койку и на несколько часов проваливался, будто отсекало, в глухой беспамятный сон. Просыпался уже после полудня, когда солнце накаляло комнату. Простыни были мокрые от пота, болезненно саднило ладони.

Вместе с ним в общежитии оставалось ещё несколько ребят, которые по разным причинам не разъехались по домам – большинство, как и он, устроились на лето работать. Когда в конце июля появились абитуриенты, старшекурсники придумали себе развлечение. Они даже Турчина, не очень-то любящего такие шутки, уговорили участвовать.

Развлечение было такое. Повязав галстуки, парни рассаживались в какой-нибудь из комнат и, обращаясь друг к другу по имени-отчеству, зазывали по одному из коридора робеющих абитуриентов. Начиналось «собеседование». Парни выдавали себя за техникумовских преподавателей.

С самым серьёзным видом расспрашивали о родителях, о школьных оценках, о том, занимается ли товарищ спортом. Абитуриенты – все, как правило, из глухих прикарпатских сёл, – добросовестно хлопая глазами и мешая русские и украинские слова, отвечали. Многие из этих пятнадцатилетних ребят впервые попали в большой город, всё было непривычно и странно, представления смещались – у них и мысли не возникало, что их разыгрывают. Да и трудно было усомниться в серьёзности всего происходящего, особенно когда открывалась дверь и в комнату входил Турчин с красной

папкой в руке и в чужих очках для солидности. «Комиссия» почтительно поднималась.

– Садитесь, товарищи, садитесь, – махал рукой Турчин и переводил внимательный взгляд на абитуриента. – Так, молодой человек, что вас привело в наш техникум?

Кто-нибудь шептал: «Директор…» Абитуриент бледнел.

– Вы не волнуйтесь, – говорил Турчин, усаживаясь на стул и неторопливо закидывая ногу на ногу. Роль свою он выдерживал: чего уж там, если согласился. – Не надо волноваться. Сдавайте экзамены, покажите в полном объёме свои знания. А там посмотрим. Способные студенты нам нужны.

Однако надолго Турчина не хватало. Сославшись на занятость и всё же поперхнувшись у порога от едва сдерживаемого смеха, он быстро выходил из комнаты и сдёргивал резавшие глаза очки. «Комиссия» со старательно серьёзными лицами опять поднималась со своих мест.

Пожалуй, единственным, кто не поверил во всё это с самого начала, был Карабай – невысокий, худощавый, с постоянно приоткрытым ртом. Обежав бойкими глазами членов «комиссии» и всё быстро сообразив, он не обиделся и не расстроился, а принялся разыгрывать испуганного и до смешного неловкого сельского паренька. Когда Турчин вошёл с папкой, один вид которой говорил о многом, Карабай панически округлил глаза и даже сделал попытку забиться за шкаф. А отвечая на вопросы, то и дело вставлял «товарыш профессор». И всё это с самым простодушным лицом.

Он откровенно переигрывал, и у Турчина мелькнула мысль, что ещё неизвестно, кто над кем здесь потешается. Окончательно он убедился в том, что невзрачный этот паренек совсем непрост, когда Карабай – потом уже, – встречая его по утрам в умывальнике (с красными глазами, уставшего, с окаменевшими от цемента волосами на голове), здоровался с подчёркнутой почтительностью: «Добрый ранок, товарыш директор. Как отдыхали?» Турчин, не расположенный в это время к шуткам, осадил его: «Не зарывайся, букварь!..» Но про себя отметил необычного паренька.

Сейчас, притворно вздохнув, он бросил на койку полотенце и осторожно стащил через голову свою ветхую трикотажную куртку.

– Ещё порву из-за тебя… – ворчливым голосом сказал он. – В чём потом тренироваться?.. И что за охота, Санёк, смотреть на чужую мышцу!

Турчин подошёл к треснувшему и слегка искажающему зеркалу шкафа, с трудом поместившемуся между койками. Как бы нехотя поднял разведённые в стороны и согнутые в локтях руки. Он подтянул живот с чётко обозначившимся прессом и волной перекатил мышцы, то напрягая, то расслабляя их. Его мощный торс ещё лоснился от пота, каждая мышца под смуглой, не отошедшей от летнего загара кожей рельефно выделялась. Зрелище в самом деле было впечатляющим.

– Девяносто килограммов стальных мышц и безрассудной ярости!.. – прорычал Турчин.

Он и сам не заметил, как увлёкся, принимая всевозможные эффектные позы, и когда оглянулся на Карабая, то увидел, что в дверях комнаты столпились ребята, чертившие до этого в коридоре. Турчин опустил руки и строго спросил:

– Здесь цирк, что ли? Ну-ка, по местам!

Ему было неловко. Эти полушутливые культуристские позы могли быть кому-то неприятны – красуется, мол, бугай здоровый, задается. Турчину не хотелось, чтобы о нём так думали. Хотя, если честно, ничего плохого нет, если он даже и покрасуется. Никто из этих пацанов не знает, чего стоят такие мышцы, каким трудом они даются.

Карабаю он сказал:

– Всё ты, Карабай-барабай! Ставишь в неловкое положение. – И, развернув того за плечи, подтолкнул вслед за другими ребятами.

После тренировки следовало помыться. Можно было, конечно, спуститься в умывальник на первый этаж и окатиться холодной водой из-под крана. На некоторое время, Турчин знал, это взбадривало. Но потом наваливалась такая усталость, что даже подумать об

учебниках было противно. А сегодня надо обязательно позаниматься – не за горами защита курсовых. Так что уж лучше сходить в кочегарку под горячий душ. Хотя это займёт больше времени, зато не будет такой усталости.

В коридоре за Турчиным увязался Карабай. Открыто глядя в глаза, будто и не его только что выдворили из комнаты, Саня сказал:

– Я с тобой, а?.. Давай полотенце понесу.

Повернувшись всем телом, Турчин с интересом оглянулся на него. И даже приостановился.

– Далеко пойдёшь, Карабайкин! Если, конечно, вовремя не остановят. – Однако полотенце всё же дал. Ему нравилось, когда рядом находился кто-нибудь, ловящий каждое его слово. На всякий случай всё же спросил: – У тебя что, свободного времени много, математики завтра нет? Смотри, Карабаев, Брадин сачков не любит. У Брадина как покажешь себя в первое время, так и пойдёт дальше, учти!

Карабай, пристроившись рядом, легкомысленно ответил:

– Мы с Брадиным лепшие друзья. У меня одни пятерки.

– Нахал ты, Карабайкин! Лепшие друзья… – Турчин задержал на пареньке внимательный взгляд. – Точно, нахал!

Турчин до третьего курса сохранил уважительное отношение к преподавателю математики Михаилу Евсеевичу Брадину. Ни алгебры, ни тригонометрии, ни высшей математики на третьем курсе уже не было – всё это заканчивалось раньше, – но даже сейчас, встречая в коридорах техникума дородного, неторопливо вышагивающего Михаила Евсеевича с журналом в одной руке и с эбонитовой указкой в другой, Турчин старался поскорее пройти мимо. Брадин до сих пор вызывал у него не очень приятные воспоминания.

Для Турчина математика была самым трудным предметом. К тому времени, когда он поступил в техникум, от школьных знаний в памяти почти ничего не осталось. Так что на первых порах попотеть пришлось здорово. Раньше часа ночи он спать, обычно, не ложился.

Брадин никому скидок не делал, для него было безразлично, когда ты окончил восемь классов – в этом году или пять лет назад. К тому же по природе своей Брадин был нетерпеливым человеком. Нелегко, наверно, было из года в год объяснять одно и то же, и когда вызванный к доске непонятливый студент не мог решить уравнение, Михаил Евсеевич принимался ходить взад-вперёд перед кафедрой. Наконец бросал: «Пишите: скобка, восемь… Скобка, восемь… Скобка, восемь…» Вконец растерянный первокурсник, безнадёжно пытаясь сообразить сам, медлил, и это окончательно выводило Брадина из себя. «Смотрите, он не хочет писать! – восклицал Михаил Евсеевич, апеллируя к аудитории, и с возмущённым недоумением пожимал плечами. – Пишите: скобка, восемь… Скобка, восемь… Нет, смотрите, он не хочет!» Оцепеневший подросток не писал. «Я вас прошу – садитесь. Садитесь! Я вам ш е с т ь поставлю, только садитесь!..»

Брадина в техникуме побаивались и уважали.

С Турчиным он себе такого не позволял. Но и ему как-то сказал, ставя в журнал трудовую четвёрку: «Вы мне непонятны, Турчин. Я знаю, чего стоит, допустим, Дрыган – он больше тройки при всём желании получить не может. Знаю, чего стоит Шин – ему надо учиться на физмате в университете, а не здесь. А когда вас вызываю, я представления не имею, как вы ответите – как Шин или хуже Дрыгана».

Игорь хлопнул Карабая по плечу.

– Пошли, вундеркинд.

– Ты чего! Больно! – Карабай обиженно отпрянул.

– Не рассыплешься. Привыкай к ударам судьбы, дружок. Представь, что я судьба. – Турчин опять поднял руку, но Карабай отбежал на безопасное расстояние, показал кукиш и быстро выскочил за дверь общежития.

На дворе начинался дождь. Литые чугунные решётки забора, отделявшие общежитие от тихой улицы (общежитие находилось на бывшей окраине, среди австрийской ещё постройки особняков с мансардами, широкими окнами и лепными надписями по фронтону вроде Villa Rosa), были в тёмных потёках. Уже начинало

смеркаться, воздух сделался пепельно-голубой. В мокром асфальте неясно и разбито отражались деревья и дома на другой стороне улицы.

– Игорь, привет!

Турчин оглянулся. По улице шла племянница коменданта общежития Тоня. Слегка полноватая девушка, карие глаза смотрели с весёлым интересом, подстриженные волосы выбились из-под капюшона болоневой куртки и венчиком легли вокруг лба и румяных щёк.

– Здравствуй, Тоня…

Девушка, не спуская с Турчина глаз, прошла в калитку. Игорь приостановился. Ему приятно было её видеть. Он всегда смотрел на эту здоровую весёлую девушку с удовольствием. Но, любуясь ею, в то же время испытывал странное, похожее на досаду чувство. Так было раньше, так было и сейчас. Будто рассматриваешь в журнале цветные фотографии далёких стран, такие притягательные и заманчивые, и точно знаешь, что никогда там не побываешь.

Турчин заторопился.

– Пошли, Карабай, пошли! Простынем. – Он плотнее запахнул на груди плащ. – Будь здорова, Антонина.

– Пока… – удивлённо протянула девушка. Она подошла к дверям общежития, но всё не заходила, медлила, будто ждала, что её окликнут.

С не идущей к его крупному телу поспешностью, делая много лишних движений (поднял ворот плаща, ещё раз запахнулся, сунул руки в карманы), Турчин подтолкнул в спину Саню Карабая и сам зашагал следом.

Уже за углом общежития Саня оглянулся. Лицо у него было хитрое.

– Ого!..

– Карабяну, – укоризненно сказал Турчин, опять становясь тем невозмутимым и уверенным в себе человеком, каким его все знали. – Карабяну, в вашем возрасте не то что рассуждать о девушках – думать о них рано! Поверьте слову старшего товарища. Девушки отвлекают нас от великих идей.

– Нет, я серьёзно. Как она на тебя смотрела!..

– Обычно смотрела.

– Не-е-е…

Турчин опустил руку Сане на плечо и слегка потормошил.

Саня порозовел от удовольствия. Ему приятно было вот так, запросто, идти рядом с самым сильным человеком техникума и чувствовать на плече его дружескую руку.

2

Первый этаж общежития был высоким. Если со стороны улицы его окна поднимались от земли метра на два, то с обратной, тыльной стороны дома до них рукой достать было уже невозможно – окна уходили высоко вверх. Небольшой вроде бы уклон, на котором находилось общежитие, становился от этого очень наглядным.

Саня Карабай поднял голову вверх и замер.

– Как замок… – Он пробежал быстрым взглядом по гладкой серой стене. – А если штурмовать? Тяжело было в старые времена, наверно. Сверху ещё смолу льют, бросают камни, стрелами… – Глаза у Карабая понемногу загорались, и проступали, напрягались лопатки под дешёвым тонким пиджачком. Сам того не замечая, Саня начал подёргиваться, а потом и вовсе принялся размахивать руками. – А если надо взять? Приказ такой!.. Ага, лучников сюда поставим. Штурмовые лестницы вперёд! Первая волна, давай!.. Лучникам – по бойницам, чтобы ни один гад не высунулся! Солдаты, на три дня даю город…

Оглянувшись на Турчина и встретив его весёлый взгляд, Саня смешался.

– Кровожадный ты человек, Карабаев! А я так запросто с тобой… Послушай, предки твои, часом, не из ордынцев? Или – крымчаки? И фамилия похожа… Не-е-т, от тебя надо подальше, а то обидишься и ножом когда-нибудь!..

Так приговаривая и удручённо качая головой (как ошибся в человеке!), Турчин потянул на себя дверь, которая вела в кочегарку. Пригнувшись и всем видом по-

казывая, что с этих пор намерен держаться от Карабая подальше, он шагнул вниз.

В тамбуре было темно, но Турчин заученным движением толкнул вторую дверь и попал точно. Дверь отлетела, ударив ручкой в стену, и Турчин оказался в полутёмном помещении с низким потолком.

Слева, отбрасывая на цементный пол густой и ровный малиновый свет, была топка (Игорь сразу почувствовал щекой её тепло). Прямо – сидел за столом бородатый Эдуард и держал в руках обёрнутую в газету книгу. Настольная лампа, приглушённая сверху колпаком, разделяла лицо Эдуарда на две половины – освещённую нижнюю с золотисто вспыхивающими волосками в бороде и тёмную, неопределённую верхнюю, на которой даже глаза только угадывались.

В кочегарке пахло сернистым газом. После чистого воздуха улицы это особенно чувствовалось.

– Приветствую!

– Здравствуй, – ответил Эдуард медлительным, с сипотцой голосом.

Турчин прошёл к столу, тяжело опустился на табурет и далеко вытянул ноги.

– Устал… Вот помыться пришёл.

– Тренировался? – вяло поинтересовался Эдуард. Он вообще всё делал скучно, как бы с трудом – разговаривал, смотрел, двигался. Будто нехотя отрывался от каких-то своих, глубоких и нерадостных, раздумий.

– Было дело… Ты сегодня не торопишься? Могу подменить.

– Я не спешу.

– Смотри, если надо…

– Спасибо.

Эдуард, Турчин и ещё один мужичок из ближнего села второй сезон работали в котельной общежития кочегарами. Работа была спокойная (набросал в топку угля, а сам можешь готовиться к занятиям или спать, лишь бы давление в котле было нужное), так что среди техникумовских ребят желающих устроиться в котельную хватало. Но комендант общежития Иван Леонтьевич Круглей выбрал изо всех Турчина.

Игорь снял плащ, свернул его так, чтобы подкладка оказалась наружу – в котельной кругом была угольная пыль,– и аккуратно повесил на гвоздь в углу. Эдуард перестал читать и долгим странным взглядом следил за ним. Турчин уважительно кивнул на книгу:

– Аристотель?

Эдуард ничего не ответил. Он поднялся из-за стола, походил по кочегарке – кусочки рассыпанного по полу угля громко крошились под его тяжёлыми рабочими ботинками с заклёпками по бокам – и наконец бросил в сторону:

– Пушкин. – Вдруг посмотрел на Турчина ясными, с лёгкой сумасшедшинкой глазами. – «Маленькие трагедии» читаю… Интересно!

В другое бы время Турчин при всём уважении к Эдуарду (уважение, которое он испытывал к своему бывшему командиру части подполковнику Долгополову, непонятным образом переносилось и на его сына) обязательно прошёлся бы насчёт того, что Пушкину, мол, повезло, его наконец-то оценили. Но сейчас промолчал и только поднял брови. С Эдуардом что-то творилось, он не походил на самого себя.

– Удивительное явление – Пушкин! Стихов, так сказать, пленительную сладость мы помним, а вот мысли… Любопытные вещи, между прочим, получаются! Оказывается, опасно сильно любить, да!.. Опасно до конца быть преданным дорогому для тебя делу. Цельность и безоглядность опасны! При известной, конечно, доле самолюбия и твёрдости характера. Оказывается, чрезмерная любовь делает человека ревнивым к любому другому, кто занимается таким же делом. И не дай бог, если этот другой делает твоё дело лучше, чем ты! К тому же – не прилагая особых усилий. Так, походя. Оскорбительно, можно сказать! Богохульственно! Справедливости нет, мир рассыпается на части, жить незачем – хаос!.. Ты стараешься, из кожи лезешь, по-человечески не живёшь, а он, гуляка праздный, легко, свободно…

Эдуард глухо, неловко хохотнув, хлопнул себя ладонями по бокам. Он словно радовался.

Турчин покосился на него и пожал плечами. Да, происходит сегодня что-то с Эдуардом… Зачитался, наверно, бывает. Вон как проняло. Сам Турчин оставался спокойным.

Эдуард всегда казался ему странноватым. Ему были непонятны в сменщике его обычные вялость и какое-то смиренное равнодушие ко всему на свете. Такими в фильмах о дореволюционной жизни показывают монахов. Всё это казалось Игорю фальшивым. Он даже не сразу поверил, что Эдуард - сын подполковника Долгополова, – до того были непохожи эти два родных между собой человека: стремительный в движениях, властный, с прямым требовательным взглядом его бывший командир и Эдуард, медлительный, молчаливый, живущий будто через силу.

(Со времен службы в памяти осталась такая картинка: подполковник Долгополов отчитывает двух лейтенантов. Те, не заметив его приближения, выталкивали друг друга из кабины КрАЗа – молодые ребята, только что из училища, конечно, тянет подурачиться… Хищно - поджарая фигура подполковника, узкие губы чётко, хлестко выговаривают слова, в лице, в посадке головы чувствуется сила. Лейтенанты с застывшими лицами вытянулись перед ним. Солдаты, оказавшиеся поблизости, потихоньку отходят в сторону.)

Турчину иногда хотелось подойти к сменщику и встряхнуть его. Проснись, парень! Что ты, как замороженный. Смотри, какой у тебя отец орёл!..

Особенно Игоря удивляло то, что младший Долгополов нигде не учился. Он часто видел у него в руках умные книги, о которых краем уха слышал, но которые самому читать не приходилось, и поначалу думал, что Эдуард готовится к семинару или зачёту. А кочегаром работает потому, что нужны деньги – какому студенту они не нужны. Хотя, конечно, странно немного, всё-таки сын подполковника, могли бы родители и обеспечить.

Оказалось, Эдуард читает просто так, для себя. И древнегреческих философов, которые мелкими буковками упоминаются в учебнике обществоведения, и

другие книги, о которых Игорю не приходилось даже слышать. А на вопрос, почему не поступает в институт, скучно сказал: «Зачем?» Турчин недоверчиво покосился на него. Нет, вроде не смеётся…

Эдуард продолжал:

– Что же делать старательному человеку? Ведь смысл жизни для него пропадает! Как быть?.. Станиславский говорил, любите, дескать, искусство в себе, а не себя в искусстве. Красиво, не поспоришь! Но – как пожелание, а не как действительность. Только в таком смысле можно воспринимать. Как человеческую природу обойти? Как перешагнуть?... Конечно, хорошо бы! Ах, как хорошо!..

Эдуард задержал то ли мечтательный, то ли язвительный взгляд на малиново отсвечивающей топке. Постоял, хмыкнул. Посмотрел на Турчина и опять быстро отвёл глаза, будто стеснялся того, что говорил. – Прекрасно… а на самом деле? Христианство две тысячи лет бьётся, а что получается? Неважно получается! Причин много, не спорю, но результат-то… В человеческую природу упираемся. Так что же ему делать, очарованному человеку? Ставить на себе крест? Вот уж вряд ли, не поставит, святым надо быть. Святых во все времена мало. Или последний дар моей Изоры в стакан? Не себе, конечно, не себе!..

Свет настольной лампы рассеивался понизу вокруг стола, и шагавший Эдуард оставался в полумраке. Тускло поблёскивали заклёпки на ботинках, дробился, скрежетал под подошвами уголь. Раз Долгополов обернулся, и Турчину стало неприятно, даже жутко – глаза Эдуарда зеленовато, будто у кошки, светились.

Ничего, конечно, сверхестественного в этом не было – так отражался в них слабый непрямой свет, похожее Игорь замечал и раньше, – однако он почувствовал к сменщику неприязнь, почти что враждебность, первобытную, безотчётную.

– Тебе это не грозит, – насмешливо и твёрдо произнес он. – Сам говоришь, очень надо любить своё дело. На этой почве злодеем ты явно не станешь.

– Вот и хорошо! Очень хорошо!.. – воскликнул Эдуард, не замечая или стараясь не замечать насмешки. – И Пушкин согласен, нельзя подчинять свою жизнь – свою священную единственную жизнь! – какому-то одному делу. Каждый свободен, каждый возвышен духом должен быть. Парить, охватывать всё с высоты, а не утыкаться в корыто! Видеть и понимать, не ограничивать себя шорами. Это же шоры, понимаешь? Шоры! Вот так вот мир видишь, – Эдуард судорожными движениями изобразил что-то вроде тесного окошка перед глазами. – Вот так, а за пределами – ничего! А оно есть, оно существует. Шире и значимей любого, даже самого важного дела!..

«Потом ему самому неудобно будет, – подумалось Турчину. – Раскрылся Эдик, раскрылся…» Турчин поднялся и медленно, устало направился к узкой двери душевой в углу кочегарки.

– Лампочку Круглей дал? – будничным голосом спросил он, показывая, что умных разговоров хватит.

Эдуард остановился, непонимающе глядя на него.

– Что?

– Дал комендант лампочку? Старая в душе перегорела, я новую просил.

– А-а… – Долгополов поскучнел. Молча прошёлся ещё по кочегарке туда и обратно. Он никак не мог успокоиться. – На подоконнике возьми.

С покрытого угольной пылью подоконника Турчин взял картонную коробочку с лампочкой и обдул её. Лампочку следовало бы ввинтить раньше, не дожидаясь, когда это сделает он, Турчин, – смена-то Эдуарда. Вообще, как успел Игорь заметить, молодой Долгополов не был обязательным человеком. То забудет перед сдачей дежурства почистить топку, то насыплет, как сейчас, угля на пол и не подметет. Игорь себе такого не позволял.

– Говорить мы все умеем, – сдержанно сказал он. – Поговорить, это запросто!.. Делать дело надо, а не болтать. Так я думаю.

Туго ударили горячие струи. Прикрыв от удовольствия глаза,Турчин подставлял их хлёсткому напору то спину, то грудь, то поворачивался боком. Тело блажен-

но тяжелело, мышцы расслабленно, обморочно мозжили – казалось, каждым волоконцем, каждой клеткой слышен мощный успокоенный ток крови. Не хотелось ни двигаться, ни думать. Стоять бы так и стоять, опустив голову и свесив руки вдоль тела…

Турчин, как и прежде в комнате, осторожно помял трицепс левой руки. Мышца была плотная и болела. Он досадливо качнул головой и поморщился.

Ему всегда казалось, что каждая добросовестная тренировка что-то прибавляет в нём. Даже не силу, это было бы слишком просто. Возникало неясное ощущение постепенного, трудного и оттого драгоценного накопления. Не всё, правда, у него в последнее время ладилось, до заветной нормы мастера спорта оставалось ещё много, но всё равно на каждой тренировке было мучительно сладостно преодолевать себя, свои нежелание и усталость. Тренировки – одно из немногого в жизни, к чему следовало относиться серьёзно. И вот, пожалуйста, перестарался, пожадничал!..

Надо было ещё успеть в столовую, она закрывалась в половине восьмого. Плотно, отжимающе проведя ладонями по лицу и глубоко вздохнув, Турчин усилием воли согнал сонливость. Закрутил краны и некоторое время постоял, давая время стечь по телу каплям.

Как всегда после тренировки да ещё после душа, есть не хотелось. Но он знал, верить этому ощущению нельзя. Хотя бы порцию гуляша осилить надо. А на ночь он купит молока, хлеба и колбасы – ночью всегда есть хочется, мышцам нужны калории.

Высунувшись из-за двери душевой, он кинул Сане Карабаю:

– Полотенце!

Саня (тот появился ещё во время разговора с Эдуардом и вёл себя незаметно – не знал, рассердился на него Турчин в самом деле или только пошутил) вскочил с табурета и с готовностью подал полотенце. Турчин подумал, что его требовательно протянутая рука – мускулистая, поросшая по предплечью чёрными волосами – должна вызывать уважение. Принимая полотенце, он

напряг её, хотя это совсем не требовалось. И поймал преданный взгляд паренька.

Турчин усмехнулся. Вот так когда-то он смотрел на взрослых парней. Сейчас на него смотрят.

Перед тем как пойти ужинать, Турчин заглянул в спортзал.

Его второй год избирали в техникуме старшим спорторгом, ему полагалось открывать и закрывать зал и следить за порядком в нём. Были, конечно, и другие обязанности, но именно эту Турчин охотнее всего исполнял. Во-первых, ключ от спортзала в таком случае постоянно находился у него и можно было тренироваться в любое время. А во-вторых, штанга была под присмотром. Это только кажется, что ничего с ней, железной, не может случиться. На самом деле штанга требует бережного обращения. Замки в два счёта могут сломаться, если её без дела бросать на помост. А ребята не очень-то церемонятся.

– Не пора ли в общагу, друзья мои? К книжкам и тетрадкам! – громко сказал Турчин от порога. – Смею думать, к занятиям вы не подготовились.

Игравшие в настольный теннис парни без разговоров стали снимать сетку. В спортзале пахло разогретыми потными телами. Турчин, раздувая ноздри, с удовольствием вдыхал привычный воздух.

– Веселее, сынки, веселее! Время не ждёт, время торопит. Во всём, сами понимаете, мера нужна, а часами махать ракеткой какой смысл? Верно говорю?..

У него ещё были кое-какие соображения о бессмысленном препровождении времени, но высказаться он не успел. За спиной стукнула дверь, Турчин оглянулся. У порога стоял маленький Витя Шин и обеспокоенно поглядывал то на него, то в зал.

– Уже закрываешь?

– А ты что так поздно? – удивился Турчин.

– Не мог раньше, курсовой по деталям машин рассчитывал.

– Могу, конечно, не закрывать, но скажи мне, дорогой товарищ Шин, кто перед сном тренируется?

Шин заулыбался. От улыбки его узкие глаза совсем исчезли.

– Мне спать не скоро. Всю ночь буду рассчитывать.

– Даешь!.. Мышцам отдых требуется, а ты – рассчитывать!

– Надо.

– Что – надо? Тогда не тренируйся.

– Э, не могу.

– Как это – не могу? – удивился Турчин. – Ты устанешь, ошибок налепишь, пересчитывать придётся – зачем надо?!

Турчин лукавил. Он испытывал Шина. Ему был близок и понятен этот невысокий старательный паренёк, который, как и он сам, тоже не первый год занимается штангой. Глядя на Шина, трудно было поверить, что у него второй разряд, что под жидким спортивным костюмчиком ходят сильные мышцы и что ноги у Шина вполне приличные – он приседает со штангой в сто двадцать килограммов.

– Значит, будешь тренироваться?

– Буду, если зал не закроешь.

– Отбой, гиганты! Играйте, – разрешил Турчин, поворачиваясь к теннисному столу. – Шина благодарите, человек делом пришёл заниматься… Позови меня, когда закончишь.

– Позову, спасибо.

Постояв перед Турчиным из вежливости ещё несколько секунд, Витя затрусил вдоль стен зала – начал разминку. Турчин проводил его взглядом.

– Да, забыл сказать. – Шин вдруг вернулся. Чтобы не терять темп, он принялся подпрыгивать на месте. – В техникуме один парень появился, у нас в общежитии живёт. Сила – исключительная! Сам будет где-то в полусреднем… – Шин скосил глаза, прикидывая, – да, килограммов семьдесят пять весит. А жмёт сотню. Без техники, без тренировок – одной силой давит.

Турчин хмыкнул и значительно помолчал. Новость была интересная, хотя и маловероятная. Но обижать недоверием Шина не хотелось.

– Наш парень, говоришь? Любопытно… Почему я его не знаю? Все стоящие ребята у меня на примете.

Шин заторопился:

– Ты можешь не знать, он после десятого класса на второй курс поступил. Слушай, у меня челюсть отвисла, когда я увидел его на физкультуре. Феномен!

– Так уж и феномен… Ладно, приводи. Скоро соревнования, а у нас в полусреднем выставлять некого. Посмотрим твоего феномена.

– Хорошо, я скажу.

Упрямо наклонив вперед голову, Витя Шин опять затрусил по спортзалу. Его круглое лицо сделалось замкнутым, самоуглублённым. По всему чувствовалось, Шин настроился на тяжёлую, долгую – одним словом, хорошую тренировку.

Ужинать Турчин ходил в столовую при трикотажной фабрике. Это было не близко, зато там всё стоило дешевле, чем в обычной городской столовой, да и готовили лучше.

Подняв ворот плаща (на улице всё так же было холодно и сеялся мелкий дождь), Турчин шагал по чёрному мокрому асфальту, глубоко засунув руки в карманы. От фонаря к фонарю то впереди него, то сзади появлялась, росла, бледнела и наконец совсем пропадала тень, перескочив на другую сторону. В сыром тёмном воздухе горьковато, винно пахло опавшим листом.

В столовой было тепло и светло, через потолок доносился глухой шум работающих станков. Турчин взял поднос и прошёл к раздаче. Сегодня на раздаче была Люба.

– Привет, подруга! – бодро поздоровался Игорь. Он опустил поднос на алюминиевые направляющие и шумно втянул в себя воздух. Здесь он всегда вёл себя весело. – Чем так вкусно у тебя пахнет? Обслужи-ка бедного студента! Зачерпни со дна пожиже!..

– Ага, тебе дай пожиже, так обложишь! Вон какой бугай, – сказала раздатчица Люба, некрасивая женщина лет тридцати. Несмотря на ворчливый тон, в глазах у неё мелькнуло удовольствие. – Говори, тебе с макаронами или с гречкой?

– Давай с гречкой. – Лицо у Турчина стало мечтательным. – Ах, Любаня, целыми днями о тебе думаю!.. – Он поднял к потолку глаза и продекламировал: – Милая, не бойся, я не груб, я не стал развратником вдали…

– Ну тебя! Бери быстрее да уходи!

Сказала это Люба недовольно, но мясо с гречкой подавать не спешила. Она слила воду со стопки чистых тарелок, принялась перемешивать гарнир в бачке.

– Так поэзия, Люба! Есенин!.. Ах, Любаня, страдающее сердце отталкиваешь!.. Ты не спеши, ты подумай.

– А чего мне думать, у меня муж есть.

– Так мы мужу ничего не скажем!..

Это была игра. Турчин знал, что Люба незамужем. Но он чувствовал, что значит для неё, уже не очень молодой женщины, считаться замужней хотя бы перед ним, посторонним человеком. И всякий раз, когда видел Любу на раздаче, затевал эту приятную для неё игру.

– Я верная жена, не надейся!

Услышав это, Турчин изобразил уныние и, приняв от Любы тарелку, направился к кассе.

Пожилая, уставшая за день кассирша, подслеповато щурясь сквозь очки – глаза её за толстыми стёклами казались совсем маленькими, мышиными, – недовольно бросила:

– Балуют тебя. Две порции здесь.

– Так он вон какой! – крикнула от раздачи Люба. – Мало ему!

– Пускай за две порции платит, раз мало.

Турчин склонил голову к плечу и развёл руками. На кассиршу он смотрел с сожалением.

– Нет, тёща, не понимаешь ты смысла жизни, совсем не понимаешь! Ну и что – две порции?.. Студенту можно простить, наверно? У тебя что, детей нет?

– Правильно, – подтвердили от раздачи.

Кассирша раздражённо махнула рукой.

– Ну вас, спелись… «Тёща»! Зятёк сыскался. Тридцать шесть копеек. Хлеб будешь брать?

– А вот теперь мать родная!..

В зале, полуподвальном помещении с толстыми стенами и окошками под самым потолком, почти никого

уже не было. Работницы фабрики ели раньше, когда с улицы ещё не впускали. От вибрации вверху мигали лампы дневного света. В углу за столиком сидели два подвыпивших мужика и о чём-то спорили.

Турчин опустил поднос на первый попавшийся чистый стол. Есть по-прежнему не хотелось. Прогулка по свежему воздуху не помогла.

Когда он вернулся от посудомойки с чистой вилкой, к нему, нетвёрдо ступая, подошёл один из выпивавших в углу мужиков.

– Не обижайся, друг, я сейчас… – сказал он, неловко выдвигая стул и тяжело садясь, почти сваливаясь на него. – Я так, не переживай, мешать не буду!.. С тем долбаком разве поговоришь? Чурка с глазами. Ты серьёзный человек, я в людях понимаю!.. Выпьешь?

Он сосредоточился взглядом на Игоревом лице и принялся вытаскивать из внутреннего кармана потрёпанного пальто бутылку с пластмассовой пробкой. Бутылка никак не поддавалась.

Турчин усмехнулся. Он давно уже привык к вниманию подвыпивших мужиков. Всем нравилось, что он такой здоровый. Стоило Игорю оказаться рядом, как с ним обязательно начинали заговаривать, приглашали выпить и осторожно, уважительно похлопывали по спине.

– Не порть аппетит, – бросил Турчин, перемешивая в тарелке гречку и не глядя на мужика.

– Не обижайся, друг! Я сам был, знаешь, какой!.. Жизнь, а? Что делает, зараза!.. Раньше два мешка брал и нёс, под одну руку и под другую. Цемента! Клянусь!.. А сейчас? Куда!.. Так весь человек. Сначала молодой, весёлый, потом старый стал, всё неинтересно. Выпить ещё, а так… – Мужичок с чувством махнул рукой, глаза его смотрели влажно. – Вот скажи, почему я тебя уважаю? Я ж тебя не знаю. Молодой, потому, золотой! Ты всё можешь, за то люблю. Потом станешь, как я, а сейчас молодой, золотой! А так мне дела нет до тебя. Вон дундук сидит, чурка с глазами, ничего не понимает. Дурило. – Он тяжело повернулся к столику, за которым сидел его приятель, и с пьяным презрением, кривя губы, ткнул на него рукой. –

Пенёк, чтоб я так жил! Хиба сравнишь? А ты!.. Тебе в цирке можно выступать, правду говорю. Женщины должны любить, все дороги везде открыты! Молодой, здоровый! Жизнь в глаза глядит и улыбается, всё сейчас для тебя!..

Турчин с интересом поднял голову. Нет, пьяненький этот мужичок на отчима похож не был, хотя и говорил как-то сходно. Голос? Интонация?.. Оплывшее дряблое лицо, пена в уголках рта, красные глаза. Мужику, по всему видно, и пятидесяти нет, а на месте передних зубов чёрные провалы.

Цепкой детской памятью Игорь помнил, как отчим по вечерам возвращался домой. Даже сейчас, спустя столько времени, он подумал об этом с неприятным, саднящим чувством. Хотя, казалось бы, чего было бояться – ничего плохого ему отчим не сделал, ни разу не ударил, даже не ругался. Пьяным он никогда не был, но и трезвым Игорь его не запомнил – постоянно навеселе, ласковый, тихий, задумчиво-мечтательный.

Во времянке, где жили они втроём (а потом, когда родились сестрёнки, и все пятеро), отчим садился за стол и подпирал голову рукой. Глаза его туманились. «Вера, дорогой мой человек, – тихо, проникновенно говорил он. – Вера, томление у меня в душе. Тёплые ветры подули, беспокойно мне. Уйду скоро, не могу я…» Мать, взбивая на расправленной постели – готовились спать – подушки, отворачивалась. Подбородок у неё начинал подрагивать. «Радость моя, Вера, – продолжал отчим, и оттого, что он видел, как расстраивается мать, голос его взлетал выше, в нём слышались слёзы. – Сердцу не прикажешь. Душа тоскует на одном месте, простор ей нужен… К зиме, может, вернусь. Ты не расстраивайся, милая…»

Такие разговоры начинались задолго до того, как отчим уходил на самом деле. Он рассчитывался в поселковом магазине, куда обычно устраивался на три-четыре зимних месяца подсобником, собирал потёртый чемодан и с ласковым просветлённым лицом прощался с матерью. Робкая, молчаливая мать опускала голову, а отчим поднимал её за подбородок, целовал в мокрые глаза и становился от этого ещё ласковей, ещё радостней.

Отчим не был их местным, поселковым. По-настоящему, его и отчимом назвать нельзя – они жили с матерью нерасписанные. Появился он в посёлке как-то весной, когда стали строить сахарный завод, самый большой в области. На стройке они с матерью и познакомились. Как понимал теперь взрослым умом Игорь, мать после смерти отца боялась остаться на всю жизнь одна, потому и приняла этого вроде бы безобидного мужика. Отец у Игоря погиб. Поздно вечером вёз со станции лес для строящейся хаты – отец шоферил на ЗИЛе, – и на спуске отказали тормоза. То ли отец растерялся, то ли ещё по какой причине, но машину бросило в кювет, радиатором в землю, и тяжёлые бревна прошили кабину. Хоронили отца в закрытом гробу.

Отчим был из тех людей, которые всё понемногу умеют – и штукатурить, и плотничать, и часы починить, – но не так, чтобы сделанным можно было гордиться. Да и гордиться работой было не в его характере, хотя поработать ему пришлось немало. С бригадой сезонников или сам по себе отчим изъездил почти весь Союз. Ничем не связанный, побывал и на Севере, и в Средней Азии, и на Дальнем Востоке. Что его гоняло, Турчин до сих пор понимал плохо. Денег отчим не привозил и не присылал матери ничего, даже когда родились близняшки. Ладно, был бы молодой парень, за романтикой потянуло, можно понять. А то ведь нет, мужик, тем более – семейный. Обязанности-то есть!..

К Игорю отчим относился хорошо, вернее, не замечал его. Лишь иногда подзывал, усаживал на колени и, заглядывая в глаза, начинал гладить по голове и приговаривал: «Сирота, бедный ты мой… Жалко папку? Скажи, жалко?..» – и глубоко вздыхал, когда у мальчика кривились губы и наливались слезами глаза.

Что это за человек и сколько он принёс им горя, Игорь по-настоящему понял позже, когда вырос.

Соседи, сочувствуя матери, посоветовали отдать сына в интернат – может, рассуждали они, отчиму мешает чужой ребёнок, потому он никак не уживётся. Да и тяжело одной с тремя детьми, каждого одеть и

накормить надо. С пятого класса Игоря определили в интернат, но на отчима это никак не повлияло. Он по-прежнему с первым теплом собирал свой обшарпанный чемодан. Приезжая домой на весенние каникулы, Игорь всё видел. «Он на неделю, потом уедет», – несмело говорила мать и смотрела выжидательно. Отчим улыбался с мягкой укоризной: «Ты, Вера, женщина, ты не понимаешь… Живи здесь пацан, нету его – моя душа на одном месте долго не может, ей нового надо. А против своей души я не пойду. Зачем жить, если против? – Он поднимал на мать ясные глаза. – А? Зачем жить? Чтобы работать?..»

Перед тем, как идти в армию, повзрослевший Игорь выгнал отчима из дому. Он уже тогда третий год помогал в жестяной мастерской, его и материным трудом была наконец достроена хата, стены которой вывел ещё отец. «Иди отсюда! – глухо сказал Игорь, когда отчим заявился перед морозами. – Ты нам не нужен».

Эти слова дались ему нелегко. Игорь, хотя и было ему восемнадцать, всё ещё робел перед взрослыми. Но тут он подумал, как тяжело живётся матери, как всю жизнь старался для семьи отец, как погиб, раздавленный брёвнами для хаты, и как хорошо и безбедно устроился этот ласковый гад. Его затрясло. «Пошёл отсюда! – закричал он, с ненавистью впившись в отчима глазами. Суставы на его пальцах, упёршихся в дверные косяки, побелели. – Уйди, гадина! Трутень!..»

Что-то от того дикого чувства отозвалось в Турчине и сейчас. Он глубоко не любил эту пьяную шваль, прячущую свою никчемность за разными словами. Он тяжело посмотрел на подсевшего за его стол мужика.

– Залил пасть и потрепаться охота? А ты спросил, хочу я сидеть с тобой? – Турчин приподнялся. – Ну-ка вали! Быстро!..»

Мужик в тупом изумлении смотрел на него, молчал и не двигался. Турчин встал, легко поднял его за отставшие суконные плечи пальто и подтолкнул в угол к столику.

– Пошёл!.. И не выводи меня. Обижаться будешь.

Под лестницей кто-то негромко играл на гитаре. Турчин остановился, расстегнул плащ, прислушиваясь.

Послушай, Джон,
Зачем ходил ты к нашей маме?
Дарил подарки ей
И целовал при лунном свете…

Всё ясно, Калашников в своём репертуаре.

Турчин заглянул под лестницу, где комендантом было отведено место для курения и где никто обычно не курил. В полумраке (лампочки здесь не было) на длинной скамейке сидели несколько первокурсников и слушали Славку.

Забросив одна на другую худые ноги и ссутулившись над гитарой, он с серьёзным лицом выдавал свою «коронку» – куплеты про Джона. Рядом сидела и увлечённо следила за его ловкими длинными пальцами на грифе племянница коменданта Тоня. Глаза её в темноте поблёскивали.

Турчин осторожно отошёл. И только на своём этаже начал ступать на всю подошву, не опасаясь, что Тоня его заметит.

3

В перерыве между парами, когда ребята переходили из одной аудитории в другую, Турчина кто-то окликнул в коридоре:

– Игорь, подожди!..

Турчин остановился. Из-за спин длинных третьекурсников то появлялась, то опять исчезала круглая кошачья голова Жени Гордейко, техникумовского преподавателя физкультуры. Приподнявшись на цыпочки, Женя энергично махал рукой.

– Постой!..

Турчин отступил к окну. С улыбкой наблюдал, как плотный низкорослый Гордейко пробирается к нему. Сделать это было непросто – между парами коридоры заполнялись ребятами, каждый из которых стремился поскорее попасть в нужную аудиторию, оставить пап-

ку с конспектами и выйти во двор техникума покурить или потолкаться. Шум, шарканье подошв по плиточному полу, старшекурсники в модных кожаных пиджаках покрикивали на младших, возле лестницы на второй этаж образовывались водовороты, порой – свалки…

– Ты насчёт первенства области знаешь? – Женя Гордейко наконец протиснулся и опустил на подоконник свой солидный жёлтый портфель с двумя замками. Его лицо было деловито нахмурено. – Пора команду формировать. Кто у нас штангой занимается, давай список набросаем. – Достав ручку и записную книжку, Гордейко повернулся боком, так, чтобы его не толкали. – Значит, пишу. Турчин, Шин…

Игорь с любопытством посматривал на жёлтый портфель на подоконнике. Среди техникумовских преподавателей Женя Гордейко занимал особое место – его всерьёз не воспринимали. То ли из-за предмета, который он вёл, то ли из-за суетливого характера, но с уважением к нему относились разве что на первом курсе. Ребята постарше звали Гордейко по имени. А однажды взяли и подложили в его солидный портфель кирпич. Ни о чём не догадываясь, Женя таскал его целую неделю. Впрочем, вид у Гордейко вполне представительный: Женя невысок, с выпуклой грудью, на лацкане серого финского костюма значок мастера спорта.

– Негусто. – Гордейко озабоченно постучал обратной стороной ручки по списку. Он значительно свёл брови и говорил отрывисто: – В штанге сколько весовых категорий? Десять?

– Сейчас одиннадцать… Жень, портфель не тянет? – Турчин прищурился. Ему становилось смешно, когда Гордейко напускал на себя значительность.

Физрук, порозовев, замигал.

– Я с тобой серьёзно… Где нам одиннадцать человек взять?

– Ладно, не обижайся! – Турчин приобнял его за плечи. Таким ему Женя больше нравился. – Одиннадцать-то мы, допустим, всегда наберём. Скажи другое, во всех категориях не сможем выставить. Например, в первом

и втором тяжёлом весе. Это же за сто килограммов!.. Разве что этого гиганта.

Турчин кивнул на проходившего в это время мимо Саню Карабая. Вернее, Саню мимо проносило. Встретившись взглядом, Саня поспешно поздоровался. Среди всех толпившихся в коридоре ребят он был, пожалуй, самым тщедушным.

Гордейко улыбнулся, но тут же опять сделался серьёзным.

– Вопрос важный. В феврале чемпионат республики по «Трудовым резервам». Так что в облсовете большое значение придают, хотят выставить приличную команду. Естественно, сейчас всех накручивают… Ты старший спорторг, ты мне помогай. Тем более, сам штангой занимаешься.

– А кто против? Мы с большим удовольствием!.. – Хотя Турчин и подтрунивал, и делал снисходительный вид, на самом деле ему было приятно. Советовался с ним всё-таки преподаватель. И он сказал уже серьёзным тоном:– Особо мудрить не будем. Устроим первенство среди групп, как в прошлом году было. Отберём крепких ребят, я с ними поработаю, подучу технике, а там составим команду. Будем не хуже других.

– Нужно, чтобы лучше!

Турчин опять посмотрел с прищуром.

– Уговорил.

Женя Гордейко помолчал, что-то прикидывая. Большой спокойный Турчин действовал и на него успокаивающе.

– А верно, чего мудрить… Пусть они там, в облсовете, головы ломают. – Он повеселел и затоптался на месте, готовый тотчас куда-то бежать, что-то делать. – Договорились так, сейчас я повешу объявление, а ты дай команду спорторгам, чтобы составили списки участников. Тянуть не будем. За два месяца такую сборную можно подготовить!.. – И, уже подхватив с подоконника портфель, бросил: – У тебя самого как? С мёртвой точки сдвинулся? Мастера на первенстве области сделаешь?

Турчин не ответил. Женя Гордейко задел за больное.

Вот уже почти год, как результаты у Игоря не росли. Они и всегда-то росли медленно, требовали постоянного труда, пота, а сейчас застряли на уровне кандидата в мастера спорта – и ни с места. Когда Турчина спрашивали, в чём дело, он ссылался на травмы, на то, что не подготовился как следует, а сам нервничал, искал причину.

Он рассорился с тренером «Трудовых резервов» – ему казалось, что тот недостаточно к нему внимателен, – ушёл из секции и уже полгода тренировался самостоятельно. Но результаты по-прежнему не росли.Так, ерунда, прибавил пять килограммов в рывке и два с половиной в толчке. И то выходило это на тренировках. До заветной нормы мастера спорта оставалось около тридцати килограммов. Целая пропасть.

Женя Гордейко с мимолётным сочувствием взглянул на Турчина.

– Ну вот. А в акробатике мастером давно бы стал. Ты в четвёрке нижний был бы хороший, помнишь, я говорил?.. И вес перед соревнованиями сгонять не надо – наоборот!

Ещё на первом курсе Гордейко предлагал перейти в акробатику. В известной в городе четвёрке, неоднократном призёре республики, заболел (травматический радикулит, обычная вещь) нижний. Ребята как раз подыскивали нового партнёра.

– Ты за меня не переживай, – сказал Турчин, и ноздри у него раздулись. – Ты следи лучше, чтобы в портфель кирпичи не клали! Несолидно – преподаватель, а в портфель неделями не заглядываешь, кирпичи в нём заводятся!..

Он круто повернулся и, расталкивая ребят, зашагал по коридору.

Всю следующую пару Турчин сидел, сумрачно глядя перед собой. Мало того, что результаты не растут, так об этом уже говорят…

В который раз он мучил себя вопросом, почему так получилось. Он уже пробовал и увеличивать нагрузку, и снижать её. Комбинировал упражнения, отходя от привычного порядка, – может, всё дело в однообра-

зии, в привычности и надо искать что-то новое?.. Или просто мышцы закрепощены, плохой обмен, сосуды сужены, кровь не успевает ни насытить мышцы, ни вывести продукты разложения?.. В библиотеке он нашёл том медицинской энциклопедии и читал каждый вечер. Брошюрам с рекомендациями для штангистов высоких разрядов он не верил – по таким методикам его тренировали в секции. Одно время взял себе за правило ходить после тренировок в баню, парился, нанимал банщика, и тот массажировал ему спину и ноги, прорабатывал каждое волоконце, каждую связку…

Ничто не помогало!

Подспудно вызревала гаденькая мыслишка: а что, если всё? достиг своего предела?.. Сколько ни тренируйся, что ни придумывай – всё будет впустую, потому что дошёл до потолка, большего не дано от природы… Турчин старался не думать об этом. Надо работать, стремиться, себя не жалеть – и всё изменится.

Он ходил в техникум, бросал в котельной уголь, рассчитывал курсовой – занимался ежедневным, необходимым, требующим внимания, голова всё время была занята, но что-то в ней постоянно работало, было настороже. Словно искало ответа в происходящем вокруг, вглядывалось и примерялось – а вдруг!.. Шёл поиск, в котором Турчин полностью не отдавал себе отчёта, сознание словно ждало подсказки от жизни, от случая, потому что разум, логика оказались бессильными.

Турчин был человеком трезвым, в разного рода заумь не верил, но порой с ним случались вещи, которые заставляли думать о неслучайности случайностей. Если ему без причины начинал часто вспоминаться какой-нибудь человек, которого он давно не видел, Игорь знал, что скоро этого человека встретит. А в детстве была точная примета: когда завуч в интернате надевала красную кофту, он в этот день получал двойку…

В другое время подобное не стоило бы внимания, всё это могло казаться остатками того Игоря, который боялся двоек, хромого интернатовского завхоза и темноты, но так можно было думать, когда всё было нор-

мально, всё складывалось благополучно. Теперь Турчин внимательно вслушивался в древнюю, суеверную основу в себе, в то, что в обычное время было подавлено здравым смыслом.

В перерыве он пошёл оповещать спорторгов групп.

Многих Турчин знал и за десять минут успел сообщить почти всем. Одних находил во дворе под ржаво-жёлтым, наполовину облетевшим каштаном (подняв плечи и засунув руки в карманы, ребята со смехом толкались на холодном ветру), других обнаруживал в туалете среди запахов хлорки и сигаретного дыма, в котором едва угадывалась тусклая лампочка. Кого-то нашёл в тесном техникумовском буфете.

Сложнее было со спорторгами первых курсов. Турчин ещё не знал их в лицо. По висящему возле учебной части расписанию он определил аудитории, в которых занимались сейчас первокурсники, и сразу же после следующего часа поспешил туда.

Спорторга механиков он на месте не застал, а у обработчиков в аудитории почти никого не было. Только у кафедры преподаватель математики Брадин отчитывал какого-то паренька в кургузом пиджачке.

Турчин хотел уже выйти из аудитории – надо было ещё попытаться найти спорторга керамиков, – но Брадин остановил его:

– Турчин, на минутку! Прошу вас.

Игорь подошёл. Брадин смотрел на него, однако на его лице всё ещё сохранялось выражение, с которым он отчитывал первокурсника – брезгливо сердитое. Но спросил он негромко, так, как говорят с равными:

– Как у вас с собранием?

Турчин уточнил:

– Вы имеете в виду общежитие, отчётно-выборное?

У него была ещё одна нагрузка, в прошлом году его избрали председателем совета общежития. Игорь пробовал отказаться, но все его ссылки на то, что за спортзал он уже отвечает, ни к чему не привели. «А кого ещё выбирать? – убеждал его комендант Круглей. – Этих пацанов?..» Резон в словах коменданта был, но Турчин

всё равно остался недоволен. В техникуме как ухватятся за кого-нибудь, так и затыкают им все дыры!..

– Конечно, отчётно-выборное. Давно пора проводить,– подтвердил Брадин,– во втором общежитии на днях проведут, мне обещали.

Турчин подумал. Пожал плечами.

– Странно. Договаривались по-другому. И директор в курсе.

Брадин вздёрнул широкие брови и внимательно посмотрел на него.

В преподавательском месткоме Михаил Евсеевич занимался соцбытсектором. В его обязанности входил контроль работы обоих советов общежитий. Событие было малоприятное, когда Брадин устраивал проверку порядка. Турчин даже сейчас, вспомнив это, почувствовал себя неуютно. В обход по первому общежитию Брадин обычно приглашал в помощь ребят из совета второго. И наоборот. Между общежитиями шло соревнование, проверки отличались придирчивостью.

Особенно усердствовали в таких случаях девчонки. Они шныряли повсюду, заглядывали в шкафы, принюхивались к воздуху – не курил ли кто в комнатах? – торжествующе демонстрировали палец со следами пыли откуда-нибудь из-за батареи отопления, брезгливо смотрели на вытащенные из-под матрасов грязные носки… Брадин их во всём поддерживал и никакого снисхождения для первого общежития не делал, хотя сам вместе с женой жил здесь же в комнате на четвёртом этаже. Он отпускал язвительные замечания и с неодобрением посматривал на Турчина. Можно подумать, что Турчин во всём виноват…

– Так ведь после Октябрьских договаривались, Михаил Евсеевич! Профсоюзное собрание в техникуме пройдёт, и мы сразу проведём. Другого распоряжения не было… – Турчин словно бы удивлялся забывчивости преподавателя. В его тоне слышалась сдержанная, солидная укоризна. Представилась возможность отыграться на суровом проверяющем, и он решил эту возможность не упускать. – Директор в курсе, комендант

общежития тоже. Не стоит беспокоиться, Октябрьские пройдут – проведём! Кто это мог вас неверно информировать? Странно, очень странно…

Турчин сейчас сам себе нравился. Это вам не первый курс, Михаил Евсеевич!..

– Хорошо, хорошо. – Брадин отвёл глаза, видимо, припомнив сам. Он повернулся к пареньку в кургузом пиджачке, и его лицо опять приняло сердитое выражение. Как показалось Турчину, более сердитое, чем раньше. – Вот скажите вы, Турчин, как старший товарищ, этому учащемуся. Он считает, что это остроумно! – Брадин забрал из рук понуро стоящего первокурсника тонкую книжку логарифмических таблиц и постучал пальцем по обложке. – Венец остроумия! Дальше некуда!.. Молодой человек, может, вы не туда попали? Может, вам лучше перевестись в пэтэу? У нас такое остроумие в кавычках не понимают! Объясните ему, Турчин. Пожалуйста, вам скажет старшекурсник, уважаемый человек, раз вы мне не верите!..

Брадин оставался Брадиным… Турчин взглянул на обложку. В фамилии автора таблиц Брадиса последняя буква была исправлена на «н». Ничего особенного, когда Турчин учился на первом курсе, некоторые ребята тоже переправляли «с» на «н». Зачем они это делали – кто их знает. Просто так, от бездумности, от пятнадцати своих лет. А может, потому, что и Брадис, и Брадин были для них равны между собой и одинаково недостижимы.

Странным было другое. Почему Брадин придаёт этому такое значение? Не только неудовольствие – горечь слышалась в его голосе. Случай вроде бы того не заслуживал.

Как бы то ни было, паренёк действительно поступил нехорошо. Зачем библиотечную книгу портить?.. Турчин сказал:

– Конечно, безобразие. Ты книгу портишь и ставишь в неловкое положение преподавателя. Не он же таблицы составлял… И вообще вы любите писать не по делу. – Турчин выдвинул ящик ближайшего стола. – Пожалуйста! Свободного места не осталось!..

Действительно, фанерное дно ящика и даже его стенки рябили от букв. Надписи были самого вольного содержания. Салажата!.. Что они в этом понимают. Турчин быстро задвинул ящик.

– За такие вещи наказывать надо!

Он вышел из аудитории и не заметил, что после его слов выражение лица Брадина стало ещё более раздосадованным. Даже уязвленным.

В коридоре он подумал о надписи, сделанной красным фломастером и оттого особенно бросающейся в глаза: «Любовь – костёр, не кинешь палку – погаснет». Засранцы! Это в пятнадцать-то лет писать. Но представилось ему другое. Он подумал о настоящих кострах, но не ярких, трещащих, а тихих, засыпанных сверху жёлтыми листьями, едва тлеющих, с сочащимся молочным дымом. Такие сейчас в парке, он их видит, когда идёт в техникум. Представились люди, которые там бегают по утрам. Немолодые мужчины, по всему видно, что никогда раньше спортом не занимались, а сейчас бегают для здоровья, спасаются от инфарктов. Хорошие шерстяные костюмы, импортные кроссовки, локти неуклюже расставлены в стороны…

Турчин остановился, напряжённо посмотрел перед собой. Что-то в этой картине утреннего парка показалось ему важным. Дернулся поплавок, пошли круги по воде… Болезненно пытливый наблюдатель, который сидел в нём, подавал знак. Турчин потёр щёку. Ну-ка, по порядку, внимательно…

А если начать самому бегать?..

Турчин быстро сунул руки под мышки. Правильно, бросить пока тренировки к чёртовой матери! Резко бросить, и всё. Конечно!.. Всё просто: перетренировался, мышцы закрепощены – какие могут быть результаты! Возможно? Вполне!..

Значит, так. Немного над техникой работать, лёгкая разминка со штангой, а потом в парк, на воздух, бегать, чтобы лишнего веса не набрать. Пусть отдохнут мышцы. Просто бегать! Хватит себя насиловать!..

Турчин от удовольствия щёлкнул пальцами. Всё

правильно, всё верно!.. Никто, конечно, не гарантирует, может и не помочь (что-то ему подсказывало – поможет!), но попробовать нужно. Обязательно!

Есть надежда – есть и смысл в жизни, которую он вёл.

4

Турчина всегда удивляла быстрота, с которой пустело общежитие по субботам.

Ещё утром перед занятиями все три этажа гудели от многолюдья и спешки, и, казалось, шагу нельзя ступить, чтобы на кого-нибудь не наскочить. Турчин возвращался после дежурства в кочегарке, а навстречу ему по лестнице, перепрыгивая через несколько ступенек сразу, проносились с полотенцами в руках взлохмаченные со сна ребята. Всеми четырьмя ножками гремели задетые впопыхах столы в коридорах, визжал пластик перил под ладонями, топот и хлопанье дверей слышны были даже на улице…

Так было утром. А часам к шести, когда ещё и темнеть по-настоящему не начинало, общежитие делалось пустым и гулким, будто вымирало.

Первыми, как правило, разбегались ребята, жившие в окрестных сёлах. С рассеянными, беспокойными лицами они едва досиживали до конца третьей пары, потом стремглав неслись в общежитие, торопливо заталкивали в тумбочки конспекты, прихватывали целлофановые пакеты и литровые банки, в которых привозились из дому смалец и квашеная капуста, и устремлялись к пригородным автобусам. Громко ударяла за ними входная дверь.

После первой схлынувшей волны во всём общежитии на некоторое время устанавливалась тишина. Она, казалось, была ощутима и пухлой вязкой массой, в которой любой звук представлялся одиноким и непрочным, наполняла этажи.

Турчин любил это время. Он специально выбирал такую дорогу из техникума, чтобы прийти, когда всё уже успокоится. Он неторопливо поднимался по лест-

нице, шёл по трескучему паркету коридора, и от стен с яркими после ремонта узорами, от высоких белых дверей, от матовых плафонов под потолком – от всего вокруг веяло тишиной и умиротворённостью.

В комнате Турчин опускал портфель у своей тумбочки и медленно снимал и вешал плащ – уже самой неспешностью и дремотно прикрытыми глазами готовя себя к тому, что предстояло делать. Не развязывая шнурков, он сбрасывал туфли и ложился на койку. Панцирная сетка прогибалась под его большим телом. Турчин тянулся рукой к тумбочке за учебником.

Но учебник открывался скорее для видимости. Теперь, пока есть возможность (тихо, никого в комнате – по субботам те из ребят, которые не уезжали домой, в общежитие не торопились), нужно хотя бы час поспать. И минуты через две-три Игорь учебник откладывал.

Лёжа с закрытыми глазами, он какое-то время ещё находился здесь, в комнате, чувствовал свои расслабленные мышцы, обмякшее тело, провалившееся, будто в гамаке. Слышал, как кто-то вполголоса разговаривал в коридоре. Потом звуки отсекались, мир вокруг пропадал, и, уже задремав, следя за каким-нибудь причудливо-странным событием, возникшим перед глазами, Турчин бессильно думал, что заснуть надо по-настоящему.

Будил его обычно Славка Калашников, ещё при входе в общежитие во весь голос заводивший свои куплеты о Джоне:

Послушай, Джон,
Зачем ты пьёшь из унитаза?
Известно всем давно,
Что в унитазе есть зараза!..

Каждый куплет, подражая саксофону, Славка сопровождал подвыванием. Его голос прыгающим эхом разносился по лестничным пролётам.

Турчин недовольно садился на койке и ждал, когда Славка откроет дверь в комнату. И когда тот появлялся – с весёлым лицом, в распахнутой, свободно болтающейся на костлявых плечах куртке,– Турчин строго спрашивал:

– Чего орёшь, Геракл засушенный?.. Сколько тебе говорить?

Славка отводил глаза. Он молча шёл к своей койке и, оставив тетрадки, старался поскорее убраться в коридор.

Турчин, с хрустом потянувшись, вставал. Тело было лёгким, мышцы, казалось, позванивали. Честно говоря, он не очень-то и сердился на Славку. Подниматься всё равно было пора – часы показывали половину пятого.

Хотя была суббота, но коридор, как всегда, не пустовал. Вокруг столов устроились старательные и незаметные, все будто на одно лицо, первокурсники. Здесь же ребята постарше, которым нужно готовить курсовые проекты. В наброшенном на трикотажный спортивный костюм солдатском бушлате со споротыми погонами (его Турчин стал надевать, когда решил вместо тренировок бегать в парке) он направился к выходу из общежития.

Турчин знал, что теперешний покой и тишина обманчивы, и потому старался в общежитии не задерживаться. Нетерпение постоянно ощущалось в этот субботний день. Не пройдёт и часа, как кто-нибудь первый из ребят не выдержит и бросится по комнатам искать утюг. И сразу же будто по команде расчёты и чертёжные доски будут отставлены, все кинутся занимать очередь гладиться. А пока та ещё не подошла, станут один за другим выскакивать на лестничную площадку чистить туфли единственной на этаже щёткой…

Вторая волна спешки стремительно распространится по комнатам. Это ребята начнут собираться на дискотеку. Надо было успеть уйти раньше – суматоха раздражала Турчина. А так перед тренировкой нельзя.

Прежде чем идти в парк, он до первого пота разминался на баскетбольной площадке, а потом шёл в спортзал и немного, лишь бы не отвыкли мышцы от нагрузки, работал со штангой. Но сначала баскетбольная площадка. Он бежит, подрагивают в такт грудные мышцы, кеды слегка проскальзывают на песке, невидимым тонким слоем покрывающем площадку.

Турчину нравилось, что надо прилагать усилие, чтобы бежать по такой земле, что бушлат, в карманах ко-

торого лежали два пятикилограммовых диска от штанги, оттягивал плечи. Он верил, что всё это не пройдёт даром, всё обернётся пользой. Понемногу становилось жарко, но он бушлата не расстёгивал. Круг за кругом по площадке, энергичные движения согнутых рук. Кожу начинало мелко покалывать – верный признак, что выступает пот. Хорошо!..

Когда Турчин чувствовал, что размялся достаточно, что спина под бушлатом мокрая, а в мышцах – это главное! – появилось ощущение нетерпения, эластичной готовности, он направлялся в спортзал.

Ещё в тесном коридорчике он прислушивался, пытаясь понять, есть здесь кто-нибудь или нет. Он шёл мимо неразличимых после улицы дверей раздевалок и подсобок (на никелированных ручках слабо лучись гнутые полоски неизвестно откуда проникающего света), вдыхал привычные запахи и знал, что вот за этой, терпко пахнущей хвоей и немного химией дверью стоят рядами, терпеливо дожидаясь зимы, натёртые мазью лыжи. Здесь – пресный запах сложенных один на другой старых пыльных матов. А вон в той комнатушке, брошенные в кучу, лежат безрукавки, трусы и гетры, а вокруг них дымный запах здорового крепкого пота.

Всё было знакомо, почти неосознаваемо, всё настраивало на трудную, истовую тренировку.

Толчком ладони он распахивал дверь и вступал из тёмного коридора в спортзал. И облегчённо, свободно вздыхал. В зале никого не было. Пустынно и чуть сумрачно, пологие полосы вялого осеннего солнца протянулись от больших окон, затянутых частой сеткой. В тишине уютно пахнет нагретым деревом.

Надо было немного поработать над техникой. Перед каждым подходом Игорь тщательно поправлял диски (тонко, оборванно звякало железо). Поджимал их замком и пробовал, хорошо ли вращается гриф, а то совсем некстати можно повредить кисти. Выпрямлялся. Смотрел широко раскрытыми глазами в дальний угол потолка. Настраивался. Не было никаких посторонних мыслей – сейчас для него вообще ничего не было, кро-

ме вот этой вот штанги и памяти мышц – памяти, которой они заученно знают, что надо делать.

Тело гудит от прилива крови, мощно и размеренно бьётся сердце. Приходится сдерживать себя, не выкладываться, работать с небольшими весами. Это было нелегко. Мышцы требовали нагрузки.

Турчин особенно любил тренировки по субботам ещё потому, что в этот день в техникуме после обеда занятий не было. Часть групп училась во вторую смену, и Турчину больше всего не нравилось, когда вдруг в спортзал вваливались тридцать громкоголосых охламонов. Прежде чем построиться у брусьев или перекладины, они, проходя мимо, с удовольствием, звучно шлепали коня по гладким дерматиновым бокам. Сразу делалось шумно, пыльно и суетливо.

Игорю ничего не оставалось, как только хмуро поглядывать на Женю Гордейко, который приводил эту ораву. Стоило на минуту отойти от штанги, как возле неё уже возилось несколько ребят. От перекладины, возле которой выстраивал их Гордейко, слышалось бодрое: «К снаряду! Так, хорошо… Чётче, чётче фиксируй вис!», а эти пацаны с левого, дальнего от Гордейко фланга потихоньку пробирались за спинами к помосту и, краснея от натуги, по очереди пытались взять штангу на грудь.

У них ничего не получалось. Штанга с грохотом падала, откалывая от помоста белые щепки. «Ну-ка, в строй, быстро! Чтоб я вас не видел!» – прикрикивал на них Турчин. Вот такие же гераклы разбили уже один помост и замки на штанге испортили…

Игорь гнал их ещё и потому, что боялся – вдруг начнут просить, чтобы он показал, как правильно выполняется, допустим, рывок, а он не удержится и под восхищенными взглядами начнёт молча выбрасывать вверх тяжёлую штангу. Ему нравились восторженность, это выражение преданности и обожания на лицах, в такие минуты Турчин наслаждался, душа упоительно плыла, и он готов был ещё и ещё раз поражать всех своей силой.

Но он знал и то, что подобные тренировки ничего

не дают, их и тренировками назвать нельзя, потому что это уже цирк, несерьёзно, и задание, которое он давал себе, не выполнялось. Весь план летел к чёрту, и оставался неприятный осадок на душе, и больше обычного слабели ноги.

Турчин чувствовал, что в нём сидит кто-то ещё – тщеславный, глуповатый, – которому нельзя давать воли, всё время надо одергивать, а то он, этот второй, бог знает что может натворить. Знать о себе такое было неприятно.

Когда Турчин уже заканчивал разминку со штангой, в спортзале появился Витя Шин. С ним был какой-то незнакомый парень.

– Привет. – Издали улыбаясь, Витя подошёл быстрой лёгкой походкой и пожал ладонь. – Тебе ещё долго?

Турчин как раз отдыхал между подходами, неторопливо кружил вокруг помоста, глубоко дышал и потряхивал расслабленными руками. Вместе заниматься они не могли – Игорь был почти на сорок килограммов тяжелее Шина, а штанга в зале только одна. Каждому пришлось бы перед подходом долго менять вес, а это уже не тренировка.

– Скоро кончаю. – Турчин кивнул на парня. – Ты про него говорил?

– Ага! – Витя Шин радостно оживился. – Знаешь, находка будет для команды, точно. В полусреднем весе первое место займёт. Вот увидишь! Как это, пословица есть: то ни гроша, а то целый алтын.

У Вити Шина была слабость – при случае он любил козырнуть знанием русского фольклора.

Турчин внимательно посмотрел на новенького. Это был среднего роста парень лет восемнадцати, широкогрудый, с короткой крепкой шеей – сразу видно, сильный от природы. Таких штанга любит. Но глаза неприятные: с самоуверенным прищуром, нагловатые. Новенького явно не смущало, что стоит он перед человеком, о котором в техникуме знает каждый.

«Король, наверно, в каких-нибудь Перебыковцах, – подумал Турчин, которого всегда забавляли названия местных деревень. – В институт не поступил, вот родители и

отправили в техникум – конкурса для десятиклассников почти не бывает...» Ему был знаком такой тип людей – в армии вдоволь с ними навозился. Чэпэшники, дисциплины для них не существует. У этого всё ещё впереди...

– Ну-ну, сказал Турчин. – Хорошо, если бы алтын.

Они с Витей заговорили о скором первенстве области – тема для обоих была волнующая – и выпустили парня из виду. А когда опять посмотрели в его сторону, то увидели: новенький стоял на помосте и жал штангу. В зубах у него была сигарета.

У Турчина раздулись ноздри.

– Иди-ка сюда, дружок... – Он поманил новенького пальцем.

Новенький от колен, не нагибаясь, бросил громыхнувшую штангу (тоже мне вес называется! – казалось, говорил весь его вид) и неторопливо подошёл к Турчину.

– Тебе сколько лет? – особым тоном спросил он.

Вопрос был риторический. После него новенькому полагалось почувствовать всю разницу между собой и Турчиным, взрослым, служившим в армии человеком, и осознать свою незначительность. А тот продолжал нагловато смотреть в глаза.

– Запомни раз и навсегда, юноша! – жёстко выговорил Турчин. – Здесь не колхозный клуб, а ты не первый парень на деревне! Всё понятно? Если ещё раз закуришь в спортзале – выброшу через окно.

Новенький с сомнением посмотрел на окна.

– Через какое?..

Это было слишком! Турчин шагнул вперёд и ухватил его за ворот. Новенький, скособочив шею, дернулся, пытаясь высвободиться, от унижения и ярости глаза его посветлели, но Игорь держал крепко. И чувствовал, что парень в самом деле сильный.

– Пусти, – сказал новенький сдавленным голосом.

Турчин отпускать не спешил.

– Тебе всё понятно?

– Пусти!

Турчин повысил голос.

– Тебе всё понятно?!

Парень, наклонив голову, молчал и пытался высвободиться. Он зло косился на Турчина и раза два попробовал достать его ногой. Но Игорь, закрутив ворот куртки, сжал шею так, что лицо у парня побагровело. Наконец снял руку.

– Считай, что я тебя предупредил, – стараясь выглядеть спокойным, сказал он. – Сейчас раздевайся. Будешь тренироваться с Шином.

Новенький, ворочая шеей, отошёл в сторону. Но смирения на его лице что-то не было видно. «Ничего, дружок, обломаешься!» – подумал Турчин. А Вите Шину, который неодобрительно посматривал на него, сказал:

– Такому только на пользу пойдёт. Наглец, честное слово! В спортзале – курить!.. Ты не переживай, его не прошибёшь – толстокожий, сразу видно.

Но у самого неприятный осадок остался. Остался и всё время ощущался. И когда он трусил вниз по улицам к парку, и в самом парке среди полуоблетевших деревьев и вяло дымящихся костров.

Погода была сухая, холодная – настоящая предзимняя, хотя всего только шёл октябрь, – и парк просматривался непривычно далеко и ясно. Турчин бежал по пружинящим опавшим листьям и думал о том, что сам бы он не смог вести себя так со старшими, а этот может. В чём здесь дело? От природы он хамоват или потому, что вырос в довольстве (в этом Игорь не сомневался – вон какой румянощёкий и крепкий!). Наверняка дома его любили и ублажали, ни в чём он отказа не знал, а у него, Игоря, всё было по-другому…

И так ли уж это хорошо, когда бывает гладко? При безбедной жизни утрачивается что-то важное, не бывает благодарности и уважения маловато – благополучному, заплывшему жирком человеку кажется, что иначе и быть не могло. У него сравнивать не с чем – с худшим, пережитым. Хотя, конечно, что говорить, шевельнулась зависть к жизни этого парня, шевельнулась!.. Но кого винить, что детство у тебя самого выпало нелёгкое? Да и сейчас не так уж сладко – учёба, по ночам дежурство, толком не выспишься, а ещё занятия штангой, к которым привык, втянулся. И не бросишь, хотя трудно.

Турчин давно почувствовал свою обособленность, это ещё дома началось, и смирился, свыкся с ней. У него не было отца, его одного с их улицы отдали в интернат, после восьмого класса пришлось идти работать… Всё ему давалось труднее, чем другим ребятам. Встречаясь с бывшими одноклассниками (восьмилетку Игорь окончил уже в посёлке – после шестого класса мать забрала из интерната, надо было помогать дома), он стеснялся того, что у него нет джинсов, стеснялся своих мыслей о заработке, о новых ботинках для близнецов – обувь на них так и горит… Это сейчас для Турчина нет ничего привлекательного в танцах, его уже раздражает бессмысленное топтание на месте, не в меру накрашенные молоденькие девчонки, с которыми не о чем поговорить, и задиристо поглядывающие по сторонам подростки. А тогда…

Он хорошо помнил, как в субботний вечер, отмывшись после работы, направлялся к школе. Окна в зале на первом этаже освещены, у дверей стоят дежурные из его бывшего класса – беззаботные, весёлые ребята в шикарно вытертых джинсах и тонких свитерах под горло, – и это хорошо, что свои, пропустят безо всяких. Игорь поднимался по широким, немного стёршимся посередине каменным ступеням школьного крыльца, слышал музыку из зала, от девчонок, попадавшихся навстречу, удивительно хорошо пахло – и у Игоря внутри начинало счастливо подрагивать…

Но он уже был здесь чужаком. Как-то Лёнька Британов при всех громко назвал его жестянщиком. Собственно, он и был тогда жестянщик, в маленькой мастерской у базара делал сточные желоба из оцинкованного железа («рыновы», как говорили в окрестных сёлах, откуда в основном поступали заказы), мастерил глухо гудящие ящики духовок – всё, конечно, так. Но сказано это было с явным намерением оскорбить. Что ему, Британову, – его отец, главврач поселковой больницы, был жив и здоров, школу Лёньке бросать не пришлось. Он сейчас, кажется, уже институт окончил, даже в армии не служил…

Особенно болезненно задели эти слова потому, что Игорь как раз танцевал с Валей Бежнар. Она всё слыша-

ла. Игорь дружил с Валей с седьмого класса – чистенькая девушка с лёгкими вьющимися волосами над выпуклым лбом, – но чувствовал себя в последнее время как-то неловко. Валя отличница, на золотую медаль идёт, а он целыми днями в тесной мастерской среди грохота жести и пахнущих чесноком напарников. Было в этом смутно досаждающее несоответствие. Даже мать, которая обычно ни во что не вмешивалась, работала и молчала, молчала и работала, сказала как-то со вздохом: «Она тебе не пара, сынок. Ты простую девушку найди, ровню нам». Игорь, конечно, рассердился, назвал мать тёткой с отсталыми взглядами, но её слова засели занозой.

В общем, они с Лёнькой Британовым подрались. Дежурные вывели их обоих с танцев, Лёнька моментально куда-то исчез, и Игорь, поискав и не найдя его, вернулся к школе и принялся ходить под окнами зала, из которых слышна была музыка. Он попробовал было вернуться в зал, когда немного успокоился, но дверь школы оказалась закрытой на ключ. Она молча, тупо, непрошибаемо отгородила его от всего того, что происходило в зале. Готовый заплакать от обиды и несправедливости, Игорь отошёл от двери. За празднично освещёнными окнами продолжалась своя жизнь, будто ничего не случилось.

И, слоняясь в тот вечер вокруг школы, Игорь ясно – будто вспышка света в темноте – вдруг понял, что он не такой, как все эти ребята в зале. Другая у него судьба, другая жизнь. И виноватых нет. На самого себя можно только надеяться, на свою волю и трудолюбие. У ребят есть родители, они помогут, а ему надо самому – какая на мать надежда? Она вон с отчимом, никчемным человеком, разобраться не может…

Из куста сирени выскочил заяц. Собственно, он появился даже не из куста – здесь, в глубине парка, был целый островок сирени, густой от молодых нерасчищенных побегов, с ещё не опавшими мясистыми листьями.

Заяц выскочил из зарослей, мгновение помедлил, настороженно приподняв усатую мордочку с торчащи-

ми большими ушами, потом задал стрекача. Он нёсся крупными скачками, высоко вскидывая задние лапы и опустив уши на спину.

Турчин от неожиданности приостановился. Ух ты!..

Он знал, что в парке живут белки, не раз их видел, но заяц ему встретился впервые. Откуда он здесь взялся?.. Мгновенно поддавшись азарту, Игорь бросился за ним.

Заяц, петляя, то пропадал за деревьями, то опять появлялся.

На фоне опавших листьев его серая шкурка была хорошо видна, при каждом прыжке мелькал белый хвост. «Что это я, в самом деле? – вдруг подумал Турчин и замедлил бег. – Охотничья собака?..». Он понимал, что гоняться за зайцем нелепо, по-ребячьи глупо, но тем не менее остановиться не мог, продолжал бежать, хотя теперь уже не так быстро.

Любопытно было, куда заяц спрячется. Ведь не лето, голо кругом.

Временами заяц совсем исчезал, и казалось, что его нет и не было. Но Турчин трусил к тому месту, где зверёк мелькал в последний раз, и тот появлялся опять, словно выскакивал из-под земли, вновь мельтешил серым пятном между деревьями. «Не спрячешься здесь, дурной, не спрячешься! – укоризненно обращался к нему Турчин. Ему и хотелось, чтобы заяц убежал, и жаль было, если бы такое случилось,– всё же развлечение в его однообразном беге. – В сирень давай, там не видно, там надёжно!..»

Но к островкам сирени заяц не сворачивал. Он нёсся дальше, листья вылетали из-под его длинных задних лап, и на какое-то время совсем пропадал из виду. Однако Турчин упрямо бежал следом, вспугивал его, затаившегося, опять, и заяц вновь уносился.

В его поведении уже появилось что-то паническое. Игорь удивился: слабые, оказывается, у зайца нервишки! Чего паниковать, ещё и километра не пробежали!..

Зайца нельзя было отпускать далеко, иначе он действительно мог затеряться, и Турчин старался не отставать. Спина уже взмокла, струйки пота текли по ложбинке вдоль позвоночника, во рту появился медный

привкус, но Турчин продолжал преследование. Можно было, конечно, бросить эту затею – не всё ли равно, где заяц прячется,– к чему себя изнурять, навредить можно организму. Но у Игоря возникло новое упрямое желание: узнать, как долго он может выдержать такой темп, а главное – заставить себя его выдержать, сколько понадобится.

Дело было безнадёжное – разве можно перебегать зайца!– но Турчин только ниже нагнул голову. Он не успокоился, когда заяц шмыгнул к глухому дощатому забору, отделяющему парк от питомника пединститута. Видимо, в заборе была лазейка, и заяц устремился к ней.

Так было бы слишком просто, зайцу нельзя дать скрыться! Турчин тоже бросился к забору и принялся колотить в него ногами. Тонкие доски звонко дребезжали. Успел или нет?.. В похожих на сугробы ворохах листвы, которую здесь, на задах парка, никто не убирал, увидеть ничего было нельзя. Турчин побежал вдоль забора, стучал в него кулаком, торопливо загребал и подбрасывал ногами листья. Зайца не было. Турчин подпрыгнул, заглянул за забор, ничего рассмотреть не успел, кинулся обратно, потом остановился, попробовал оглядеться спокойно. Удрал!.. Ему было досадно, что задуманное сорвалось: сколько он может выдержать, так и останется неизвестным, – но тут опять увидел серый комок между деревьями по эту сторону забора и бросился следом. «Не ушёл! Не ушёл!.. – радостно билось в голове. – Не вышло у него!»

Чему так обрадовался – он и сам не понимал. Будто не предстояло опять бежать, хватая ртом воздух и чувствуя, как слабеют мышцы. Давно уже не было азарта, осталось одно упрямство, да и то через силу. Турчин вполне контролировал себя, мог бы свернуть в сторону, не преследовать больше зверька или просто перейти на шаг – так хотелось это сделать. Но как раз потому, что хотелось, не делал. Несмотря на усталость, в нём пульсировала радостная мысль: вот он вымотался, бежит из последних сил, но всё бежит, не сдаётся – победил себя!

Ему показалось, заяц скачет сейчас быстрее, и он

тоже наддал, хотя воздуха не хватало. Лёгкие жгло, и сил не было. Исчезала трезвая ясность ощущений, голые чёрные деревья, присыпанную листьями шуршащую мягкую землю вокруг, блеклое небо затянуло струящееся марево, будто в знойный июльский полдень, всё казалось зыбким, беспокояще неустойчивым. Ещё немного – и благоразумие взяло бы верх. Но тут случилось непонятное. Заяц подпрыгнул вверх и упал неподвижно.

Удивляться не было сил. Турчин подбежал к зверьку. Тот не шевельнулся. Перед глазами мерцали чёрные точки, резко останавливаться нельзя. Турчин перешёл на трусцу, мыслей в голове не было, ничего не хотелось, он сделал круг, опять вернулся к зайцу, ходил, обессилено опустив плечи и запалённо дыша… Заяц был мёртв. В его тускнеющих глазах миниатюрно и чётко отражалось ближнее дерево. «Почему? Не выдержал, разрыв сердца?..» Турчин поднял зайца за лапы, дрожащей рукой подержал на весу. Заяц был длинный, намного длиннее, чем казалось, когда бежал. Что теперь с ним делать?..

Турчин не думал, что всё так может закончиться. Он чувствовал досаду и разочарование. Будто заяц обманул его и подвёл в чём-то очень важном.

Ещё издали было видно, что привезли уголь. Уголь предназначался для котельной, но высыпали его на улице рядом с калиткой, потому что подъехать к котельной было невозможно – в литом чугунном заборе ворот не было.

«При капитализме строили, – подумал Турчин. – разве о рабочем человеке думали? Опять придётся вручную таскать».

В прошлом году все пятнадцать тонн кочегары переносили во двор общежития вёдрами. Вон Эдуард и сейчас уже носит. Турчин видел, как сменщик вышел из калитки, опустил вёдра, взялся за совковую лопату.

– Давно начал? – окликнул его Турчин.

Эдуард выпрямился, подождал, когда Игорь подойдёт ближе, глуховато сказал:

– Только что. Полчаса, как привезли. – Он смотрел на зайца. – Откуда это у тебя?

Тучин тряхнул рукой, тоже посмотрел на зверька, уши которого едва не доставали до земли. И ответил так, будто ловить зайцев было для него ежедневным делом:

– Да вот, попался. Забегал я его в парке.

– Как – забегал? – не понял Эдуард.

– Элементарно. Сердце у него не выдержало. Я оказался выносливей. Не мог, голубчик, убежать!..

Он чувствовал, что говорит как-то не так. Уж слишком просто, глуповато и хвастливо получалось, если верить его словам. В который раз Турчин отметил, что ведёт себя при сменщике неестественно.

Младший Долгополов подошёл поближе, внимательно осмотрел зверька, не прикасаясь к нему.

– Это не заяц. Это кролик. Просто одичал. – И спросил, вскользь взглянув на Турчина: – Не жаль? Ведь убил…

Турчин сузил глаза. Раздражение, которое исподволь накапливалось в нём к Долгополову, этому непонятному парню, и неудовольствие оттого, что не может вести себя с ним так, как с любым другим человеком, просились наружу.

– А ты спроси, мне тяжело не было?.. Ему от природы бегать полагается, а я догнал. Человек!.. Мне не обязательно, а я сумел, заставил себя! Ты сможешь?! Зайца!..

– Это кролик.

– Пусть кролик! Сумей ты. А потом будем разговаривать. Но сначала сумей!.. Понял?

Эдуард равнодушно пожал плечами и взялся за лопату.

Турчин напряжённо, с вызовом смотрел на него.

5

На следующий день, когда Турчин уже успел отдохнуть после ночного дежурства и, сидя у окна в коридоре, чертил на белоснежном ватманском листе общий вид двухступенчатого редуктора – свой курсовой проект, – его кто-то сзади легонько хлопнул по плечу.

Игорь с неудовольствием оглянулся. Он не любил,

когда ему мешали, к тому же черчение, эта мелкая кропотливая работа, доставляло ему удовольствие.

Это была Тоня. Девушка игриво отдёрнула протянутую руку, будто только что собиралась ещё раз прикоснуться к его плечу.

– Я за тобой… Пошли, жаркое готово, – нараспев проговорила она. Щёки у Тони румянились, глаза смотрели открыто и весело.

Как всегда, когда Турчин видел Тоню, у него внутри что-то сладко дрогнуло. Обычно он смотрел на девушек и невольно отмечал, что эта симпатичная, а эта нет, из той должна получиться хорошая хозяйка – вон какая аккуратная, а у этой стервозный характер, по лицу заметно. Но когда он видел Тоню, ни о чём таком не успевал подумать. Что-то в нём начинало радостно вибрировать. И совсем неважным становилось, какой у Тони характер и получится ли из неё хорошая хозяйка. Словно в душе у Турчина существовала незаполненная формочка, и Тоня, нет, даже не сама она, а ощущение, вызываемое её округлым лицом, мягкой, неторопливой походкой, манерой произносить слова, прямым чистым взглядом – точь-в-точь совпадало с той странной формочкой в душе и счастливо, плотно заполняло её.

– Ну, что смотришь?.. Жаркое стынет.

Турчин отложил покатившийся и застучавший гранями по столу карандаш и, уже догадавшись, в чём дело, всё же спросил:

– Какое жаркое?

– Из твоего зайца. Круглей снял шкуру, а тётя сегодня приготовила… Пошли, пошли, ждут тебя!

Вчерашний свой трофей Турчин отнёс коменданту общежития – он не знал, что делать с зайцем, а выбрасывать было жалко. Задев дробно прыгнувший ножками по паркету стол, Игорь всем телом повернулся к девушке и вдруг, будто от яркого света, заслонился рукой.

– Ах! Глазам смотреть больно!.. Никак у вас приём сегодня? – Он заговорил шутливо, так, как между ними было принято. Себя второго, сейчас восторженного,

влюблённого, простодушного, он глубоко прятал. Со стороны невозможно было догадаться о том, что он чувствовал.

– Думаешь, кроме джинсов, у меня ничего нет? Ошибаешься, я невеста богатая, будь спокоен! – Тоня сделала шаг в сторону и, приподняв плечи и уперев руки в бёдра, исподлобья посмотрела на Турчина. Она копировала позу из какого-то журнала мод. Платье эффектно, ладно облегало её тело. – Ну, что скажешь? Смотрюсь?

– Не то слово!..

– То-то же! Ну, пойдём, а то дядюшка Круглей сердиться будут. – И Тоня с усмешкой обвела взглядом тех немногих ребят, которые занимались в тот воскресный день в коридоре. Она словно приглашала посмеяться над строгим комендантом.

Тоня появилась в общежитии в середине этого лета, когда Турчин работал грузчиком на товарной станции. Появление незнакомой симпатичной девушки вызвало интерес у ребят, которые тоже остались подзаработать за лето. Интерес понятный: общежитие было мужским – те немногие девчонки, которые учились в их машиностроительном техникуме, жили не здесь, а во втором корпусе на другом конце города.

Приветливо посматривая на ребят (казалось, только заговори – она с готовностью ответит), девушка поднималась на четвёртый этаж, где были квартиры коменданта и некоторых техникумовских преподавателей. Вскоре стало известно, что это племянница Круглея, и желающих познакомиться с ней поубавилось. Вернее, Тоня была племянницей не коменданта, а его жены, но это дела не меняло. Лишний раз сталкиваться с Круглеем никому не хотелось.

К тому же, можно было догадаться, приезд Тони имел свои причины. Однажды Игорь услышал, как жена коменданта, рыхлая женщина с бледным, в тонких морщинах лицом, сказала племяннице: «Ты на парней не зыркай! Я за тебя перед матерью отвечаю!» Голос её в лестничных пролетах был гулок. «Ладно вам», – тоскливо отозвалась девушка. «Не ладно, а слушай!

Больше ехать тебе некуда. И так мать из-за тебя раньше времени старухой стала».

Турчин как-то помог Тоне донести сетку с картошкой из магазина. Тоня сама окликнула его, когда он проходил мимо, возвращаясь из столовой. «Вот хорошо, – сказала она, открыто, без смущения глядя в глаза. – Ведь вы в общежитии, на втором этаже живёте?.. Поможете?» С тех пор они стали здороваться, встречаясь на лестнице. А когда в сентябре Тоню приняли в профтехучилище (странно, конечно, для пэтэушницы она была слишком взрослой – выглядела Тоня лет на двадцать), Турчин помог ей сделать несколько чертежей. Так, ерунда, какое у них там черчение в пэтэу…

– Ты так быстро, – сказала Тоня на лестнице и взяла Турчина под руку, придерживая. – Не торопись, не убежит твой заяц… – Она тихо засмеялась и прижалась к нему грудью.

От её прикосновения ток прошёл по телу. Турчин на мгновение замер. Ему было и хорошо, и неловко. Девушка ему очень нравится, это так, но что с того, если всё равно нельзя, не может он себе ничего с ней позволить. Да и слишком она откровенна. Турчин такого не любил.

Он осторожно высвободил руку и сказал, стараясь, чтобы слова его прозвучали мягко:

– Травмированного человека, Антонина, жалеть надо. До соревнований меньше месяца, а ты на потянутой руке виснешь.

Девушка пожала плечами и отодвинулась.

– Пожалуйста.

Турчин остро почувствовал всё несоответствие между собой, девяностокилограммовым, от силы неповоротливым, – и своими жалкими словами. Он нахмурился. Но всё равно к девушке не придвинулся.

Иван Леонтьевич Круглей был похож на немолодого кавказца – черноглазый, носатый, длинные редкие волосы зачёсаны поперёк обширной лысины. Он крепко пожал руку Турчина и, не выпуская её, повёл в комнату. Ростом он был Игорю по плечо.

– Заходи, заходи!.. Маша, давай жаркое, – крикнул он

в дверь кухоньки и опять повернул к Турчину своё худое, в жёстких складках лицо. – Что, думаешь, зажал комендант зайца? Э, плохо ты меня знаешь! Садись. Жаль, шкурка никуда не годится, – осень, линяет, а то можно приспособить. Что, неправильно говорю? Ничего не должно у хозяина пропадать, всё должно идти в дело!..

Посреди комнаты стоял стол под белой скатертью. Четыре прибора, цветы в вазе, накрахмаленные салфетки… Турчин приостановился. К такому он не привык. «Неспроста это», – подумалось ему.

– Всё надо уметь! Что за мужчина, если у него руки не из того места растут? Получил комнату – ничего не было, ни воды, ни газа! Маша воду вёдрами из умывальника носила, – энергично, громко продолжал комендант, подталкивая Турчина к столу. – А сейчас посмотри. Всё своими руками! Воду провёл, газ провёл, туалет отдельный, кладовка… Да садись ты, чего стоишь! Заслужил, твой заяц, всё нормально! Тоня, помоги тётке.

Он подождал, когда девушка выйдет на кухню, и подмигнул Турчину:

– А мы пока по-мужски… – Из буфета достал графинчик с наливкой, твёрдой рукой наполнил два стаканчика. – Попробуй, для аппетита хорошо. Вишняк у нас называется, из вишни. Чистый сок, никакой химии!

Турчин стал отказываться:

– Мне нельзя. Сегодня тренировка.

– Э, брось! Ты здоровый, тебе это, как слону дробинка. Я студента сам спаивать не буду. Ну, бывай! – И Круглей опрокинул стаканчик в рот.

Игорь помедлил, пристально, смешливо прищурил глаза, посмотрел на коменданта.

– Из тех вишен? – Он кивнул на окно.

– Верно. А что?

– Ну, тогда попробовать надо… – Турчин пригубил наливку.

Вопрос был с подковыркой. Во дворе общежития росло несколько вишнёвых деревьев, от которых летом комендант постоянно гнал ребят. «Дикость! – негодовал Иван Леонтьевич, поймав кого-нибудь на дереве. –

Кто ломать разрешил?! Ветку сломал, кору ободрал! Все борются за сохранение зелёных насаждений, а здесь… Слезть немедленно! – И переходил на беспощадное «вы»: – Сегодня пишу докладную директору, пусть лишит вас общежития. Раз нет у человека совести, с ним надо поступать соответственно!..»

Вишни благополучно созревали, и в один прекрасный день Иван Леонтьевич появлялся под деревьями с лестницей и ведром. На помощь звался кто-нибудь из первокурсников, полегче и половчее. «Культурно надо, осторожно, – приговаривал Иван Леонтьевич и горсть за горстью опускал ягоды в ведро. – А то налетят, как саранча…»

– Ваня, возьми. – В проёме кухонной двери появилась жена Круглея. В руках она держала большое блюдо. – Возьми, я сейчас, передник сниму…

Иван Леонтьевич живо перехватил у жены жаркое, густо посыпанное сверху зеленью, и осторожно опустил блюдо на середину стола. Комендантша вернулась на кухню, через минуту вышла, одёргивая туго сидящее на ней платье и поправляя волосы. Как и Тоня, она тоже сегодня выглядела принаряженной: платье новое, жидкие волосы уложены в прическу, губы на бледном, будто присыпанном мукой лице подкрашены. Она высоко вздёрнула брови и заговорщицки проговорила, подавшись к мужчинам:

– Только тихо, Тоня сама зайца готовила!.. Вот кому-то жена достанется. Молодец девка, всё по хозяйству умеет. – Она задержала многозначительный взгляд на Турчине. Потом оглянулась на кухню и по-свойски крикнула: – Ты скоро там? Поворачивайся, ждём!

Появилась Тоня. В одной руке она несла салатницу, доверху наполненную салатом из помидоров с луком, в другой – исходящую паром варёную картошку. Комендантша опять посмотрела на Игоря. Видишь, словно говорило её лицо, хозяйка!..

Уселись за стол. Турчина посадили напротив Тони. Иван Леонтьевич с торжественным видом, немного хмурясь, налил каждому вишнёвки.

– Ну, за упокой души… – Он поднял свой стаканчик.

Комендантша отставила наливку и возмущённо воскликнула:

– Ты что это? Люди собрались воскресенье отметить, а он!..

Возмущение было деланным – комендантша сразу поняла, что имеет в виду муж.

– За упокой души зайца! – махнул на неё рукой Иван Леонтьевич.

– А, тогда ладно. – Комендантша с готовностью взяла свой стаканчик. – И за Игоря пьём. Такой заяц на базаре десятку стоит. А жирный!..

Иван Леонтьевич многозначительно закивал, перебивая её:

– Не спеши. За Игоря в свой черёд, не последняя.

Жена погрозила ему кулаком. Круглей жуликовато улыбался. Тоня сидела между родственниками и открытым взглядом смотрела то на тётку, то на Круглея.

– Ты ухаживай, ухаживай за парнем, – подтолкнула её комендантша. – Сама позвала, а тарелка пустая. Ну, скажет, и невеста, баснями кормит!..

Турчин быстро взглянул на Тоню. «Шутят? Или в самом деле в женихах хожу?..» Тоня с невозмутимым видом взяла его тарелку и принялась накладывать рассыпчатую, сахаристо блестящую в изломах картошку, белый от сметаны, пахнущий укропом салат. Отрезала большой кусок зайца и, поддерживая вилкой, перенесла его Игорю в тарелку, полила сверху соусом…

Игорь непроизвольно сглотнул. Он забыл, когда вот так ел. Но тут же привычно подавил свои желания. Сдержанно сказал, прикидывая про себя, не лучше ли уйти, – уж слишком откровенно за него сватали:

– Много не надо. И так лишний вес.

– Он скромничает. Тоня, не слушай!..

– Нет. Правда, – Турчин забрал тарелку из Тониных рук. – Два килограмма лишних.

Иван Леонтьевич прожевал и чувством сказал:

– Ты как знаешь, а мне за тебя обидно. Обидно, и всё! Что ты с этой штангой носишься!.. Что за польза? Поесть нельзя! Платят кому – чемпионам, заслуженным

мастерам спорта?.. Я давно хотел по этому вопросу с тобой поговорить. Здоровый, самостоятельный парень, а силы не туда тратишь!..

Турчин усмехнулся. Коменданта он знал не первый год, Круглей был перед ним как на ладони. Всё, что он может сказать, как поступить, угадать было нетрудно. У него вон даже выражение глаз какое-то выгадывающее. Турчин всё же спросил:

– А куда надо тратить?

Круглей бросил на него стремительный взгляд.

– А ты не улыбайся! Молодой ещё. – Он поборол раздражение и заговорил, сначала медленно, потом всё быстрее, напористей: – Это сначала кажется, что силам конца не будет. Ты не думай, я не о себе, я и сейчас ещё – будь здоров, но всё равно уже не то! Если б сразу делал, как надо, то теперь не в комендантах бы ходил… Ты скажи, что тебе с этими пацанами учиться? Почему на заочное не перейдёшь? Смотри вон, техникуму нужен мастер производственного обучения. А ты слесарное дело знаешь! Платят, конечно, немного, зато комнату дают, постоянная прописка… Жизнь можно строить! Что у тебя впереди? Хорошо, закончишь техникум – по распределению ехать надо, верно? В городишко какой-нибудь занюханный, а то и в село. Так? Ты извини, я с тобой откровенно, – Иван Леонтьевич понизил голос, приблизил к Игорю лицо. – Все в город, на асфальт, к культуре ближе, в любую щель влазят, а ты наоборот! Что, не так?.. Это пацанам не страшно, им ещё в армии служить, а как там после службы повернётся – неизвестно. А тебе надо свой курс держать, выработать линию. Сколько тебе уже, двадцать три?.. Видишь, пора о серьёзном думать. А ты все силы на штангу. Мне бы кто в своё время вот так подсказал!..

Игорь знал, комендант относится к нему доброжелательно. Недаром изо всех техникумовских ребят Круглей именно его взял на работу в кочегарку. Иван Леонтьевич, конечно, и сейчас желал ему добра – так, как понимал его сам. Не совсем, может быть, бескорыстно, но желал.

Однако не это сейчас было для Игоря главным. В последнее время, особенно когда результаты перестали расти, Турчин всё чаще спрашивал себя, так ли живёт. Выходило, что штанга в его жизни заслонила всё. Может быть, сам того не заметив, он перешагнул черту здравого смысла и попутное, второстепенное стало для него главным?..

Вот напротив сидит девушка. От одной мысли, что он может обнять её, поцеловать – сбивается дыхание и начинает частить сердце. Но он избегает Тоню, боится, что встречи с ней нарушат привычную жизнь, отразятся на распорядке дня, в котором на первом месте – тренировка. Нелепо, глупо!.. И в то же время стоит только подумать, что можно забросить штангу, не слышать в гулкой пустоте спортзала грохот падающего металла, не чувствовать счастливого состояния мышц, когда каждая клеточка, каждое волоконце слитно и чисто звенят – до боли, до стона становится плохо!

Нет, те мысли от слабости, от растерянности, оттого, что результаты не растут. Тем более, что это знакомо, где-то подобное он уже слышал. Турчин наморщил лоб, глуховатый голос, звук дробящегося угля под подошвами ботинок с металлическими заклёпками, рассеянный свет от настольной лампы… Эдуард! Конечно! Ну уж нет, походить на него Игорь не желал!.. Сам того не замечая, он с силой упёрся в стол локтями.

– Осторожно, перевернёшь!.. – с весёлым беспокойством крикнула жена коменданта. – Ну, Игорь, и здоровый же ты!

Турчин неловко улыбнулся.

– Задумался…

– Во, во, думай! – подхватил Круглей. – Есть над чем! В твоём возрасте люди семьёй обзаводятся, а ты всё в игрушки играешься. Что, неправду говорю?

Игорь знал, Иван Леонтьевич его не поймёт, да и не собирался он всерьёз разговаривать с ним на эту тему. Игорю не понравилось другое. Слишком уж фамильярен комендант. Потому, что на обед пригласил?.. Не с пацаном всё же разговаривает.

– Знаешь что, Иван Леонтьевич, – сказал он, глядя на коменданта, – в мои дела лезть не надо. Сам как-нибудь разберусь.

Возникла неловкая пауза. Лицо Круглея покраснело. Турчин положил вилку, он готов был подняться и уйти. Но тут раздался стук в дверь. Комендантша с преувеличенным оживлением, облегчённо бросилась открывать.

– Кто бы это? Вот интересно… Михаил Евсеевич, пожалуйста, проходите! Тоня, быстро ещё один прибор. Пожалуйста за стол, Михаил Евсеевич, с нами за стол!..

От двери, ухватив за рукав пижамы, комендантша вела Брадина. На лице у преподавателя было выражение человека, который недоволен, раздосадован, но вынужден улыбаться.

– Перестаньте, Марья Никифоровна. Я не голоден.

– Не говорите, Михаил Евсеевич, всё равно не поверю! Жена вторую неделю в командировке – кто вам готовит? Садитесь и не разговаривайте.

Брадин, высвободив рукав, остановился перед столом.

– Я по делу, Иван Леонтьевич, – суховато сказал он. – Помогите мебель отодвинуть. Я вот решил обои сменить, пока никто не мешает.

Круглей, кажется, тоже был рад появлению Брадина. Поднявшись, он пододвинул ему стул и широко улыбнулся, показывая серовато блестящие коронки в уголках рта.

– Э, Михаил Евсеевич, идти вразрез с женой не могу! В самый неподходящий момент припомнит. Рад бы, но…– Круглей развёл руками и сделал ныряющее движение головой. – Так что уж давайте садитесь. В самом деле, Михаил Евсеевич!..

«Интересно, – подумал Турчин, – а что им от Брадина нужно?..»

– Не хочу, спасибо.

– Ничего слышать не хотим, Михаил Евсеевич! Вот вам стул, садитесь.

– Ну что вы, Михаил Евсеевич! Ведь соседи, почему не пообедать? Смотрите, какой у нас заяц, пальчики оближете!..

Брадин выглядел озабоченным, встретив такое единодушие. Он, кажется, готов был сдаться, уже сделал было движение сесть, но тут же быстро отступил назад и с досадой приложил обе руки к груди.

– Честное слово, не могу! Только начал дело – и пожалуйста. Клейстер застынет!

– Водичкой разбавим, Михаил Евсеевич, всё будет нормально! Садитесь, садитесь, – уверенно приговаривал комендант, разливая по стаканчикам вишнёвку. – Я вам потом клеить помогу, в четыре руки быстро пойдёт, за час сделаем!

– Конечно, Михаил Евсеевич! Зачем обижаете?.. Если надо, и я помогу, вмиг закончим, – не отступала и комендантша.

Турчин с интересом следил за происходящим. Любопытно было наблюдать, как обычно солидный, даже барственный Брадин вот-вот стушуется под напором Круглея и его жены. Это не с пацанами возле доски разговаривать!.. Но ему всё же стало жаль Брадина. На глазах происходило что-то противоестественное.

Турчин поднялся и сказал:

– Я помогу вам. – И вышел вслед за облегчённо заспешившим из комнаты Брадиным.

Брадин шёл впереди по коридору и глухо, с возмущением повторял:

– Демьянова уха, честное слово!.. Я понимаю, конечно, русское гостеприимство, хорошая черта, но ведь не так, не до такой степени!..

В комнате Брадина был беспорядок, который обычно возникает при ремонте. На полу разбросаны газеты, стулья стайкой сгрудились в центре комнаты, стёкла широкого окна в тумане мелких известковых брызг.

– Пылесосом белили? – со знанием дела спросил Турчин.

– Да. Оказывается, можно.

– Можно. Только зря вы люстру не прикрыли. Теперь каждую висюльку протирать придётся.

По всему было видно, что Михаил Евсеевич неопытен в хозяйственных делах. Налёт извести был и на

пианино, и на полированной поверхности стола. «Неужели, кроме математики, ничего не знает?..» – со снисходительным удивлением подумал Турчин.

Отодвигать от стен, чтобы можно было наклеить обои, надо было не так уж много вещей. Пианино, шкаф, секции стенки с хрустальными бокалами и расписанным золотом сервизом за стеклом. Для Турчина передвинуть всё это труда не составляло даже одному. Он уже взялся за край пианино, когда в комнате возник Круглей. Вид у Ивана Леонтьевича был обиженно-извиняющийся.

– Нельзя же так, Михаил Евсеевич… Мы от чистого сердца… – Он бросился помогать.

Когда осторожно отодвинули последнюю секцию стенки, Круглей нагнулся и поднял свёрнутые в плотную трубку какие-то листки. Развернул их, придерживая так, чтобы упругий рулончик опять не свернулся. На лице у Круглея заиграла приятная улыбка.

– Михаил Евсеевич, ваши грамоты!.. Что они здесь валяются? Их под стекло надо, на стенку!

Игорь успел заглянуть под руку коменданта. Это были грамоты за победы на областных и республиканских олимпиадах по математике и физике, которыми награждался ученик, а затем и студент университета М.Е.Брадин. Грамот было много. Турчин перевёл уважительный взгляд на преподавателя.

– Ерунда! – с досадой сказал тот и быстро забрал листки у Круглея. – Ерунда. Кому они сейчас нужны!.. – Он открыл дверцу секции и швырнул грамоты внутрь. Чувствовалось, Брадину очень неприятно. Наконец он поднял глаза и сказал: – Ну что ж, спасибо за помощь.

Комендант уходить не захотел, он собрался помогать клеить обои. «Ох, неспроста!..» – Турчин задержал взгляд на Иване Леонтьевиче. На коменданта это было непохоже.

– Ты иди, тебя Тоня ждёт, – сказал комендант, размешивая клейстер. – Сказать что-то хочет. Стеснительная, сюда заходить боится.

Тоня, одетая, в куртке, стояла у выхода на лестницу. Возле неё крутился Славка Калашников, осмелившийся

подняться на четвёртый этаж, где жили комендант и преподаватели. Обычно Круглей такие попытки решительно пресекал, – на четвёртом этаже должна быть тишина.

Славка хохмил, Тоня благосклонно улыбалась. Но едва появился Игорь, она решительно повернулась к нему.

– У меня билеты в кино, пойдём? На четыре часа. – И, увидев, что Турчин замешкался, не зная, соглашаться или нет, Тоня склонила голову к плечу и протянула: – Ну пойдё-ё-м… Ты ведь сегодня не дежу-у-у-ришь.

Она смотрела так откровенно, в её глазах, в выражении свежего лица, даже в том, как она стояла, было столько женщины, что Турчин почувствовал: он может не выдержать и прямо здесь, на лестничной площадке, при Славке Калашникове, обнимет её…

Он заставил себя отвести глаза и до ломоты в скулах сжал зубы. Постоял, пережидая. Глубоко вздохнул. Нет, пора всё сказать! Бог с ним, с курсовым, сегодняшним днём надо было пожертвовать.

– Что, Культурист, девушек кадришь? Из общежития вылететь не боишься? – сказал он Славке.

– Не боюсь, – ответил тот. Но посмотреть Турчину в глаза всё же не решился.

Игорь удивился:

– Какой смелый!.. – Он снисходительно понимал, что Калашникова делает храбрым присутствие девушки. – Ну, ну… Пошли, Антонина, я только оденусь.

До начала сеанса времени оставалось много, и они направились в центр пешком.

По тихой Ленинградской с её западного вида особняками спустились на широкую улицу Ленина. Здесь народа было больше, с гудением, пощёлкивая штангами, проносились троллейбусы, в сквере областной больницы сидели на лавочках люди в линялых байковых халатах и сквозь сетку забора смотрели на прохожих. Вялое октябрьское солнце отражалось в окнах домов на противоположной стороне.

Напротив ресторана гостиницы «Буковина» они задержались. Как раз подъехала свадьба. Тоня с интересом смотрела, как из «Чайки» с голубыми и красными лента-

ми по капоту и большой куклой на сверкающем радиаторе вышли невеста и жених. Они были очень молодые, высокие и немного смущались оттого, что находятся в центре внимания. Вокруг них суетились какие-то нарядные женщины и мужчины с брюшками, парень в модном кожаном костюме стрекотал кинокамерой, откидываясь всем телом назад, впереди в белом платьице и в белых гольфах шла девочка лет шести с золотистыми распущенными волосами. В руках у неё были крупные розы…

– Нравится? – спросил Турчин, чтобы не молчать.

– Красиво… Только зачем она такая молодая замуж выходит? Дурочка.

Турчин посмотрел на Тоню с удивлением.

– Почему?

– А что хорошего? Пойдут пелёнки, готовка, стирка… У меня подруга вышла сразу после школы. Теперь раскаивается… Конечно, даже погулять не успела! А любовь давно прошла. Разве без любви интересно?

– В самом деле? – Турчин хитровато, испытывающе улыбался.

– Конечно. Не понимаю девчонок, которые спешат выскочить замуж. Замуж не проблема, всегда успеется. А вот любовь… Хочется чего-то такого…

«Или дура, или в самом деле так считает», – подумал Турчин. Говорить, что выйти замуж не проблема при нём, в котором тётка и Круглей видят жениха, было обидной самоуверенностью. Вряд ли Тоня этого не понимала. Выходит, второе? Что-то слишком просто…

Как бы там ни было, но Игорь почувствовал облегчение. В то же время ему стало неприятно, что Тоня не думает о нём как о будущем муже. Он удивился себе: и так не хочется, и по-другому плохо. Дела!..

Свадьба фотографировалась. Парень в кожаном костюме теперь держал в руках фотоаппарат. Молодые возле «Чайки». Молодые со свидетелями подходят к ресторану. Молодые в окружении родных на крыльце ресторана. Молодая целует девочку с розами. Отдельно родители. Улыбающийся швейцар распахивает навстречу молодым дверь…

– Сколько у нас времени до кино? – Турчин преувеличенно бодро посмотрел на часы. – Ага, ещё пятьдесят минут! Пошли мороженым с вареньем угощу, здесь кафе недалеко. Любишь мороженое?..

6

Первенство техникума провели в конце октября. На следующий день ребятам, занявшим призовые места в каждой из весовых категорий, было сказано собраться к шести часам в спортзале.

Конечно, не все из собравшихся были штангистами – таких, тренировавшихся более или менее постоянно, было человек пять-шесть. Остальные – просто самые крепкие парни техникума. Их-то Турчину и предстояло за оставшиеся до первенства области полтора месяца обучить хотя бы элементарной технике рывка и толчка. Силы у ребят хватало, но с техникой было слабо, особенно в рывке. А хорошо поставленными движениями каждый из них мог поднять значительно больше.

– Здорово, джигиты! – громко сказал Турчин, появившись в начале седьмого в спортзале. Он двинулся вдоль низенькой скамейки, пожимал сидящим на ней ребятам руки и добродушно улыбался. – Поздравляю! Молодцом!.. – Перед Саней Карабаем он даже остановился. – Санёк, ты меня поразил в самое сердце! Первый раз видишь штангу – и сразу делаешь разрядный норматив. И где – в дефицитной весовой категории!..

Саня Карабай порозовел. Турчин похлопал его по плечу. Он был доволен не меньше Карабая. Хотя разряд Саня выполнил всего лишь юношеский (смешно подумать, тридцать пять килограммов в рывке!), а место занял третье, но Игорю всё равно было приятно. К собравшимся в спортзале ребятам он испытывал особое чувство. Они были для него как братья, потому что пришли работать, потеть, выкладываться.

– Гордейко ещё не было? Не заходил?

Гордейко как преподавателю физкультуры полагалось бы поговорить с кандидатами в сборную, задать

с первого же занятия нужный тон, а он что-то опаздывал. И Турчин решил его не ждать, начать тренировку. Да и честно говоря, какой у Жени авторитет…

– Так, ребята, переодеваться! Разминаться будем.

И пока парни переодевались, Турчин похаживал в центре зала в обычной своей манере. Живо, остро поглядывая, говорил:

– За эти полтора месяца ваши куртки должны стать, как моя, джигиты! Вот такой. – Он поворачивался спиной, демонстрируя дыры на своей изъеденной потом куртке, которая напоминала рыбацкую сеть. – Сачков терпеть я не собираюсь. Я их на дух не переношу. Сачок – это позорное явление нашей действительности, прошу запомнить! Только старательностью и самоотверженностью вы можете заслужить моё расположение. А оно, – Турчин значительно поднял палец, – что-нибудь да значит!.. Дрыган, Дрыган, веселее, дорогой друг! А то пока переоденешься, утро наступит.

Дрыган, стокилограммовый первокурсник, сопел, натягивая трикотажные брюки, и неуклюже прыгал на густо поросшей шерстью ноге. Поступил он в техникум вместе с Турчиным, но затем был призван в армию и всего лишь несколько месяцев назад вернулся, отслужив два года. Это был крупный парень с упрямо прущей чёрной щетиной на длинном лице. Он выглядел значительно старше своих двадцати лет.

– На пожар, что ли? – буркнул Дрыган, заталкивая вторую ногу в брюки. – Валера силы должен беречь. Валере торопиться некуда…

Похоже было, что он всё ещё чувствовал себя армейским стариком, который имеет право на собственное мнение по любому поводу. Гражданская трезвая жизнь ещё не остудила его.

Начали разминку. Турчин стоял в центре зала, а вокруг него гуськом бегали ребята. В воздухе всё явственней становился запах пота и пыли. Возглавлял цепочку маленький, стремительный Шин, сзади всех тяжеловесно трусил Дрыган.

«Во бегемот! – подумал Игорь. – Но зачётные очки

команде принесёт. Много ли по «Трудовым резервам» стокилограммовых ребят...» Дрыган, как и тщедушный Саня Карабай, был в перспективной весовой категории. Шансов занять призовое место в таких категориях значительно больше, чем в любых других.

Понемногу отставал и тот новенький, которого в своё время приводил Шин и с которым Турчину пришлось повздорить, – его фамилия была Муляр. Он исподтишка поглядывал на Турчина и постепенно замедлял бег. У других ребят куртки на спинах влажно темнели, а у Муляра она оставалась совсем сухой.

– Разминаемся мы для того, – заговорил Турчин, всё время поворачиваясь лицом к бегущим по кругу ребятам и стараясь не замечать отстающего Муляра, – чтобы подготовить организм к нагрузкам. Ну и мышцы, естественно, разогреть. Неразогретые мышцы легко травмировать, это вы все должны запомнить, одна из первых заповедей! Травмированный штангист – не спортсмен, а кандидат в группу здоровья. Видели, на стадионах бегают такие, с животами?.. Во всём, что мы тут будем делать, есть смысл. Сачковать не советую. Себе же хуже.

– Пошёл, сынок! – Дрыган толкнул Муляра в спину. – Путается под ногами... Молодой ещё сачковать.

Турчин спрятал улыбку. «Ну, дружок, здесь ты узнаешь, что почём!» И сам удивился своей неприязни. Ведь ничего, собственно, особого не произошло между ним и этим парнем. Ну, нахамил тогда Муляр по незнанию, пришлось поставить на место.

– Валера, давай без армейских штучек, – сказал он Дрыгану. – Здесь все равны, нет молодых и стариков. Усёк? – И уже всем: – Так, прекращаем бег. Спортивным шагом марш. Смотрите на Шина, он правильно показывает... Энергичней, энергичней руками! Переход должен быть постепенным, резко снижать нагрузку нельзя. Сердечко беречь надо, оно у нас одно... Правую руку вверх, левую – вниз. Рывки руками делай – раз-два! Раз-два! Раз-два!.. Карабай, ты что, заснул? Спокойной ночи. Рано я тебя, дорогой, похвалил, рано!..

Он так увлёкся, что Тоне, которая стояла в дверях спортзала, пришлось окликнуть его раза два.

– Привет, – сказал Турчин, деловым, быстрым шагом подходя к девушке. – Посмотреть пришла?

Он знал, что Тоня, конечно, пришла в спортзал не ради того, чтобы наблюдать за тренировкой сборной, и был даже рад, что видит её именно сейчас. Девушка казалась такой очевидно ненужной здесь, в спортзале, среди ребят с разгорячёнными лицами, запаха пота, рядом со штангой и гимнастическими снарядами, что совсем не представляло труда сказать ей то, что раньше сказать Турчин никак не решался. Та прогулка в город после обеда у коменданта ничего не дала, всё ему казалось, что момент неподходящий.

– Ненасытный какой человек… – протянула Тоня, прислонившись плечом к дверному косяку. Она откинула капюшон куртки и тряхнула короткими густыми волосами: – Не надоело? Может, погуляем?..

Турчин открыто смотрел ей в лицо. Ему и страшно было говорить девушке то, что он собирался наконец сказать, и хотелось сказать, нужно было – он не выносил неопределённости. К тому же необходимо было использовать счастливый момент свободы от власти движения, каким она встряхивает тяжёлые свои волосы, взгляда карих глаз, голоса, от которого становится радостно и беспокойно.

– Тоня, ты знаешь, жениться я не могу, – сказал он так свободно, на одном дыхании, что сам удивился. – А просто встречаться, мозги тебе пудрить тоже не хочу, не тот уже возраст. Да и времени нет. Ты видишь, день у меня по минутам… Ты мне нравишься, я не скрываю, но встретились мы с тобой не вовремя… Извини, конечно.

Он говорил и с облегчением замечал, что Тонино лицо не меняется. Вот и хорошо. Девушка будто бы и не слышала его слов, она продолжала стоять, прислонившись плечом к косяку. Разве что улыбка была уже другая. Она оттолкнулась, встала прямо и спрятала руки в карманы куртки.

– Как хочешь, навязываться я не привыкла. – Она шагнула за порог. – Дурак ты!

Турчин секунду постоял, с кривой улыбкой глядя на захлопнувшуюся дверь. Будто больной зуб вырвал. И легче стало, но и ныло где-то, ныло неуспокоенно…

Гордейко явился, когда ребята уже отрабатывали рывок. Турчин стоял сбоку от помоста, а Витя Шин, горячась и то и дело поглядывая на него, словно желал убедиться в своей правоте, говорил туповато уставившемуся на штангу Дрыгану:

– Ты под неё подлезай! Подлезай, понимаешь! Вырывай вверх и резко подныривай. Раз!.. И включай руки! – Витя Шин, сжав кулаки и выбрасывая вверх широко разведённые руки, показывал, как надо «подныривать» под штангу.

Физрук был не один. Рядом в распахнутом кожаном пальто стоял немолодой мужчина с внимательными глазами. Гордейко ему что-то говорил, а он, наклонив к Жене голову и слушая, с интересом смотрел на ребят у помоста. То ли Гордейко просто хвастался командой перед этим незнакомым человеком, то ли о чём-то договаривались – понять было трудно.

– Внимание! – Гордейко вдруг захлопал в ладоши. – Внимание!.. Игорь, поставь сто килограммов на штангу.

Турчин покосился на физрука – опоздал и ещё командует!.. У них был негласный договор: когда Турчин занимается с командой – не вмешиваться.

– Зачем ещё?

– Поставь, спор у нас.

Турчин пожал плечами и кивнул Шину. Тот расторопно принялся менять диски на штанге. Остальные ребята с интересом ждали, что будет дальше. Они расступились перед физруком и мужчиной в кожаном пальто, некоторые, обхватив колени руками, сели на маты возле стены.

– Муляр, давай, – сказал Гордейко.

Все с недоумением повернули головы к Муляру. Выходит, не Гордейко будет штангу поднимать?.. Муляр приподнялся с матов.

– Выжмешь? – Физрук показал подбородком на штангу.

Муляр встал и неторопливо направился к помосту.

Выставив вперед плечо, он шёл между ребятами и неопределённо усмехался.

– Попробовать можно…

Сказано это было скромно, но по тону чувствовалось, что выжать сто килограммов не составит для него особого труда.

– Молодой ещё, – буркнул Дрыган из-за спин. В команде выжать такой вес было под силу разве что Турчину.

Муляр нагнулся, ухватился за гриф и неумело, одной силой, не подседая и почти не сгибая колен, взял штангу на грудь. И сразу же начал жать. Он не дал себе времени ни устойчивей, поудобней расставить ноги на помосте, ни перевести дыхание…

Шин тогда оказался прав: Муляру действительно в его весовой категории не оказалось равных. Что говорить, парень сильный. Такому бы технику – и на первенстве области, теперь и Турчин был уверен, первое или второе место ему обеспечено. Жима, конечно, на соревнованиях уже нет, лет десять как отменили, но жим служит показателем возможностей, когда о человеке ничего не знаешь. Муляр силён, но всё равно сто килограммов для новичка слишком много. Нет, не выжмет…

Сначала штанга пошла у Муляра вверх хорошо, легко. Он даже не подбил её грудью, чтобы помочь себе, – о такой тонкости он, конечно, и не подозревал. Он давил только силой рук. Но вот-вот должна была наступить мёртвая точка, одни мышцы из работы выйдут, другие ещё не включатся, а инерции, за счёт которой можно проскочить эту точку, штанга не набрала.

Турчин отвернулся. Видеть то, что должно было произойти, ему не хотелось.

Вот вроде бы и предубеждение у него к этому парню, а всё равно злорадства он не чувствовал. Не хотелось смотреть на неумение, корявые движения, а главное – на то, как штанга станет всё больше сгибать Муляра, как в конце концов упадёт на грудь, а он, красный, с набрякшим лицом, со вздувшимися на лбу венами, будет безуспешно пытаться опять и опять справиться с ней, пока, вконец обессиленный, не откажется от этой затеи…

Турчина – большого, добродушно-насмешливого, порой ёрничающего – охватило то особое чувство мучительной неловкости и стыда за другого, когда не хочется смотреть, а тянет куда-нибудь уйти, чтобы не видеть неизбежного позорного конца дела, начатого с такой откровенной самоуверенностью.

– Что я говорил!.. – раздался голос Гордейко. – Какие кадры, а? И только начал заниматься, обрати внимание!

Голос ситуации не соответствовал, и Турчин оглянулся. Физрук со скромным видом, будто отличился сам, смотрел на мужчину в кожаном пальто, а на помосте со штангой над головой стоял Муляр.

Выжал всё-таки?!.

– Это из пединститута мужик, – зашептал рядом Витя Шин. – Я смотрю, знакомое лицо – в секцию както приходил, когда я в «Динамо» занимался!..

Турчин озабоченно поднял брови. Он смотрел на Муляра. Ведь не должен был выжать! Слишком самоуверен и техники никакой!.. Он передёрнул плечами и сказал Шину:

– Всё-таки Женя дурачок. Этот, из пединститута, высматривает, лучших ребят начнёт к себе переманивать… Удивляюсь я Жене!

Гордейко отозвал Муляра в сторону, они стали о чём-то втроем разговаривать. По всему было видно, разговор приятный, все трое улыбались.

Турчин почувствовал укол ревности – разговаривали без него, тренера команды и самого сильного её штангиста. Он повернулся к помосту, сказал ребятам, чтобы продолжали тренировку. И тут увидел лицо Вити Шина. Раскосые глаза Вити смотрели на мужчину в кожаном пальто влюблённо. Лицо выражало преданность.

В кочегарке Эдуард лежал на топчане, закинув руки за голову. Удушливо пахло сернистым газом и угольной пылью, – у Эдуарда не было привычки смачивать уголь водой перед тем, как забросить его в топку. Турчин распахнул форточку.

– Послушай, Эдик, ты когда-нибудь шлак вынес бы. Так, один раз, для разнообразия!

Турчин не настроен был сейчас деликатничать. В самом деле, сколько можно? На колосниках гора шлака, совесть надо иметь!..

Эдуард молча поднялся и взялся за лопату. Всё он проделал, как обычно – вяло, с безразличной неторопливостью.

«Ну, человек!.. – изумился Турчин. – Надо же таким родиться!»

– Эдик, что ты такой… задумчивый? Извини, конечно, но интересно.

– То есть? – Эдуард даже головы не повернул. Размеренно ходила лопата в его руках – со скрежетом вперёд и беззвучно назад, к почерневшему тазику, куда ссыпался шлак.

– Безразлично тебе всё. Ничего не надо. Будто не живёшь, а повинность отбываешь. Я бы на твоём месте институт, что ли, закончил, каким-нибудь серьёзным делом занялся! Смотри, я здесь к стипендии подрабатываю, а у тебя это, выходит, основное дело в жизни. Мне бы стыдно было – молодой парень, умный, книги вон какие читаешь, а… Скучно так жить!

Турчин подождал, думая, что Эдуард что-нибудь ответит, но тот отставил лопату, взял тазик за ручки и понёс к двери.

Турчин восхищённо зажмурился. Непрошибаем!

Но он был раздосадован тем, что видел в спортзале, неприятный, горький осадок оставался от объяснений с Тоней (как ни уговаривай себя, как ни хитри!) и потому, когда Эдуард вернулся в кочегарку, заговорил опять:

– Смотрю я на тебя столько времени и не понимаю. Странный человек. Да если бы у меня всё так складывалось!.. Почему к большему не стремишься?

– А что – большее? – отозвался наконец Эдуард.

– Настоящая жизнь! Интересно же добиваться. Поставил цель – и достиг! Победил! Мало?.. Самое главное – себя перебороть. Пробовал? Делать, как надо, а не как хочется. Думаешь, просто?

Эдуард молчал, выгребая остатки шлака. Его

снисходительное молчание раздражало Турчина всё больше.

– Ну, конечно, ты же сытый! – язвительно сказал он. – Ты в теплице вырос. Тебе всё без труда доставалось, тебе и добиваться ничего не надо, поэтому и воли нет. Удивляюсь только, как отец на тебя такого смотрит!..

Эдуард вынес во двор остатки шлака, вернулся, опустил тазик и заглянул в топку. Его бородатое лицо на мгновение стало багровым.

– Воля – это хорошо, – с хрипотцой сказал он и кашлянул, прочищая горло от едкой шлаковой пыли. Помолчал. – Один волевой китаец на рисовом зерне записал сто изречений Конфуция… Или вот ещё, читал недавно в журнале «Техника – молодёжи». Электродвигатель размером с маковое зерно. Целеустремлённые люди, верно?

Турчин подумал, что это унизительно: он будет горячиться, говорить сокровенное, дорогое, а Эдуард, как сейчас, с усмешкой станет отвечать ему. Турчин сузил глаза и сел за стол – так, сидя, он чувствовал себя уверенней.

– Эдик, ты ведь толковый парень. Невозможно жить без цели, сам, наверно, знаешь. Человеком себя чувствовать не будешь. Сам себя уважать не будешь.

Слова получались неубедительные, лёгкие, и Турчин с досадой подумал: «Что я, в самом деле! Как на пионерском сборе». И пока он решал, как точнее, впечатляющей выразить то, что было основой его представлений о жизни, его убеждением, Эдуард приглушённо хмыкнул и сказал:

– А я себя уважаю. – Он одевался, чтобы идти домой, и стоял, повернувшись лицом к двери.

У Турчина едва не вырвалось: «За что уважаешь? За отца-подполковника?..» – но он сдержался и промолчал. Эдуард натянул телогрейку, повернулся к Турчину и посмотрел на него смеющимися глазами.

– Не престижно, да – телогрейка? Ты не думай, я не хиппую, я её на работу ношу... Знаешь, Игорь, к чему-то стремиться – это ещё расталкивать локтями других.

Хочешь не хочешь, а придётся, закономерность такая – локотками, локотками… Мне не хочется. Есть много других интересных вещей. Книги, например. Возможность думать, когда тебе не мешают. А стремиться, достигать… Самое необходимое есть, и слава богу. Ты, наверно, думаешь, что я с родителями живу, как сыр в масле катаюсь – нет, Игорь, нет. Стремиться, достичь… Я в эти игры не играю. Вы уж, ребята, как-нибудь без меня. Склонностей у меня нет, неспособный я…

И он, подмигнув Турчину, что совсем уж было на Эдуарда не похоже, скрылся за дверью.

Столько чувствовалось в этом его движении радостной поспешности, что можно было подумать: Эдуард и в самом деле избежал чего-то очень тягостного и неприятного.

7

Октябрьские получились длинные – целых три дня. В общежитии мало кто оставался, большинство ребят сразу после демонстрации разъехались по домам.

В комнате с Турчиным был только Славка Калашников – ему кто-то подбил глаз и ехать домой Славка постеснялся. Второй день он маялся в гулком, пустом общежитии, то ложился на койку, читал, то отбрасывал книжку и выходил из комнаты, где-то пропадал. Возвращался расстроенный и, опять завалившись на койку, отворачивался к стенке.

Турчин с усмешкой наблюдал за Славкой. Сам он времени даром не терял, вплотную засел за черчение курсового. Он прочно устроился с чертёжной доской у окна и уже штриховал разрез двухступенчатого редуктора. Успел Игорь за праздники немало – оставалось сделать только лист деталировки.

Порой он отрывался от работы и смотрел за окно на высветленную холодным воздухом улицу с флагами на домах. Улица была безлюдна, светло-серая, флаги вяло обвисли. Турчину хотелось вызвать в себе ощущение уюта от того, что сам он в тёплой и тихой

комнате – так лучше работалось бы. Но сегодня не получалось, что-то мешало.

– Слава, – обратился он к Калашникому, когда тот в очередной раз забрёл в комнату. – Кто тебя так?

Славка буркнул давно, видимо, приготовленное:

– На шкаф наткнулся.

– В коридоре?

– Да.

– Ночью, что ли?..

Славка не ответил. Турчин выпрямился над доской, удовлетворённо посмотрел на чертёж – штриховка получилась ровная, без проплешин – и сказал:

– А всё почему, дорогой друг? Потому, что спортом не занимаешься! Так бы ты шкафу фингал подвесил, а получилось наоборот. Какой же после этого может быть успех у девушек? Какие, извините за выражение, волосы на груди?..

Славка, странно взглянув, что-то раздражённо буркнул и вышел из комнаты. Турчин не улыбнулся с насмешливым выражением, как это сделал бы в другое время, а отложил карандаш и опустился на койку.

Честно говоря, чертить ему совсем не хотелось. Не только потому, что праздник и все отмечают и ничего не делают, – Турчину нетрудно было бы себя заставить. Не выходил из головы случай с Муляром. А то, что он видел в последнее время в спортзале, и вовсе было непонятно. Нагловатый этот парень ходил на тренировки чуть больше двух недель, а уже показывал второй разряд. Турчин знал, если дальше так пойдет, то через месяц-другой Муляр выполнит норматив первого разряда – дело только за техникой и специальными упражнениями. То, на что он сам потратил почти пять лет, Муляр мог сделать за считанные недели.

В общем-то Игорь знал, что в спорте, как в любом другом деле, могут быть таланты, но знал это отвлечённо, умом. Где-то существовали Янко Русев, Юрик Варданян, Анатолий Писаренко – но какое они имеют отношение к обычной жизни, которая шла вокруг него?.. Те великие штангисты были чем-то почти нереальным,

очень далёким, как бог, которым попы морочат старушек. А этот самоуверенный парень находился рядом. Он никак не мог быть из категории тех людей, у Турчина даже мысли такой не появлялось. А появись – показалась бы дикой.

– А не выпить ли нам чаю? – сказал себе Турчин. Сказал бодро, стараясь отделаться от неприятных мыслей. И потому же закинул руки за голову и с преувеличенным удовольствием потянулся. – Передохнём немного, встряхнемся, а там и чертить захочется, будьте уверены!..

Он достал из тумбочки кружку, пачку быстрорастворимого сахара и успевший зачерстветь батон, купленный вчера после демонстрации. Насвистывая, вышел из комнаты, направился вниз, в полуподвал, где рядом с умывальником была кухня.

На лестничной площадке он прислушался. Вверху, на третьем этаже всё было спокойно. Салажата устроили вчера сабантуй в тридцать четвёртой комнате, пришлось вмешаться… Его шаги чётко, объёмно раздавались в тишине общежития. «Впечатление такое, будто ни души, – подумал Турчин, помахивая кружкой. – А на доске не все ключи…»

Он как раз проходил мимо столика на первом этаже, за которым полагалось сидеть дежурному. Рядом в застеклённом ящичке с номерами комнат над рядами вбитых гвоздей ключи висели не на каждом.

– Дежурный! – позвал Турчин. Голос его эхом разнёсся по лестничным пролетам. Он взглянул на график дежурств под стеклом на столе. – Карабай, ты где? Быстро сюда!..

Какое-то время было тихо, потом затопали, заторопились шаги, и на лестнице полуподвала показалось лицо Вити Шина.

– Старичок, сегодня я дежурю. Мы с Карабаем поменялись, он домой поехал. – Витя Шин улыбался и выжидающе смотрел снизу из-под цементного среза пола.

– Самовольничает букварь, – недовольно пробормотал Турчин. – Мне ничего не сказал.

Комендант вместе с женой ушли ещё вчера в гости

и до сих пор не появлялись. Он попросил Турчина следить за порядком в общежитии, так что Игорь сейчас особенно чувствовал свою ответственность.

На всякий случай он спросил:

– Круглея не видел?

– Нет.

– А что ты там делаешь?

– Чайник поставил, старичок.

– О, это дело! Давно поставил?

– Только что.

– Подождём. – Турчин опустил на стол всё, что держал в руках. – Как там у вас говорят: чай не пил, какая сила?..

– Выпил чай, совсем ослаб! – подхватил Витя Шин и засмеялся. – Нет, это не у нас. Узбеки так шутят! Давай газеты, старичок, постелим, симпатичней будет. Я сейчас…

Он сбегал в свою комнату и принёс, прижимая к груди, начатую палку копчёной колбасы, топлёное масло в литровой банке, несколько бордово-бурых гранатов. Витя выложил всё это на стол и, довольный, отступил на шаг.

– Ого! Откуда столько всего? – удивился Турчин.

– К празднику прислали. У меня мать продавец – величина в совхозе. Номенклатура!..

Турчину на мгновение стало неловко – сам-то он пришёл только с сахаром и чёрствым батоном. Но ведь не думал, что будет пить чай с кем-то вместе.

– Говорят, у вас имеет большое значение, какую должность человек занимает… ну, где работает, – сказал он первое пришедшее на ум, стараясь не смотреть на стол. – От должности, говорят, и уважение.

– Восток, сам понимаешь, – жизнерадостно согласился Витя Шин. Он опять засмеялся. – Интересно этим летом получилось. Приезжаю домой, встречается мне один родственник, так, седьмая вода на киселе. Ну, немного старше меня, года на четыре. Здороваемся, а он мне подаёт два пальца, как большой начальник. Я не понял. Дома спрашиваю: в чём дело? Как, говорят, не знаешь? Он теперь работает в военизированной охране на железной дороге, большой человек. И всё это на полном серьёзе!.. Мне чуть дурно не стало!

Минут через десять они пили чай. Витя, не жалея, насыпал заварки прямо в чайник, и чай получился красноватым, терпким. Витя то и дело предлагал подлить Турчину в кружку. Игорь ел колбасу с хлебом, щурился и благодушно кивал.

– У нас трудно поступить в институт или в техникум, – говорил Шин, быстро, по-заячьи, жуя. – Видишь, я куда приехал, за три тысячи километров. Надо иметь знакомства или ещё что-нибудь, иначе дохлое дело. Слушай, старичок, а в армии как со спортом? Есть возможность заниматься?

– Смотря где. В спортротах – вполне. У армии, вообще-то, другие цели…

У Вити Шина заблестели глаза.

– В спортроту бы попасть! Меня после техникума сразу в армию возьмут. Ты знаешь, я с удовольствием пойду. Сейчас у меня второй разряд, а в армии кандидата в мастера сделаю, если повезёт. Тогда меня в любой институт возьмут с руками и ногами! Кандидат в мастера – звучит!..

Турчин подумал и спросил:

– Ты что, ради этого занимаешься штангой?

– Нет, почему… – Витя быстро взглянул на Турчина. Он уловил неодобрение в голосе, но не сразу понял, что сказал не так. – Нет, конечно. Приятно быть сильным. Все думают, вон слабак идёт, метр с кепкой, а я в два раза больше собственного веса толкаю. – Витя осторожно, будто угадывая, правильно ли ответил, посмотрел на Турчина.

Турчин подумал: «Тоже верно. Хотя и неизвестно, что для него всё же важнее…» Вспомнилось выражение, с которым Шин смотрел на мужика в кожаном пальто – преподавателя пединститута, которого Женя Гордейко как-то приводил в спортзал.

Сам Турчин никогда не считал, что его успехи в спорте должны как-то облегчать жизнь. Штанга штангой, а учёба учёбой, это были две непересекающиеся прямые. Более того, Турчину стало бы неприятно, если бы ему начали делать скидки из-за штанги.

– Ну, Витёк, спасибо, подзаправил ты меня. Тоска с этими праздниками – столовка не работает… Пойду посмотрю, как там в тридцать четвёртой. У них вчера весело было…

Он старался, чтобы ни в словах, ни в тоне не проскользнуло пренебрежение – зачем обижать Шина, вон как накормил, да и парень, в общем-то, хороший. Кажется, ему это удалось. По крайней мере, Шин с готовностью заулыбался:

– Ага, буйный народ собрался! Сегодня тихо – в город ушли. В кино, кажется.

Турчин бросил взгляд на доску с ключами.

– Да нет, не все. Ключа на месте не видно.

Ему, собственно, не так уж было важно, чем занимаются ребята из тридцать четвёртой комнаты, – тихо там, и ладно. Не давало покоя другое. Даже сейчас, благодушествуя с Шином за чаем, он не мог отделаться от мыслей о Муляре. Странный этот парень жил как раз в тридцать четвёртой комнате, ему тоже Турчин делал вчера внушение – штангой занимается, член сборной техникума, а употребляет спиртное… Наваждение какое-то! Притягивал его Муляр, вызывал недоуменный интерес, захотелось вдруг посмотреть на него, будто сам вид парня мог что-то объяснить.

Турчин удивился себе – что за дела, никогда такого с ним не было. Но он чувствовал, что не найдёт места, пока не увидит Муляра. И, снисходя к своей слабости, уступая тому, второму, сидящему в нём человеку, простодушному и по-детски глуповатому, он разрешил себе идти в тридцать четвёртую комнату. Он верил, что в любой момент может заставить себя поступить иначе.

– Муляр тоже ушёл, не видел?

Витя Шин пожал плечами.

– Без понятия.

– Странно, что ж он домой не поехал? Близко живёт…

– Постой, старичок. – Витя Шин догнал его на лестнице и протянул два граната. – Возьми. Кровь обновляет. Полезно!

Игорь благодарно кивнул. Хороший всё-таки парень…

Тихо и пусто было на этажах. Столы в коридорах, в обычное время не занятые разве что по ночам, сейчас голо темнели своими морёными поверхностями. Белёсый, неуютный свет застыл в окнах. Скука праздников чувствовалась с особенной силой.

На третьем этаже Турчин толкнул дверь тридцать четвёртой комнаты. Та не поддалась. Турчин толкнул ещё раз – когда он подходил к двери, ему показалось, что за ней кто-то негромко засмеялся. Игорь прислушался. Нет, вроде бы тихо.

– Муляр, открой, – сказал он наугад.

За дверью по-прежнему ни звука. То ли там затаились, то ли действительно ему показалось и никого в комнате нет. Но почему тогда ключ не висит на месте?.. Игорь замер. Тонко прозвучала пружина на койке, будто от чьего-то движения, и опять тишина.

– Ну-ка, открой! Живо!..

Никакого ответа. У Турчина раздулись ноздри. Нет, не проведёшь!.. Подавив в себе гнев, стараясь ступать как можно громче по трескучему паркетному полу, он пошёл от двери комнаты к лестничной площадке. Он даже замурлыкал что-то, стараясь показать тому, за дверью, насколько ему всё безразлично. Спустился по лестнице на один пролёт, старательно шаркая ногами по цементным ступенькам. А потом, переждав минуту, стал подниматься, затаив дыхание, на цыпочках обратно. Он сейчас не думал о том, что его могут увидеть за этим недостойным делом – подкрадывается, выслеживает. Мстительный азарт охватил его. Но не полностью – в голове толкались мелкие мысли: почему не открывают?.. Если в комнате Муляр, тот открыл бы – он самоуверен, по-своему горд, не стал бы прятаться. Или это не он?.. А если он, то почему всё же не открывает, в чём дело?..

Он пробрался к двери комнаты, ни разу не скрипнув паркетом. Приник ухом к тёмной щели между створками, стараясь не дышать… В комнате кто-то был, это

ясно. Слышалась возня, приглушённые голоса, сдавленный смешок. «Девчонка там!.. – догадался Турчин. – Конечно. Иначе открыли бы». Он выпрямился, не зная, как поступить.

Конечно, непорядок – девчонка в мужском общежитии, да ещё заперлись на ключ. Откуда только она взялась, вчера в комнате собирались одни ребята. А с другой стороны, слишком это тонкое дело, чтобы вмешиваться. Пусть Круглей сам за такими вещами следит, если хочет.

Но с кем девчонка? С Муляром?.. И не боится, обормот, что на результатах скажется!..

Он уже хотел было отойти от двери, но женский голос в комнате прозвучал громко, узнаваемо. Турчин остановился, ноги у него ослабели. Т о н я? Т а м – Тоня? Чёрная кровь ударила в голову, Игорь яростно принялся трясти ручку двери.

– Открой! Немедленно открой!..

Если бы дверь не была добротная, едва ли не под потолок, она бы не выдержала – Турчин её выломал бы. Она и так дрожала, сверху сыпался мусор, какая-то мелкая, собиравшаяся годами дрянь.

– Сейчас, – торопливо отозвались в комнате.

– Немедленно!.. – Турчин, не переставая, тряс ручку. В голове было пусто, не существовало никаких мыслей, желаний, кроме желания оказаться в комнате и всё самому увидеть.

Дверь открылась. Турчин шагнул вперёд. И сразу всё понял – защищать Тоню не требовалось. Всё, что здесь происходило, происходило с её согласия. Тоня даже не отошла от койки со смятым одеялом, стояла, засунув руки в карманы халата, выражение лица независимо-отсутствующее. Муляр (всё же он!..) открыл дверь и смотрел теперь растерянно. Но без испуга. Турчин взял его за рубашку на груди и притянул к себе.

– Ах ты!.. – От ненависти у него свело скулы.

– Круглею доложишь? – послышалось от койки. Тоня пыталась насмешливо улыбаться. Не спуская с Турчина глаз, она провела рукой по халату, проверяя, все ли пуговицы застёгнуты.

– Шалава! – сказал Турчин. – Дешёвка!.. – Он оттолкнул Муляра, тот ударился о спинку ближней койки, койка взвизгнула колёсиками. – Сволочи!

Делать здесь было нечего. Турчин повернулся и вышел из комнаты.

В коридоре он натолкнулся на Славку Калашникова. Славка смотрел в открытую дверь и плакал. Судорожно вздрагивали его костлявые, узкие плечи.

8

Турчин всегда считал, что главное о жизни он знает. Конечно, двадцать три года это ещё не финиш, будут открываться новые подробности. Но основное было ему известно. Именно знание о жизни главного помогло добиться того, что сейчас у него было. Был дом, построенный после смерти отца, был третий курс техникума, было уважение преподавателей, было, наконец, звание кандидата в мастера спорта по штанге, которое тоже даром не даётся.

Игорь верил, что трудолюбием, упорством, безжалостным отношением к себе достичь можно многого, и жизнь это подтверждала.

Чего, допустим, стоило ему, шестнадцатилетнему, накопить денег, чтобы достроить дом. Выведенные отцом стены понемногу размывало дождями, дверные и оконные косяки растрескались и по-неживому стали серыми, но матери, которая как-то завела разговор о том, чтобы продать коробку дома, пока та ещё чего-то стоит, Игорь твёрдо ответил: «Нет. Достроим». И достроили. От отчима никакой помощи не было, и он, Игорь, работал в жестяной мастерской не по шесть часов, как ему, несовершеннолетнему, полагалось, а наравне со всеми. Потом шёл подносить кирпич и раствор каменщикам где-нибудь на стройке или подряжался кровельщиком – крыть частные дома оцинкованным железом.

Брали его поначалу неохотно – молодость Игоря не внушала доверия, но, придирчиво понаблюдав за работой, удовлетворённо кивали: знает хлопец дело.

Уставал он, конечно, сильно, замучила кровь из носа, но хата была достроена. Она для него значила больше, чем просто дом, в котором живут. Она стала свидетельством того, чего можно достичь, если очень желать, очень стремиться.

А в армии?.. Его, с восьмилетним образованием, оставили в школе сержантов, хотя были ребята грамотнее, даже окончившие институты. Значит, почувствовали в нём что-то, чего не было в других? И не ошиблись. Взвод, в котором Турчин был заместителем командира, на всех проверках и смотрах признавался одним из лучших – он, сержант Турчин, относился к своим обязанностям серьёзно. Себя не жалел и от других того же требовал.

Или вот сейчас. Так ли уж надо было ему в техникум, на двадцать рублей стипендии, если он способен за один раз съесть два первых и два вторых? Пойди Игорь не учиться, а работать, он даже грузчиком мог бы получать не меньше двухсот – летом на товарной станции он насмотрелся, кто там работает и по сколько получает.. Не пришлось бы тогда ночей не досыпать из-за дежурств в кочегарке, и для тренировок больше времени оставалось бы…

Но в том то и дело, что такая жизнь не подходила ему! Слишком уж она была тесна, стремиться не к чему. Он и в техникум пошёл, потому что здесь надо было думать, учиться, что-то новое постигать. И уже сейчас Игорь чувствовал, что словно поднялся на гору и видно отсюда далеко и больше здесь света. Его совсем не угнетало, что эта гора, если всерьёз рассудить, вовсе не гора даже, всего лишь пригорок. Что есть горы значительно выше. Он верил, что сможет подняться и на них, дайте только время, а сил и воли у него хватит. А уж какой там простор и сколько всего открывается!..

Всё достигается стремлением. И для того, чтобы добиться чего-то, надо себя ограничивать, от многого отказываться. И не только у него одного так – у всех. Конечно, ему труднее, так обстоятельства сложились. Но закон в жизни один: стараться, работать,

себя не жалеть. Лентяям, лоботрясам надеяться не на что, это точно!

Но вот – Муляр…

И ладно, бог с ней, с Тоней, сразу можно было догадаться, что это за птица. Не для серьёзных она отношений. Поболит, конечно, но пройдёт. Но если бы даже и для серьёзных – не время для таких отношений. Мешали бы сейчас они учёбе и штанге. Нельзя! Но Муляру-то, выходит, можно?.. Неизвестно, как у него с учёбой, но со штангой всё хорошо. Даже больше, чем хорошо. Турчин придирчиво следил за ним на тренировках, видел, что парень ленив, работать не хочет. Но результаты у него росли как на дрожжах. А если бы ещё специальные упражнения? Если бы технику нормальную? Если бы с Тоней перестал трахаться?.. Происходящее было непонятно. Оно выбило Турчина из привычной колеи, лишало уверенности в том, во что он так безоглядно верил. Турчин растерялся и не пытался даже установить, что же такое Муляр – всего лишь случайность или же новая закономерность в жизни, закономерность, о которой он ничего не знает. Но если бы даже кто-то, жалея его, сказал, что всё, что связано с Муляром, случайно, а прав он, Турчин, это вряд ли бы успокоило. Что с того, что выпадает такое, с Муляром, раз на сто случаев, если он, этот единственный раз, перевернул твою жизнь?..

Дни между тем наступали по-настоящему холодные, предзимние. По утрам лужи затягивало иглистым льдом. Иногда пролетал снег, но пока ещё не ложился, таял на асфальте. Работы в кочегарке прибавилось, подходила пора топить всерьёз.

Иван Леонтьевич раздал по комнатам узко нарезанные полосы бумаги и слежавшуюся серую вату из списанных матрасов – затыкать и заклеивать щели в окнах. Комендант был деятелен и весел, его голос, казалось, раздавался на всех этажах общежития одновременно.

– Чего бы вам веселиться, Иван Леонтьевич? – сказал ему как-то Турчин.

– А что? – Круглей сразу высокомерно подобрался и стал особенно похож на кавказца, который думает, что

его хотят оскорбить. После того обеда с зайцем отношения между ними были суховатые.

– Да так, ничего… – Турчин отвел глаза.

Комендант ещё несколько секунд смотрел на него надменно, потом жёсткие складки на его лице обмякли – бодрость так и пёрла из Ивана Леонтьевича.

– Несерьёзный ты всё-таки парень! Жалко тебя!.. Мог бы занять мою квартиру, если бы пошёл работать в техникум. Мне новую дают, полнометражную! А я б тебе все удобства оставил, – пожалуйста, живи.

– Вместе с Тоней.

– А что, плохая девушка? – Комендант опять выпрямился.

«Не догадывается», – с тоской подумал Турчин.

Всё, что было сейчас вокруг, проходило как бы мимо него. «Холодно». – думал он, выходя на улицу, и надевал перчатки, поднимал ворот плаща. «На дежурство пора» – и шёл в кочегарку. «Поужинать надо» – и направлялся к столовке при трикотажной фабрике. Но всё это проделывал не потому, что чувствовал холод или хотел есть, а потому, что так надо было делать. Он мог бы дойти до техникума в одном пиджаке, не замечая стылого ветра, мог бы долго не обращать внимания на голодно сжимающийся желудок. Обескураживающие мысли заслонили всё.

Тренировки сборной вместо него всё чаще приходилось проводить Вите Шину. Иногда выпадала ясная минута, Турчин думал, что безразличием ко всему он теперь напоминает Эдуарда, но это не пугало, а наоборот, появлялось какое-то горькое, язвительное чувство: вот так!.. Вот так!.. Он перестал следить за собой, не мылся после дежурства в кочегарке и, чувствуя, как разит от него потом, как катается по шее, если провести ладонью, угольная гарь, мстительно думал: «И хорошо! И пусть!»

Пробежки в парке он, правда, продолжал, но нерегулярно и уже без особой надежды на то, что они помогут поднять результаты, а так, по инерции. До результатов ли, когда такое!.. Пробежка, сама смена обстановки немного его отвлекали. Запустение поздней осени чув-

ствовалось в парке. Бурые мёртвые листья беззвучно мялись под ногами. Турчин старался набегаться так, чтобы думать не оставалось сил. Иногда это удавалось, а чаще нет. Тогда мысли вновь в сотый, в тысячный раз шли по кругу – без выхода.

«Вот Славка Калашников, – думал Турчин, – он счастлив. Нет, несчастлив, но только сейчас, ненадолго, – Муляр отбил у него девушку и подвесил фонарь под глазом. Но вообще-то счастлив и жизнь проживёт счастливо, характер такой. А Карабай вряд ли. Умен и слишком живой, чтобы быть счастливым. А я?.. Муляр ведь не девушку отобрал, а уверенность в том, что всё в жизни как надо. Или нет в жизни никакой справедливости? Придумали это люди для собственного спокойствия? Как же можно жить тогда и делать вид, что всё хорошо?..» Он с недоумением, диковато смотрел на сквозящие ветви, на тёмные стволы. В такие минуты он походил на человека, которого грубо разбудили – толчками, руганью.

Как-то в дальнем углу парка он заметил Муляра и Тоню. Они явно искали место, где нет людей, даже со стороны можно было понять, какие между ними отношения. Избить Муляра?.. Момент подходящий, никто не увидит, а Тоня не расскажет, потому что всё тогда всплывёт. Но что изменится? Муляр, хотя Игорь не мог о нём даже подумать спокойно, был мерзок не сам по себе, а тем, что за ним стояла какая-то закономерность, которая не укладывалась в его, Игоря, представлении о жизни, о том, что хорошо и правильно. Здесь кулаками ничего не сделаешь. Самой большой человеческой силы не хватит!..

Можно, конечно, рассказать обо всём, что знал, Круглею. Но это уже фискальство, донос, похоже на сведение счётов с удачливым соперником. И опять же ничего не изменится – Муляр существовать не перестанет, даже если его и выселят из общежития. Не говоря уже о том, что сама подлая закономерность, если она существует, останется.

Турчин притаился за деревом и смотрел, как Тоня и Муляр направляются к голубым весёлым домикам не

работающих сейчас аттракционов. Он смотрел долго, пока пара не затерялась между домиками. Потом побежал от них в другую сторону, оказался в примыкавшем к парку питомнике пединститута, вблизи которого загонял зайца, и стал крушить молодые деревца.

Крушил ожесточённо, бил ногами под корень, переламывал, вырывал из земли и прерывисто, задыхаясь, шептал: «А я?... А меня за что?..»

Но даже теперь Игорь помнил о том, что в десятых числах каждого месяца он посылает матери деньги.

Не бог весть какая это была сумма – тридцать рублей из получки, но Игорь решил матери помогать даже учась и делал это добросовестно. Летом посылал из того, что зарабатывал на товарной станции, а сейчас из зарплаты кочегара. Себе он оставлял в обрез – только на питание.

Близнецам шёл четырнадцатый год. Турчин знал, как важно в этом возрасте выглядеть не хуже других, да ещё девчонкам, а мать зарабатывала не так уж много. Отчим по-прежнему ничего семье не присылал. Он даже вести о себе не подавал – так и сгинул где-то после того, как Игорь выпроводил его.

В субботу, ближе к вечеру, он пошёл на почту. Суббота была единственным днём, когда он не дежурил в кочегарке, так что обратно в общежитие можно не торопиться. Да и состояние у него было такое, когда об обязанностях думать не хочется. Что они дали, эти обязанности? Ради чего стараться?..

От почты Турчин хмуро и решительно повернул к ближайшей забегаловке. За всю свою жизнь по-настоящему он выпивал раза два-три, не больше, но слышал, что вино приносит облегчение. «Ну что ж, давай, как все», – с усмешкой подумал он и взял бутылку креплёного.

Пить было противно, но он пересилил себя и выпил. Однако лучше не стало, только есть захотелось. «К Любе пойду! Ну всё к черту!..» – решил Турчин и направился к столовой трикотажной фабрики.

«Нормальная женщина, – думал он по дороге о раздатчице. – Ну, некрасивая, так разве не человек? Ко мне хорошо относится. – Он заторопился, ускорил шаг. Хотелось, как в детстве, к кому-то прижаться, пожаловаться, хотелось, чтобы приласкали и пожалели. – Живу, как монах, награды жду!»

Столовая оказалась закрытой. Сначала Турчин даже не понял, подёргал за ручку, но привычного гула станков слышно не было, и он вспомнил, что суббота, не работает фабрика. Есть хотелось всё сильнее – так подействовало вино. «Вот гадство!» – Турчин с язвительной удовлетворённостью покивал головой. Так и должно быть, одно к одному: алкоголь не берёт, столовая закрыта!..

Было темно, хотя круглые подсвеченные часы на проходной фабрики показывали всего лишь начало седьмого. Турчин подумал. В минутах пятнадцати ходьбы находилось общежитие текстильного техникума, там была своя столовая. Ближе ничего он не знал, а ехать в центр не хотелось.

Он засунул руки в карманы плаща и пошёл к «бурсе» – так у них в техникуме называли общежитие текстильщиц, туда ребята часто ходили на танцы. Почему «бурса», никто сказать не мог. Может быть, когда-то там находилась семинария, кто знает.

Турчин успел до закрытия столовой. На раздаче, правда, почти ничего уже не оставалось, одно овощное рагу и рыжие, пахнущие сухарями котлеты. Игорь уставил тарелками весь поднос. Расплатился и прошёл к чистому столику. И сразу почувствовал на себе заинтересованные взгляды девчонок, которые сидели в разных концах зала. Одеты девчонки были по-домашнему – в халатах и шлёпанцах. В текстильном техникуме ребят училось немного, ещё меньше их жило в общежитии, так что ничего удивительного, что на него смотрели с интересом. Впрочем, он к этому привык. Но сейчас взгляды и перешёптывания вызывали раздражение. Он принялся есть, опустив голову.

Сначала он не понял, что произошло. Ойкнул кто-то из девчонок, возмущённо и растерянно заговорили,

потом к нему подошли и высоким, срывающимся голосом сказали:

– Хоть вы помогите! Каждый день такое!..

Перед ним стояла девчонка с гневным лицом и показывала рукой на один из столиков. Игорь посмотрел туда.

За столиком, широко расставив локти и пригнувшись, быстро ел какой-то немолодой, потасканного вида мужик в грязном пальто. Он чем-то походил на бродячего пса, который откопал на свалке съедобное и торопится побыстрее проглотить, чтобы никто не успел отобрать. Рядом, оцепенев от стыда и обиды, сидела девушка с выпирающими лопатками на узкой спине. Мужик, исподлобья оглядываясь, ухватил стоящий перед ней стакан компота и, расплескивая, придвинул к тарелке, из которой ел.

Турчина кольнуло: «Отчим!» Он медленно поднялся и пошёл к столику. Мужик, заметив его, ещё ниже пригнул голову к столу и заспешил, глотая, не жуя.

– Как не стыдно! Студентка на последние деньги купила!.. Совести нет! – раздавалось сбоку от гневной девушки.

У Игоря отлегло от сердца. Нет, не отчим…

Кажется, он где-то всё-таки видел этого мужика. Точно, в столовке трикотажной фабрики приставал с разговорами, предлагал выпить. Игорь и сейчас помнил, как обвис мужик в своём потрёпанном пальто, когда он поднял его за отставшие плечи и вытолкал из-за стола. Пьянь. Бич.

Он подошёл вплотную к столику. Мужик втянул голову в плечи и продолжал жадно глотать овощное рагу. Он понимал, что всё сейчас закончится.

– Бессовестный! В милицию надо! – наседала девушка. Она, чувствуя рядом с собой крепкого парня, даже ткнула мужика в спину кулачком. – Паразит! Каждый день приходит и у кого-нибудь забирает обед… Честно, да? Свинья, а не человек!..

У Турчина сжалось в груди. Он не слушал девчонку, а смотрел на этого опустившегося, потерявшего к себе

уважение человека, на то, как тот глотает пищу, как трясётся его оплывшее лицо, и как затравленно бегают глаза. И почувствовал не обычное презрение и гадливость, хотя и они, приглушённые, где-то глубоко были, а сострадание и жалость. Ведь человек!..

Что-то у него в душе сдвинулось, видимое открылось по-другому.

– Оставь его, – сказал он разгневанной девчонке. Тронул за плечо ту, с острыми лопатками, – она так и сидела, оцепенев. – Пошли.

Подвёл к раздаче, взял рагу, котлету, компот, заплатил и посадил девчонку за свой столик.

– Ешь.

Худенькая эта девчонка ещё оглядывалась на мужика, который торопливо, обрадованно допивал её компот. Она не на шутку была испугана.

– Это несчастье, – глухо сказал Турчин. Сказал больше для себя, чем для неё. – Жизнь – сволочь. Не всё от человека зависит. Вот даже… – Он не договорил и стиснул вилку так, что она сломалась.

Первая девчонка не отходила, она стояла поблизости и смотрела с презрением. Всё случилось не так, как она ожидала.

– Такой здоровый. Струсил!.. – она буквально прожигала Игоря глазами. – А я ещё хотела на дискотеку пригласить. Думала, такой парень!..

Турчин даже не посмотрел на неё.

На улице было холодно и темно, тоскливо горели лампочки на столбах. Ветер налетал с разных сторон, заунывно свистел в проводах. На самой верхушке молодого тополька у ближнего столба одиноко трепетал, как флажок, последний лист.

Турчин поднял ворот плаща, посмотрел на длинное двухэтажное здание общежития текстильщиц. В окнах первого этажа мелькали принаряженные девчонки, – видимо, у них в самом деле сегодня дискотека. Интересно, ребята из сержантской школы будут?..

Когда он служил, некоторые его товарищи встреча-

лись со здешними девчонками. Курсанты у текстильщиц успехом не пользовались – через четыре месяца состав школы менялся, да и вырваться в увольнение курсанту намного тяжелей, чем сержанту, служившему в школе постоянно. У Турчина потеплело в груди. О службе он вспоминал с добрым чувством.

Много, конечно, там было своего, много несвободы и зависимости, значение человека определялось званием, но и твёрдая уверенность была, что если относишься к службе серьёзно, то это будет оценено. Такое многого стоит. И как хорошо в ту пору было перебросится словом с какой-нибудь девчонкой, глядящей из окна общежития, опершись локтями о подоконник, как радостно становилось на душе! Сидишь в курилке возле забора – вот она, сержантская школа, рядом, через дорогу, – ворот гимнастёрки независимо расстёгнут, пилотка франтовато заправлена за погон…

Турчин перешёл улицу, двинулся вдоль глухого тёмного забора части, в которой прослужил оба армейских года. Всё уже, конечно, там не так, люди другие. Разве что некоторые знакомые офицеры остались. И суровый подполковник Долгополов, без которого Турчин не представлял сержантской школы. Он притронулся ладонью к доскам забора. Может, и в самом деле надо было пойти на сверхсрочную, как не раз предлагали?.. Всё ясно, всё определённо. А там вечернюю школу окончил бы, в военное училище поступил. Время идёт, ты растёшь в звании, всё нормально. Есть движение, есть достижение нового, без чего жизнь пресна и бессмысленна…

Он не мог слоняться без дела даже сейчас. Надо было чем-то заняться. Быстрым шагом – в этом уже была видимость дела – он пошёл вдоль забора вокруг части. Вспомнился Калентьев, его замкомвзвода, когда Турчин сам ещё был курсантом. Это Калентьев пристрастил его к штанге. Так хотелось Турчину быть тогда похожим на этого сильного, независимого человека! Однажды командир взвода не захотел отпускать Калентьева на тренировку, и тот сказал: «Вы, товарищ лейтенант, оперой увлекаетесь, я знаю. Для вас счастье послушать хорошую

труппу. А для меня опера – штанга!» Лейтенант сначала гневно покраснел от такого сравнения – он на самом деле был завзятый меломан, свой отпуск проводил в Москве, в Большом театре. Но, подумав, всё же отпустил Калентьева тренироваться, хотя приближалась инспекторская проверка и сержант во взводе был нужен.

Мысли об армии успокаивали. В одном месте Турчин услышал, как по ту сторону забора ходит часовой и вполголоса напевает что-то протяжное. «На посту не положено», – подумал Турчин. И позавидовал этому безвестному парню. Скоро его сменят, а в караульном помещении тепло, ребята протирают автоматы, пахнет оружейным маслом...

Ветер с размаху бился в забор.

Турчин обошёл часть по периметру и вновь оказался напротив общежития текстильного техникума. «На дискотеку пойду!» – решил он. Решил с тем особым, идущим наперекор чувством, когда знают, что это глупо, бессмысленная трата времени, но всё равно делают.

Он перешёл улицу и направился через двор к тёмной двери общежития – лампочка над дверью у текстильщиц, как всегда, была разбита. Она мешала обжиматься, когда провожали здешних девчонок.

Не успел Турчин пройти и половины двора, как дверь распахнулась и из общежития принялись суматошно выскакивать какие-то ребята. Одни были раздеты, другие держали куртки в руках или торопливо натягивали их на бегу. Дверь хлопала, музыка то возникала, то отсекалась – танцы проводились в вестибюле общежития, – несколько тёмных фигур бросились к штакетнику, забор затрещал. – «Наших бьют!» – крикнул кто-то то ли всерьёз, то ли дурашливо – понять было трудно. Последней вывалилась группа из нескольких человек, они топтались у двери, толкались, злой голос допытывался: «Скажешь, не ты? Ты не прятал?..» К двери стали подтягиваться остальные ребята, в том числе те, которые ломали штакетник. Прежний голос крикнул: «Витя, вызывай милицию!» Какой-то парень шмыгнул в дверь, светом из вестибюля на мгновение высветилась крас-

ная повязка на его рукаве… Похоже, всё было серьёзно, не дурачатся. Вот-вот могла начаться драка.

Турчин подошёл ближе, всё так же держа руки в карманах плаща.

– В чём дело?

Его громкий уверенный голос заставил всех притихнуть. Появился взрослый, ребята сразу это почувствовали. Они остановились и повернули к нему лица. В своём светлом плаще Турчин выглядел очень внушительно. Темнота делала его особенно большим, почти квадратным.

– Что за базар? А ну дай сюда, – он протянул руку и выхватил палку у какого-то паренька. И, присмотревшись, удивился: – Карабай?.. Смотрите на него, драться собрался!

Оказывается, здесь были свои. Что это они с бурсаками не поделили?.. Турчин властно отвёл стоящих перед ним, прошёл к двери, где непримиримо сопели, уставясь друг на друга, несколько человек. Тут было ядро, отсюда и надо было начинать.

– В чём дело? – властно повторил он, зная, что именно так, уверенно и решительно, надо действовать. Но тут же почувствовал, что говорить поздно. Он едва успел перехватить чью-то руку, оттолкнул пытавшегося ударить, тот провалился куда-то назад и вниз. Это было как сигнал, сопевшие у двери дернулись, стали молча колотить друг друга.

– Отставить! Салаги! По домам!.. – рявкнул Турчин. Его командирский голос перекрыл всё. – Вон!.. – Он хватал дерущихся, разбрасывал их в стороны, раздавал подзатыльники. – По домам, охламоны! Пшёл вон! Салаги!.. Кому ещё? Кто ещё драться хочет?!

Напор Турчина, его поставленный сержантский голос были такими, что драка, по-настоящему не успев разгореться, затихла. Ребята из текстильного столпились возле двери, свои растерянно отступили в глубь двора. Не успокоились только двое. Турчин уже несколько раз растаскивал их, но пока занимался другими, эти двое опять сходились. Один выжидал момент, чтобы ударить

наверняка, второй, по-борцовски приподняв плечи и втянув голову, старался захватить его руку, поймать на болевой приём. Здесь не чувствовалось обычной мальчишеской суетливости – здесь было посерьёзней.

Турчин встал между ними.

– Ну, петухи!.. – заговорил он, толкая каждого в грудь и держа на расстоянии одного от другого. – Сейчас приложу обоих, допрыгаетесь!..

И вдруг замолк на полуслове. Один из парней был Муляр.

– Вор он, – срывающимся голосом крикнул второй, пытаясь через Турчина ухватить Муляра. – Ворюга!..

Муляр, набычив голову, молча, зло смотрел на него, готовый ударить, едва представится случай.

– Заберите его, – приказал Турчин ребятам из текстильного техникума и кивнул на паренька. А Муляру бросил: – И ты иди! Смотри, а то!..

Он дождался, когда свои, возбуждённо переговариваясь, вышли со двора на улицу. Самому оставаться здесь тоже не следовало – вдруг действительно приедет милиция.

Он пошёл за ребятами, держась на расстоянии. Ребята всё никак не могли успокоиться. Беззаботные, молодые, они были разгорячены случившимся и теперь задиристо посматривали по сторонам, готовые к новым приключениям.

Турчин тихо застонал, будто от зубной боли.

9

Гора заслоняла собой всё. В ней чувствовалась угрюмая, недобрая сила. Она была настолько огромна, что маленький треугольный клочок неба сбоку казался нелепым и беспомощным.

Гора была полуприсыпана снегом, и острые чёрные скалы выпирали на её крутых склонах, как клыки. Мощные, пёстрые от снега хребты, обширные плато, которые снизу выглядели небольшими площадками, отвесные стены в несколько сот метров высотой – всё было неподвижно, грозно, безжалостно.

Гора казалась огромным доисторическим ящером, затаённо чего-то ждущим. И всё живое чувствовало это хищное ожидание и обходило Гору стороной. Даже орлы здесь не гнездились, даже мыши не жили в её осыпях.

Странно выглядела цепочка людей на склоне. Бесконечно маленькие, ничтожные, они словно не чувствовали исходящей от Горы враждебности, не слышали её зловещего молчания. Наклонив головы, прощупывая снег альпенштоками, люди медленно поднимались верх. Издали их движение было незаметным, как незаметно движение часовой стрелки.

Что их гонит, этих людей? Что заставляет задыхаться, хватать ртом разреженный воздух? Что заставляет не думать о сходящих с грохочущим гулом лавинах, попасть в которые значит не просто умереть, а умереть мучительно? Что заставляет этих благополучных людей срываться со скал, ломать кости, а потом, если останутся живы, опять идти в горы и опять карабкаться вверх?.. Пресловутый вид с вершины? Слава? Но в сотне метров от пика лежит обледеневший скрюченный труп немецкой альпинистки, лежит уже несколько лет, потому что у достигших этого места живых не остается сил спустить труп вниз, чтобы захоронить.

Никакая слава не стоит жизни. Но почему люди идут, хотя замирают сердца от недоброго молчания Горы? Идут, оставив обжитые места и родных. Или есть что-то сильнее рассудка, сильнее страха умереть?.. Что же это за страсть, не дающая человеку жить спокойно? И для чего она? Зачем?..

– Товарищ сержант!

Турчин оглянулся. Здесь, на третьем этаже, свет был выключен, и он не сразу рассмотрел того, кто произнёс эти непривычные слова.

– Я до вас, товарищ сержант…

В меняющемся – то ярче, то бледнее – свете телевизора улыбался какой-то парень со спортивной сумкой на плече. Его глубоко сидящие глаза были затенены, зубы блестели.

Турчин поднялся со стула.

– Ты ко мне?

– До вас, так точно.

Турчин включил в коридоре свет и несколько секунд, щурясь, смотрел на парня. Тот, всё так же неловко улыбаясь, перебросил сумку с одного плеча на другое и сказал:

– Не узнаёте меня?

– Вакалюк?.. – неуверенно произнёс Турчин.

– Я! – с радостным облегчением сказал парень. – А я уже подумал – забыли…

Турчин пожал ему руку.

– Как ты здесь оказался?

– Вас искал, товарищ сержант. Я слышал, вы после дембеля в машиностроительный техникум поступили. Вот, нашёл…

Турчин немного помедлил, с сожалением оглянувшись на телевизор. Альпинисты неторопливо и осторожно поднимались по отвесной скале с набившимся в трещины снегом. Ветер рвал страховочные верёвки. Камера выхватывала напряжённо застывшие лица, жуткую глубину провала внизу, дикий камень скалы. Жизнь этих людей сейчас казалась особенно ненадёжной и случайной.

– Интересная передача. Как наши поднимались на Эверест… Ну, пошли в комнату!

Спускаясь по лестнице на второй этаж, Турчин уже точно помнил всё, связанное с Вакалюком. Тот был курсантом его последнего перед увольнением в запас выпуска. Обычный парень, ничем не выделялся. Правда, занимался в секции тяжёлой атлетики, которую на втором году службы вместо уволившегося в запас Калентьева вёл в части он, Турчин, и не пропускал тренировок, даже если после этого нужно было заступать в наряд. Этим, наверно, и запомнился. Все перед нарядом отдыхать, а этот в зал, к штанге…

Строение у парня не для тяжёлой атлетики, тонкая кость, но кому в восемнадцать лет не хочется быть сильным. К тому же, Турчин знал, некоторые курсанты ходят в секцию, чтобы вызвать его, замкомвзвода, расположение. Хитры были, салажата!..

– Ого! – сказал Турчин, подталкивая всё ещё скованно держащегося Вакалюка и чувствуя ладонью, как движутся выпуклые твёрдые мышцы его спины. – Поднакачался, как я посмотрю!..

Вакалюк опустил глаза. Было в нём что-то от застенчивой девушки.

– Какой там… До вас далеко, товарищ сержант.

– Скромничаешь.

– Правда, товарищ сержант.

– Перестань ты меня сержантом звать! Не в армии… Разряд есть?

– Перед дембелем второй делал. С запасом.

– Молодцом! – удивился Турчин. – Дома давно?

– С мая.

Турчин значительно кивнул. Рядом со своим бывшим подчинённым, который относился к нему с таким подчёркнутым уважением, он вновь почувствовал себя уверенно. Турчин посмотрел на Вакалюка доброжелательно, почти с любовью.

– Ты в командировке? Понимаю, устроился на такую работу, чтобы поездить, мир посмотреть… Верно?

Вакалюк помялся.

– Та нет… Три дня за свой счёт, дело у меня…

Они вошли в комнату. Здесь что-то происходило, вокруг койки Славки Калашникова тесной кучкой собрались ребята. Лица у них были азартные, в позах чувствовалось нетерпение. Они, не отрываясь, смотрели на Славку, а тот, подложив под спину подушку, небрежно перебирал струны гитары.

– Ищите, – скучным голосом сказал Славка и поднял глаза к потолку. Он взял аккорд, затем, приложив ладонь к струнам, погасил звук. – Найдёте, всё ваше. Претензий не имею.

Но весь Славкин вид говорил о том, что поиски у ребят будут нелёгкими.

– Алярм? – поинтересовался Турчин.

Славка приподнялся на койке и посмотрел на него, выглядывая из-за ребят.

– Несознательные элементы! Сала захотели!.. Я не

против, пожалуйста, только сперва найдите… – ухмыляясь, Славка опять улёгся на подушку.

Выглядел он вполне благополучно. В первую же субботу после Октябрьских, едва сошёл синяк под глазом, Славка уехал домой, в понедельник и во вторник не был на занятиях, зато вернулся не таким убитым, как ходил всю неделю перед этим. Похоже, его любовь к Тоне прошла.

– Здесь не поговоришь, – сказал Турчин Вакалюку. Славкин беззаботный вид заставил его покачать головой: какой всё-таки лёгкий, поверхностный человек!.. – Пошли в кочегарку. Мне всё равно через полчаса заступать. – И пояснил удивлённо взглянувшему Вакалюку: – Подрабатываю. Стипендии не хватает.

По дороге в кочегарку он рассказал, что означает местное словечко «алярм». В последние дни перед стипендией ребята не выдерживали и с людоедскими воплями набрасывались на продукты, привезённые кем-нибудь из дому. У многих дом далеко, часто не поездишь, а есть хочется и денег на столовую нет. Конечно, у того, чьи привезённые на неделю продукты поедались в первый же вечер, радости особой не наблюдалось. Но и очень обижаться считалось неприличным – легко можно было прослыть жмотом и куркулем. А жизнь таких в общежитии сложна…

Эдуард занимался непривычным для себя делом. Он смотрел в зеркальце и тщательно расчёсывал бороду расчёской. Он не смутился, когда в кочегарке появился Турчин с держащимся несколько сзади Вакалюком, а благодушно кивнул им и подул на расчёску. Потом аккуратно опустил её в карман клетчатой рубашки и посмотрел на Турчина усмешливым долгим взглядом.

Турчин подобрался. В последнее время ему казалось: Эдуард догадывается о том, что с ним происходит. Возможно, это была всего лишь мнительность – просто у Эдуарда хорошо идут дела, достал, скажем, редкую книгу по философии, – но даже предположить, что именно Эдуард понял его состояние, было унизительно. Будто на соревнованиях проиграл заведомо слабому противнику, а тот ещё ходит и перед всеми похваляется.

Первые смятенные дни миновали, ядовитый вопрос не стал слабее, но ушёл вглубь, и Турчин уже старался ничем не проявлять того, что происходило в душе. Задним числом он стыдился своей слабости – распускать себя в любом случае не следовало. Он вновь стал ходить на тренировки, правда, занимался без удовольствия.

Оказывается, не помогло – заметили…

Турчин смотрел на улыбающегося Эдуарда – что-то покровительственное было в этой улыбке, даже аккуратно, волосок к волоску, расчёсанная борода всем своим ухоженным видом как бы снисходительно укоряла его, – и думал, как странно всё устроено. Стоило ему почувствовать неуверенность, стоило засомневаться, как такой человек, как Эдуард, не способный ни к чему настоящему, живому, подавленный своим властным отцом, стал выглядеть намного благополучней, что-то даже самодовольное в нём появилось. Кажется или на самом деле так?.. И он, Турчин, выходит, выглядел таким же раздражающе самодовольным раньше?.. Значит, ещё одна закавыка в жизни – закавыка, о которой он понятия не имел? Оставленное пространство заполняется, сомневающийся вытесняется, гибнет.

– Я пойду, не возражаешь? – спросил Эдуард.

Турчин, стараясь не смотреть на него, кивнул.

Эдуард, напевая что-то итальянское, оперное, переоделся и прощально поднял руку.

– Всего доброго!

Он быстро скрылся за дверью, будто ему неловко было своего благополучного вида. По крайней мере, так Игорю показалось.

– Садись, – сказал он Вакалюку и кивнул на второй табурет у стола. – Ну, что у тебя, говори.

Вакалюк опять смущённо заулыбался, показывая белые зубы.

– Не знаю, как сказать... – решившись, он засунул руку в спортивную сумку, стал там шарить и весело заговорил, то и дело поднимая голову и подмигивая: – Сложный вопрос, товарищ сержант! На ясную голову отвечать трэба. Без допинга не разобраться…

Турчин озадаченно наблюдал, как Вакалюк достал из сумки бутылку вина, с ищущим видом осмотрелся.

– Сюда можно? – Он показал глазами на стол. – Стаканы найдутся?.. Теперь поговорим. Вы спросите, я отвечу – всё ясно будет!..

Игорю стало скучно. Он подумал, что надо бы взять в комнате берет, который всегда надевал в кочегарку, чтобы голова от угольной пыли не грязнилась.

– Подожди здесь, – сказал он Вакалюку и вышел.

Но в комнату не пошёл, а поднялся на третий этаж, переключил телевизор на прежнюю программу (ребята, смотревшие хоккей, пробовали было возражать, но Турчин бросил: «Тихо!» – и сел впереди на заскрипевший под его тяжестью стул).

Передача об альпинистах подходила к концу. Что-то ещё незначительное говорил мужчина с обычным, неприметным лицом. Потом показали, чего стоило попасть в команду. Как надо было в лёгкой одежде провести сутки без сна на двадцатиградусном морозе. Как человека помещали в барокамеру, создавали условия высокогорья, заставляли работать, двигаться, спрашивали, сколько будет, если к пяти прибавить три или к четырем два, и как человек со свистяще вырывающимся дыханием отвечал, путался, долго, трудно молчал… Но всё это показали быстро – будто чего-то стесняясь.

Турчин напряжённо смотрел на экран.

Потом опять показали Гору, её безжизненные отталкивающие склоны и цепочку полусогнутых людей, упрямо движущихся к цели. Великое, неприступное молчание Горы – и маленькие, ничтожные в сравнении с её громадой существа, упорно добивающиеся своего в этом враждебном для них мире.

– Вот так! – неизвестно кому сказал Турчин и поднялся.

В комнате Славка Калашников сидел на койке и, по-турецки скрестив ноги, наяривал на гитаре что-то ритмичное. Остальные ребята азартно рылись в тумбочках, выбрасывали из шкафа с треснувшим зеркалом одежду, заглядывали под койки, даже матрасы откидывали.

Алярм был в разгаре. По довольному лицу Славки можно было заключить, что поиски пока безуспешны.

Турчин снял с вешалки свой берет и вернулся в кочегарку. Вакалюк по-прежнему сидел на табуретке возле стола и листал одну из Эдуардовых книг. Он всё ещё был в куртке с затянутой под самым подбородком молнией, хотя в кочегарке было жарко.

– Это вы читаете? – спросил Вакалюк с уважением, показывая на обложку книги.

Турчин не ответил.

– Ты как на вокзале! Раздевайся. – Он втянул в себя воздух. – Выпил всё-таки?

– Есть немного, – Вакалюк протянул руку под топчан и вытащил наполовину пустую бутылку портвейна. Теперь стало заметно, что держится он свободней, глаза весело поблескивали. – Есть немного, товарищ… нет, просто Игорь! Не будете обижаться, если стану так называть? Вы для меня большой человек, сами знаете!..

– Крепко закладываешь?

– Не-е-т! – Вакалюк замотал головой. – По большим праздникам! Это сейчас… Вы не думайте! – Он засмеялся, настолько, видимо, показалось ему смешным предположение Турчина. – Честное слово, не пью! Такой случай… Дело у меня до вас.

– Давай. И куртку сними. Ты что, вес сгоняешь?

Вакалюк засмеялся, расстегнул куртку и принялся её стаскивать, поочередно берясь за рукава.

– Та подождите о деле! Сразу как-то… Может, выпьете? А то что я один…

– Нет.

Вакалюк замолчал, собираясь, видимо, с духом. Наконец заговорил:

– Для вас, может, неинтересно или даже смешно… Приехал посоветоваться, что дальше делать. – И он с решимостью поднял на Турчина глаза.

Тот помолчал.

– А что случилось?

– Ничего не случилось. В том и дело, что ничего!.. Вы спрашиваете, чи не пью. Интересный вопрос! Есть

хлопцы, что начинают пить. Я – нет. У кого как. Или после армии женятся, или начинают закладывать. У нас у всех хлопцев так. Знаете, почему?.. Сейчас всё можно. В армии отслужил, деньги зарабатываю – самостоятельный! Девчата уважают. Интересно, скажите? Всё есть, а… Если б кто мне в учебке сказал, что скучно будет, я б того остряка послал подальше. Вы с нас каждый день стружку снимали, гоняли, как цуциков. Мне казалось, ничего лучше гражданской жизни быть не может! А сейчас… Непонятно говорю? – Вакалюк замолчал и выжидательно посмотрел на Турчина.

– Да нет, понятно, – Турчин выдержал паузу. – Ты куртку всё-таки положи, мешает.

Вакалюк бросил куртку, которую всё ещё держал в руках, на топчан. Он настолько был занят своим, что не заметил, как куртка сползла на пол. Опять торопливо заговорил:

– Так гражданку ждал! Каждый день до дембеля считал. А хуже всего – знаю, теперь так всё время! Поверите, думаю иногда сам с собой: наводнение, что ли, случилось бы. Или землетрясение. Хоть что-нибудь, в полную силу!.. Я понимаю, нехорошо. Другие живут. Или надо подождать, пусть само пройдёт, такое у меня сейчас время?..

Турчин с интересом смотрел на Вакалюка. Никогда бы не сказал, что этого на вид обычного парня могут донимать такие мысли. Он почувствовал что-то вроде гордости – приехал-то Вакалюк именно к нему. Не к отцу обратился, не к друзьям! Значит, запомнился он своим бывшим подчинённым, если приезжают спрашивать, как жить дальше?..

«Гады! – вдруг подумал он о Муляре и о таких, как тот. – Какие всё же гады!»

– Ты кем работаешь?

– На заводе. Шлифовщик.

– Разряд какой?

– Третий… Какое имеет значение!

– Имеет. Мне было бы стыдно за третий разряд. Это почти разнорабочий, уборщик стружки. Почему не пятый или шестой?

Вакалюк молчал. Весь его вид, казалось, говорил: я серьёзно, а вы…

– Ну?

– Шестой… Асом надо быть.

– А почему тебе не стать асом? – сказал Турчин и требовательно посмотрел на него: – А? Объясни мне толково – почему? Характера не хватает? В учебке ты мне казался другим, характер у тебя есть. Знаний мало – иди учись! Ты сколько классов кончил?

– Десять.

– Видишь! А у меня восемь. Я пошёл учиться. Трудно было, а я смог. И ты сможешь, если человек. Или думаешь, всё уже знаешь? Дошёл до предела?

– Не думаю. – Вакалюк усмехнулся и опустил голову. – Ну, ладно, получу я шестой разряд. Даже институт закончу. Дальше что? Лучше мне от этого будет? Счастливым стану?

Турчин покраснел от гнева. Он знал, что не надо бы так, но сдержаться не смог.

– Ты получи сначала! Ты закончи! Говорить потом будем. Трепаться просто!.. Видеть не могу людей, которые свою лень оправдывают, философию на мелком месте разводят. Работать надо! Стремиться!.. Ты человек, воля у тебя есть или нет?..

Турчин напряжённо выпрямился. Решительность и уверенность, которые сейчас исходили от него, были заразительны.

– Или штанга! Почему бросил заниматься? Стань мастером спорта! Добейся, покажи результат! Что, хлопотно, потеть надо?.. Как можно говорить о скуке! Слизняки жалуются на жизнь, мне таких не жаль. Скучно им!.. Воля должна быть, интерес к жизни. Хоть марки собирай, а к чему-то стремись. Выбери и добивайся! Неужто в тебе нет гордости?.. Конечно, тоска, если ни к чему интереса не будет! Ты к цели стремись!..

Просидели в кочегарке допоздна. В конце концов разговор стал спокойным. Вспомнили общих знакомых по сержантской школе. Вакалюк рассказал о своей

недавней службе – служить ему довелось в Приморье, места интересные.

Спать Турчин отвёл Вакалюка на свою койку. Было около часа ночи, когда они появились в комнате, но ребята ещё не ложились. На столе валялась промасленная бумага, куриные кости, шкурки от свиного сала.

– Папа римский убирать будет? – спросил Турчин. И когда ребята после недолгого препирательства между собой принялись убирать со стола, Турчин поинтересовался: – Нашли, значит?

– Сдались, – самодовольно отозвался Славка Калашников со своей койки. – Я сам показал.

Турчину стало любопытно. Обычно ребята находили припрятанные продукты, и довольно быстро – голод не тётка.

– И где же было?

– Он гвоздь под стол вбил, там повесил! – восторженно зачастил кто-то. – Ну, хитрован! А скатерть свисает, ничего не заметно!..

В шесть утра Вакалюк зашёл в кочегарку попрощаться – ему надо было успеть на поезд. До его станции ехать почти сутки, а три дня за свой счёт подходили к концу.

10

«Так не должно быть», – подумал Турчин.

Он сидел в спортзале на низенькой скамейке и перетягивал запястье серым с бахромящимися краями бинтом. «Так быть н е д о л ж н о!»

Он на Муляра не смотрел, но чувствовал любое его движение. Будто между ним и этим человеком существовала невидимая связь, постоянное слежение. Едва появлялся Муляр, как в Турчине словно начинал работать локатор, который пристрастно и недоброжелательно следил за каждым шагом парня. Зрение здесь было ни при чём. Турчин даже спиной чувствовал, чем занимается Муляр.

Сейчас он знал, что Муляр полулежит на матах в углу спортзала, снисходительно, с ленцой усмехается, а

вокруг него расположились два или три человека из команды. У Муляра уже появились свои поклонники, которые ловили каждое его слово, ждали благосклонного взгляда. Оказался среди них и чутко реагирующий на всё Саня Карабай, а это уже вызывало досаду.

– Карабай, пойди сюда.

Саня неторопливо поднялся с места и так же неторопливо подошёл

– Завяжи. – Турчин протянул ему запястье с болтающимися, особенно затёртыми концами бинта.

Саня принялся завязывать.

– Затяни сильнее, – приказал Турчин. И не удержался, иронически, а на самом деле ревниво, спросил: – Что, Муляр мёдом намазан, что вы вокруг, будто мухи?

Чуткий Саня хихикнул, но ничего не ответил, а так оглянулся на маты, что стало ясно: ему хотелось поскорее обратно.

– Ладно, иди, – бросил Турчин. Он смотрел на уходящего Карабая и думал, что походкой тот стал напоминать Муляра. Быстро!..

«Так быть не должно», – вновь подумал он, как о вполне решённом.

Если жизнь несовершенна, её нужно исправлять. Всё вокруг должно быть разумно и справедливо. Человек должен знать, что ему воздастся за его труд и старание. Иначе пропадут ориентиры, и непонятно будет, что хорошо, а что плохо.

Команда собиралась медленно, хотя часы уже показывали половину седьмого. В последнее время всё было пущено почти что на самотёк, ребята разболтались. «Тоже ненормально», – подумал Турчин. Он поглядывал на дверь, поджидая Шина. Стал разбинтовывать запястья. Сегодня он тренироваться не сможет, это ясно. Надо было заняться главным.

Подошедшему вскоре Вите Шину Турчин сказал провести тренировку – он, Турчин, неважно себя чувствует. Он ждал, как прореагирует Шин, специально выбрал нейтральный тон, полупросьбу-полуприказ, но Витя оставался всё таким же доброжелательным, лёгким.

– Хорошо, старичок, понимаю, – ответил он. Вежливо выждал несколько мгновений, лишь тогда повернулся и заспешил к матам: – Вставайте, ребята. Начнём разминку. Ну, трусцой за мной!..

«Всё правильно». Турчин даже благодарности к Шину не почувствовал. Так и должно было быть. Всё как надо.

Каждый из четырёх техникумов города был чем-нибудь знаменит.

Финансово-кооперативный – вокально-инструментальной группой «Центральная нервная система», в строительном техникуме учился в своё время один из космонавтов, а текстильный был известен борцами.

На первый взгляд, странно – в текстильном техникуме ребят было совсем немного, девчонок значительно больше, но «бурсаки» постоянно побеждали на первенствах области по всем видам борьбы. Физкультуру у них преподавал бывший «вольник», он и привил ребятам интерес к борьбе. Не заниматься ею в техникуме считалось дурным тоном.

«Этот тоже, наверно, занимается», – подумал Турчин, глядя на приближающегося парня в шлёпанцах. Парень по-борцовски сутулился и при ходьбе широко разводил колени.

– Кто меня спрашивает? – поинтересовался парень у вахтёрши, сидящей за столом возле входа. И перепрыгнул глазами на Турчина: – Вы? В чём дело?

– Он, он, – закивала пожилая вахтерша, уличающе косясь на Турчина. Она никак не могла поверить, что в общежитие можно приходить не только для того, чтобы попасть к девчонкам. – Говорит, нужен председатель совета общежития. Вот тебе, пожалуйста, председатель!..

Турчин протянул парню руку.

– Турчин. Игорь. Председатель совета первого общежития машиностроительного техникума. – Он говорил спокойно, подбирая слова. Его голос гулко раздавался в просторном вестибюле, где проводились дискотеки.

– Прежде всего извиняюсь за наших ребят. В прошлую субботу здесь было недоразумение на дискотеке, наши замешаны. Мы решили разобраться и наказать виновных. Хотелось бы знать, как всё произошло. Я случайно оказался поблизости и разнимал их во дворе. Но причины драки не знаю. Прошу помочь выяснить.

Парень пожал Турчину руку, но себя не назвал. Сообразительное его лицо приняло деловитое выражение. Из заднего кармана брюк он выудил записную книжку и быстро раскрыл в нужном месте.

– Соня, светик, не упади, – ласково обратился он к проходящей по коридору девчонке в вытертых джинсах. Девчонка во все глаза смотрела на Турчина. – У меня к тебе просьба, лапонька. Позови Алатарцева. Он у нас пятнадцатого был дежурным по оперативному отряду, – пояснил «бурсак» Турчину, мельком глянув на обтянутые бёдра девчонки. – Толковый парень. Принципиальный… Садись, что стоять.

Турчин опустился на диван сбоку от вахтерши. «По возрасту если, то в армии служил», – подумал Игорь о «бурсаке». Такие сметливые ребята в армии бывают или писарями, или дослуживаются до ефрейторов. Он глубже засунул руки в карманы впервые сегодня надетого пальто, которое купил на деньги, заработанные во время каникул. Его что-то познабливало.

– С этой дискотекой!.. Каждый раз приключения, – доверительно заговорил председатель совета общежития. По всему видно было, что он признаёт в Турчине равного и одобряет желание наказать виновных. – А попробуй, прикрой. Такой гвалт устроят, рад не будешь!.. Нет, с девчонками тяжело, с ребятами всё же легче. Каждая с гонором, подхода требует… Тебе повезло, у тебя почти одни ребята.

«Вершители судеб, – вдруг подумал о себе и этом парне Турчин. – Небольшие, но всё-таки вершители!..» Он переждал – ни к чему сейчас было это раздражение – и спросил:

– Ты в армии служил?

– А что?

– Так. Где-то я тебя видел.

– А я тебя точно знаю. Ты по штанге на первенстве города выступал.

Турчин шевельнул плечом – ерунда, мол, мелочи… Ему стало приятно: в марте на первенстве города среди учащихся техникумов он выступил отлично, с большим отрывом занял первое место… Игорь почувствовал, что и сейчас всё должно сложиться хорошо.

С этим предчувствием удачи он и заговорил с Алатарцевым, плотным пареньком с борцовской, короткой и сильной, шеей. Вид у того был недовольный, будто его оторвали от дела, светлые глаза смотрели настороженно.

– Помню, – ответил Алатарцев. – Гад у вас один есть. По карманам в гардеробе лазил.

Турчин не удивился, хотя большей удачи ожидать было трудно – мало ли из-за чего могут повздорить ребята на дискотеке. Вполне могли из-за девчонки, чаще всего так и бывает. Паренька Турчин узнал сразу – это он несколько раз сходился с Муляром во дворе, пришлось ещё растаскивать.

– Сам видел? – на всякий случай спросил Турчин. – Дело серьёзное. Мы таких из общежития выселяем, это в лучшем случае.

– Ребята сказали. Я нашим ребятам верю!.. – Алатарцев насупился. Своих пришёл защищать, ясно, говорил весь его вид. Он тоже вспомнил Турчина.

Председатель совета общежития быстро оценил ситуацию.

– Валера, ты не заводись! Товарищ заинтересован в правде. Может, другое что было?

– А что ещё можно полчаса в гардеробе делать? Зашёл – и по карманам! Вот так шапка у Жмелёва пропала. А потом опять виноват оперативный отряд!..

– В этот раз шапка пропала?

– Нет. Раньше. – По голосу Алатарцева было ясно: он жалеет, что шапка пропала не в этот раз. – Всё равно! Он мог украсть!.. Скажешь, нет?

Турчин неопределённо пожал плечами. Он даже ра-

дости не испытывал – настолько закономерным и естественным было то, что ему сейчас сообщили о Муляре.

– Это с ним ты во дворе?..

– С ним.

– Подтвердить сможешь, если понадобится?

Алатарцев серьёзно посмотрел на Турчина.

– Я за свои слова отвечаю.

– А что это вы всех в гардероб пускаете? – сказал Турчин давно вертевшееся на языке. – Лишние проблемы создаёте.

Ответил Алатарцев. Он опять смотрел исподлобья.

– У нас на доверии. У вас, наверно, по-другому?

Всё было ясно. Турчин поблагодарил ребят. Пожал им руки (Алатарцев протянул свою неохотно) и прошёл мимо вахтёрши на улицу.

В свете фонарей косо летели редкие снежинки. Холодный воздух заставил ощутить лицо. Столовая при общежитии ещё работала, ярким прямоугольником светилась её застеклённая дверь, но Турчин заходить не стал – есть не хотелось.

У себя в общежитии он поднялся на четвёртый этаж и постучался к Брадину. У открывшего дверь Михаила Евсеевича лицо стало удивлённо-недовольным. Беспокоить преподавателей дома не было принято.

– Да?

– Добрый вечер. Я насчёт собрания, Михаил Евсеевич. Пора проводить, ноябрь кончается.

Брадин подумал и кивнул. Мясистый нос его досадливо сморщился.

– Пожалуй. С этими квартирами все планы нарушились… Когда предлагаете?

– Можно завтра, можно послезавтра.

Турчину не терпелось сделать то, что он задумал. Конечно, у Михаила Евсеевича сейчас горячее время, техникуму выделили несколько квартир, много дел с их распределением, с оформлением документов для горсовета, – всё это Турчин понимал. Но и с отчётно-выборным собранием в общежитии в самом деле слишком уж затянули.

– У вас всё готово?

Турчин полез в карман.

– Вот тезисы выступления. Вот кандидатуры в совет общежития по секторам… – Турчин старался не выдать своего нетерпения и говорил медленно, даже как бы нехотя.

– Заходите. – Брадин понял, что держать его в дверях дольше неудобно. – Только, прошу вас, осторожно. У жены сегодня был тяжёлый день.

Он проводил Турчина на кухоньку и посадил на маленький аккуратный стул. Сам присел на такой же, быстро убрав с него одинокую газету с разгаданным кроссвордом. Вполголоса спросил:

– Ивану Леонтьевичу показывали? – И сам же кивнул: – Ясно, ему сейчас не до того. Переезжает… Думаю, он вообще от нас уйдет.

– Почему вам квартиру не дали, Михаил Евсеевич? – вдруг спросил Турчин. Было в голосе Брадина, в том, как он взглянул, говоря о коменданте, что-то такое, что позволяло подобный вопрос. Игорю и в самом деле было интересно – и Брадин, и Круглей жили в одних и тех же условиях, но вот коменданту дали, а преподавателю нет.

Брадин посмотрел в сторону. Когда он заговорил, в его голосе не было уверенности:

– Нам с женой и здесь неплохо. А сын во Львове, учится… Не всё, Турчин, в жизни идёт по законам. Вы, наверно, это и по собственному опыту знаете.

– Должно идти! – сказал Игорь, наклонив голову и пристально разглядывая свои ногти. – Если по-другому, то… безнравственно!

Брадин удивлённо взглянул на него.

– Интересно, только тише… Хочу вас предостеречь, Турчин. Я за вами наблюдаю, вы человек заметный среди наших учащихся. Когда вас спрашивают, хорошо или плохо, если идёт дождь, – не торопитесь сразу говорить да или нет. Не спешите, мой вам совет. Понимаете? Сначала узнайте, какой была погода раньше. Какое время года. Нужно это для полей, не поднимется ли вода в реке, не зальёт ли она сёла?.. Вы меня понимаете?

Игорь улыбнулся. Оказывается, он стал объектом наблюдения для Брадина. Любопытно.

– В самом деле я нетерпеливый?

– За собой сложно заметить. Немного меньше категоричности, Турчин. Извините, что я так вдруг… Всегда оставляйте место для сомнения. Возможно, это не показатель, но только на моей жизни столько оценок изменилось… Где истина? Может, для всякого отдельного случая своя правда? Вы не задумывались? Я с вами откровенно, вы человек взрослый… Многое относительно, Турчин, очень многое!

– Неужели думаете, что я ни в чём не сомневаюсь, Михаил Евсеевич? – сказал Турчин и с болью покачал головой.

– Может быть, но по вам не скажешь.

– Так и по вам не скажешь… Должно же быть такое, что не изменяется! Чтоб верить всю жизнь!.. Например, ваша математика.

Михаил Евсеевич помолчал, будто Турчин сказал очевидную бестактность.

– Математика! Математика потому и называется точной наукой… Хотя, пожалуйста! Геометрия Лобачевского в сравнении с классической, эвклидовой. Вы же проходили… – Поскучнев, Михаил Евсеевич нагнулся к листкам, стал разбирать написанное Турчиным.

Игорь сидел, боясь лишний раз пошевелиться – лёгкий стул, на который усадил его Брадин, казался ненадёжным. Вот-вот мог рассыпаться.

Брадин просмотрел тезисы и вскинул глаза.

– Значит, предлагаете завтра?

Турчин кивнул. Он усмехнулся, не зная, говорить или нет то, что вдруг захотелось сказать.

Он никак не мог забыть, как Брадин обходился с ребятами на первом курсе, – сейчас это воспоминание всплыло с особой яркостью. Не лично с ним, Турчин и тогда бы не позволил подобного, а с другими. И главное – зачем? Показать свою власть и без того запуганным первокурсникам?.. Рассуждения у Брадина, выходит, одно, а поступки – другое.

– Ладно, давайте завтра. Действительно, затянули… Назначим на семь часов. Что вы улыбаетесь, Турчин? Что-нибудь не так? Что-нибудь на мне?.. – Брадин, теряя солидность, беспокойно оглянулся, посмотрел, вдавливая подбородком кадык, себе на грудь, на плечи.

– Я первый курс вспомнил.

– И что вы там находите такого, чтобы улыбаться? – Брадин немного успокоился и смотрел пытливо, подозрительно. – Ничего там весёлого не было. Я, конечно, рад, что у вас учёба наладилась, но вначале вы производили очень слабое впечатление. Если бы не ваша усидчивость, думаю, вам бы не удержаться в техникуме.

– Спасибо за откровенность, – сказал Турчин, слегка наклонив голову. Он всё ещё не решил, говорить или нет, но сел посвободней. С виду игрушечный, стул под ним даже не скрипнул.

– Вы не обижайтесь, это прекрасное качество. Это надежней, чем способности, если человек не любит трудиться. Я, честно сказать, завидую вашему поколению. Сколько возможностей! Когда я поступал в университет, был один физмат. А сейчас! Электротехника, теоретическая физика, различные комбинации математики с другими науками…

Турчин не слушал, он думал о плотном рулоне грамот, обнаружившихся за стенкой с посудой, когда собирались оклеивать обоями комнату Брадиных. «Чего ему не хватило для победы? Наверняка мечтал не о том, чтобы в техникуме преподавать…»

– Извините, Михаил Евсеевич, мне на дежурство надо, – сказал Турчин. Он посмотрел на часы, будто и Брадина приглашал убедиться, что ему действительно пора в кочегарку. – Благодарю вас, я подумаю над тем, что вы сказали. Наверно, вы правы. За собой действительно сложно заметить… Но откровенность за откровенность, Михаил Евсеевич. Такая просьба. Не надо свои неудачи срывать на первокурсниках. Вы понимаете, о чём я?.. Нежный всё-таки возраст. Чем они виноваты, что у вас не сложилось? Правильно?..

11

Так тихо, что слышно, как по радио играют куранты. Их далёкий торжественный звон проникает сквозь потолок в кочегарку. Кажется, что кто-то большой и важный там, далеко вверху, перебирает верёвки волшебных колоколов. На мгновение замрёт, прислушается к водопаду истончающихся звуков, вновь дёрнет верёвки, опять прислушается…

Потом – веские, округлые удары. Бом!.. Бом!.. Бом!.. Все двенадцать.

Турчин помял лицо руками. Он наконец почувствовал то, чего хотел: пришло безразличие. Теперь сможет заснуть. Ало, с яростной нежностью светилась щель в топке. Турчин перевёл взгляд на чёрное окно. Ему уже не казалось, что на него смотрят из темноты, как это было весь вечер. Свет от лампы очерчивал вокруг стола яркий круг, а дальше – мохнатый сумрак котельной, пахнет сернистым газом.

В конце концов сказалась усталость трудного дня. Он проверил топку, подбросил угля и лёг на топчан, подстелив свой армейский бушлат. Чтобы совсем отвлечься и уснуть, надо было что-нибудь почитать. Турчин взял со стола сборник фантастики, кочующий по общежитию и принесённый кем-то из ребят на днях в их комнату.

Книжка была сильно потрёпана. Тонкая бумажная обложка едва держалась. На обложке были изображены два парящих существа голубоватого цвета, по одежде – что-то среднее между космонавтами и ангелами, а между ними повис поддерживаемый под руки человек с недоразвитым рахитичным тельцем.

Лицо человека выражало боль и ужас, тонкие руки и ноги вяло висели, будто корешки выдернутого из земли растения. Ужас и ярость были и на поднятых к космонавтам лицах других людей, оставшихся внизу. Они, эти люди внизу, казались сплошной массой. Их тел, границ между ними не было видно, запрокинутые лица представлялись одинаковыми, будто срисованные с од-

ного человека. Было в этой человеческой массе что-то отталкивающее и в то же время вызывающее жалость.

Турчин раскрыл книжку, начал читать. Но через минуту опять заглянул на обложку. Странный рисунок… Что он означает?

Глаза скользили по строчкам. Описываемые события, показавшиеся поначалу невозможными, выдуманными, понемногу становились правдивыми и естественными, словно происходили где-то на самом деле. Было любопытно. Но спокойно, сквозь усталость. Она брала своё, сознание мутнело, затягивалось, прочитанное воспринималось всё с большим трудом. Вскоре Турчин почувствовал, что книжка больше не нужна. Он закрыл её, и мелькнувший на обложке рисунок теперь уже не казался странным.

Ни о чём больше не думалось, приятная пустота в голове. Наплывали картины – чудное, произвольное смешение того, что было с ним, и того, что никогда не было. Вот-вот уйдёшь с головой в сон – в уютное, мягкое, славное… И границы нет никакой. И совсем не больно. А наоборот, весь пронизан ощущением простора, словно летишь над вспененными сияющими облаками.

Да, это он летит, и те двое, что поддерживают, совсем не вызывают страха. Насилия никакого нет, они просто помогали подняться вверх, к облакам, а этого всегда хотелось там, внизу, только непонятно было, чего именно надо… А вот их уже нет, исчезли, растворились в голубом, летишь сам. И ты здесь не один, попадаются другие люди, пусть и не очень часто. Их вокруг не так уж много, но они есть, кто ближе к земле, кто дальше, а некоторые видны только точками в зените. Даже знакомые встречаются. В одном парящем существе Игорь узнает пионервожатую из интерната, в котором когда-то учился. Другой очень похож на дорогого друга Калентьева, первого тренера в сержантской школе. А сколько незнакомых!.. Вон Эдуард медленно проплывает. Он-то почему здесь?... И чисто, и светло. Но свет как бы предзакатный, немного печальный. Тоже тревожит и непонятно. Зачем печаль? Ведь столько простора, столько

воздуха, грудь задерживается на вдохе, и чувствуешь, как расширяется сердце, принимая весь мир вокруг.

Турчин летит, взмывает вверх, невесомо планирует. Простор наполнен светом и счастьем. Турчину легко, как никогда раньше не бывало. Но отчего всё же и печаль рядом, чувствует он её привкус. Будто и радость, и счастливый простор недолговечны, а боль и печаль постоянны, и отпустили тебя на минуту, и никуда от них не улететь, ни в каких синих высях не скрыться. Откуда это?..

12

На собрании он ничего о Муляре не сказал. Оно прошло, как проходили обычно такие собрания – под присмотром Брадина, пристойно и скучновато. А вскоре, не доучившись семестр, Муляр ушёл из техникума сам. Ребята говорили, что его приняли на подготовительный факультет пединститута – постарался тот мужчина в кожаном пальто, который приметил его на тренировке.

Решилось и с Тоней. Перед Новым годом у Круглеев был скандал, ребята, жившие под квартирой коменданта на третьем этаже, всё слышали. Тоня перешла жить в общежитие профтехучилища, а комендант с женой в начале января переехали в новую двухкомнатную квартиру. После этого Турчин видел Тоню всего один раз – шла по улице Ленина под руку с каким-то кавказцем. Кричали вороны на голых каштанах в парке рядом, в руках у Тони были красные гвоздики. Выглядела она счастливой.

На первенстве области по «Трудовым резервам» Турчин занял первое место. Правда, на этот раз он не собрал своих обычных килограммов, не дотянул даже до нормы кандидата в мастера, но поездка на чемпионат республики была обеспечена. А это главное – перед отъездом намечались двухнедельные сборы, а значит, и спокойная жизнь на базе под городом, хорошее питание и нормальный сон. Турчин очень надеялся на эти две недели.

Первенство области заставило поволноваться. Команда машиностроительного техникума боролась за первое место в общем зачёте, конкуренция оказалась жёстче, чем в прошлые годы, и в некоторых весовых категориях победитель определялся по меньшему собственному весу. Витя Шин набрал одинаковую сумму с каким-то парнем из строительного техникума, у них – случай редкий для таких соревнований – даже собственный вес оказался одинаковым.

Перед повторным взвешиванием Турчин полчаса гонял Шина по душной раздевалке, заставив натянуть на себя два свитера и пальто. Ребята из команды тоже болели за Шина, Саня Карабай то и дело прибегал и сообщал, что делают соперники. Когда он сказал, что те своего парня заставили встать под горячий душ, Турчин засмеялся. Он хотел было выговорить Сане – зачем шпионить? Нечестно! Но вместо этого только рассмеялся.

– Чудаки! Сейчас даже кожа воду впитывает. Организм обезвожен, понимать надо, вес-то сгонял перед соревнованиями!.. – Он смеялся, вытирая глаза. Отчего-то они у него в последнее время стали слезиться.

Ребята из команды смотрели на Турчина с радостным недоверием. А он всё смеялся, и вытирал глаза, и снисходительно махал на Карабая руками.

1970 – 1984

ПО МАТЕРИНСКОЙ ЛИНИИ
Повесть

1

В обед выяснилось, что исчез Димка Побочный.

– Виктор Иванович, у нас, кажется, чепе, – сказала аспирантка Ирина. – Побочного нет. Утром по деревне он с группой тоже не ходил. Куда только мог деться?.. – Ирина в недоумении пожала худыми, как у топ-модели, плечами.

– То есть? – спросил Анохин. Борщ у девчонок получился отменный, густой, с молодой зеленью, Анохин такой любил. И оттого его голос прозвучал благодушно. – Может, дрыхнет где-нибудь? Куролесил всю ночь с местными, теперь отсыпается, барбос.

Как ни контролируй ребят, некоторые после отбоя выбирались через окно и гоняли со здешними парнями на мотоциклах. Побочный первый, среди местных он сразу стал своим.

– Да нет, мы смотрели. Нигде нет.

– А что же раньше не сказали? – вскользь пожурил Анохин, поднимаясь из-за стола и всё ещё оставаясь спокойным. – Пойдёмте вместе посмотрим.

С Ириной, а потом и с пообедавшими студентами он обошёл школу, подергал ручки запертых классов и подсобных помещений, спустился в подвал. Становясь всё более озабоченным, Анохин осмотрел пришкольную территорию, укромные места в бурьянах за спортивной площадкой.

Побочного нигде не было. Анохин собрал студентов.

– Кто видел Диму последний? Скрывать ничего не советую.

– Правда, ребята, выкладывайте начистоту. От ва-

ших слов многое зависит, – поддержала Ирина и преданными глазами посмотрела на Анохина. В экспедиции она была его заместителем.

Но ничего внятного студенты сказать не смогли. Спать Побочный лёг вместе со всеми, а утром его спальный мешок оказался пустым. Анохину сразу не сообщили потому, что думали, вот-вот заявится. За Димкой и раньше такое водилось – мог прийти под утро, а то и к завтраку.

О том, чтобы продолжить запись фольклора, теперь не могло быть и речи. Но по домам Анохин всё-таки пошёл, надеясь что-нибудь узнать у местных ребят. Оказалось, тем тоже ничего о Побочном неизвестно. Большинство вместе с родителями уехали на сенокос, а те, что оказались дома, возились во дворах с мотоциклами или высовывали из окон заспанные физиономии и отвечали одно и то же: не знаем.

Оставалось обратиться к властям.

Выслушав Анохина, глава сельской администрации позвонил участковому.

– Бог троицу любит, – сказал не по годам дородный участковый, вскоре появляясь в кабинете главы. Отдуваясь, он снял фуражку, вытер околыш изнутри пухлой ладонью. – Ну, жарища! Пекло прямо. У вас, типа, каждое лето так?.. Баргадаевы и Голошубовы тоже своих парней ищут.

Будто не слыша последних слов, глава администрации налил из пластиковой бутылки на столе стакан минералки, прищурился:

– Это тебе не в городе прохлаждаться. Нынешнее лето с прошлогодним не сравнить, то жарче было.

– Скажете тоже – прохлаждаться…

– А то нет. – Глава крупными глотками выпил воду, налил ещё. Вид у него был помятый, под глазами набрякли мешки.

– Дежурствами начальство заколебало, личного состава не хватает.

– А я всё думаю, чего это он на село подался!..

Торопиться здесь не было принято. Анохин едва

сдерживался. Руководитель практики, он отвечал за каждого студента. Сидевшая рядом Ирина коснулась его руки. Анохин с досадой отстранился. Глуповата всё-таки барышня!.. Демонстрация отношений сейчас была особенно неуместна.

– У Баргадаевых и Голошубовых тоже проблемы, – повторил участковый и расстегнул на папке из кожзаменителя молнию. – Ушли вечером, до сих пор нет. Я вот чего думаю. Соберём население и прочешем ближние колки. Мало ли… – Он вопросительно смотрел на главу администрации.

Тот неопределённо шевельнул бровями, словно говорил: твоя забота, ты и решай. Участковый протянул Анохину листок:

– Вот бланк, пишите заявление.

2

– Клёво! – крикнул сверху кто-то из ребят. Сильный ветер сносил его слова. – Жмурик собственной персоной! Улёт!..

Студенты, молодые здоровые лоси, первыми выбрались из оврага и сейчас с рюкзаками и спальниками стояли у его края, дожидаясь остальных. Смотрели они куда-то в сторону.

– Виктор Иванович, встретить покойника это к неприятностям? – спросил кто-то из студенток.

Анохину впору было самому помогать, но он подал руку Ирине и тянул её вверх по крутой тропинке. Кисть у аспирантки была белая, крупная, с проступающими под ухоженной кожей лучевыми костями. Ирина, опустив глаза, смущённо, женственно улыбалась.

– Что за пораженческие настроения! – преувеличенно удивился Анохин, стараясь говорить так, чтобы не было заметно одышки. – Всё будет тип-топ. Наберём материала – машину заказывать придётся!..

Духовой оркестр они услышали ещё в овраге. Сочетание было противоестественное, дикое. Июльская буйная зелень, жадно тянущиеся к солнцу кустарник и

травы, бойкая скороговорка ручья – и печальные, теснящие сердце звуки. Путь в Михеевку через овраг им подсказали в автобусе, так было короче. Угораздило, подумал Анохин. Вот как бабы Зоино село встречает!..

По улице с одноэтажными панельными и тёмными брусовыми домами медленно двигался грузовик. Его борта были опущены, посередине кузова стоял обтянутый красной материей гроб. За грузовиком шли подростки с горящими на солнце трубами и играли, старательно надувая щёки. Странно, но ни в кузове, ни за грузовиком родни и провожающих видно не было. Венков, как это принято, тоже никто не нёс.

– Одинокий какой-нибудь человек, – вполголоса предположила Ирина, как и всё последнее время, стараясь держаться рядом с Анохиным. В голосе аспирантки слышались исследовательские нотки. – Не по традиции обряд, неправильный… Ребята, прекратите, наконец, имейте уважение хотя бы к смерти! – несердито, по-другому у неё не получалось, сказала она студентам.

Те, посмеиваясь, смотрели на Димку Побочного. Димка, закатив глаза и втянув щеки, прижимал к груди крест-накрест сложенные руки со сжатыми кулаками. Напоминало это трафаретку на трансформаторной будке. «Всё ещё так далеко от них!..» – с неясным чувством подумал Анохин.

То, что произошло следом, заставило его лишь усмешливо повести головой. Покойник, профиль которого виднелся в гробу, вдруг сел, опёрся руками на обтянутые кумачом края и крикнул музыкантам:

– Без туфты! Всё по правде, как на самом деле! А то хрен вам, а не деньги!..

Студенты хохотали, Димка Побочный свалился на траву и дрыгал ногами в стретчевых джинсах.

– Похоже, у здешнего народа с выдумкой всё в порядке. Фольклор должен быть богатый, – смутилась Ирина. И опять это получилось у неё мило, женственно.

Второй раз грузовик с гробом они увидели уже возле сельской администрации. Её здание было приметно издали – над крышей трепетал на крепком ветру три-

колор. Судя по всему, Михеевка в советские времена была центральной усадьбой совхоза, село немаленькое, но народа на улицах почти не было видно. На редких встречных Анохин, посмеиваясь над собой, смотрел, тем не менее, пристально. Вдруг родня?..

Во внешности главы сельской администрации он тоже пытался отыскать нечто знакомое. Нагруженные рюкзаками и спальными мешками студенты остались на просторном крыльце, а Виктор Иванович сидел в кабинете с анодированным двуглавым орлом на стене и рассказывал о целях фольклорной практики. Глава, его где-то возраста мужчина – узколицый, полуседой, с быстрыми глазами, – понимающе кивал, озабоченно хмурил брови. Об экспедиции ему уже сообщили из района. Он оглянулся на окно, за которым медленно проплывал грузовик с гробом.

– Обряды нужны, говорите, песни? Тогда Серёга Дыбов вам в самый раз. Помещик наш.

– Помещик?.. – Анохин тоже посмотрел на окно.

– Ну, фермер. Сейчас ещё ладно, никто не причитает. А то наймёт старух, те сядут вокруг, плачут, какой, дескать, был хороший. А Серёга лежит в гробу, довольный!.. И так кругами по селу, пока не надоест. Прямо как сейчас.

– Любопытно… И часто это у него?

Глава помолчал, слушая траурную музыку.

– А ничего играют, верно? Наша клубная самодеятельность, между прочим, я нашёл им специалиста… Ну, не так, чтобы очень. Но раза три-четыре в году однозначно. Это когда Серёга запивает. – Глава администрации вдруг подался вперёд и, оглянувшись на соседнюю комнату, где находилась секретарь, приглушил голос: – Анекдоты тоже собираете? Частушки с картинками там, мужские всякие поговорки? А то у меня есть… – И подмигнул. – Ладно, устраивайтесь, я Лидии Степановне сейчас позвоню.

Директора школы пришлось подождать. Когда эта Лидия Степановна появилась, стало ясно, задержалась она не случайно. Вид у женщины был недовольный. Во время фольклорных практик Анохину приходилось

сталкиваться с разными директорами школ и заведующими клубами – обычно туда определяли студентов на постой. Одни старались во всём помогать, вспоминали собственные студенческие годы, заискивали перед горожанами. Другие относились сдержанно, сухо, если не сказать, враждебно. Почему – неизвестно.

Лидия Степановна, похоже, принадлежала к последним. Это была рыхлая женщина с белёсым стелящимся пухом на щеках.

– Здравствуйте, – чётко выговаривая каждую букву, ответила она на приветствие Анохина. – Предупреждаю, в помещении школы не курить, спиртные напитки не распивать!.. Вы старший? Ваша фамилия?

Анохин представился. Директор школы достала блокнот и записала. Повисла неловкая тишина.

– Сейчас будут брать отпечатки пальцев… – вполголоса сказал Димка Побочный.

– Не умничай! – одернула Лидия Степановна, поворачиваясь всем телом к нему. – Я не обязана вас принимать!

Её следовало бы осадить, но Анохину не хотелось начинать с этого отношения. И то сказать, какому администратору понравится, когда на голову сваливается такая орава. Незваный гость, как известно… Не отказала – и на том спасибо.

– Пошли, – махнул он студентам, направляясь вслед за директором к высокому крыльцу двухэтажной кирпичной школы.

– Какая неприятная тётка, – тихо сказала Ирина. Она догнала Анохина, подхватив с травы рюкзак своей большой белой кистью. – Какой вы всё-таки выдержанный человек, Виктор Иванович. Я бы так не смогла!..

Анохин опустил голову, скрывая усмешку.

3

Одна из несправедливостей жизни в том, что старших начинаешь понимать поздно. Когда они, зрелые люди, могут рассказать, что чувствуют и думают, ты

ещё не готов. Ты пацан со своими интересами, потом парень, интересы тоже соответствующие. А когда созреешь для понимания, бабы Зои уже нет, умерла. Ты помнишь её сухопарую фигуру, нос уточкой, то, как быстрым движением она вытирала большим и указательным пальцами уголки рта, а чем жила, что за свой век передумала – не знаешь. И никогда уже не узнаешь, хотя она родной тебе человек. Трагическое несовпадение поколений. Несовпадение зрелости, акме, как говорили древние…

День заканчивался. Здесь, на юге огромной области, белых ночей не было. Солнце зашло, ветер утих, сумерки затягивали село, делая всё вокруг невнятным, только угадываемым. Треволнения неблизкой дороги, закупка необходимого, а ещё раньше – унизительные поиски спонсоров (институтских денег на фольклорную практику, как водится, не хватало) – всё это было позади. Анохин вздохнул свободней, пружина внутри ослабла. Он старался не думать о том, что вся работа, собственно, впереди. Неспешно шёл по улице, смотрел на освещённые окна, на чёрные, по-особому плотные в густеющих сумерках палисадники.

Липы, наверно, баба Зоя помнила. Старые. Они да ещё, пожалуй, церковь из тех времен – по виду, недавно восстановили. А всё остальное знать не могла. Дома наверняка другие, водонапорной башни не существовало по определению, нынешних клуба и школы не было тоже. Были толчки телеги на комьях застывшей грязи, запахи лошадей и дёгтя от ступиц, стыд, злорадные лица вокруг, обида. Люди доверчивы, им показали на таких, как бабы Зоина семья, мол, кровопийцы, кулачьё, виноваты во всех бедах – они поверили. Из мстительной зависти плевали вслед и швыряли комьями мёрзлой земли. Хотя чему было завидовать, знали бы о будущем высылаемых – плакали бы. Всё-таки люди.

«Не знаю даже, где дом бабы Зои стоял. Не расспросил…».

Анохин возвращался к школе, проводив Анатолия Григорьевича – так звали главу сельской администра-

ции. Тот заходил посмотреть, как устроились. В общем, лучше, чем можно было ожидать. Директор школы открыла два класса, один для ребят, другой для девчонок. Анохину дала ключ от учительской, где имелись телефон и диван. Такого подарка Анохин не ожидал, он готов был расположиться со студентами. Хорошо и то, что Лидия Степановна разрешила пользоваться школьной столовой – будет, где готовить. Директор оказалась не такой уж и суровой. Резкие смены настроения. Менопауза?..

Глава администрации, похоже, надеялся выпить. Разговор часто прерывался, оба замолкали, но Анатолий Григорьевич всё не уходил. Выпить для налаживания контакта следовало бы, но Анохин в экспедициях устанавливал сухой закон, в том числе для себя. От кофе же глава решительно отказался: не надо, не надо, и так женщины на работе запоили!.. О прошлом Михеевки он знал мало, был не здешний, в середине восьмидесятых приехал после сельхозинститута по направлению. Когда Анохин попытался выяснить, много ли в селе старожилов, скучно заметил, что надо обратиться к секретарю, все списки у неё. А если требуются довоенные документы, это в районный архив.

Насчёт архивов Анохин не обольщался. Широко открытые в перестроечные годы, многие фонды опять стали недоступны. В том числе те, что были связаны с репрессированными. Да и не нужны ему были сейчас архивы.

– А зачем вам наши старожилы? – спросил глава. – Обычаи помнят, фольклор разный – потому?

– Это тоже. – Анохин провёл ладонью по полированному столу учительской. За время каникул тот припал пылью, сделался тусклым. – Моя бабушка из здешних мест. Вдруг родственники найдутся.

– А как бабушкина фамилия?

– Гостюхина.

Анатолий Григорьевич подумал.

– Нет, не знаю.

Чтобы оживить вялый разговор, Анохин напомнил, улыбаясь:

– Так что насчёт частушек с картинками?.. Обещали.

– Ну, это надо под настроение… – Отведя глаза, глава поднялся с дивана. В его движениях, в отведённом взгляде чувствовалась сдержанная досада. И Анохину ещё раз подумалось, что Анатолий Григорьевич рассчитывал выпить. – Потом как-нибудь. Баян опять же…

Но несколько частушек по дороге всё-таки вспомнил. Правда, они были без «картинок», и Анатолий Григорьевич их не спел, а продекламировал. «По деревне мы идём, / В том конце воротимся. / На сарае девки спят, / Ночевать попросимся». Один из многочисленных вариантов распространённого сюжета. «Хорошо тому живется, / У кого одна нога./ Тому пенсия дается,/ И не надо сапога». Эта частушка встречалась реже, её глава слышал ещё в детстве, от отца. Тот был инвалидом войны, пел, можно сказать, про себя.

– О войне отец не рассказывал, – заметил Анатолий Григорьевич таким голосом, словно извинялся за эту глупость, частушки, и за то, что вспомнил их. – Я был пацан, мне интересно. Подвиги там, героизм, а отец – молчок. Отстань, говорит. Когда и по шее даст, если очень приставал.

– Что вспоминать… Узаконенное убийство. Бойня.

Глава администрации на это промолчал, развивать тему войны в таком ключе не собирался. Он сорвал ветку черёмухи в палисаднике, мимо которого проходили, и спросил, отмахиваясь от комаров:

– Вы что, специально в Михеевку приехали? В смысле, о родственниках узнать?

Анохин ответил не сразу.

– В какой-то мере.

Не зная того, Анатолий Григорьевич затронул потаённое, главное, больное. Можно было бы фольклорную практику провести где-нибудь и ближе к их северному городу, не портить отношений в деканате. Но в последние годы Анохин всё настоятельнее чувствовал необходимость побывать на родине бабы Зои, увидеть, точнее – почувствовать места, где та выросла, откуда пошёл

их род. Словно это могло дать ответ на нечто важное. Анохин не совсем понимал, что за этим стоит, но потребность такая была, и острая. Расставить акценты?..

Сумерки, тишина, неторопливое движение по выложенной светлыми бетонными плитами улице располагали к доверительности.

– Странно, я своей жизнью обязан коллективизации, – сказал Анохин. – Не было бы её, и меня не было бы.

– Как это?

– Я не всё вам сказал. Семью бабушки раскулачили, сослали на Север. Мать уже там родилась. Разве встретились бы родители, если не коллективизация, не сослали Гостюхиных?..

– М-да, – неопределённо отозвался в сумерках глава.

Не понимает, подумал Анохин. Он и сам по-настоящему, остро осознал это не так давно. Коллективизация ещё не всё. Нужно было, чтобы первый муж бабы Зои погиб в начале войны, и она сошлась с занесённым в деревню комиссованным солдатом, от которого и родилась мать. Не случись войны и коллективизации, всё было бы сейчас другим. И Михеевка, и его нефтяной город, и страна. Другие, не родившиеся, люди жили бы, и не существовало бы большинства тех, кто живёт теперь. Война, раскулачивание перемешали, переварили всё в беспощадных котлах, корёжили судьбы, с кровью рвали прежние связи. Но и завязывали новые, которых никогда не было бы, пойди история иначе.

Думать об этом странно, желать, пусть задним числом, кощунственно, но ныне живущие должны быть благодарны, что всё произошло именно так. И мясорубка войны, и бесчеловечное раскулачивание, а если заглянуть глубже – и ордынское нашествие, и княжеские междоусобицы, и Пётр Первый, ломавший страну через колено, и многое другое, чем наполнена история. Всё это нужно было для того, чтобы родился именно ты и живущие теперь люди. Дикость, бред, а тем не менее.

– Какая всё-таки странная жизнь, – сказал Анохин. – И жестокая.

Анатолий Григорьевич внимательно посмотрел на него и не ответил.

– Пришли, – заметил он у дома с ярко освещёнными окнами, похоже, стеклопакетами. Как и полагалось дому у человека при власти, выглядел тот солидно. – В случае чего, обращайтесь. – И глава администрации скрылся за калиткой.

Анохин ещё прошёлся по селу. Людей, как и днём, на улицах почти не было. Горьковато пахло огородами и остывающей к ночи листвой из палисадников. Наверно, так же было и в бытность бабы Зои. Ещё помыкивание коров из стаек, звучные удары молочных струй в подойники, запахи болтанки для коров, оседающей дорожной пыли...

От школы слышался треск мотоциклов, и видны были рубиновые огоньки стоп-сигналов. Кирпичные стены мазал свет фар. Обычная история, местные пришли знакомиться. Чем в итоге обернётся ситуация, дружбой или дракой, предугадать было трудно.

– Что скажете, парни? – спросил Анохин, подходя и стараясь, чтобы его голос прозвучал в меру строго, но и доброжелательно.

Ближний к нему подросток повернул ручку газа, мотоцикл взревел.

– А ты кто такой?

– Вообще-то к старшим обращаются на «вы».

– Это он от застенчивости, – со смешком вмешался Димка Побочный, который, оказывается, находился среди мотоциклистов. – Они нормальные ребята, Виктор Иванович. Аборигены. Приглашают наших девчонок на дискотеку.

Ни на слова о застенчивости, ни на «аборигена» подросток не обиделся. К нему и к Димке Побочному, опустив с обеих сторон мотоциклов на землю ноги, стали съезжаться остальные здешние парни. Коммуникабельный человек, подумал о студенте Анохин. Практика у него должна пойти хорошо. Но и глаз да глаз за таким нужен.

– Ладно, Димон, выступать!

– Конкретно говорю.

– Не гони пургу, хрюндель!..

– На дискотеку? Это, конечно, можно, – сказал Анохин, стараясь не упускать инициативы, это было важно. – Но не сегодня, мы с дороги… Дима, что это у тебя?

Мотоциклисты радостно заржали. Почти у каждого в руках была банка с пивом. Как они при этом умудрялись управлять мотоциклами, оставалось загадкой.

– Всего лишь пиво, Виктор Иванович. – Голос Побочного звучал невинно. Он продемонстрировал бутылку, которую держал за спиной. – Безалкогольный напиток, минздрав ничего не имеет против. Честное слово!..

Анохин направился к крыльцу школы. Выйти из разговора тоже следовало вовремя.

– Ладно, потом поговорим… Напоминаю, в одиннадцать отбой.

Молодёжная субкультура, своя табель о рангах. Со временем большинство придёт к общепринятому, станут нормальными скучными взрослыми. А пока сленг, сходная манера поведения, престижная в их среде одежда (они говорят, прикид) – стремление быть в стае своим, потому что непохожим приходится туго. И осуждать нельзя, сам был молодым, хотя от некоторых вещей коробит. Зэковские лексемы на каждом шагу, сидение на корточках, мат от девчонок, назойливые «как бы», «короче», «на самом деле». И это повальное увлечение пивом, банка или бутылка в руках как система опознавания свой-чужой. Многое, конечно, от комплексов, от неуверенности, от подспудного страха перед взрослой жизнью – понять, в общем, можно.

Анохин усмехнулся. «Что-то я стал всех в последнее время понимать… Возраст, клыки поизносились?».

– Ой, как хорошо, что вы пришли! – обрадовалась аспирантка Ирина, выглядывая из отведённого девчонкам класса. – Жареную картошку будете? – И оглянулась, окликнула кого-то в классе: – Ты куда дела спальник, Даша? Найди, солнышко, Виктора Ивановича будем кормить!

Ей ответили что-то невнятное. Похоже, там были заняты разговором через открытое окно с мотоциклистами.

– Дашуля, лапонька, скоренько!.. – Это уже было сказано с игривой капризностью.

Анохин в очередной раз отметил, Ирина кокетничает не только с ребятами, но и с девчонками. Тоже, наверно, форма защиты – неопределённый статус, не студентка и не преподаватель, чужая тем и этим. А может, просто избыток женского начала, особый талант. Или бисексуалка, что сейчас не редкость. Но важно другое: всего-то на несколько лет старше, а уже не как остальные, внимание и забота о руководителе практики. Пусть небескорыстные, но тем не менее.

– Это где же вы картошку раздобыли? Старой ни у кого не должно остаться, для новой рано.

– У нас рано, а здесь… Дашуля, осторожно, умоляю, перевернёшь!.. – Ирина опрометью бросилась обратно в класс.

Через минуту она стояла в учительской с пластиковой миской в руках.

– Почти пюре, Виктор Иванович, с молодой картошкой всегда так!.. Зато тёплая, в спальнике пришлось держать. – Аспирантка засмеялась, опустила миску на стол и огляделась. – Как хорошо у вас, Виктор Иванович!.. Даже нормальный стол есть. Можно, я буду здесь обрабатывать материал?

– Не вопрос.

– Защита на носу, а у меня ещё конь не валялся, – сочла необходимым пояснить она извиняющимся голосом.

– Не прибедняйтесь, Ира, кое-что у вас есть.

– Только благодаря вам. Вы мне так помогли, Виктор Иванович!..

– Прямая обязанность научного руководителя.

– Если бы не вы… Я вам не знаю как признательна!..

Эти взгляды, постоянное стремление находиться рядом, как бы случайные прикосновения… Аспирантка взрослая женщина, он ещё не старый мужчина – почему бы и нет? Но сейчас, в Михеевке, это было совер-

шенно ни к чему, мешало. Всё в Анохине теперь было настроено на другое. Тем не менее он сказал:

– Скромность прекрасное качество, Ира. Но жизнь слишком коротка, чтобы долго быть скромным, По крайней мере, так считали древние полинезийцы.

Девушка с готовностью засмеялась:

– Древние полинезийцы, прекрасно!.. Такой хороший вечер, Виктор Иванович. Может, посмотрим село?

– Обязательно. Но завтра.

– Ловлю на слове!..

Поужинав, Анохин выключил в учительской свет, достал мобильник и набрал домашний номер. Представил, как жена, отложив баночку с кремом, потянулась от туалетного столика, взяла трубку. Она уже в ночной рубашке, готовится спать – жаворонок, всегда ложилась рано. Приглушённый свет бра, будничное лицо немолодой интеллигентной женщины.

– Да, Витя. Что-то случилось?

Лёгкое удивление, сегодня он уже звонил.

– Всё нормально. Как вы?

Анохину не хотелось, чтобы жена подумала, что он рад – вырвался из дома. Отношения у них были хорошие, ровные, но в фольклорные экспедиции Анохин уезжал с удовольствием. Не только потому, что полагалось по службе. Время, когда они жили в балке на окраине, топили буржуйку, носили воду из колонки и не могли друг без друга, давно прошло. Но показывать это было бы неправильно, Людмила подобного не заслужила.

Однако не это сейчас было главным.

– Настя где? Дома? – Анохин задержал дыхание.

– У девчонок, они в клуб собрались, – легко ответила жена. – Знаю, как ты к этому относишься, но мы не можем лишать её развлечений. Она молодая, согласись.

Эта необязательность тона, за которым понимание своей вины и в то же время желание усовестить его за излишние страхи.

– Люда, я тебе тысячу раз говорил, нечего ей в этом клубе делать!.. – Хотелось сказать резкость, но Анохин сдержался. Смешно ругаться по телефону.

Жена заторопилась, быстро перевела разговор на другое:

– Да, совсем забыла. На конкурс подал документы некий доктор филнаук по фамилии Нечипаев. Схватки под ковром предстоят нешуточные. Говорят, он хороший знакомый проректора.

Анохин промолчал. Да бог с ним, этим конкурсом!.. В жизни существовала масса вещей, на которые не стоило обращать внимания, но к дочери это никак не относится. Анохин за неё боялся – до паники, до судорог. Семнадцать лет, домашняя, милая, глупая – всё может случиться. У ночного клуба была дурная слава, там кололись в туалетах и нюхали, там же трахались. Это несмотря на регулярные рейды полиции.

– Витя, ты слышишь меня?

– Нечипаев так Нечипаев, – сухо сказал Анохин. – Одним претендентом больше, одним меньше.

– Тебе это неинтересно? – удивилась Людмила. В голосе сквозило осуждение. За почти двадцать лет совместной жизни она стала не столько женой, сколько коллегой и другом. – Ты давно заслужил кафедру, Витя! А что касается докторской, так это дело времени. Вспомни Веретенникова. Если уж он...

То, что жена ставит его на одну доску с пронырливой бездарью Веретенниковым, было досадно и неприятно.

– Ладно, Люда, потом. Я сегодня набегался, спокойной ночи.

Анохин распахнул окно. Мотоциклистов во дворе школы уже не было. На крыльце курили, слышались голоса и молодой смех. Анохин смутно удивился: на небе были звёзды. Из-за белых ночей в их северном городе звёзд сейчас не видно. Чтобы успокоиться, несколько раз глубоко вздохнул и закрыл окно. Комары. Не включая света, прошёл к дивану.

Хватит либеральничать, надо всё жёстко поставить на свои места. Пусть жена и дочь считают его самодуром, потом поймут. Молодость опасное время. Ломка стереотипов, тяга к новому, в итоге движение цивили-

зации, если уж по большому счёту, – всё так. Но как легко в молодом стремлении к неизведанному стать тем же наркоманом. Частный случай, но от этого не легче, если подобное произойдёт с твоим ребёнком. Перевод стрелок в тупик, деградация и гибель. Молодость не в состоянии понять скрытых угроз, пусть и звучит это расхоже.

Когда-то он прочёл научно-фантастический рассказ, запомнившийся своей необычностью. Позже понял, это метафора. В отсеке командира космического корабля из другой галактики стояло нечто вроде контейнера с растением. Это был сын командира. На их планете с пятью лунами существовал обычай достигшую определённого возраста молодёжь подвешивать к деревьям. Из полных жизни юношей и девушек они превращались в субтильные вялые существа. Но это был единственный способ сохранить им разум. Те, с кем не удавалось проделать подобное, в полнолуния сомнамбулически двигались к ручьям, погружали в воду руки и прорастали в дно. Командир космического корабля вовремя не перевёл сына в состояние, позволяющее оставаться мыслящим существом. И тот превратился в растение.

Прямолинейно, наивно. Но как, чёрт побери, верно!..

4

Поход по ближним к Михеевке берёзовым колкам ничего не дал. Участковый, сменив обычную форму на камуфляж, подбадривал двигавшихся между деревьями людей. Но, похоже, сам не очень-то верил в свою затею. Это чувствовалось по его многословию и суете, никак не идущим полному телу.

Родственники пропавших сельских ребят перестали искать первыми. Негромко переговорив между собой, вернулись в Михеевку. Вскоре по дороге мимо колков пронеслась тёмная «Нива». Баргадаевы и Голошубовы, похоже, решили действовать самостоятельно. По одному принялись возвращаться в село и остальные участники поисков. У каждого находилась причина. Прочёсыва-

ющая колки цепь редела, становилась короче. Часа через полтора поиски продолжали одни студенты.

– Мы, русские, всегда так! В армии служил, несколько чурок всю роту держали. А мы каждый за себя!.. – Гена Бобров, невысокий кареглазый крепыш, презрительно смотрел вслед уходящим. – Почему так, Виктор Иванович?! В фольклоре сам погибай, а товарища выручай, один за всех и все за одного! А на деле…

Анохин среагировал не сразу. Колок занимал скат холма, отсюда, с возвышенности, хорошо были видны и улицы Михеевки, и заслоняющее крыши зелёное кипение июльских деревьев, и окрестные поля. О том, что на них не так давно что-то выращивали, можно было лишь догадываться. Сейчас почти всё пространство вокруг села заполонила сурепка, её ярко-жёлтое пространство подбиралось к крайним домам, окружало село едва ли не со всех сторон. Лишь кое-где угадывались ряды картофеля, издали кажущиеся игрушечно-красивыми, и полосы дымчато-зелёной пшеницы.

Анохин сдержал вздох. Для него, выросшего в деревне, видеть подобное было непривычно, диковато. Но и то правда, ничего постоянного не существует. Время смывает не только совхозные поля. Наверно, когда-то здесь стояла тайга, Михеевки в помине не было. Звери рыскали в чащобе, коршуны, словно распятые, висели в небе, время будто застыло. Казалось, навсегда. Но, громоздя с Уральских гор морену, надвинулся ледник, смял тайгу, выморозил и омертвил всё вокруг. Люди в звериных одеждах кочевали по тундре, охотились на мамонтов – и тоже казалось, что это навеки, так будет всегда…

– Виктор Иванович, что вы молчите? Почему так получается? Почему русский народ организоваться не может? Сам, а не варягов ждать, чтобы пришли и нас построили. Фольклор, выходит, одно, жизнь – другое!..

Анохин оторвал взгляд от полей. Его и самого занимала противоречивость, а порой и откровенное несоответствие паремий реальности. Но сейчас рассуждать об этом не хотелось.

– Спроси что-нибудь полегче, – сказал он, устало опускаясь на пень.

Даже здесь, под деревьями, было жарко. Хотелось пить. На редкой траве застыли жидкие, в солнечных пятаках тени от берёз. Вести сейчас серьёзные разговоры никакого желания не было, но, чтобы не ударить в грязь лицом перед студентами, Анохин добавил:

– А может, пословицы это ещё и нравственный ориентир в народном сознании? То, что должно быть, к чему следует стремиться? Не думал?

Бобров загорячился:

– Да ладно, Виктор Иванович! Вы на лекциях сами говорили, фольклор это народный опыт, выработанный веками. Цитату из Потебни приводили, типа, пословицами становится то, с чем народ абсолютно согласен, что прошло через слои его понимания. Даль о том же говорил. Горький вообще считал, не литература, а фольклор точнее всего отражает жизнь. Не о нравственных ориентирах речь, Виктор Иванович, бросьте!..

Ох уж эти отличники. Даже полузабытого Горького знает. Особенно въедливо допытываются те, кто кое с каким житейским опытом – работали до института или в армии служили. Но отвечать Анохин не стал – к ним, глухо похлопывая берёзовым прутом по просторным камуфляжным штанинам, приближался участковый.

– Всё под контролем, всё нормально! – бодро заявил он. – Здесь не обнаружили, значит, больше шансов в другом месте найти. Отрицательный результат – тоже результат. Верно, девчата?

Студентки отводили глаза, вяло пожимали плечами. Они тоже устали на жаре.

– Кстати, что он из себя представляет, этот ваш Побочный? Как его охарактеризуете? С кем дружил, чем интересовался?

– Нормальный парень… Прикольный, – неохотно сказала круглолицая хантыйка Света Кунина.

Участковый пытливо прищурился – он, похоже, подражал какому-то персонажу из милицейского телесериала.

– Неформальный лидер, я правильно понимаю?

Света промолчала, вместо неё ответила Даша Калинникова:

– Можно и так сказать. – Она смотрела на участкового на удивление ясными чистыми глазами. – Димка неординарный человек, об этом не только на факультете – все в универе знают.

– М-да, жизнь у таких бывает яркая, но ухабистая, – глубокомысленно изрёк полицейский. – И частенько, короткая.

Девчонки молчали, а Бобров упёрся в участкового взглядом.

– Вы так говорите, будто мы труп ищем!

Участковый выпрямился, его лицо стало отчуждённым:

– Вот этого не надо! Я ничего такого не говорил. Я считаю, человек не мог пропасть бесследно, зацепки должны быть. Не так, что ли?

– Почему надо искать здесь, а не в деревне? Вы людей опрашивали? – не уступал Бобров, его карие глаза смотрели зло.

Участковый не сдержался:

– Ты что, учить меня вздумал? Проверяешь?

Анохина тоже раздражал не очень умный полицейский, но дать разгореться страстям было нельзя. Участковый и Бобров почти одного возраста, а конфликты между такими возникают на ровном месте. Тем более, если девчонки рядом.

– Хватит, успокоились! Не время выяснять отношения. Я вот что думаю. А если с собакой попробовать искать?

На мгновение лицо участкового стало неловким.

– Кинолог в райотделе работает за деньги.

– То есть?

– Оплачиваете услуги – приезжает с поисковой собакой.

Анохин задержал на участковом взгляд. Впрочем, сейчас всё что угодно может быть. Рынок.

– Хорошо, я оплачу. Вызывайте.

– Погодите, у меня ещё одна версия, – полицейский оживился. – Как там французы говорят, шерше ля фам? Вот и мы отработаем этот вариант, будем искать женщину. Есть кое-кто на примете…

Участковый повёл плечами, взявшись за мягкий козырёк, поправил пятнистую камуфляжную то ли фуражку, то ли кепку. Похоже, полевая форма придавала ему уверенности, заставляла чувствовать себя ловким и удачливым.

– Значит, так. Студенты возвращаются в село, а вы пошлите со мной. Если хотите, конечно.

– Хочу, – сказал Анохин.

5

Первый день практики сложился на редкость удачно. Ирина оказалась права, фольклор в Михеевке был богатый. В живых ещё оставались бабушки, которые помнили свадебные песни и похоронные причитания, различные приметы, пословицы и загадки. А уж частушки, приличные и с «картинками», были коньком михеевских жителей.

Особенно повезло группе, с которой ходила Ирина. Вернувшись в школу, студентки показывали друг другу записи и прыскали. Просматривая их дневники, Анохин отмечал другое. Конечно, любовь, ревность, насмешки над недотёпой ухажером или глупой девицей, солёное словцо, ёрничание – то, что всегда было в жизни и всегда будет.

Анохин находил своё. «Надоели нам бараки, / Надоели коечки, / Ещё пуще надоели / Лесозаготовочки». «Ой, колхоз, колхоз, колхоз, / Тяжёлая работушка. / Хлеба нету, есть охота, / Дай аванса, тётушка!». Но тут же: «Наша песня всюду льётся, / С ней и труд идёт смелей. / Нынче весело живётся, / Завтра будет веселей». «Наша Таня молодчина, / Трудовым горит огнём, / Успевай носить бидоны, / Вмиг наполнит молоком!»

Одни частушки действительно народ придумал, другие сочинены самодеятельными стихотворцами по заказу начальства. Но ведь сохранились, запали людям

в память и те, и эти. Не так уж, получается, всё безысходно было при колхозах, ради которых, собственно, и затеяли раскулачивание, если даже казённый оптимизм не отторгнут, как инородное тело. Может, потому, что невозможно только о тяжёлом? Сознание народа противится, губительно это для нравственного здоровья, необходимо и о бодром, хорошем.

Или всё глубже? Двойственно оно, народное сознание, необходимы ему и кнут, и пряник? Делам Ивана Грозного ужасается интеллигенция, а в народной памяти царь остался чем-то вроде божьей кары – значит, и сам почти как бог. Или Сталин, этот «эффективный менеджер» на чужих костях…

Заиграл телефон. На дисплее «Настя». Наконец-то!..

Хотелось тотчас нажать клавишу приёма, стремительно прижать трубку к уху. Но Анохин сдержал себя, проделал всё не спеша.

Могла бы позвонить и раньше. Дочь должна понимать, он беспокоится, Людмила наверняка передала.

– Слушаю тебя, – сказал Анохин сухо.

– Мапуля, не сердись! Это я.

– Слышу.

– Ну, извини, пожалуйста! Я только что проснулась.

– Что так рано?

– Не издевайся, мапуля!..

При первых же словах дочери Анохин почувствовал, как в груди повернулся ласковый зверёныш. Он ждал этого звонка и только для того, чтобы заглушить тревогу и отвлечься, засел за дневники. Теперь, стараясь быть иронично сдержанным, уже не думал о дурной славе ночного клуба и о своём запрете ходить туда. Главное, с дочерью всё хорошо, он слышит её голос.

Настя торопилась:

– Вчера так клёво было!.. Мы с девчонками до четырёх часов тусовались, в клубе классно, это всё ерунда, что говорят. Потом на набережную пошли, там круги нарезали…

– Комаров кормили, – вставил Анохин. Даже молодёжный сленг сейчас не раздражал.

– Не ехидничай, пожалуйста!..

– Разве я ехидничаю? Констатирую факт.

Он был безумным отцом. Пожалуй, единственное, что делала жена, это кормила новорождённую грудью. Менял подгузники, мыл, поднимался к дочери ночью, бессонно ходил с ней по тёмному балку, пристроив на сгибе локтя, объяснял картинки в детских книжках, а позже и читал их, учил кататься на велосипеде и многое другое – всё делал он, Анохин. Маленькая Настя путалась, называла его мапой. Она и сейчас, когда надо было подлизаться, так обращалась.

В своей любви к дочери Анохин переставал понимать обычные вещи. Потребовалось вмешательство жены, чтобы он лет в десять прекратил мыть Настю. «Витя, ты с ума сошёл! Она вот-вот девушкой станет, а ты за ней в ванную!..» – «Ну и что? – не понимал Анохин. – Она мой ребёнок». – «А ты не замечал, что она стесняется тебя? Ты мужчина». – «Я отец, а не мужчина». Но мыть дочь после этого разговора он всё-таки перестал.

Людмила была права, с возрастом дочь менялась, и не только внешне. Она понемногу отдалялась от него, становилась ближе к матери. И подружки занимали всё большее место в её жизни. Если бы Анохину сказали, что он ревнует, он бы усмехнулся. Умом понимал, это неизбежно, вспоминал себя в подростковом возрасте, когда друзья становились важнее родителей, но душой смириться с этим было невозможно. Классе в восьмом дочь опять потянулась к нему, стала почти прежней Настей, однако где-то параллельно маячили мальчики, школьные дискотеки, шушуканье с матерью, а сейчас ещё и этот клуб…

Он затягивал разговор, но Настя поняла, что прощена и быстро закончила. На телефоне, дескать, кончаются деньги. Некоторое время Анохин сидел молча. Дочь позвонила, это хорошо, однако он не мог избавиться от ощущения: Настя что-то недоговаривает. У неё опять какая-то тайна. Пора было бы уже к этому привыкнуть, но не получалось.

В учительскую постучались. Ирина.

– Виктор Иванович, посмотрите, какая прелесть! «Сел воевода на колоду да бултых в воду. Уж он мок-мок, уж он кис-кис. Вымок, выкис, вылез, высох, сел на колоду – бултых в воду! Уж он мок-мок, уж он кис-кис…» Изумительно!

Переключиться сразу на окружающее было невозможно, потребовалось время, прежде чем Анохин хмыкнул:

– Смотри-ка, сохранилась. Эта докучная сказка есть в сборнике Афанасьева.

– Правда? А я думала…

– Не расстраивайтесь, найдёте и оригинальное. Кстати, – сказал Анохин, оживляясь, – вот вам и тема для статьи. Сравнительный анализ фольклорных жанров, переживших время и присущих определённому периоду в истории народа. Читал дневники, пришла такая мысль. Название сырое, но рациональное зерно есть. Вам нужны публикации, Ира.

– Ну-у, это слишком серьёзно. Это на докторскую тянет, – вытянула губы трубочкой аспирантка. Получилось это у неё мило, подкупающе, почти по-детски. – А я, как вы знаете, Виктор Иванович, всего лишь скромный соискатель звания кандидата.

– Так уж и на докторскую. К тому же у вас есть научный руководитель, готовый подсказать и помочь.

– Ой, Виктор Иванович, вы такой!..

Всё-таки она переигрывала. Вся как на ладони. Звёзд с неба не хватает, но в школьные словесники не пошла – в институте преподавать престижней. Нужно лишь сочинить диссертацию и защититься. Ради этого готова на многое, судя по всему, не очень-то принуждая себя. Другое поколение. Представление о незыблемых, казалось бы, вещах у них тоже другое.

– Виктор Иванович, вы обещали прогулку по селу. Не забыли?

– Это когда же я обещал? – Анохин сделал удивлённое лицо.

– А вчера, когда мы сюда приехали! – подхватила

игру аспирантка. – Нехорошо обманывать доверчивую девушку. Негуманно.

– Неужели?..

Ирину следовало держать на расстоянии, своей откровенной готовностью она сбивала настрой, отвлекала от главного. Но Анохину самому тоже хотелось пройтись по селу. Засиделся за дневниками, да и вечер хорош.

– Ну что ж, пацан сказал – пацан сделал.

Аспирантка засмеялась:

– Значит, пойдём? Давайте прямо сейчас!

– Почему бы и нет? Дневные труды завершены, настало время отдохновения. Самое то, как говорят в Одессе.

Потому ли, что он уже пообвыкся в Михеевке, или оттого, что рядом был посторонний человек, но окружающее Анохин воспринимал теперь не так остро и полно, как накануне. О бабе Зое и о том, как семью раскулачивали, сейчас не думалось. Уже привычными казались и одноэтажные блочные дома вперемежку с брусовыми, и уложенные бетонными светлыми плитами улицы, и палисадники с черёмухой и сиренью. За деревьями садилось большое малиновое солнце, жарко полыхали выходящие на запад окна.

– Коровы! – сказала Ирина. – Я их боюсь!..

Навстречу неторопливо двигались бурёнки, останавливались, тупо смотрели на них. Судя по всему, пастух пригнал коров в село, а разбредались по дворам они уже самостоятельно.

– Что их бояться, безобидные существа.

– Ага, это вам не страшно, вы мужчина!..

Анохин вскользь взглянул на аспирантку. Считает, именно так должна вести себя городская жительница, видевшая коров только по телевизору. Это должно располагать к ней, добавлять милой женственности, пусть и глуповатой.

Улыбаясь про себя, Анохин стал рассказывать о Ягодном, о коровах, которых никто не пас, они бродили в лесу сами по себе. Случалось, их задирал медведь, бабы Зоина Милка однажды тоже не вернулась домой.

Дед с мужиками выследил косолапого. Малолетнего Анохина в тайгу не взяли, но освежёванного зверя он всё-таки увидел. Без шкуры медведь походил на голого человека, и эта беззащитность запомнилось.

– Так вы с дедушкой и бабушкой жили? А как же родители?

– У меня был отчим.

– Конечно, дедушка с бабушкой ближе… Родители развелись?

Анохин промолчал. Рассказывать, что мать родила его до замужества, не хотелось. Теперь такое не редкость, но в детской памяти засело осуждающее лицо бабы Зои. «Доночевалась! – попрекала она дочь. – Байструка принесла!..» – «Не шкварчи, – урезонивал её дед Саша. – Это у вас, кулаков, не полагается, а у других нормально. Чей бы бычок не прыгал – телёнок наш!» И взлохмачивал левой рукой маленькому Вите голову.

Деда комиссовали в сорок третьем, родные места находились в оккупации, и он поехал в сибирскую деревню с хорошим названием. Туда приглашало письмо, оказавшееся в посылке на фронт с кисетом и варежками. По приезде выяснилось, в Ягодном его никто не ждал, но угол нашёлся, а председатель колхоза был рад каждому мужику, пусть даже тот без руки. Общительный демобилизованный сдружился с таким же инвалидом из соседней старосельческой деревни, а там не считалось зазорным, если девушка рожала без мужа – дело молодое. У местных парней и девчат принято было вместе ночевать, порой – с последствиями. Нравы соседних деревень постепенно смешивались, молодёжь была в этом первой.

– В наших старосельческих деревнях существовал любопытный обряд. Запоминайте, Ира, может пригодиться. Прежде чем заслать сватов, в дом девушки на выданье приходила самая уважаемая женщина из родни жениха. И обязательно садилась под главную матицу. Это был знак. Разговоры могли вестись самые обычные, малозначащие, о главном – ни слова, но садятся под главную матицу неспроста, все это знали. Договаривались увидеться через три дня. За это время

собирался совет из ближних родственников. Прикидывали, кто может быть жених. Вычисляли, как правило, безошибочно. Обсуждались в подробностях не только семья сватов, но и их хозяйство – это обязательно...

– Совет в Филях, – усмехнулась аспирантка.

– Почти. Подсчитывалось, сколько семья держит скотины, где покос, какой огород – родня входила во все мелочи. Вплоть до того, далеко ли до колодца. А то чего нашей, скажем, Нюре жилы рвать, за три дома ходить за водой. Пусть сначала свой колодец выкопают, а уж потом свататься приходят.

– Переборчивые какие. Будто принцессу замуж отдавали.

– Родню понять можно. Хотели, чтобы молодой жилось не слишком тяжело – своя всё же…

Анохин помнил, как приходили сватать мать, ему уже было пять лет. Вот уж когда баба Зоя отыгралась. Всё ей в женихе и его семье не нравилось. Теперь Анохин понимал: бабушка защищала мать, не вздумайте, мол, попрекать Витькой. Она никак не могла смириться с местными обычаями.

– Так вот, мой отчим был из Ленинграда. Его к нам ребёнком во время блокады эвакуировали. Усыновила бездетная семья. Отчим потом уговорил маму уехать в Ленинград. Мне там не понравилось – вокруг камень, деревьев нет, разве что в Летнем саду. А я всё-таки на природе вырос. Упросил отвезти меня назад в Ягодный.

– Променяли Петербург на деревню…

– Каждому своё. Да и как – променял? Учиться всё равно в городе пришлось. Институт имею в виду.

Он подыгрывал Ирине, посмеиваясь про себя над курьёзностью ситуации. По извечным лекалам соблазнения теперь она должна была рассказать о себе. Доверительно, с деталями, о которых не пишут в автобиографиях. Цель всё та же – расположить, заручиться поддержкой и покровительством на будущее. А чтобы было прочней, войти в гендерный контакт. У женщины, в конце концов, не так уж много средств для достижения цели.

Рассказывать о себе аспирантка стала в кафе. Оказывается, в Михеевке оно существовало, находилось при въезде в село, у трассы. Судя по всему, хозяин держал его не в ущерб себе, рядом были припаркованы несколько легковушек. Видимо, постоянных клиентов.

– Виктор Иванович, заглянем?

Конечно, сухой закон, но нужно было соответствовать ситуации. Анохин кинул. Он взял бочкового пива, несколько пакетиков сушёных кальмаров и прошёл к занявшей столик Ирине.

– Живое, – сказал Анохин, опуская на пластик большие литровые стаканы тонкого стекла. – Сейчас всё больше баночное, с консервантами.

– Не говорите, травят людей, – отозвалась аспирантка, но вскользь, невнимательно.

Она рассматривала кавказцев за одним из столиков. Тех было несколько, время от времени к ним присоединялся кто-нибудь новый. В зависимости от статуса сидящие за столиком кому-то пожимали ладонь одной рукой, кому-то обеими. Высшая форма уважения состояла в том, что из-за стойки выходил немолодой тучный хозяин с выбритыми тонкими усиками и тоже здоровался обеими руками, слегка кланяясь и заглядывая в глаза.

Именно так произошло, когда в кафе появился Анатолий Григорьевич. Кавказцы задвигались, стали наперебой предлагать место. Глава администрации, солидно покивав, подсел.

– Уже в Сибирь поналезли, – неприязненно заметила Ирина. – Как тараканы!..

– Природа не терпит пустоты.

– Лучше свои бы обманывали. По крайней мере, деньги к боевикам не уходили бы… Виктор Иванович, почему нашу власть так легко купить? С потрохами продаётся, только дай денег!..

Общее поветрие, в очередной раз подумалось Анохину, молодёжь не любит кавказцев. Скинхеды, футбольные фанаты, националисты… Ещё недавно ничего подобного в помине не было. Не говоря уж о временах его молодости, когда процветал сплошной интернаци-

онализм. Сами кавказцы причиной? Или кому-то это выгодно, надо?..

Ничего особенного о себе аспирантка не рассказала. Городская школьница, потом студентка – всё, как у других. Была, правда, большая любовь (Ирина так и сказала, «большая любовь»), но её парень предпочёл дочь топ-менеджера нефтяной компании. Ирина его не осуждает, партия выгодная, в свадебное путешествие молодых отправили на теплоходе вокруг Европы. Шикарный круиз с известными артистами. Ну и, конечно, квартира в Москве, хорошая должность в фирме тестя… Но обидно! Она им докажет. Она тоже чего-нибудь да стоит, пусть и не дочь долларового миллионера!..

– Как живётся вам, несчастный, с товаром рыночным, после… какого-то там мрамора!.. Да, Каррары! – Ирина неожиданно быстро захмелела. – Прекрасная поэтесса, правда? Женскую душу как никто, на самом деле, чувствует!.. В смысле, чувствовала.

– Не знал, что вы любите поэзию.

– Обожаю! Душа будто на крыльях, парит как бы в небе!.. Виктор Иванович, повторим?

– Повторим. Но сначала погуляем. – Ирину надо было срочно выводить на свежий воздух.

– Обещаете?

– Пацан сказал…

– Пацан сделал! – подхватила аспирантка и громко засмеялась.

Проходя мимо столика кавказцев, она неожиданно остановилась, с пафосом продекламировала:

– Россия, мать, храни себя, храни! Не то смотри, на города твои и сёла со всех сторон нахлынули они, иных времён татары и монголы!..

Кавказцы молча, с подчёркнутым недоумением переглянулись. Анатолий Григорьевич посмотрел на Анохина. Тот взял аспирантку за локоть. Действительно, нехорошо.

– Пойдёмте, Ира, пойдёмте.

В дверях они столкнулись с Побочным, тот был с местными ребятам. Ирина цепко ухватила его за футболку.

– Дима, не ходи ты в этот гадюшник! Посмотри, кто здесь. Тебе не противно?!.

– О-о-о, – понимающе протянул Димка. Быстрыми глазами перепрыгнул на Анохина, потом опять посмотрел на аспирантку. – Клянусь, это в последний раз, Ирунчик. Чтоб я сдох! – И подмигнул Анохину.

– Дима, без глупостей. – Анохин кивнул на кавказцев. Чувствовал он себя дурацки. Как теперь требовать от других, если сам сухой закон нарушаешь?..

Побочный приложил руку к груди.

– Виктор Иванович, всё будет тип-топ. Гарантирую!

На улице было темно. Или так казалось после ярко освещённого помещения. За спиной над входом в кафе тихо гудели гнутые неоновые буквы «У Аслана». Заглавная «У» время от времени мигала.

– А не искупаться ли нам, господин профэссор?.. – забубённым голосом предложила Ирина.

Самое лучшее было отвести сейчас аспирантку в школу и уложить спать, но она ни в какую не соглашалась. «Не-хо-чу! Не хочу я домой!.. У нас романтический вечер!». Понимая, что поступает глупо, Анохин тем не менее двинулся за Ириной куда-то за село. Там, как она утверждала, есть пруд – сегодня днём видела. Не бросать же пьяную. Дёрнул чёрт зайти в кафе!..

Действительно, пруд был. Его поверхность ртутно светилась, отражая не до конца ещё тёмное небо на западе. Спускаясь в низину, Анохин лицом чувствовал попеременно наплывающие токи тёплого и прохладного воздуха. Пресно пахло водой. Ирина на ходу принялась раздеваться, всё больше, откровеннее белея в темноте телом.

– Я не готов. Без плавок.

– Оставьте предрассудки, профэссор! Будем, как Адам и Ева, никто не видит!.. Впрочем, плохо. Я чертовски хороша, можно сказать, неотразима. Никакого целлюлита, обратите ваше высокое внимание!..

Вода оказалась тёплой, приняла в себя, нежно обняла тело. «Как парное молоко», – подумал Анохин, чувствуя под ногами податливое илистое дно. И усмехнулся литературному штампу.

– Ира, не заплывайте далеко. Опасно в нашем состоянии.

Он специально сказал «в нашем», а не «в вашем», боясь задеть девушку. Но, похоже, зря – Ирина не воспринимала нюансов.

– Профэссор, кому вы это говорите! Я кандидат в мастера спорта по плаванию. Призёр окружных соревнований, блин!..

– И всё же, Ира. Пожалуйста.

– А я вообще никуда не поплыву, – отозвалась девушка. И Анохину показалось, что её голос прозвучал трезво.

Ломая едва светящуюся поверхность воды, аспирантка приблизилась к нему. Анохин неожиданно почувствовал на своём теле её руки, девушка слегка оттолкнулась от дна и обхватила бёдрами его талию.

Практически невесомая в воде, она подалась к нему, обхватила бёдрами плотнее и принялась медленно двигаться вверх-вниз, скользя затвердевшими сосками по груди Анохина.

Сопротивляться было бесполезно. Да и глупо. Всё-таки ещё мужчина.

6

То ли небольшой ящик, то ли грубой работы шкатулка, он пытается открыть её, почему-то это очень важно. Цепляет пальцами крышку, ломает ногти, но то ли ящик, то ли шкатулка не поддаётся. В щель между крышкой и стенкой он вставляет нож, пробует повернуть рукоятку, чувствует, как напрягается кисть, – и опять безуспешно, крышка не отходит. Он крутит шкатулку, пытается подобраться с другой стороны, налегает всем телом, но результат всё тот же.

«Почему? – удивляется во сне Анохин. – Шкатулка с секретом? С каким?..». Он откладывает нож, опять захватывает крышку пальцами. Никак. Вновь вставляет лезвие в щель, так и этак двигает. Наконец крышка отходит. Но прежде чем он успевает заглянуть внутрь, из

шкатулки слышится угрожающее ворчание, высовывается поросшая шерстью рука и захлопывает крышку. Морозный ветер по телу, шевелятся волосы на голове. Открыв глаза, Анохин некоторое время ещё находится во сне. Ужас уходит медленно.

Он садится на диване. Темно, тихо. Учительская. Подушечки пальцев всё ещё чувствуют грубую поверхность шкатулки. Этот сон снится Анохину лет пятнадцать, с тех пор, как он стал заниматься фольклором. Нечасто, но снится.

Скрипнув пружинами, Анохин встаёт. Всё равно не заснуть. Нужно время, чтобы отойти от приснившегося. Оно рядом, новая волна морозного сквозняка тут как тут, стоит только подумать. И почему этот сон связан с его занятиями фольклором? Какая может быть связь между одним и другим?.. Странно.

Собственно говоря, в фольклористику он попал случайно. На большую землю уехал доцент, который читал в институте курс, и Анохину предложили его часы. Он тогда был молодым преподавателем, готовил кандидатскую по Глебу Успенскому и, если бы не безденежье, вряд ли бы согласился.

Если уж соглашаться, то на перспективное дело. А перспектив в классической фольклористике Анохин не видел. В ней всё было вдоль и поперёк изучено, заниматься же современностью, всеми этими бардовскими песнями или детскими считалками и дразнилками, несерьёзно. Особенно после Глеба Успенского. Но у них родилась Настя, жена не работала, и деньги были очень нужны.

Удивил научный руководитель, с ним он решил посоветоваться. «Как вы относитесь к художникам, импрессионистам в частности? – Заметив недоумение, профессор пояснил, улыбаясь глазами: – Вот вам притча. Один молодой художник спросил у мэтра, какой путь ему избрать, традиционный или же искать себя в чём-то новом. Мэтр ответил, всё зависит от того, какое будущее тот для себя хочет. Если такое, как у Ренуара, который до старости писал пышущих

здоровьем купальщиц, это одно. А если Ван Гога, отрезавшего себе ухо, это другое».

Слышать подобное было странно. Во-первых, научный руководитель, казалось ему, ничем кроме отечественной литературы не интересовался – и вдруг импрессионисты. Во-вторых, профессор посвятил свою жизнь писателю, который из-за окружающего скотства сошёл с ума – следовательно, должен был разделять его бескомпромиссные взгляды. Однако в мире много путаницы и противоречий, Анохин к тому времени это уже понимал. Фольклорные сборники, за которые он засел, а потом и экспедиции в окрестные деревни со старосельческим населением вполне подтверждали это.

В сборниках чётких границ между плохим и хорошим не существовало. Чем глубже он в них вникал, тем больше в этом убеждался. В одном случае народ утверждал, что терпение и труд всё перетрут, а в другом, что от трудов праведных не бывает палат каменных. Практически на любой нравственный посыл находился диаметрально противоположный. С удивительной лёгкостью неизвестные творцы переходили от уважения скромной честной жизни к любованию загульным размахом. То, что раньше смущало Анохина в ставших народными стихотворениях Некрасова об ухаре-купце, с согласия матерей покупавшем на ночь девушек, или о коробейнике, за те же услуги рассчитывавшемся лентами и румянами, – потому, видимо, и стали народными, что народ не видел в этом ничего предосудительного. Как не видел предосудительного и в том, что пьяный Стенька Разин топил в Волге ни в чём не повинную персидскую княжну. Наоборот – видел удаль и верность товариществу. Одним словом, ренуаровской безмятежности изучение фольклора не обещало. Почему научный руководитель лукавил, оставалось неясным.

Анохин прошёлся по учительской. Хотелось чаю. Приготовить его не проблема – в экспедиции он всегда брал с собой кипятильник, – но после чая точно не заснёшь. А подниматься пока рано, ещё даже не света-

ет. Впрочем, он и так уже не заснёт. Сон с непонятной шкатулкой тускнел, уходил в глубины сознания, но всё настойчивей становились мысли, занимавшие его в последнее время, не дававшие жить спокойно.

Народ в фольклоре любовался разгульной удалью и диким молодечеством, не слишком чтил труд и честную жизнь – всё так. Но в то же время была строгость старосельческой жизни, которую Анохин ещё застал в приобских деревнях. Простыней после первой брачной ночи не вывешивали, но к труду приучали с детства. Воровства, пьянства и супружеских измен почти не водилось, а родственники цепко держались друг друга. В таких деревнях можно было рассчитывать на помощь, пусть ты даже посторонний человек. Что понятно – на Севере иначе нельзя, в одиночку погибнешь.

Крепкие правила существовали и в бывших спецпосёлках. Уж кто, казалось бы, мог разувериться во всём, в том числе в необходимости честно жить, работать, кормить старых, заботиться о малых, как не их обитатели. А они не показывали своей обиды на власть, разорившую их дворы, самих загнавшую к чёрту на кулички. Ставили на новом месте избы, заводили скот, работали в колхозе. Баба Зоя стала передовиком, её бригада выращивала лучшие в районе урожаи капусты и свёклы. Детской памятью Анохин навсегда запомнил горделивое бабы Зоино лицо, когда по местной радиотрансляции её назвали первой среди пенсионерок, которые помогли колхозу убрать до снега капусту, несмотря на возраст. Раскулачиванием власть надеялась убить двух зайцев: лишить деревню самостоятельно думающих мужиков и за счёт их смётки и трудолюбия вдохнуть жизнь в неугодья, в севера, куда по доброй воле никто ехать не хотел. И это у неё получилось.

После реабилитации стало можно возвращаться. Но сосланные обжились на новом месте, а для молодёжи спецпосёлки стали родиной, так что уезжали отдельные семьи. Некоторые возвращались обратно. Анохин помнил, как баба Зоя зимними вечерами ходила к таким людям, приходила расстроенная. «Какие но-

вости на хвосте принесла, сорока?» – насмешливо щурясь, дед Саша левой рукой ловко выуживал из пачки беломорину. «Всё равно не поймёшь», – отмахивалась бабушка. «А ты скажи, вдруг пойму».

Одно время в семье всерьёз обсуждали, переезжать на родину бабы Зои или нет. Дед был категорически против: «Чего я там буду делать? Здесь рыбы поймал, слопцы на глухарей поставил – жить можно. В сторожа, что ли, в твоей деревне запишусь?» У бабы Зои были свои сомнения. Она боялась угодить в тюрьму. «Ох, как тянет, кто бы знал!.. – говорила она и замолкала, покачивая головой и мечтательно глядя куда-то в сторону. – Но в первую же ночь спалю. Я их всех помню, кто пинками из избы выгонял. До могилы им не забуду! Кол осиновый вобью, кто сдох!»

Занятия фольклором сделали болезненным вопрос, который Анохин задавал себе и раньше, когда штудировал классическую литературу. Тем более, что художественная литература во многом вымысел, а источник фольклора народ напрямую. Кто он, русский человек? Что из себя представляет? Смиренный всепрощенец или от безграничной удали рвущий на себе рубаху персонаж? Богоносец или помнит все обиды и ждёт случая, чтобы отомстить? Готов подчиняться всем и всему, понуро смиряться, как щедринская коняга, или вся соль в староверах? Они не приняли реформ Никона, десятками тысяч уходили на окраины, в дикие леса и пустоши, были гонимы, гибли, сжигали себя в скитах, но не отступились от того, чему были верны со времён Владимира.

А смерды-лапотники, упорно бегавшие от бар после отмены Юрьева дня? Оседали по Северной Двине и Каме, на границах Дикого Поля, рискуя в один из татарских набегов оказаться без избы и лошадёнки, в полоне, а то и убитыми. Тяга жить по-своему, не ломать шапку, не подчиняться чужой воле была сильнее. Или взять казаков, в чистом виде свободного русского человека, который не признавал над собой никого, кроме Бога, а на царёву службу пошёл много позже, выгово-

рив послабления, о которых военные сословия Европы могли разве что мечтать.

Но и диалектика. Какой-нибудь свиноподобный троекуров, считавший, что крестьянину нельзя давать обрастать, а следует стричь, как овцу, тотчас отдававший мало-мальски толкового мужика в солдаты, сам до Екатерины обязан был служить. И дворянское сословие вместе со своими крепостными, с городскими обывателями, с купцами и фабричными, с офенями, воронежскими прасолами, волжскими бурлаками, архангельскими поморами и остальным русским людом создали жизнеспособное государство, отдельную цивилизацию, с которой всему миру приходилось считаться. И всё бы хорошо, вот только цена создания и жизнестойкости была дороговата. Что при царе-батюшке, что при Сталине, что сейчас.

Не получается отчего-то главенствующему классу, как мечтали почвенники и Глеб Успенский тоже, относиться к народу, словно отцу к детям – строго, но с любовью. Всё сбивается этот верховенствующий класс на ордынское беспрекословное подчинение, когда народ должен молча, а ещё лучше – с восторгом сносить всё. Когда об отцовской любви и заботе власти говорить не приходится. Из вводимых европейских институтов лукаво выхолащивается суть, одна оболочка остаётся. «Бьют и плакать не дают», – любила повторять баба Зоя. Пусть и говорила это о своём времени...

Анохин не заметил, как рассвело. Ходил по учительской, пил чай, в голову настойчиво лезло много раз передуманное. О сне со шкатулкой уже не вспоминалось. В утреннем трезвом свете сон казался чем-то вроде детской страшилки. Смущало одно: почему он стал сниться, когда Анохин занялся фольклором?

7

Старуха была не по возрасту шустрой. Это Анохин отметил ещё у колодца. Ухватившись за металлическую ручку узловатыми артритными пальцами, она бойко

вращала колодезный ворот. В такт движениям ходили худые плечи, над сухими икрами бился широкий подол.

– Давайте помогу, – сказал Анохин, отделившись от студентов.

– А чего ж, помогите! – с готовностью отозвалась старуха. – Спасибо скажу. Это вы позавчера приехали? Вроде как сказки записывать?

– Не только сказки. Загадки, например, пословицы, поговорки, всякие обряды. Много чего.

– То-то, смотрю, незнакомые!.. – Старуха повернулась к студентам, махнула рукой. – А пойдите сюда, ребята, загадку хочу сказать! Вот слушайте: у нашей Параши сорок рубашек, вышла на улицу, ветер подул – вся жопа голая. Кто такая?

Анохин, весело поглядывая на группу, перехватил у старухи вытертую до глянца ручку ворота. Похоже, об экспедиции уже знало всё село. Вчера утром, направляясь в администрацию за списком старожилов, он слышал, как одна женщина, навалившись грудью на забор, говорила соседке: «Светка, ты не матюкайся и своему скажи. Городские приехали».

– Чего молчите? Не знаете?

Студентки, глядя друг на друга, посмеивались, откровенное словечко забавляло их. Отгадки никто не знал.

– Курица, – пришёл на помощь Анохин. – А почему вы из колонки воду не берёте? Легче.

– Невкусная! – недовольно отозвалась старуха. Она не ожидала, что загадку отгадают так быстро. Но желание поговорить было сильнее. – Стирать можно, а для борща такая не годится. Для первого самая лучшая из колодца… В Казахстане вообще вода плохая, так то Казахстан. А здесь выбирай хорошую, здесь можно.

– Вы жили в Казахстане?

– Ну да. Как на целину в молодости уехала, так сорок лет прожила. Может, не вернулась бы, кабы Советский Союз остался. На русских теперь косятся, домой, дескать, ехайте. Из Монголии тамошних казахов завербовали, они дикие, жилу у лошади надрежут, крови в чашку на-

цедят и с молоком пьют. А то просто так из жилы сосут. – Старуха говорила торопливо, как-то невнимательно, ей явно хотелось реванша: – А ну такую загадку! Режут меня, вяжут меня, бьют меня, колесуют меня. Пройду огонь и воду, а конец мой – нож и зубы. Ну-ка?..

Анохин подхватил и поставил на край сруба ведро с тёмным металлическим обручем поверху, перелил воду в алюминиевую флягу. От сырого, отдающего мхом запаха колодца, от тяжёлого обруча (Анохин знал, это чтобы ведро сразу тонуло) пахнуло детством, бабой Зоей, Ягодным. Да и сама подвижная, как синица, старуха напоминала Анохину бабушку.

– Может, чем-нибудь помочь? Дров, к примеру, наколоть, огород прополоть… – предложил он, останавливая тележку с полной флягой у калитки. Отгадку он знал, но говорить не спешил. Пусть ребята поломают голову, да и бабушка потешится. – А то мы можем, вон какие орлы!..

Сказано это было громко. Мастер-класс. Пусть учатся, как расположить к себе носителя фольклора и вызвать доверие.

Старуха стремительно оглянулась на студентов, сказала с сожалением:

– Кабы раньше! Картошка-то давно окученная… Ну, так чего, какая отгадка будет?.. А-а, не знаете! И начальник ваш не знает… Хлеб! То-то же!.. Пшеницу косят, в снопы вяжут, молотят, потом зерно на мельницу, из муки буханку пекут… Вы знать не можете, так раньше было, давно. – Старуха повернула лицо к Анохину. – А они сорную траву от свёклы отличат? Заместо бурьяна не повыдергают?.. Грядки прополоть надо, у меня на всё рук не хватает. То с правнучкой посиди, то сготовь, то постирай на всю ораву… Мы семьёй переехали, а семья у меня – ого-го!..

Дело нашлось не только для девчонок. Предприимчивая Анна Семёновна – так звали старуху – вспомнила, что с прошлого года зять не может расколоть суковатые чурки. За них взялись ребята. В благодарность Анна Семёновна решила напоить чаем со свежим виш-

нёвым вареньем. Пока она заваривала чай, а студенты работали, Анохин как бы между прочим принялся расспрашивать о молодости, о прежних временах, о том, кого хозяйка помнит или о ком от других слышала.

Оказалось, помнит не так уж много. Коллективизацию Анна Семёновна не застала, родилась позже, что и как там было, неизвестно. И о Гостюхиных не знает, даже фамилии такой не слыхала. А вот в войну поработать пришлось, это правда, хотя совсем девчонкой была. В колхозе на трудодни давали с гулькин хрен, а ещё государственные займы. Деньги найди где хочешь, но на облигации подпишись! Если б не огороды, с голоду подохли…

Анна Семёновна всё время сбивалась на Казахстан, как там жарко летом и какие бураны зимой и как всё хорошо растёт, если воду дать. Говорить об этом ей было интересней.

Она и потом, когда уселись пить чай и Анохин включил диктофон, принялась рассказывать явно не здешнюю сказку.

– Ну вот, жил один богатый человек. Жил себе, жил, а тут пришла пора женить сына, – приосанившись и не смущаясь ни диктофоном, ни тем, что ребята достали полевые дневники и принялись записывать, начала старуха. – Ну, надо гостей приглашать, угощать, понятное дело – свадьба. Так что этот богатый человек придумал? Кто хорошо одет, в один шатёр ведёт. Шатёр всяко разукрашен, еда самая лучшая, много мяса. А кто победнее, плохо одет, тех в другой шатёр, где объедки да кости от барана. И не сам ведёт, уважение показывает, а слуги. Для шантрапы и так ладно…

Дальше следовало, что один дальний родственник обиделся. Он пришёл в старом халате, его и отвели в плохой шатёр. На второй день родственник надел красивый халат, на сапоги – новые галоши… Анна Семёновна вдруг замолкла, прислушиваясь.

– Опять стреляет, зараза! Помещик хренов. А если в кого попадёт?! Пьяный-то!

Анохин и студенты повернули лица к открытому

окну. Какое-то время было тихо, потом раздался выстрел, и довольно близко. Его услышали все.

– К моему огороду идёт, – подхватилась хозяйка. – Вытопчет всё! И никого мужиков дома нет. Дал бог соседа!..

За Анной Семёновной вышел из дома и Анохин. По ту сторону забора прямиком через высокую картофельную ботву двигался мужик. В одной руке он держал двустволку, другой за задние ноги то ли зайца, то ли кролика. Зверёк безжизненно болтался.

– Серёжка, черт, опять пальбу устроил! Вот я участковому скажу, взгреет тебя!..

– Ты зайцев моих не видала? – сипло спросил мужик. Лицо у него было опухшее, глаза похмельно заплыли. – Рагу хочу, баба Нюра, всё за рагу отдам. Имею право, скажешь, нет? Из собственных зайцев.

– Имеешь, имеешь, чтоб они подохли, твои зайцы!.. Ну, ты смотри, слыханное ли дело? – Анна Семеновна живо повернулась к Анохину. – Выпустил из клетки кролей и охотится на них! Охотник! Скучно ему, чёрту!.. Ты хоть жену не позорил бы, всё-таки директор школы.

Мужик, мутно глядя на соседку, ответил не сразу:

– А чего, только горбатиться всю жизнь? На вас, дармоедов, упираться? Имею полное право отдохнуть. Скажешь, нет?..

– Ага, много ты на нас горбатился! Аж с лица спал. Всё на свой карман, всё мало тебе!.. Не зря помещиком прозвали. По-старому, так кулак.

– Горбатился! – упрямо повторил мужик. – Как где пахать – Серёга! Зерно убирать – опять Серёга!.. Потому что дурак. Где твои? Вахтовиками заделались, мать вашу, по северам разъехались!..

Анна Семёновна не слушала его:

– Вот напишу, пусть участковый штраф с тебя слупит. Ничего нельзя посадить, зайцы твои жрут, чтоб они подавились!..

– Баб Нюр, не залупайся. Ты соседка, а не залупайся!.. Кто мне чего сделает? У меня начальник милиции

друг, прокурор друг. На заимку ко мне отдыхать ездят, у меня там, знаешь… – Мужик перевёл медленный взгляд на Анохина. – Это ты, что ли, старший над студентами?.. Чего ко мне не зашёл? Знаешь, кто я? Я Сергей Викторович Дыбов, меня весь район знает. Область!.. В Москву на выставку приглашали. Виноград в Сибири вырастил! Сам допёр, никто не учил!..

Ещё до того, как старухин сосед назвал себя, Анохину он показался знакомым. Конечно, недавний мнимый покойник!

– Всё картошка да картошка, а когда же молоко? – хрипло заблажил Дыбов. – Превратился хрен в гармошку и не лезет глубоко!.. – Он пел, упорно не сводя глаз с Анохина. – Ты заходи, я много чего знаю. У меня мать кровь заговаривала, боль снимала, травы всякие знала – я всё на ус мотал! Всё!..

Сминая ботву, Дыбов побрёл по картошке искать своих «зайцев» дальше. Его заносило. Видимо, не до конца проспался.

– Так Лидия Степановна его жена? – Анохин вспомнил неприветливую директора школы. Ничего удивительного, с таким затейником мужем радоваться не приходится.

– Трезвый – хозяин, лучше в селе нету. А запьёт, дурак дураком… Это он правду сказал – и вспашет, и на комбайне, когда уборка. Совхоз на ладан дышит, стоящие мужики кто куда разбежались. А как в запой сорвался – всё!..

– А почему помещик? Уже не первый раз слышу.

– Помещик и есть. У него не заимка, а целое поместье, чего только там нет! Директор совхоза на поклон ходит, технику просит, когда уборка или посевная.

Во время сценки с Дыбовым студенты тоже вышли из дома.

– Так чем заканчивается ваша сказка, Анна Семёновна? – поинтересовалась ясноглазая Даша Калинникова. – Это бытовая новеллистическая сказка, да, Виктор Иванович?

Старуха не дала Анохину ответить.

– Все настроение, чёрт, перебил… На чём там я?

– Один родственник обиделся, на следующий день надел новый халат, сапоги с галошами…

– Ага. – Анна Семёновна опять приосанилась. И рассказала, что на этот раз родственника встретил сам хозяин, с почётом проводил в шатёр, где всего было вдоволь. А гость стал чудить – взял полу халата и принялся тыкать ею в еду.

– Ты чего это, бешбармак человек должен есть, а не халат! Совсем с ума сошёл!.. – Изображая хозяина, Анна Семёновна округлила глаза, подняла руки и стала трясти ими над головой. – А умный родственник говорит, вчера я пришёл в рваном халате, меня никто не встретил и по-человечески не угостил. А как надел новый халат, новые сапоги с галошами, так меня сам хозяин встретил, полные чашки всякой еды поставил. Что же получается? Хозяин не меня уважает, а мой халат. Тогда пусть и халат наестся. И сапоги с галошами надо угостить!.. – Старуха замолчала, лукавыми глазами обежала всех. – Вот и сказка вся, больше сказывать нельзя.

– Казахская? – уточнил Анохин.

– Ага, там слыхала. Мы с соседями дружили. У казахов родню уважают, седьмая вода на киселе, а…

– Крепкие родоплеменные связи, – хмуро заметил Гена Бобров. – У них, как кавказцы в армии, друг за друга держатся.

Старуха мимолётно взглянула на него.

– Казахи до седьмого колена знают, как деда, прадеда и дальше всех звали. Сколько сыновей и дочек было, где кочевали, сколько скотины имели…

– Письменности у них не было, поэтому, – опять вставил Бобров и посмотрел на Дашу Калинникову. Похоже, ему было важно, чтобы последнее слово осталось за ним и чтобы девушка это видела.

Анна Семёновна засмеялась, прикрывая ладонью рот:

– А у нас раньше разве кто грамотный был?.. Спроси меня, как прадеда звали или прабабку. Деда и бабку ещё скажу, дальше – хоть убей! И откуда появились в

селе, и чем занимались, тоже не знаю… И обо мне забудут. Обо всех забудут, пусть только время пройдёт. О вас, ребятки, тоже!..

Студенты переглядывались, усмехались. «Это ещё так далеко от них, – как и тогда у оврага, когда встретился «покойник», подумал Анохин. – Рано понимать. Это впереди».

8

Из затянутого марлей окна раздавались злые женские голоса. Дом был старый, осевший набок, с гнилым крыльцом. В окна заглядывала крапива. Женщины в выражениях не стеснялись, крики за марлей перемежались матом.

– Весело живут, – с непонятным удовлетворением заметил участковый. – Интересно, с кем на этот раз разборки? Сейчас мы это выясним.

Но зайти в дом не получилось. На крыльцо вывалили скандалящие. Оттого, что женщины злобно толкали друг друга и громко кричали, понять, сколько их – было трудно. Анохину в первую минуту показалось, что много.

– Прекратите! – зычно потребовал участковый. – Я к кому обращаюсь! Немедленно!..

Анохин взглянул на него. Умеет. Не такой уж тюфяк, как поначалу кажется.

Первой среагировала бабёнка неопределённого возраста. Она быстро спустилась с крыльца и заторопилась навстречу, приглаживая обеими руками растрепавшиеся волосы.

– Ничего не понимаю, Виталий Васильевич! Какие-то дикие претензии! Кому нужен её тинейджер? Люди культурно отдыхают, смотрят телевизор – так нет, надо обязательно всё испортить!.. Ну, скажите, не свинство? Нам свинства на работе хватает, извините за каламбур.

«Однако!» – подумал Анохин. Грамотная речь не вязалась с потасканным видом женщины.

– Отдыхают они!.. Все знают, как вы здесь отды-

хаете! Наехало блядво, что, не так? Не так, скажешь?.. – крикливо вмешалась другая женщина. Она тоже спустилась с крыльца и с болезненной истовостью смотрела на участкового, словно ждала от него защиты. – Ладно, мужики, так и ребят молодых приваживают! Те и рады, дураки – за бутылку-то все удовольствия!..

– Виталий Васильевич, обратите внимание, бездоказательно оскорбляет. Я на вас, женщина, в суд подам.

– Какие ещё доказательства! Генка Сурковых с отцом по пьяни подрались, всё село знает. Таньку не поделили, профуру эту!.. – Женщина повернулась, крикнула в марлю окна: – Я до тебя доберусь! Ты у меня попляшешь, курва!..

Молчавшая до сих пор третья участница свары – она оставалась на крыльце – негромко сказала:

– Фильтруй базар. Я тебе за Таньку... – Но посмотрела на полицейского и не закончила фразу.

Выглядела эта третья участница необычно: мужские брюки, мужская рубашка, сигарета в углу плотно сжатых узких губ. В лице и движениях тоже было мало женского.

– А ты, кобёл, молчи! Не на зоне, и на тебя…

– Хватит! Прекратили!.. – рявкнул участковый. Когда женщины примолкли, сказал той, что ждала от власти защиты: – Напишите заявление на моё имя. Развращать малолетних никому не позволено. У вас претензии к гражданке Назаровой, я правильно понимаю? Разберёмся. Сейчас идите домой, не мешайте работать.

– Они моего парня… – попыталась было сказать что-то ещё жалобщица.

– В письменном виде. Идите. А вы давайте в помещение!.. Есть разговор.

Участковый опять подражал какому-то киношному сыскарю, решительному, веско разговаривающему, уверенному в себе. Это продолжилось и внутри дома.

– Женщины, называется, – с брезгливой насмешкой сказал он, широким движением сдвигая на столе грязную посуду. На освободившееся место положил уже

знакомую Анохину папку из кожзаменителя, потянул за молнию. – Ну что, Назарова, будем составлять протокол? Слышала, какие к тебе претензии? Новую ходку хочешь?

Обращался он к блондинке на диване. То, что это блондинка, можно было лишь предполагать, волосы девушки были заплетены в многочисленные плотные дрэды. Она с отсутствующим видом обрабатывала пилкой ногти и поглядывала в телевизор. Впечатление было такое, что ни слова участкового, ни недавний скандал никакого отношения к ней не имеют. Девушка была молода, миловидна и кого-то Анохину напоминала.

Угол, где стоял диван, разительно отличался от общего бедлама в доме. Пуфик, что-то вроде бархатной накидки на диване, туалетный столик рядом, на стене – большой глянцевый плакат какой-то музыкальной группы.

– Назарова, я с тобой разговариваю!

– Она болеет, – хмуро вмешалась мужеподобная. Весь её вид говорил, что блондинку она в обиду не даст.

Участковый хмыкнул:

– Передозировка, что ли?.. То-то, смотрю, цыгане в село зачастили.

– Ну что вы, Виталий Васильевич, мы к этому никакого отношения не имеем. – Бывшая интеллигентка осторожно, стараясь не задеть милицейскую папку, убирала со стола грязную посуду. – Мы понимаем, что чревато, мы не враги себе. А вот водочка – да, это бывает, грешны.

– Распустил вас хозяин! Где он, кстати?

Женщины переглянулись, выражение лиц сложно было понять.

– Где помещику быть? Вышел из запоя господин Дыбов, трудится, не прикладая рук.

Участковый, не удержавшись в роли крутого сыскаря, хлопнул по столу мясистой ладонью, повернулся к Анохину:

– Во, дают! Дыбов их трудоустроил, продуктами обеспечивает, платит, а они – «не прикладая рук»… До-

прыгаетесь, дамочки, турнёт он вас, других привезёт! Куда пойдёте, кому нужны после зоны? Сейчас нормальным людям устроиться тяжело, а уж вам-то!..

– Женщина создана не для работы, а для любви, – раздалось с дивана.

Участковый преувеличенно обрадовался:

– Гляди-ка, полегчало! У кого это там голосок прорезался?.. Ты и ты – во двор, там подождите! А мы пока со жрицей любви потолкуем.

Бывшая интеллигентка вышла сразу, а мужеподобная уходить не торопилась. У порога остановилась, раздельно произнесла:

– Начальник, у нас права тоже есть. Мы люди.

Участковый ничего на это не ответил. Подождав, когда дверь закроется, буднично сказал блондинке:

– Где студент? И не тяни давай, мне некогда.

– Какой ещё студент? – Та перестала обрабатывать ногти, с вызовом посмотрела на полицейского.

– Дима. Дима Побочный, – сказал Анохин.

Блондинка прыснула:

– Побочный, прикольно!.. Я бы с такой фамилией повесилась. Никакого Побочного не знаю и знать не хочу.

– Это ты зря. Всё на тебя указывает. Не поверю, чтобы этот, в смысле, эта – участковый кивнул за окно, – спокойно на твои дела смотрела. У них тоже ревность есть. Короче, могла студенту что-нибудь устроить. Сама знаешь, зону топтала. Ну, давай, не тяни.

– Я тебе сказала, ничего не знаю! Не знаю!..

– Может, ты и Генку Суркова с отцом не знаешь? И сына Тютяевой, которая сейчас приходила?.. Ты вот что, Татьяна, дело серьёзное. Я тебя не пугаю. Пропали студент и ещё два парня. Последними их видели возле вашей хавиры. Поможешь следствию – зачтётся. А начнёшь пургу гнать...

Блондинка швырнула в телевизор пилку для ногтей, истерично закричала:

– Это ты не гони! Не на ту напал! Вчера никто не приходил, девки подтвердят! У меня алиби! Не вешай на меня своих глухарей!..

«Ну и работёнка у человека», – Анохин сочувственно взглянул на участкового. Женских истерик он не переносил. Полицейский переждал крики.

– Это у тебя какая ходка была? Знаешь отношение судий к рецидивисткам? Дадут на полную катушку, будешь тянуть от звонка до звонка… А ну покажи вены. Давай-давай!

– Отстань от меня! Ничего не знаю! Пошёл!.. – Блондинка рыдала, но как-то слишком уж бурно.

В дверях показалась мужеподобная.

– Начальник, мы так не договаривались.

– Ладно. – Участковый достал из папки несколько листков бумаги и бросил на стол. – Напишите, чем занимались последние сутки. Каждая. И без лабуды! Что бывает за ложные показания, знаете… Я ещё зайду. Советую подумать. Крепко подумать!

На дворе собирался дождь. Небо затянуло, с запада двигалась тяжёлая синяя туча. Погромыхивало. Всё вокруг стало тусклым. «Не зря весь день парило», – вскользь отметил Анохин.

– Что, в самом деле вчера видели ребят у их дома?

– Психологический приём. Может, они в самом деле здесь были, попытка не пытка. С этими шалашовками по-другому нельзя.

И участковый рассказал, что раньше Михеевка была нормальным селом. Проблемы начались, когда Дыбов привёз на свиноферму освободившихся зэчек, местные работать за пять тысяч не хотят. Люди недовольны, общагу уже поджигали, и вообще, рассадник. Но Дыбова поддерживает начальство, с товарным сельским хозяйством в районе не очень.

– Танька вам никого не напоминает? – неожиданно спросил участковый. – Мерилин Монро, один к одному! Ну, «В джазе только девушки», смотрели? Старый фильм. Сделай Таньке нормальную причёску – копия!

«В самом деле, – подумал Анохин. – Дал же бог такую внешность потаскухе». Вспомнилось приписываемое Крылову: женщина, как и сыр, как и груша, должна быть немного подпорченной. Эта была под-

порчена слишком. Ещё «муж» с зоны. Он что, сутенёр вдобавок?..

– Получается, тупик.

– Почему тупик, – не согласился участковый. – Я их всё равно раскручу. Зацепки есть, заметили, как Танька вены прячет? И кобёл ради неё душу продаст. Так что всё под контролем, всё нормально!

«Твоими бы устами…» Громыхнуло совсем близко, по деревьям прошёл ветер, листва вскипела. Весомо, тяжело упали первые капли.

«Теперь и собаку вызывать бесполезно, дождь все следы смоет. Да и ночь скоро. Что делать?..»

9

На следующий после ночного купания день Ирина вела себя как ни в чём не бывало. «Доброе утро, Виктор Иванович», – поздоровалась во время завтрака. Спокойное лицо, ясный взгляд, ни тени смущения или намёка на вчерашнее. «Доброе утро, Ира».

Ещё один показатель разницы поколений, другого времени, подумалось Анохину. Сам он чувствовал себя неловко. Со стороны произошедшее действительно могло выглядеть пошло. Подпоив, воспользовался зависимым положением аспирантки. Точнее, спровоцировал.

На этот раз он с группой по Михеевке не пошёл. Нужно было позаботиться о продуктах для столовой. Назначив старшим группы Боброва, Анохин ещё с одним студентом, меланхоличным Денисом Малеевым, одним из немногих на филфаке парнем, направился в сельский магазин.

По логике, дешевле было бы закупиться в городе, но по жаре мясное не повезёшь. К тому же за проезд в автобусе тоже надо платить. В итоге выходило так на так. Небольшие деньги, которые удалось получить в институте и от спонсоров, приходилось расходовать очень экономно.

У служебного входа в магазин стояла грузовая «Газель», из её нутра выгружали ящики с помидорами.

Ничего удивительного в этом не было, если бы не женщина с блокнотом и ручкой, следившая за выгрузкой. Это была директор школы Лидия Степановна.

– Богатый урожай, однако, – полушутливо сказал Анохин, поздоровавшись. – Сами вырастили?

Лидия Степановна шутки не приняла.

– Нет. Муж.

– Он у вас, я слышал, фермер?

– Да.

– Насколько могу судить, преуспевает.

Лидия Степановна не ответила.

– Нуман, два последних ящика не трогай, – сказала она в тёмное нутро «Газели» и закрыла блокнот. Не глядя на Анохина, села в кабину и включила зажигание.

Смуглолицый грузчик проворно соскочил на землю, захлопнул распахнутые дверцы и тоже забрался в кабину.

Странная женщина, подумал Анохин. Сердита на весь мир.

– Помещица, нах! Половина чуркестана на них пашет. – Сбоку появился немолодой мужичок. Несмотря на лето, был он в резиновых сапогах и в куртке с капюшоном.

– На кого – на них? – Анохин неприветливо посмотрел на подошедшего. Утро, а этот уже принял на грудь, похоже.

– Ну, на неё и Серёгу Дыбова. Эксплуататоры, нах! Имение у него за Гаврюшкиным лесом, а говорит, типа, заимка… Раскулачивать пора!

Мужичок старался держаться на некотором расстоянии. От него действительно попахивало. За готовностью рассказать новым людям о местных порядках чувствовалось что-то ещё. Денег похмелиться будет просить, решил Анохин.

Но подошедший денег просить не стал. Посетовав на то, что совхоз дал, в общем, дуба, а пахать на Серёгу Дубова он не собирается, мужичок вдруг предложил:

– Слушай, купи рыбу! Свежая, всю ночь комаров на озере кормил, нах. – Он подхватил стоявший у стены магазина целлофановый пакет, торопливо достал

ещё гнущегося снулого карася, приподнял жаберную крышку. – Нюхай!.. Или пусть твой студент понюхает, если брезгуешь. Гад буду, свежак!

– А что не через магазин?

– Дак не берут! Сертификат качества им дай. А какой, нах, сертификат, когда вот она, прямо с озера!.. У помещика сертификат не требуют, там всё схвачено. Сам видел, помидоры сейчас… Во, гадская жизнь!

Прямодушный этот мужичок располагал к себе. Но покупать продукты с рук, рисковать здоровьем студентов Анохин не хотел. Мешало что-то ещё. Что – Анохин толком понять не мог. То, что таких незамысловатых мужичков можно направить на что угодно? Неспособность их жить своим умом? То, что они, простые русские люди, послушный предмет манипулирования в руках харизматиков и власти?..

– Извини, не могу.

– Свежее не бывает, отвечаю! – Рыбак смотрел истово, словно собирался перекреститься.

– Не могу.

Детская растерянность появилась на лице мужичка. Но ненадолго.

– Ну и хер с тобой! – бросил он и отошёл.

Сценка, увиденная вскоре в магазине, озадачила Анохина. Хотя, в общем-то, ничего нового. Очередь была небольшая, однако двигалась медленно. Запахи в магазине витали самые разные – от свежего хлеба до селёдки и халвы. Шёл общий разговор, в котором принимала участие в том числе продавщица в завязанной по-пиратски, узлом на затылке, косынке.

– Бандана, – пробормотал всё время молчавший Денис Малеев. – Круто. Не скажешь, что село. – И принялся внимательно изучать впечатляющий выбор пива на полках.

Женщины обсуждали растущие цены, но делали это как-то спокойно, буднично. Похоже, в последние дни цены в магазине поднялись опять. Ещё не на всех товарах были ценники, и продавщица то и дело заглядывала в какие-то листки, сверялась, водя по ним пальцем.

– А вот при Сталине каждое первое марта цены снижали, – заметили в очереди.

– Ты-то откуда знаешь? Молодая.

– Дак мать рассказывала. Это как закон было, первое марта – и пожалуйста, всё дешевле!

– Ты ещё вспомни, что до революции было. Тогда вообще всё копейки стоило.

– А ты их сначала заработай, всё пупком. Деньги-то другие были, дорогие – не то, что сейчас.

Не отрываясь от дела, продавщица заметила:

– Точно, другие. Прадед наш партизанил против Колчака, жене пенсию назначили. Одно название. Она говорит дочери, бабке моей то есть. Зинка, пойдёшь на базар, возьми пуд пеклёванной муки, две головки сахара, ведро олеи, селёдок – с три короба закажет… – Продавщица поглядывала на дисплей электронных весов, но считала почему-то не на калькуляторе, а щёлкала костяшками лежащих рядом счетов. – Прабабка взять в толк не могла, деньги-то другие уже, советские. А что на несколько рублей купишь?.. Сказать ей боялись, серьёзная была старуха. Ещё обматюкает – как, мол, так, не делайте из меня дуру!..

В очереди Анохин оказался за молодой женщиной с девочкой. Девочка томилась, то и дело выбегала на улицу и возвращалась обратно. Повернувшись к Анохину и студенту, снизу вверх рассматривала их.

– Мам, сникерс купишь? – дергала она за руку женщину. – И жвачку. Ма-а-м, купи-и-и…

Та невнимательно отзывалась:

– Подожди ты. Ещё не наша очередь.

– Ма-а-м…

– Я тебе русским языком сказала, подожди!

Наконец их очередь подошла. Женщина заказала:

– Бутылку водки и бутылку вина.

– Мам, сникерс…

– Отстань ты!.. Рис сколько стоит?

Продавщица заглянула в свои листки и назвала цену.

– А перловка?

Перловка стоила дешевле.

– Тогда так, бутылку водки, бутылку вина и полкило перловки.

– Ма-а-м…

– Отстань, зараза! Вот я тебе дома!..

Получив заказанное, женщина уложила покупки в сумку и рассчиталась. Лицо у неё было довольное, будто она решила сложную задачу. Дёрнув хнычущую девчонку за руку, женщина вышла из магазина.

– О, господи… – сказала продавщица.

Очередь молчала.

Когда, нагруженные продуктами, возвращались в школу, Денис Малеев удивил:

– Виктор Иванович, как вы думаете, почему продавщица считает на счётах? Ведь калькулятор есть.

Анохин пожал плечами.

– Представления не имею.

– А я знаю. Чтобы наглядно было.

– То есть?

– На калькуляторе набрать всё что угодно можно. А на счётах не обманешь, покупатель видит. Деревенская тактичность как бы.

Анохин посмотрел на студента. Вот тебе и витающий в облаках меланхолик!.. Похоже, в самом деле так.

За хозяйственными заботами прошёл день. После ужина устроили баню, Димка Побочный договорился с кем-то из михеевских ребят. Летом здешняя общественная баня, оказывается, не работала, а помыться было пора, девчонки просили. Они первыми и пошли в баню.

– Это ничего, Виктор Иванович, что мы сначала? – Даша Калинникова, держа в руке пакет с банными причиндалами, уже готова была двинуться за остальными студентками. – По деревенским обычаям, первыми моются мужчины…

Сказано это было извиняющимся тоном, что не помешало Гене Боброву тотчас вмешаться:

– Ага, так вы нам и дали, эмансипированные создания!

– Я не тебе говорю, а Виктору Ивановичу.

– Он деликатный, промолчит. А я скажу от всего мужского коллектива, честно и нелицеприятно: позор!..

Калинникова и Бобров часто пикировались, хотя было известно, что они пара. «Как всё-таки на мою Настю похожа!» – подумал Анохин. Когда он видел эту ясноглазую студентку, сердце вздрагивало от нежности, будто перед ним была дочь. От девушки словно шёл свежий ветер. Знать, что она встречается с Бобровым, было почему-то неприятно, хотя тот славный честный парень. Анохин так же ревновал бы Настю, если бы узнал, что у неё кто-то есть.

Возможно, уже и есть, просто ему неизвестно. И целует его дочь какой-нибудь молодой самец, запускает всюду руки, может, и дальше у них зашло, сейчас это запросто. Ещё этот ночной клуб, в который втихомолку отпускает жена… От подобных мыслей каменели желваки, пробивало ненавистью к возможному бойфренду, представлявшемуся Анохину похотливым прыщавым типом. Хотя смешно и глупо – ведь для чего-то же раздались у Насти бёдра, а грудь появилась ещё в шестом классе. Ей самой необходимы эти чужие парни, такова природа, не вечно же дочери быть домашним ребёнком. Но как убедить в этом себя, своё сердце, как? Что за комиссия, Создатель!..

Анохин мылся последним. Воды оставалось мало, тёмная баня с низким потолком почти выстыла, но всё равно было хорошо. Веник из только что наломанных берёзовых веток славно пахнул, делал немолодое уже тело упругим, слегка будто мыльным. Анохин словно опять оказался в Ягодном, того и гляди разбухшую дверь дёрнет единственной рукой дед Саша, спросит в щель: «Ну чего, не угорел тут?.. Ополаскивайся да пошли, бабка чай пить зовёт». Лет с четырнадцати Анохин мылся один – стеснялся.

Пил чай он и после этой бани. Ирина позаботилась, принесла в учительскую закутанный в спальник заварочный чайник, весело объявила:

– Крупнолистовой, Виктор Иванович, настоящий! Не люблю я эти пакетики – эрзац и гадость!..

Вела она себя в учительской свободно, уже не первый день обрабатывала здесь материал, который мог понадобиться для кандидатской. И опять, как и утром, никакой неловкости на лице, словно ничего между ними не было. «Я-то чего комплексую? – с досадой подумал Анохин. – Другие времена, другие песни!..» Однако вести себя естественно не получалось. В конце концов, у аспирантки вырвалось:

– Что-то не так, Виктор Иванович?

– Почему? Всё нормально.

– Зажатый вы какой-то. – Словно успокаивая, Ирина опустила свою породистую белую кисть на его руку. – Я сегодня останусь?..

Чувствуя всю нелепость, даже постыдность своего поведения, Анохин осторожно высвободил руку.

– Спасибо за чай, Ира… Уже поздно, вам пора спать. Спокойной ночи.

10

Ворота у Голошубовых были классические сибирские: высокие, глухие, с двухскатным козырьком сверху. Что за такими происходит, можно было только предполагать. В обе стороны от ворот шёл забор, тоже высокий и глухой. Вверху, похоже, была колючая проволока, толком понять было невозможно – уже стемнело.

«Ещё кобель на цепи, а может, два», – подумал Анохин и принялся сильно стучать, надеясь, что услышат. Уверенности не было, и Анохин стучал до тех пор, пока за воротами мужской голос не сказал:

– Слепой, что ли? Звонок есть!

Клацнул врезной замок, калитка в широких воротах открылась. Человек направил Анохину в лицо свет фонарика.

– Ну?

– Я руководитель фольклорной практики, тоже ищу своего студента. – Анохин заслонился от света рукой. – Есть какие-нибудь новости?

– А-а… – Мужчина узнал Анохина и отвёл фонарик.

Видимо, он был в числе тех, кто ходил сегодня вместе со всеми по колкам, а потом отправился искать своего парня самостоятельно. Что хозяин усадьбы из себя представляет, Анохин понять не мог. Глаза были ослеплены, но по голосу – средних лет мужчина, скорее всего, отец. – Ни хрена не узнали. Придётся чёрных нанимать.

– Чёрных?..

– На нашего мента надежды мало. Пустозвон. А те мужики деловые, должны помочь. За деньги, понятно.

Вновь принялся накрапывать дождь, но приглашать в дом Голошубов явно не собирался. Анохину, в общем-то, было уже всё равно, он вымок ещё тогда, когда обрушился ливень. Участковый с первыми тяжёлыми каплями торопливо ушёл, прикрыв голову папкой, Анохин же встал под дерево, надеясь переждать. Переждал, но промок до нитки – спасти от такого дождя листва не могла.

– У других, которые тоже ищут, у них как?

– Баргадаевы? Глухо. Мы договорились вместе чёрных нанимать.

– Вы держите меня в курсе, хорошо?

– Ладно, – помедлив, сказал Голошубов. По голосу было ясно, что держать Анохина в курсе для него дело десятое.

Когда Анохин уже подходил к школе, заиграл мобильник. Высветившийся номер ни о чём не говорил.

– Виктор Иванович?

– Да.

– Это Лидия Степановна. Мне нужно срочно с вами поговорить.

– Слушаю.

– Не по телефону. Жду вас в учительской.

Первой, кто встретился Анохину в школе, была Ирина. Она озабоченно сообщила, что пришла директор, попросила номер его телефона, сейчас находится в учительской.

– Что-нибудь о Димке удалось узнать?.. Ой, да вы совсем мокрый, Виктор Иванович! Вам переодеться надо!..

Анохин не ответил. Из-за дождя все студенты находились в школе, но ни музыки, без которой они жить не могли, ни голосов из классов слышно не было. «А ведь будет кому-то хорошей женой, – некстати подумалось про Ирину. – Внимательная, заботливая…»

Директриса сидела на диване, на котором Анохин спал и уже привык считать своим.

– Я знаю, где ваш студент, – сказала Лидия Степановна, не поднимаясь с места и отложив в сторону какую-то брошюру. – Если обещаете отозвать заявление участковому, сегодня же можете своего студента забрать.

Анохин пододвинул к себе стул и сел. Несколько секунд молчал, ощущая, как к ногам липнут холодные мокрые штанины. Наконец спросил:

– С ним всё в порядке?

– Могло быть хуже.

Облегчение и радость, окатившие Анохина, стали слабее, но не исчезли. Главное, нашёлся, жив, засранец!..

– Что вы имеете в виду – могло быть хуже?

– Увидите. Поехали.

Рядом со школой стояла «Газель», на которую Анохин в спешке не обратил внимания. Лидия Степановна села за руль, Анохин на сиденье рядом. В салоне за спиной был кто-то ещё, но в темноте не рассмотреть. «С телохранителем, что ли, ездит?..» Вряд ли это мог быть грузчик, с которым Лидия Степановна привозила на днях в магазин помидоры.

Выехали за село, какое-то время двигались по автостраде, затем свернули на просёлок.

– Куда всё-таки едем?

– На заимку.

– Мой студент там?

– Да.

– Почему?

Лидия Степановна не ответила. Слабый свет доски приборов освещал её замкнутое лицо, падал так, что особенно явственно был виден белёсый пух на

щеках. «Побрилась бы, что ли, – раздражённо подумал Анохин. – Кабаниха!». Властных женщин он недолюбливал.

Минут через пять езды по просёлку из темноты появился шлагбаум. Сидевший сзади человек выскочил из салона, повозившись с замком, сбросил цепь, соединявшую шлагбаум с основательным металлическим столбом, и отвёл полосатую трубу в сторону. Проделал он это быстро, ловко – чувствовалась выучка.

Вскоре, скользнув светом фар по приземистым строениям, остановились.

– Как он? – спросила Лидия Степановна у подошедшего мужчины. Из-за своей комплекции выбиралась из «Газели» она медленно.

– Немного пьёт, немного ругается, опять пьёт, – с акцентом сказал подошедший.

– Ключи забрал?

– Слушай, не хотел давать, да? Я говорю, хозяйка сказал, зачем не слушаешь, зачем руки, понимаешь…

– Забрал или нет?

– Забрал.

– Не выпускай его. Не понимает, это серьёзно. Если бы ещё свои, а то… Пошли, откроешь.

Двигались в темноте, Анохин несколько раз споткнулся. Впереди прыгал свет мощного фонаря. Наконец остановились у рубленого здания на отшибе. Встретивший «Газель» человек щёлкнул замком, открывая дверь. В лицо пахнуло затхлым духом холодной бани. Щёлкнул ещё один замок.

– Спите, абреки? Э. вставай, выходи – свобода, понимаешь!..

Зажёгся свет под потолком, с полков сауны, щурясь, стали подниматься ребята. Было их трое, вид у всех не из лучших. На лицах ссадины, у Димы Побочного под обоими глазами синяки. Охранник повернулся к Анохину:

– Слушай, только самооборона, да? Они воровать пришли, поросёнка такой смерть, э, страшно!.. Мы никого первый не трогаем, мы с местным населением…

– Потом расскажешь, – оборвала Лидия Степановна. – Парни, давайте за мной.

Когда возвращались к «Газели» мимо неказистого строения, напоминавшего сторожку, услышали громкий злобный голос:

– От винта, ишаки! Отвали, говорю!.. Я пашу, чтоб всякие пидоры меня грабили?! Порву всех!..

Из сторожки кто-то рвался наружу, дверь дёргалась, стучала – похоже, кричавший пытался открыть её, ему не давали. Голос был знаком. Серёга Дыбов.

– Кому сказал!.. Сговорились, суки! Я по-человечески не живу, пашу как проклятый, любому начальству жопу лижу, а эти!.. Задавлю козлов!

Лидия Степановна принялась торопить:

– Быстрее, быстрее! Он сейчас дурной, всё что угодно может сделать.

Анохин трусом не был, однако и он ускорил шаг. Дикое, звериное слышалось в криках Дыбова. Такой в самом деле мог натворить бед. Вот тебе и мнимый покойник, вот тебе и придурошный охотник на кроликов!..

Всю обратную дорогу молчали. Первыми высадили Баргадаева и Голошубова. У школы Лидия Степановна сказала Анохину:

– С утра подойдёте к участковому и заберёте заявление. Как договаривались.

– Посмотрим.

Лидия Степановна с нажимом повторила:

– Мы договаривались!..

На этот раз не ответил Анохин. Ох уж эти кабанихи!..

К тому же надо было сначала расспросить Побочного.

11

Никогда не знаешь, где встретишь бывших студентов. В школах выпускников их пединститута, с недавних пор носящего гордое название гуманитарного университета, было не так уж много. Узнающие взгля-

ды Анохин ловил в самых неожиданных местах: из-за толстого стекла отделения банка, в нефтедобывающих ЗАО, в которые приходилось обращаться за спонсорской помощью, в какой-нибудь из городских библиотек или в краеведческом музее.

Однажды на грудь ему бросилась кондуктор в автобусе: «Виктор Иванович, не узнаёте? Я у вас училась!.. Конечно, почти десять лет прошло, забыли. А я ваши лекции помню, была в вас влюблена. Надо же, ссыкуха, сразу после школы, в преподавателя влюбилась!..» И открытый смеющийся взгляд, уверенность молодой женщины, у которой всё хорошо.

Не все, конечно, вели себя так. Случалось, бывшие студенты при встрече старались не замечать. Может, потому, что не у всех учеба была связана с приятными воспоминаниями, а теперь появилась возможность продемонстрировать независимость. Или, быть может, институт и всё с ним связанное стало для этих людей прошлым, ненужным, тогда как жить следовало только настоящим и будущим. Анохин к такой реакции давно привык и относился к ней так же, как и к ностальгической радости. Хотя, конечно, второе было приятней. Помнят, благодарны. Его труд имеет не только денежный эквивалент, ежемесячно переводимый на карточку. Вернее – не столько.

О Вассине Анохин сначала услышал. Дежурившие на кухне студентки сообщили, что приходил какой-то человек, говорит, выпускник их университета. Обещал зайти вечером. И в самом деле, ближе к ужину на пороге учительской стоял крупный, с наметившимися залысинами мужчина лет тридцати и неуверенно улыбался.

– Виктор Иванович, разрешите?..

Вассина Анохин не помнил, разве что в уголке сознания брезжила необычная фамилия – с двумя «с», от «Васса». Да и сложно было узнать в этом матереющем мужике недавнего выпускника. Анохин отодвинул от себя полевые дневники.

– Заходите, конечно.

Мужчина ступил в учительскую.

– Днём я вас не застал…

– Так это были вы?.. Мне говорили. Присаживайтесь.

Мужчина взял стул, опустил на полированную столешницу сцепленные в замок руки. Волнуясь, тут же убрал их.

– Услышал про фольклорную экспедицию, думаю, хорошо бы пообщаться. Время учёбы в институте для меня… Ну, отечество нам Царское село… В смысле, по Пушкину….

Смешавшись, Вассин замолчал. Эта не идущая взрослому человеку робость располагала, вызывала к Вассину симпатию.

– Да вы не волнуйтесь, – сказал Анохин то, что говорил в подобных случаях на экзаменах. – Не волк же я, не съем.

Вассин улыбнулся. Улыбка тоже понравилась Анохину. Открытая, почти детская. Вассин рассказал, что живёт в соседней деревне, учитель местной девятилетки. Сначала работал в городе, преподавал язык и литературу, но пришлось переехать – в деревне им с женой дали жильё, есть приусадебный участок. А в городе нужно было снимать квартиру, что с учительской зарплатой и ребёнком делать непросто.

Плохо же в деревне то, что практически не с кем общаться. Конечно, интернет, электронная почта, форумы – всё это доступно даже здесь, но живого общения заменить не может. Коллеги, в основном, пожилые, пенсионного и предпенсионного возраста люди, их мало что интересует. Потому он так обрадовался, когда узнал, что в Михеевку приехала фольклорная экспедиция из института.

Вассин действительно истосковался по серьёзным разговорам, это стало ясно во время первой же встречи. Они просидели в учительской до темноты. И лишь когда раз в третий заглянувшая в учительскую Ирина напомнила про ужин, Вассин поднялся.

– Заболтал я вас, Виктор Иванович. Может, зайдёте в гости?.. Здесь недалеко, по трассе полчаса.

Вассины обитали в вагончике или, как говорят на севере, в балк*е*. Жильё, похоже, было временным, рядом стоял домишка с оголёнными стропилами и окнами без рам. Из него и появился Вассин с молотком в руках, когда Анохин на следующий день отыскал в ближней деревушке его усадьбу.

– Нашли, Виктор Иванович? Я же говорил, деревня небольшая, любой покажет. – Вассин повернул голову к вагончику: – Михаил, слышишь меня? Ко мне аллюром!

Из вагончика никто не показался.

– Решил вот заняться ремонтом. Пока дождёшься от администрации, лучше самому, так быстрее. Да и качественнее.

Анохин окинул взглядом участок. Теплица с просматривающимися за армированной плёнкой помидорами. Морковные, свекольные и капустные грядки. Картофельная ботва на задах… Всё ухоженное, не скажешь, что здесь живут вчерашние горожане.

Перехватив взгляд, Вассин не без самодовольства заметил:

– Обживаемся понемногу. К следующему лету, думаю, накопим на машину, без неё здесь нельзя. На подержанную, конечно. А пока дом отремонтирую, подпол приведу в порядок… К сентябрю, думаю, заселимся.

– Ремонт непростое дело. Опыт нужен. – Анохин отметил, насколько увереннее Вассин чувствует себя здесь, чем тогда, когда приходил в школу.

– Не боги горшки обжигают, Виктор Иванович! Главное, желание, а этого не занимать. – Вассин опять повернул лицо к вагончику. На этот раз позвал громче, строже: – Мишка, обормот, отлучу от компьютера! Слышишь меня?..

Наконец из вагончика показался мальчишка лет восьми, недовольно протянул:

– Чего?..

– Быстро за мамой! Скажи, Виктор Иванович пришёл. – И уже Анохину: – Обратная сторона прогресса. Вместо речки, леса, друзей – компьютер! Для того мы

в деревню перебрались, чтобы он от монитора не отлипал?..

Вассин вдруг оценивающе, с некоторым сомнением взглянул на Анохина.

– Виктор Иванович, не поможете шифер наверх забросить?.. Извините, что я с такой просьбой, надо дом накрыть, пока дождей нет. Жена теперь мне не помощница, а то бы не просил.

Жена Вассина и в самом деле была не помощница. Это выяснилось минут через десять, когда она появилась, закрыв на время деревенскую библиотеку, в которой работала. Женщине предстояло скоро рожать. Двигалась она осторожно, губы и нос, как у беременных бывает, припухли. Однако стол в вагончике Светлана накрыла быстро, вскоре Мишка пришёл звать обедать.

– Недавно читаю в интернете о Швеции: период великодержавия. Представляете, Виктор Иванович – великодержавия!.. Я и не знал, что у них такой период в истории был. А ведь в самом деле при Карле Двенадцатом вся восточная Европа перед Швецией трепетала. Да и центральная тоже. – Вассин размешивал в борще майонез, ему не терпелось продолжить разговоры, начатые в школе. – Или Австрия. Века не прошло, как стала маленькой и нейтральной, а до того империя, турок в Европу не пустила, с Наполеоном воевала… Света соврать не даст, она истфак окончила.

– Ты предложил бы Виктору Ивановичу… – Жена намекающе улыбалась припухшими губами.

Вассин хлопнул себя по лбу.

– В самом деле, Виктор Иванович! Я сам не очень, но на всякий случай держу. – Не поднимаясь с места, он потянулся к шкафчику, открыл створку. В тесном пространстве вагончика всё было под рукой. Вассин достал бутылку. – Или Турция. Сейчас только специалисты знают, что Порта тоже была империей, весь Ближний Восток подчинила, Египет… Будете?

Анохин также предвкушал разговор, который будет интересен не только Вассину. А тот, продолжая рассуждать, наполнил поданные женой рюмки.

Смысл рассуждений сводился к следующему. Кто может с уверенностью утверждать, что Россия тоже не прошла свой пик, своё великодержавие? Сначала небольшое княжество, прираставшее окрестными землями, потом подчинение Рязани, Твери и Великого Новгорода, выход на Волгу. А там уже и империя Петра и Екатерины II , при которой ни одна пушка в Европе не могла выстрелить без согласия России. И Советский Союз, та же империя, одна из главных сил в мире, особенно после Второй мировой. Наивысшая точка. Дальше – стремительно угасающая пассионарность, резкий спад, сумерки. Рим перед завоеванием варварами.

Конечно, мир теперь другой, вырезать население никто не станет, но насчёт национальной гордости говорить не приходится. Град обреченный. Нет идеи, крепящей нацию, нет стержня. Раньше стремились к коммунизму – какая-никакая, а идея. Не может быть идеей желание обогащаться. Слишком оно приземлённое, куцее, животное. Религия – на любителей, на бабушек и дедушек. Понимая это, власть нагнетает патриотизм. Вспомнили об обеих Отечественных, изгнание поляков Мининым и Пожарским. Осталось вспомнить про Олегов щит на вратах Царьграда и походы Святослава. Нынешнего-то ничего нет. Гордиться предлагается прежним, чужим, к чему отношения нынешняя Россия не имеет…

Во время монолога Вассин навалился локтями на стол. Лицо у него покраснело, беспокойные пальцы сжимались и разжимались, будто искали себе занятие.

Анохин с интересом посматривал на недавнего выпускника. Думает человек, размышляет, а это дано не каждому. Отрадно видеть, как из не отягощённых знаниями ребят что-то в итоге получается. Рассуждения Вассина были по-молодому запальчивы и просты, но это пройдёт. Главное, чтобы осталось желание думать, чтобы не заплыло жиром возрастного безразличия и самодовольства. Иначе прибавится ещё одна овца в послушном бездумном стаде.

– Я бы не стал посыпать голову пеплом. Рано нас хоронить, – сказал Анохин и пригубил рюмку. – Вывернемся, не первый раз. Как там у Толстого – образуется. Слишком мы большие, чтобы так запросто кануть в Лету. Да и почему всё сводить к военной силе? У России великая культура.

– А также в области балета мы впереди планеты всей!.. – подхватил Вассин.

– Женя, – вполголоса упрекнула жена.

Анохин улыбнулся.

– Всё нормально, Света. Каждый имеет право на собственную точку зрения.

Если что-то и могло его задеть, то никак не ёрничание захмелевшего Вассина. Это не раз приходило в голову и ему самому, но подобные мысли, высказанные другим, были отчего-то неприятны.

О том, что ему хотелось узнать, Анохин заговорил, когда после обеда занялись шифером. Он догадывался, каким скорее всего будет ответ – не для того люди перебираются в деревню, чтобы менять свою жизнь ещё кардинальней, – но всё же заметил как бы между прочим:

– Сейчас многие молодые уезжают. Учат язык, приживаются. Существуют государства, которые в подобном заинтересованы. Теперь это не преследуется, предателями эмигрантов никто не считает, как в Советском Союзе…

Вассин принял очередной волнистый шиферный лист, снял рабочие рукавицы и присел вверху у лаза на чердак. Были видны его голые щиколотки над поношенными кедами.

– Я думал об этом, Виктор Иванович. Кое-кто из знакомых уехал. Канада принимает, Австралия, Новая Зеландия – они экспансии юго-восточной Азии боятся. Ай кью у нас со Светой нормальные, проблем со здоровьем нет, семья перспективная. В общем – шансы есть.

– И?..

– Кому за границей нужны русские гуманитарии!.. – хмыкнул Вассин. – Опять же мы здесь родились, вы-

росли в этой культуре, будем всё время чувствовать себя за границей чужаками.

– Это уж как водится, первое поколение жертвенное. Уезжают ради детей.

– Это, конечно, так, но…

Вассин замолчал, принялся ковырять мозоль на ладони. Анохин подумал, что заговорил о слишком интимном, которое не обсуждается даже с преподавателем, пусть и уважаемым. Евгений неожиданно засмеялся, посмотрел в глаза.

– За державу обидно, Виктор Иванович!.. – Шутит он или говорит всерьёз, было не разобрать. – Россия ещё встанет на ноги. Я не верю, что всё необратимо.

– А как же Швеция, Австрия, Турция?.. Сам только что говорил.

– То они. У нас другое.

– Россия третий Рим и четвёртому не быти?..

– А хоть бы и так. – Вассин смотрел серьёзно. – Гибнут тогда, когда смиряются. Наш народ не такой. Мы ещё заставим с собой считаться.

«Твоими бы устами… – подумалось Анохину. – Но вот что удивительно. Почему для русского человека нет ничего важнее, чем величие государства? Потому, что устроить свою жизнь, как в Европе, не получается? Что это единственная отдушина для гордости и достоинства?.. Отчего мы ставим знак равенства между собой и государством? Тешимся его силой, влиянием? Они по определению преходящи, как всё вокруг».

Но говорить об этом сейчас не следовало. Всему своё время. Вассин сам должен задаться таким вопросом. Или не задаться – возможен и такой вариант.

На следующий день Анохин привёл с собой Побочного, Боброва и Дениса Малеева. Ребята согласились помочь – как-никак Вассин бывший студент их университета.

Интересно было смотреть, как парни сноровисто передвигались по верхотуре, будто всю жизнь только тем и занимались, что крыли крыши. На глазах серые прямоугольники шифера закрывали соединяющие

стропила доски. Анохин усмехнулся: ребята молодые, яйца свежие, так говорят в приобских деревнях, – всё на лету схватывают… Сам он отмерял на земле полосы идущего под шифер рубероида, подавал гвозди и другую необходимую мелочь.

– Хорошо в краю родном, пахнет хлебом… энд молоком! – выдал Димка, сидя на коньке крыши.

Бобров отозвался:

– Размер хромает, пиит!

– Под словом «молоко» подразумевается нечто иное, – по обыкновению меланхолично заметил Денис Малеев, загоняя в шифер специальный гвоздь с большой шляпкой.

Димка не унимался:

– Вышел в поле… – Он на секунду запнулся, переиначивая частушку. – Нет, так: влез на крышу, лёг поспать – далеко кругом видать!

– Эквилибрист, чтобы на крыше спать? И как это – спать и смотреть?

– Я на солнышке лежу, я на солнышко гляжу…

– Какой он эквилибрист – приколист!..

Вассин с усмешкой посматривал на студентов. Пацаны, резвятся… На Мишку, подошедшего слишком близко в дому, Вассин сверху прикрикнул:

– Михайло, у тебя что, с памятью плохо?.. Быстро к маме! Шифер может сорваться, соображай. – Похоже, в глазах студентов Вассину хотелось выглядеть серьёзным мужчиной, непререкаемым семейным авторитетом.

Мишка нехотя отошёл от дома. Весь день он норовил быть поближе к весёлым дядям, так не похожим на других взрослых. Он даже про компьютер забыл.

В Михеевку возвращались в сумерках. Пошли напрямик через светящиеся берёзовые колки и тёмные балки. В низинах густел остывающий вечерний воздух, крепко пахло травами. На небе проклёвывались влажные звёзды, было тихо, едва слышно гудела трасса.

Анохину вспомнился случай из детства. Почти такой же вечер, он в Ленинграде, уже темно, но мама домой не зовёт. На скамейке у подъезда рядом с ним

какой-то человек, они разговаривают. Лица человека Витя не видит, но голос спокойный, немолодой, добрый. Однако это не отчим и не дед Саша. Витя делится с человеком, лица которого не рассмотреть, своей мечтой. Ему надо найти кисточку, а лучше две, которые можно прицепить к ошейнику соседской собачки. Будет очень красиво. Человек рядом соглашается, да, красиво. Отчим и дед Саша посмеялись бы, а здесь полное понимание – и Витю заполняет благодарность к кому-то надёжному, большому и доброму рядом. Этот человек – а может, и не человек вовсе – дороже ему сейчас всех людей на свете. Роднее мамы, бабы Зои, деда…

Что это было, Анохин не знает. Того человека он больше не встречал. Или встречал, но не узнал. Волшебство сумерек? Прикосновение к вселенской душе? К безмерному пониманию и сочувствию? К Богу?..

– Виктор Иванович, а ведь мало что меняется, вы согласны? Так здесь было и сто лет назад, и двести. И потом так будет. – Голос Малеева прозвучал одиноко, тревожно. Похоже, студенту было не по себе.

Свою затерянность в тёмном просторе почувствовали и остальные. Побочный перестал всех подгонять, хотя его ждали какие-то дела в Михеевке. Шли молча, трава под ногами стала податливой, кроссовки были мокрые от росы. Гена Бобров, желая стряхнуть наваждение, громко, безапелляционно заявил:

– Сомневаюсь! Скоро и такие медвежьи углы подомнёт глобализация. Она, как танк – всё под себя подминает!

– Ага, подомнёт, – не согласился Малеев. – Только не здесь, вон сколько всего. В России есть места, где нога человека вообще не ступала.

– Ну и что? Я имею в виду единую всемирную цивилизацию. Прикинь, в Киевской Руси были древляне, дреговичи, уличи и тэ дэ. А в итоге культура полян стала главенствующей, все остальные подмяла под себя.

– Ладно тебе! – заговорил Побочный. – В амазонской сельве индейцы до сих пор ходят голые и охотят-

ся с луками. Какая на фиг глобализация! Тысяча лет должна пройти, больше разговоров!..

Ребята принялись спорить, забыв о тёмном просторе вокруг и своей неприкаянности в нём. Анохину опять подумалось о смывающем всё времени. В последние годы к нему всё чаще приходили мысли об этом – без особой на то причины, казалось бы.

Вот и теперь. Когда-то через эти берёзовые колки и балки проходили дикие монгольские воины, пахнущие конским потом, кострами и кровью. Ещё раньше, когда не было колков и балок, а на многие сотни и тысячи километров простирался другой ландшафт, прошли скифы и сарматы в звериных одеждах. Где они? На чём их след? Что оставили? Могильные курганы с истлевшим прахом, с остатками ломких волос на голых черепах?.. В глухих урманах обитали мелкие народцы, оттеснённые сильными соседями. Ездили на оленях, рыбачили и охотились, поклонялись лесным и речным божкам, воевали с такими же, как сами, гонимыми людьми, были счастливы и несчастны…

Череда племен и народов уходит во времена, о которых страшно думать и по сравнению с которыми твоя жизнь так ничтожна и вовсе необязательна.

12

Побочный чувствовал себя именинником. По крайней мере, так себя вёл. Когда, сопровождаемый Анохиным, он поднялся по ступенькам в школу, ещё в вестибюле поднял вверх руку, торжественно объявил:

– Оваций не надо! Друзья встречаются вновь, господа пристяжные заседатели!..

Его не смущали ни порванная одежда, ни синяки под глазами. Ребята и девчонки высыпали из классов, обступили Димку. Никто не спал.

– Ты где был?! Волнуйся тут из-за тебя!..

– Отоварили чела! Круто смотришься с фингалами, Димон! Типа, панда.

– Явление Христа народу.

– Дима, нельзя же так, в самом деле! Весь день тебя искали!..

Побочный опять поднял вверх руку, как римский оратор на форуме.

– Спокойно, господа пристяжные заседатели! За интервью с душераздирающими подробностями беру исключительно кэшем. Кто первый?

Анохин прекратил балаган:

– Пошли в учительскую.

– Какие родные со школы слова!..

– Кончай стёб.

В учительской он сел за стол, глазами показал на стул напротив.

– Рассказывай.

– О чём, Виктор Иванович?..

– Не придуривайся. Как попал на заимку? Что за поросёнок? Выкладывай.

– Так вы уже знаете.

– Хочу услышать от тебя. Ты всех подставил. Вы что, воровать к Дыбову полезли?

– Ну, не то, чтобы воровать…

Однако из последовавшего рассказа явствовало, что Побочный с деревенскими ребятами пошли именно воровать и были пойманы. Шашлыков обалдуям из молодой свинины захотелось. Поросёнка, чтобы не визжал, засунули в мешок с золой, там он задохнулся. Старый воровской приём, в интернете вычитали.

– Ты понимаешь, что вас могли изуродовать? Слышал, как Дыбов бесновался?.. Имеет право, он работал, а вы его пришли грабить. Маленький, не понимаешь?

– Так уж и работал. На него работали! Мы пришли прибавочную стоимость экспроприировать, она честной не бывает. Ваш Дыбов эксплуататор. – Побочный смотрел серьёзно, будто и не ёрничал только что.

– Понахватался. Жизнь себе хочешь испортить? Если твой подвиг дойдёт до ректора, не уверен, что смогу отстоять. – Анохин не ожидал такого ответа от легкомысленного, в общем-то, студента.

– И не надо! На университете свет клином не сошёлся.

Анохин задержал на Побочном взгляд. Говорит так, потому что молод, терять нечего и всё ещё достижимо?.. Что-то вроде зависти шевельнулось в душе.

– Ладно, завтра поговорим. Иди, приведи себя в порядок.

Не прошло и десяти минут, как в учительской появилась Ирина. Лицо у неё было озабоченное.

– Что будем делать, Виктор Иванович?

– Да уж что-нибудь будем...

Вариантов вырисовывалось два. Первый: сделать вид, что ничего особого не произошло, довести практику до конца и уехать, благо, осталось несколько дней. Вариант унизительный, но самый разумный. Вариант второй: засвидетельствовать у медиков побои и написать ещё одно заявление в полицию. Не зря Дыбова не хочет разбирательства, ребят можно было задержать, обойдясь без рукоприкладства.

По Ирининым глазам было заметно, что зашла она не только для того, чтобы задать свой вопрос. Имелась какая-то информация.

– К Димке пришли.

– Кто?

– Кажется, ребята, которые с ним были. Ну, эти, Баргадаев с Голошубовым.

– Зачем?

Аспирантка пожала худыми плечами.

– Где они?

– Во двор вышли… Виктор Иванович, как бы ещё чего не случилось!

– Да уж всё случилось, куда больше.

Вместе с аспиранткой он вышел на высокое крыльцо школы. Освещённый пятачок внизу лоснился лужами, никого вокруг видно не было. Анохин позвал в темноту:

– Дима!

Ответа не последовало. Анохин громко произнес:

– Я закрываю дверь.

– Совесть у тебя есть или нет?! – неожиданно взорвалась Ирина. – Что ты себе позволяешь, в конце концов!..

Анохин с интересом взглянул на неё. Не такая уж и расчётливая, в самом деле, переживает.

– Иду, иду, – послышалось из темноты.

Вскоре Побочный в самом деле появился. Подходя к крыльцу, оглянулся, махнул рукой двум неясным фигурам, направляющимся к школьным воротам. Сказал разбитным голосом:

– Поздравьте важную персону. Мне поступило предложение, от которого трудно отказаться.

– Что имеешь в виду?

– Дело сугубо конфиденциальное.

Димка ухмылялся. Два синяка под глазами действительно делали его похожим на панду. «Ещё выпендривается, засранец!» – недобро подумал Анохин.

На следующее утро в местном фельдшерско-акушерском пункте ему объяснили, что выдавать справки о телесных повреждениях не имеют права. Для этого нужно ехать в районную больницу. В словах заведующей ФАПом в тесном на бёдрах белом халате чувствовалась неискренность.

– Действительно, Виктор Иванович, стоит ли?.. Я претензий не имею, тоже не ангел.

Ещё в школе Побочный надел тёмные очки, синяков под глазами теперь видно не было. Он всячески демонстрировал своё нежелание куда-либо идти, тем более – ехать.

– Слава богу, понял!.. – бросил Анохин.

Объяснять, что дело не только в нём, не было желания. Почти всю ночь Анохин пролежал на своем диване с открытыми глазами, не выспался, и теперь всё вокруг казалось зыбким, ирреальным. К тому же не выходили из головы отрывки снов, в которые он изредка проваливался. Они беспокоили, казались предчувствием беды. Хотя с чего – Побочный всё-таки нашёлся, это было главным.

На автобусной остановке у здания сельской администрации толпились михеевцы. Из вместительных сумок на колесиках выглядывала сбрызнутая водой огородная зелень, отмытый до розового свечения ранний картофель, какие-то судки то ли со сметаной, то ли с

творогом. Люди направлялись в райцентр торговать. Все были по-утреннему деловиты, немногословны.

– Так это ты к помещику лазил? Досталось тебе?.. Судить помещика надо, в край обнаглел, чертяка!..

Анна Семёновна, та, что рассказала казахскую сказку, когда в первый день практики Анохин водил группу по селу. Старуха, похоже, тоже собралась в райцентр. Рядом с ней стояла девушка-подросток с прикрытым марлей ведром вишни – видимо, внучка. Чувствовалось, она стесняется ведра, марли, бесцеремонности Анны Семёновны, городских людей Анохина и Димку, которые всё это видят.

– Ну-ка сними очки, дай посмотреть… Это ты тогда у меня коряги колол? Зятья не смогли, а тебе поддались – сила есть, выходит! Чего ж не оборонился?..

Снять с себя очки Побочный не дал, резко отвёл голову. Это старуху не смутило.

– Точно говорю, судить помещика надо! Чего, управы на него нет, что ли? Сам дурак, ещё чёрных в охрану набрал. Это они тебя?

Люди на остановке повернули головы, прислушивались. Однако чувствовалось, вчерашнее событие новостью ни для кого уже не было. Понимая, насколько это мелко и несолидно, Анохин тем не менее сказал:

– Что же вы сами Дыбова к порядку не призовёте, Анна Семёновна? Стреляет, его кролики вам покоя не дают, урожай на огороде уничтожают, а вы терпите.

– Я-то? А чего я? Не одна на селе живу, другие тоже есть, кому помещик гадит. Не сосчитать, пальцев не хватит!.. – быстро отозвалась, будто только и ждала этих слов, старуха.

Анохин не слушал её:

– А знаете, почему молчите и терпите? Хотите, чтобы кто-то за вас сделал. Илью Муромца с Добрыней Никитичем ждёте. На чужом горбу в рай хотите въехать.

Может, он и сдержался бы – нашёл кого попрекать! – но беспокойная ночь, томящее ожидание чего-то недоброго сказывались. От более резких слов

удерживала девушка-подросток. Та от стыда за происходящее пошла пятнами, была готова провалиться сквозь землю.

– Я не молчу, я всё говорю, он знает!.. Сам слышал, когда приходил ко мне с ребятами. Разве я молчала? Ага, дождётся! Не так, что ли?

– Знает… – ворчливо повторил Анохин, слыша свой голос будто со стороны и удивляясь себе. – Вы в суд подайте, а то одни разговоры. У нашего народа всегда так, весь пар в свисток.

– Дак сосед! Какой-никакой, а сосед! – Старуха, пристально глядя на Анохина, подалась вперёд, язвительно покачала головой. – Попрекать все горазды! А ты на моё место встань, сразу по-другому заговоришь. Не так, что ли?.. Много учителей на нашу голову!

Подошёл автобус, все ринулись штурмовать его. В том числе и Анна Семёновна, сразу позабыв об Анохине.

В райцентровской поликлинике Димка сделал ещё одну попытку:

– Зря вы всё это, Виктор Иванович. Можно и так уладить, честное слово.

– Ты договаривай, договаривай. Что вчера Баргадаев с Голошубовым тебе сказали? Тайна мадридского двора?

Побочный отвёл взгляд.

– Да так… Я тоже не ангел.

– Это я слышал. Шантажировали?

– Им зачем шантажировать, сами в таком положении.

– Тогда что? В качестве парламентариев от Дыбовых?

Димка хмыкнул и не ответил.

В Михеевку вернулись после обеда. И сразу Анохин направился к дому участкового. Оставлять так дело он не собирался, хотя это было и неразумно.

По общей неухоженности ещё издали можно было понять, что жилплощадь у полицейского служебная. Калитка держалась на одной петле, окна, пегие от шелушащейся краски, давно требовали покраски. Вход под

навес, который заменял гараж, был затянут большим куском промасленного дарнита.

«Этот тоже в Михеевке не задержится, – подумалось об участковом. – Иначе бы привёл в порядок.

– Будь готова ко всему! Надо уметь за себя постоять. Жизнь тётка суровая!.. – услышал Анохин одышливый голос из-за забора.

Забор был высокий, но, как дом и всё вокруг, нуждался в починке. Тёмный от времени, в продольных сквозных трещинах, ломкий от старости. За забором что-то происходило.

– Блок! Плотнее!.. Теперь меня. Сильней, говорю! Ещё раз!.. Это не удар, это фигня. Смотри!

Анохин остановился. Сквозь трещины было видно какое-то мельтешение, непонятное движение. – Никто тебе в жизни не поможет, поняла? На себя одну рассчитывай!.. Сюда бей, самое уязвимое место. Ещё!.. Ты одна в мире, поняла? Жизнь штука сволочная, это я тебе говорю!..

Одышливый голос принадлежал участковому. На этот раз полицейский не подражал крутым сыскарям из сериалов. Всё произносилось серьёзно, почти с надрывом. «Поворот, однако! Неуверенный человек. Боится», – подумал Анохин. Самим собой полицейский был сейчас, остальное – мимикрия. Так надувается, взъерошив перья, воробей, стараясь испугать врага.

– Здравствуйте, – сказал он, открывая скособоченную калитку. Крайняя штакетина бороздила землю. – Извините, что дома беспокою.

В углу двора, расставив локти и слегка присев на согнутых ногах, стояли друг напротив друга участковый и девочка лет семи. Оба были босиком и в кимоно.

– Слушаю. – Оглянувшись, участковый выпрямился и расслабленно опустил руки. – Вы заявление принесли, я правильно понимаю?.. Аля, давай ведро.

И уже сняв куртку из плотного материала и фыркая под водой, он с паузами заговорил:

– Только в обед могу выкроить время… Это со сто-

роны кажется, в полиции не работа, а синекура… В любое время суток… Думаете, у меня одна Михеевка – все деревни вокруг!.. На спину, доча, на спину! Ага, так…

Ополоснувшись, участковый взял у девочки полотенце и принялся растирать дородное тело. Он на глазах превращался в сыскаря из телесериала, и лишь опустившиеся мокрые брови делали лицо несчастным, как у Пьеро.

– Довожу до вашего сведения, на Дмитрия Побочного поступило заявление от гражданина Дыбова. Он обвиняется в незаконном проникновении на территорию крестьянско-фермерского хозяйства с целью воровства. А так же в нанесении материального ущерба в виде садистского убийства элитного животного. Я обязан с вашего студента снять показания.

Чего-то подобного Анохин ожидал – ответ Лидии Степановны на его отказ забрать заявление. Деревенские ребята затем, видимо, вчера и приходили, чтобы предупредить. Их-то родители наверняка свои заявления забрали, не захотели связываться с Дыбовыми.

– Я знаю, вы ездили в район снимать побои. Я обязан принять от вас заявление тоже, но советую не торопиться. Анатолий Григорьевич просил вас зайти. Думаю, вопрос можно решить, не возбуждая уголовного дела. Так будет лучше для всех.

На участкового было любо-дорого смотреть. Государственные уверенность и солидность. Будто и не он несколько минут назад заклинал дочь никому и ничему не верить, быть к жизни в круговой обороне.

«Акакий Акакиевич! Метаморфозы маленького человека, – подумалось Анохину. – Стоит только прибиться к власти».

13

Отчего на душе с самого утра тревожно, стало ясно по дороге в администрацию. История с Побочным лишь одна из причин. Тревога – невразумительная, томящая – была вызвана снами. Приснившееся ночью

заставляло сжиматься в груди. Весь день Анохину стоило труда не показывать своего состояния. Удавалось не всегда, оттого, наверно, и сорвался на безобидную Анну Семёновну на остановке.

За недолгие минуты дрёмы ему представлялось разное, но одинаково тревожное. То огромный заброшенный цех с пустынными пролётами – из тех, что показывают в американских триллерах. От оголённой арматуры балок и разбитых ячеистых окон исходила угроза. То Анохину являлась баба Зоя, что-то неясное бормотала, раскачивалась на табуретке посреди их деревенского дома. Багровый закат за окном, неприбранные волосы, баба Зоя морщит свой нос уточкой, торопливо проводит по углам рта тёмными от работы пальцами. И отчуждение, полное безразличие к нему, маленькому Вите, испуганно смотрящему на неё. Но тревожней всего был старый сон со шкатулкой. Анохин упорно пытается открыть её, цепляет крышку пальцами, ломает ногти. Вставляет в щель между крышкой и стенкой нож, поворачивает рукоятку, явственно чувствуя, как напрягается кисть. Но ничего не получается, шкатулка не поддаётся. А когда крышка наконец открывается и Анохин пытается заглянуть внутрь, из шкатулки раздается злобное ворчание, высовывается поросшая волосами рука и захлопывает крышку. Морозный ветер по телу, ужас леденит душу, стягивает кожу на голове. Вынырнув из сна, Анохин, как и в прежние разы, чувствовал пальцами шершавую поверхность шкатулки.

Он не очень верил в сигналы подсознания. Считал, в этом много надуманного, спекуляций – людям нравится мистика, тайны, нравится чего-то бояться. Но сердце ударило, когда по дороге в администрацию заиграл мобильник, и на дисплее высветилось имя жены. Неизвестно отчего сразу поняв: о н о! – Анохин сказал севшим голосом:

– Да, Люда?

Жена молчала.

– Говори! Почему молчишь?!. – закричал Анохин, не в силах сдержать себя. – Настя? С Настей?..

– Витя, ты нужен дома.

– Что с Настей? Говори!

– Она в больнице, – после паузы сказала жена. – Она хочет видеть тебя.

– Что случилось?!

Жена опять замолчала.

– Ну?!

– Передозировка.

– Выезжаю, – бросил Анохин и отключил мобильник.

«Я же говорил, я говорил!..» Но что он говорил, от чего домашних предостерегал, он и сам сейчас не мог бы сказать.

Анохин позвонил Ирине и Боброву, они после обеда опять пошли с группами по Михеевке, приказал возвращаться. Срочно уезжаем. История с Побочным казалась теперь ничтожной, не стоящей внимания. Хотя с ней следовало определиться в первую очередь.

– Судиться будешь? – спросил глава сельской администрации, откладывая «Российскую газету». Он находился в своём кабинете, сидел под анодированным двуглавым орлом на стене. Смотрел Анатолий Григорьевич прищурившись.– Скажи, оно тебе надо?.. Парня твоего побили, согласен, но он сам полез куда не следует. Участковый говорит, заявление поступило от помещика. В смысле, Дыбова.

Это «ты», снисходительный тон… В другое время Анохин резко ответил бы, поставил Анатолия Григорьевича на место. Но сейчас следовало держать себя в руках. Не до амбиций.

– Ладно, предположим, суд. Чем закончится, это еще вилами на воде, – неспешно, с ленцой говорил глава. Он свинтил крышку с полупустой пластиковой бутылки, налил в стакан минералки и выпил жадными глотками. – Ты грамотный человек, в университете работаешь, должен понимать установки, которые на сегодняшний день существуют. Мы чего строим? Капитализм. А это частная собственность, приоритет закона – её защита. Ну, поставили твоему парню пару фин-

галов, так суд на это не посмотрит. Людей вон убивают, и то дают условные срока. Телевизор смотришь, должен знать. Опять же от вас не наездишься – судить-то здесь будут, согласен? А то и вообще твоего студента стразу под стражу возьмут. А что, запросто, Дыбова в районе уважают, в авторитете человек...

Анохин в конце концов не выдержал, подался вперед:

– Хорош тюльку гнать, понял?! – Он сам от себя таких слов не ожидал, выскочило откуда-то из пассивного запаса. – Слушай сюда внимательно! Вот командировка, отмечай сегодняшним числом – и ты меня не знаешь, я тебя не знаю. А это возьми, делайте со своими Дыбовыми, что хотите! – Анохин бросил на стол справку из городской поликлиники и постучал по столешнице костяшками пальцев. – Я своё заявление отзываю, но смотри, в случае чего ответишь! Лично ты, усёк? Развёл здесь, понимаешь!..

Анатолий Григорьевич несколько секунд молчал, смотрел удивлённо. Он тоже не ожидал от Анохина такого.

– Не понял.

– Поймёшь! Думаешь, выше тебя и помещика никого нет?.. Разрешение у гастарбайтеров на работу есть? Зэчки публичный дом в селе устроили, Дыбов толком не платит, на кусок хлеба женщины проституцией зарабатывают. А ты покрываешь!.. – Анохин ткнул пальцем в бутылку с минералкой. – Сушняк давит? Хачики тебя прикормили, за сто граммов своих с потрохами сдаёшь!..

Было не до самоиронии, но в голове всё же мелькнуло: «Не тем я в жизни занимаюсь, не тем!.. Шантаж моё призвание» На минуту, но это отвлекало от мыслей о дочери.

– Стоп! – Он потянулся к столу и выхватил справку. – У меня будет. На всякий случай!..

Блеф тоже бывает нужен. Если благородней – смелость города берёт. С волками жить…

О причине скоропалительного отъезда Анохин сказал только Ирине. И то лишь:

– Семейные обстоятельства.

Аспирантка допытываться не стала, только сочувственно взглянула и принялась подгонять студентов. Если быстро собраться, можно было успеть на последний автобус. Как получится дальше – неизвестно. Лето, с билетами на поезд сложно. А те, что были куплены дома заранее, придётся сдать.

Встречаться с Лидией Степановной не хотелось, отнести ключи от школы Анохин попросил Ирину. Директор, похоже, тоже не горела желанием встречаться, принимать школу не пришла.

– Может, вам лучше на самолёте?.. – предложила Ирина уже в здании вокзала, когда стало ясно, что билетов на ближайшие поезда нет и не предвидится. – Я бы ребят сама как-то довезла.

Анохин тоже об этом подумывал, но оставлять студентов было нельзя. Димка Побочный, не снимая тёмных очков, уже знакомился с какими-то быстроглазыми персонажами. Опять ищет приключение на свою задницу, раздражённо подумалось Анохину.

Но всё это вскользь. «Настя, родная моя, милая, ну что же ты так?! Зачем?!. – Это было главное, оно шло глубинным тёмным током, ни на секунду не оставляло, что бы Анохин теперь ни делал, о чём бы торопливо ни думал. – Я без тебя жить не смогу, не оставляй меня! Пусть лучше со мной что-нибудь! Умоляю, на коленях перед тобой стою!..»

– Могу чем-то помочь, Виктор Иванович?

Анохин не сразу понял, что это Вассин. Лицо у того было озабоченно нахмуренное.

– Вы почему здесь, Женя?..

– Стреляли, – попробовал отшутиться Вассин цитатой из старого фильма. – Хотел повидаться с вами, а мне говорят, уехали. Какие-то проблемы.

– Билетов не можем купить, вот главная проблема.

– Анохин Вассину тоже не хотел ни о чём рассказывать.

Бывший студент подумал.

– Есть вариант. На «газели» поедете?.. У меня знако-

мый извозом занимается. Думаю, вы все в его «газели» поместитесь.

Вассин стал звонить, всё сложилось удачно, знакомый оказался не занят и машина на ходу. Через полчаса уже ехали. «Жаль, толком не попрощались. Славный парень», – подумал Анохин. Но о Вассине и обо всём, связанном с этим человеком, думалось тоже вскользь, невнимательно.

Это была самая длинная ночь в его жизни. Рассеянные конусы света впереди, встречные машины, которых после десяти часов становилось на трассе всё меньше, томительное гудение мотора. Студенты в салоне сначала разговаривали и смеялись, потом притихли, к полуночи задремали. «Счастливые, – прошло краем сознания. И опять: – Настенька, девочка моя, солнышко! Возьми мою жизнь, мне ничего без тебя не нужно, только живи! Прошу тебя, на коленях стою, ноги твои милые целую, каждый пальчик. Не оставляй нас с мамой, пожалей! Всё наладится, ты молодая, многие ошибаются в таком возрасте, это поправимо. Я не смогу без тебя, я умру, если ты умрёшь! Твой мапа тебя просит, пожалей, не оставляй!..»

Не казалось странным, что по-настоящему темно так и не стало. А после часа ночи впереди справа небо уже разгоралось.

Белые ночи. Ехали на север.

14

В Туапсе им не понравилось, решили перебраться в соседний Агой, где когда-то отдыхали дикарями. Но и здесь многое изменилось, море стало не таким чистым, на мелководье уже нельзя было увидеть рыбёшек с забавным названием «барабульки».

Занятая прежде огородами лощина, в которой, говорили, во время войны базировалась эскадрилья И-16, были застроена дорогими коттеджами. Сосны по краям лощины тоже оказались за высокими заборами из дорогого красного кирпича. Место, где когда-то стояли их палатки дикарей, теперь нельзя было даже угадать.

«Неужели не мешали лётчикам?.. – расслабленно думал Анохин о соснах. Он часто лежал на горячих плоских камнях, которых на пляже было множество, выгревал свой северный бронхит. – А, да, столько лет после войны… Выросли».

Иногда он открывал глаза и смотрел в сторону навеса, в рейчатой тени которого ела персики и читала книгу жена. Неподалёку молодёжь играла в волейбол, слышны были крики и удары по мячу. Анохин находил глазами Настю, смотрел на неё. Слава богу, обошлось. Думать о том, что будет дальше, не хотелось, наркотики штука прилипчивая. Людмиле нужно будет оставить работу и увезти Настю в Башкирию, там жили её родители. Места не такие привлекательные для торговцев дурью, как их богатый северный город.

Вечерами они выходили гулять, Настю от себя не отпускали. Та этим тяготилась. «Мапа, меня на дискотеку приглашали, там ничего такого…» Отвечала жена: «У тебя ещё поворачивается язык?» Как-то душной южной ночью Людмила прошептала: «Может, замуж её выдать? Видел, какая она уже… Отвлечёт». Они лежали после тихого, украдкой секса – спали в одной комнате с дочерью, – за стеной храпела семья хозяина армянина. Анохин промолчал. Слова жены были не такими уж и дикими.

После случая с Настей многое выглядело иначе. Ненужным, далёким стало казаться его недавнее острое желание побывать на родине бабы Зои, мысли о русском человеке. «Блажь, интеллигентские заморочки. Это пока жареный петух не клюнет». Лёжа на пляже, гуляя вечерами по Агою, распивая во дворе с хозяином тутовую самогонку (армянин всё жаловался, что отобрали под коттеджи его участок в лощине), Анохин ловил себя на том, что ему было предупреждение. И не раз. То ли ящик, то ли ларец из сна, который он пытается открыть, ломает ногти, но так в него и не может заглянуть. И не случайно с утробным ворчанием из ящика появляется рука и захлопывает крышку обратно.

Кто он такой, чтобы судить о русском народе и рус-

ской цивилизации? Великие умы она ставила в тупик. Разве не об этом слова Тютчева? А Чаадаев? А «Путешествие из Петербурга в Москву», которого стали стесняться?.. Почти вся классическая литература об этом. Нельзя ему быть таким самонадеянным. Хорошо ещё, с Настей закончилось более или менее благополучно. По крайней мере, пока. Предупреждения надо слышать.

Домой ехали на поезде, Людмила боялась летать. За окном богатый юг, переходящие одно в другое людные селения, бесконечные поля и лесополосы. На следующее утро многое уже было другим, южный праздник сошёл на нет. Двухэтажные особняки встречались лишь вблизи крупных городов. «Хорошо-то как в России! Слава богу, кончилась жара!..» – Людмила с Настей стояли у приспущенного окна, дышали полной грудью.

Попутчики часто менялись. В одном с ними купе ехал в областной центр пенсионер с жалобой на суд, не принимающий заявление на управляющую компанию. «Голимое жульё! – Дедок энергично рубил ладонью воздух. – Обирают только так, а им поддержка, понимаешь!..» За Саратовом в вагон ввалились громкоголосые подростки, участники смотра военной песни. Стало суматошно и шумно, руководитель извинялась, заглядывая в купе и прикладывая руку к груди. В предместье большого города на Урале обогнали олимпийскую эстафету. По асфальту рядом с железнодорожными путями трусили несколько человек с олимпийским факелом. Добротные спортивные костюмы, цвета российского флага, солидный эскорт из лоснящихся полировкой иномарок. «Ох уж эти потёмкинские деревни!..» – хмыкнула Людмила, взглянув на мужа. «Не поняла», – отозвалась Настя. «И не надо тебе».

На одной из остановок не разрешили выходить из вагона, проводница просила отойти от окон. Анохин не отошёл, смотрел на озабоченных людей у противоположной стороны платформы. Там что-то собирали с путей, складывали в темные пластиковые мешки. «Жуть, сам голову под колёса сунул!.. Под платформой сидел, электричку ждал», – пробормотала поднявша-

яся в вагон проводница. «Совсем с ума народ съехал, – тоже вполголоса отозвалась напарница. – Никогда не было, чтобы голову».

Анохин вернулся в купе, на вопрос жены, что случилось, пожал плечами. Несчастный случай. Однако всю оставшуюся до дома дорогу, а потом и позже думал о неизвестном самоубийце, о богатом юге и серых деревеньках, о том, что увидел на родине бабы Зои и о многом другом. Мысли были навязчивые, не отделаться.

И уже не так был уверен, что сон с ларцом был ему предупреждением. Может, простое совпадение. Мало ли что может присниться. Не всяко лыко в строку.

2010 –2014

Основные публикации вошедших во второй том произведений

«Поселковый сумасшедший Айтышев». – Впервые в журнале «Урал» (2013 г., №5). Альманах «Врата Сибири». Расширенный вариант под названием «Межсезонье» в журнале «Наш современник».

«Снохач Бусыгин». – Впервые в альманахе «Эринтур» (2002 г.). Журналы «Сибирские огни» , «Роман-газета», авторские сборники .

«Варианты Надежды Вилоровны». – Впервые в альманахе «Эринтур» (2003 г.). Журнал «Мир Севера», авторские сборники. Под названием «Классика жанра» в альманахе «Врата Сибири».

«Затмение». – Впервые в альманахе «Эринтур» (2000 г.). Журнал «Роман-газета», авторские сборники.

«Страсти по Василию». – Впервые в альманахе «Эринтур» (2005 г.). Альманах «Чаша круговая», авторские сборники.

«Игорь Турчин». – Впервые в авторском сборнике избранной прозы «Ускользающее время» (Екатеринбург, «Баско». 2005 г.).

«По материнской линии». – Впервые в альманахе «Эринтур» (2014 г.). Журнал «Урал».

СОДЕРЖАНИЕ

Поселковый сумасшедший Айтышев.....3
Снохач Бусыгин.....57
Варианты Надежды Вилоровны.....124
Затмение.....189
Страсти по Василию.....240
Игорь Турчин.....298
По материнской линии.....412

Литературно-художественное издание

Луцкий Сергей Артёмович

ИЗБРАННАЯ ПРОЗА

Том второй

Компьютерная верстка: Михайлова А. А.
Корректор: Ясинская Е. Л.

Подписано в печать 28.09.2015 г.
Формат 84x108/32. Бумага офсетная 80 г/м².
Гарнитура Minion Pro. Заказ № 1519. Тираж 500 экз.

Отпечатано в ООО «ТД «Азия-Принт»
650004, г. Кемерово, ул. Сибирская, 35 а, тел. (3842) 35-21-19

172552016
Государственная библиотека Югры